

ЛЕОНИД НАУМОВ

**«Кровавый
карлик»
против
Вождя народов**

Заговор Ежова

**СТАЛИНСКИЙ
РЕНЕССАНС**

И. Галин.

Леонид Наумов

**«Кровавый карлик»
против Вождя народов.
Заговор Ежова**

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2009

ББК 63.3(2)622
Н 28

Оформление серии художника *П. Волкова*

Наумов Л. А.

Н 28 «Кровавый карлик» против Вождя народов. Заговор Ежова / Леонид Наумов. — М.: Яуза; Эксмо, 2009. — 448 с. — (Сталинский ренессанс).

ISBN 978-5-699-29976-8

В 1937—1938 гг. советская пресса славил его как «сталинского наркома», «почетного чекиста» и «чудесного, нестигаемого большевика».

Год спустя он был казнен как заговорщик и враг народа.

В народной памяти Генеральный комиссар государственной безопасности Николай Ежов остался «кровавым карликом», палачом и извращенцем.

Но в чем была подлинная причина его расстрела и разгрома «ежовщины»? Зачем Сталину понадобилось второй раз за два года чистить «органы»? Существовал ли в недрах НКВД реальный антисталинский заговор? И почему при Ежове в различных регионах СССР репрессии проводились с разной степенью интенсивности — руководители одних областей ограничивались выполнением приказов Сталина, а в других проявляли «инициативу», увеличивая количество репрессированных в 10 и больше раз? Был ли Ежов покорным проводником воли Вождя или попытался начать собственную игру в борьбе за власть?

Новая книга ведущего исследователя эпохи «Большого террора» проливает свет на все эти вопросы, разгадывая одну из главных тайн советской истории.

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-699-29976-8

© Наумов Л.А., 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

*Памяти моих деда и бабушки,
советских разведчиков Наума
(Сары Наумовых)*

О ЧЕМ СПОРЯТ ИСТОРИКИ (Вместо вступления)

Историки, изучающие советскую эпоху, не могут пройти мимо «загадки 1937 года». За два года в стране было уничтожено почти 682 тыс. человек, в местах лишения свободы оказалось почти полтора миллиона заключенных. Если в 1929—1936 гг. среднее число расстрелянных по политическим статьям в год составляет несколько тысяч, то в 1937-м — 353 074, а в 1938-м — 328 618. Затем, в 1939 г., количество расстрелянных снова возвращается к «средним цифрам» первой половины 30-х годов. Эта кривая расстрелов происходит на фоне плавного роста числа заключенных ГУЛАГа.

Неизбежно возникает вопрос: в чем причины такого скачка массовых расстрелов именно в эти два года? Более того, почему репрессии происходят спустя 20 лет после революции, в условиях относительной политической стабильности? Понятны причины «красного террора» в годы Гражданской войны, понятны причины расстрелов и ссылок в период коллективизации. И в том и в другом случае в стране происходит острейший социально-политический конфликт, сопровождающийся перераспределением собственности. Но во второй половине 30-х нет столь же заметных социальных конфликтов, для решения которых необходимо было применить столь масштабное насилие.

Историография событий второй половины 30-х гг. насчитывает сотни работ. Вместе с тем основных концепций всего несколько. С самого начала хочу оговориться, что историографический обзор построен на анализе концепций, за которыми стоит определенная традиция интерпретации событий второй половины 30-х.

Историки советского периода при интерпретации событий пытаются опереться на несколько концепций.

Первая попытка теоретически осмыслить события 30-х гг. была предпринята **в рамках марксистского метода**. Наиболее развернуто этот подход был сформулирован Л.Д. Троцким в «Преданной революции».

Историческое исследование, основанное на этой концепции, представлено И. Дойчером. Важнейшие причины становления сталинизма у И. Дойчера совпадают с анализом Троцкого в книге «Преданная революция». Это слабость российского рабочего класса, который не смог стать ни широкой и стабильной социальной базой советской власти, ни источником руководящих кадров для большевистской партии, и влияние материальной отсталости на социалистическое строительство. **Сочетание слабости рабочего класса и отсталости, по мнению Троцкого, стало основой бюрократизации советского государства и вырождения революции.**

Сталинизм, писал И. Дойчер, был прежде всего продуктом изоляции русского большевизма в капиталистическом мире и взаимной ассимиляции изолированной революции и российских традиций. Он оценивал сталинский режим с его культом, автократией, дисциплиной и ритуалом как политическую надстройку, воздвигнутую на базе примитивного первоначального социалистического накопления [69].

В России **марксистская интерпретация** представлена работами В.З. Роговина. Исследователь считает, что сталинский террор **выражал интересы бюрократии и был направлен на лишение народа завоеваний Октября**. Политический смысл и политические результаты великой чистки уже в конце 30-х годов были адекватно оценены наиболее серьезными западными аналитиками. В докладе английского Королевского института внешних сношений, опубликованном в марте 1939 года, говорилось: «Внутреннее развитие России направляется к образованию «буржуазии» директоров и чиновников, которые обладают достаточными привилегиями, чтобы быть в высшей степени довольными статус-кво... В различных чистках можно усмотреть прием, при помощи которого искореняются все те, которые желают изменить нынешнее положение дел» [91, с. 11].

В интерпретации событий исследователь широко использует оценки Л.Д. Троцкого. С его точки зрения, «пра-

вящая бюрократия развязала ряд малых гражданских войн против коммунистической оппозиции, переросших в большой террор 1936—1938 годов». С его точки зрения, по сути, это «белогвардейский... террор... уничтоживший намного больше коммунистов, чем это сделали даже фашистские режимы в Германии и Италии, реализовался в специфической и не предвиденной марксистами политической форме: он осуществлялся изнутри большевистской партии, ее именем и руками ее руководителей» [91, с. 10].

По мнению Роговина, террор направлен против тех слов бюрократии, которые сохраняли остатки верности коммунистическим идеалам. «Зверское очищение правящего слоя от инородных элементов, т.е. тех людей, в сознании которых сохранилась верность традициям большевизма, имело своим следствием все больший разрыв между бюрократией и массами» [91, с. 10].

Иными словами, суть концепции Роговина в попытке описать события как разрыв режима Сталина с революционным прошлым, в конфликте между диктатурой и старыми большевиками. Свою точку зрения он обосновывает анализом выступлений членов ЦК на февральско-мартовском 1937 года пленуме, рассказами Орлова и Кривицкого о конфликте Сталина с «ленинской гвардией». Попыткой уничтожить силы, несущие «традиции Октября», он считает дело Тухачевского.

Роговин согласен, что «великая чистка на первый взгляд представляется пароксизмом бессмысленного иррационального насилия. Даже многие серьезные исследователи сводят ее политическую функцию исключительно к устрашению народа и тем самым — к предупреждению всякого сопротивления господствующему режиму. Такая концепция, сохраняя многочисленные белые пятна в истории советского общества, сводит сложную и противоречивую картину исторических событий к упрощенной схеме: всемогущий Сталин, всецело подчинившаяся ему партия и рабски бессловесный народ». По сути, он пытается опровергнуть представление о том, что Сталин — единственный субъект политической истории СССР во второй половине 30-х.

С точки зрения Роговина, сталинский террор был по-

пыткой нанести удар по тем силам в партии, которые пытались реально сопротивляться диктатуре: «ежовщина» была превентивной Гражданской войной против большевиков-ленинцев, боровшихся за сохранение и упрочение завоеваний Октябрьской революции [91, с. 18]. В качестве доказательств изложенной точки зрения он приводит факты сопротивления троцкистов в оппозиции, героическую борьбу троцкистов в тюрьмах, попытку Пятницкого организовать сопротивление террору на июньском пленуме.

Наблюдения о политическом смысле чистки приводят Роговина к поиску социального смысла трагедии. «Такое масштабное явление, как великая чистка, не могло не иметь своей социальной базы — в виде групп населения, кровно заинтересованных в массовых репрессиях». Эту социальную базу он обнаруживает в слое сталинских выдвиженцев и великую чистку 1936—1938 годов называет сталинской «кадровой революцией».

Работы Роговина и до сего дня представляют собой наиболее подробное описание политической жизни в СССР в 30-х. Вместе с тем концепция Роговина не свободна от недостатков.

Как будет показано ниже, невозможно объяснить репрессии против коммунистов стремлением избавиться от «старых большевиков». Как известно, на XVII съезде избрали 71 член ЦК ВКП(б) и 68 кандидатов¹. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде, в 1936—1940 годах было репрессировано подавляющее большинство — 101 человек. Естественно, возникает ряд вопросов: чем отличается меньшинство от большинства и как меньшинство могло уничтожить большинство? И кто, собственно, старые большевики?

В действительности средний год рождения репрессированных членов ЦК — 1893 г., в партию они вступили в 1911-м, а в состав руководящих органов партии вошли в 1927-м. Конечно, эта цифра средняя, она включает в себя и Рыкова (1881 года рождения, в РСДРП с 1898 г., в ЦК — с

¹ Умерли своей смертью Куйбышев В.В., Косиор И.В., Орджоникидзе Г.К., Товстуха И.П., Штейнгарт А.М., убит Киров С.М.

1905 г.), и Косарева (1903 года рождения, в партии с 1919 г., в ЦК — с 1930 г.). Для сравнения: средний год рождения выживших членов ЦК — 1893 год, средний год вступления в партию — 1907-й, а средний год вступления в ЦК — 1925-й. Эта средняя цифра включает в себя и Сталина, и Берию (1899 года рождения, в партии с 1917 г., в ЦК — с 1934 г.). Для всех, кто знаком с историей партии, понятно, что такое четыре года в партстаже — до или после кризиса РСДРП в 1908—1911 гг. и что означает два года в ЦК — до или после разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции. Логичнее было бы предположить, что выжившие будут моложе по политическому стажу, но все наоборот. Вместе с тем принципиальной разницы нет. Достаточно вспомнить, чем отличается ЦК 1934 года от ЦК 1939 года [74, с. 159].

Хочется обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Из 101 репрессированного члена и кандидата в члены ЦК 14 вошли в этот орган в 1930 году и 30 — в 1934-м. 44 человека из 101 — 44 %. Среди выживших соответственно 13 из 32 — 40 %. Иными словами, чистка в ЦК — это конфликт и среди так называемых старых большевиков, и среди тех, кто выдвинулся при Сталине, в 30-30-х (среди сталинистов).

Только для событий весны 1937 г. можно утверждать, что репрессированные члены ЦК (Пятаков, Сокольников, Рыков, Бухарин и др.) имеют больший партстаж, чем выжившие, и могут быть охарактеризованы как «старые большевики». В дальнейшем их характеристики были некритично перенесены на всех репрессированных членов ЦК [74, с. 159]

В 1937—1938 гг. были репрессированы те, кто ранее активно поддерживал Сталина. Чем репрессированные члены ВКП(б) в глазах Сталина хуже, чем выжившие? Пока мы не разберемся в механизме изменений, трудно будет понять их смысл. Надо не просто знать, чем все кончилось, но и понимать, как это происходило, «как это было». Почему одни руководители сменяли других? Почему из членов ЦК одни исчезли, а другие нет? Почему Орджоникидзе исчез, а Микоян нет? Чем вызвано появление именно этих новых руководителей? Почему Тухачевский погиб, а Шапошников нет, почему Рокоссовского арестовали, но не

расстреляли, а Василевского и не арестовывали? Почему погибли М. Кольцов и И. Бабель, а И. Эренбург нет? Чем в глазах власти Б. Пильняк и О. Мандельштам были хуже А. Толстого и М. Булгакова? Почему разгром Церкви сопровождался критикой пьесы Д. Бедного «Богатыри» за очернение Крещения Руси? Почему погибали и сталинисты, и антисталинисты? Необходим детальный анализ всего происходившего.

Кроме того, Роговин, конечно, знает, что основная масса репрессированных пострадала в ходе массовых операций, однако подробно характеризует только удар, который нанесен по коммунистической элите СССР. Реальный социальный и политический смысл и «кулацкой», и «национальной» операций не вскрыт. Иногда складывается впечатление, что указание на гибель сотен тысяч людей нужно лишь для того, чтобы политически осудить сталинистов.

Ряд деталей проигнорирован исследователем. Например, не описаны и не объяснены прогерманские высказывания Тухачевского зимой 1936 г. во время поездки в Европу. Практически проигнорированы сведения об уничтожении десятков тысяч священников, о разгроме Русской православной церкви в 1937–1938 гг.

Исторически наиболее популярной среди исследователей была школа тоталитаризма. По справедливому замечанию Меньковского, «определенные различия в интерпретации тоталитарной концепции сохранялись постоянно», однако можно выделить базовые идеи. **Тоталитарная диктатура отличается массовой социальной базой, является крайне бюрократизированной системой власти. Для тоталитарного режима характерно систематическое использование террора, режим личной власти диктатора. Под властью тоталитарной диктатуры общество находится в состоянии перманентной революции или перманентной войны [69].**

Как известно, концепция тоталитаризма сложилась в 1940–1950 гг. на Западе, в 1990-х гг. она получила широкое распространение в нашей стране. В настоящее время в

русле этой интерпретации работает И.В. Павлова. Как можно понять, она исходит из традиционного определения тоталитаризма, предложенного З. Бжезинским: «1) Официальная идеология, полностью отрицающая ранее существовавший порядок и призванная сплотить всех граждан общества для построения нового мира; 2) единственная массовая партия, возглавляемая одним человеком (диктатором), организованная по олигархическому принципу и тесно интегрированная с государственной бюрократией; 3) террористический контроль не только над «врагами» режима, но над всеми, на кого укажет перст партийного руководства; 4) партийный контроль над всеми средствами массовой информации; 5) аналогичный контроль над всеми вооруженными силами; 6) централизованное бюрократическое управление экономикой» [79].

С точки зрения Павловой, «следование тоталитарному подходу к событиям 30-х годов заставляет... признать регресс страны, ее откат в историческом развитии по сравнению с периодом конца XIX — начала XX в., особенно на пути формирования традиций отношений частной собственности и правовой культуры в обществе, а также признать факт деморализации российского народа и решающую роль в этом политики сталинских репрессий, в результате проведения которой народ стал не только жертвой, но и соучастником действий власти» [79].

Исследователь считает, «что сталинская власть с начала 1930-х годов последовательно раскручивала маховик Большого террора, и инициативная роль Сталина здесь несомненна» [80].

Еще 7 января 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в докладе «Итоги первой пятилетки» Сталин сформулировал программу «зачистки» общества от антисоветских элементов. «Промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы» не могут принять социалистических преобразований. «Поэтому единственное, что остается им делать, — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам,

Советской власти, партий...» — цитирует Павлова Сталина. Однако, по ее мнению, в первой половине 30-х реализовать «зачистку» общества не удалось.

Однако сталинское руководство не отказалось от своего замысла. «Карт-бланш сверху на обвинения в саботаже, вредительстве, воровстве и хищениях открывал широчайший простор для расправы со всеми неугодными власти людьми... К тому же в обществе с сильными патриархальными предрассудками такая борьба стала наиболее действенным способом канализации массового недовольства» [80].

Поскольку «завершающая операция по «построению социализма» планировалась одновременно с подведением итогов первой пятилетки, но... сорвалась», Сталин вернулся к своему замыслу по окончании второй пятилетки. «Именно неудачей в исполнении первоначального замысла можно объяснить содержание той самой телеграммы, которую написали Кагановичу и Молотову 25 сентября 1936 г. Сталин и Жданов, отдохавшие в Сочи. В ней предусматривался ряд кадровых перестановок, и первая касалась НКВД».

Речь идет об известной телеграмме вечером 25 сентября 1936 года: «Первое. Считаю абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД. За-мом Ежова в наркомвнуделе можно оставить Агранова.

Второе. Считаю необходимым и срочным делом снять Рыкова с НК связи и назначить на пост НК связи Ягода. Мы думаем, что дело это не нуждается в мотивировке, так как оно и так ясно...

Пятое. Ежов согласен с нашими предложениями.

Шестое. Само собой разумеется, что Ежов остается секретарем ЦК.

Сталин, Жданов».

«Именно в этом контексте подготовки завершающей кампании по «построению социализма» находится, по мнению Павловой, следующая цепь событий: убийство Кирова

1 декабря 1934 г. и последовавшие за ним закрытое письмо ЦК ВКП(б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством С.М. Кирова» (18 января 1935 г.), новая чистка партии в виде проверки учетных документов, объявленная циркулярным письмом Сталина от 13 мая 1935 г., закрытое письмо ЦК «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» от 26 июля 1936 г. и широко известные ныне инсценировки судебных процессов. Непосредственно перед принятием Конституции и подготовкой к выборам состоялись процесс по делу так называемого Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра (19—24 августа 1936 г.), Кемеровский процесс с разоблачением «диверсионно-вредительской деятельности троцкистов» (19—22 ноября 1936 г.), процесс по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» (23—30 января 1937 г.) и началась подготовка процесса так называемого Антисоветского правотроцкистского блока, первым шагом к организации которого стала принятая на февральско-мартовском пленуме 1937 г. резолюция по докладу Ежова о передаче дела Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова в НКВД [80]».

Слабой стороной этой версии является то, что жертвы указанных процессов 1935—1937 гг. — троцкисты, зиновьевцы и правые — никак не попадают под категорию «промышленников, торговцев, бывших дворян и попов, кулаков и подкулачников, бывших белых офицеров и урядников, бывших полицейских и жандармов», указанных как целевая группа в 1933 г. Вовсе не чуждое социальное происхождение инкриминировалось подсудимым на этих процессах. Иными словами, нет объяснения того, почему репрессии затронули и представителей тех социальных групп, которые пострадали от политики советской власти, и руководство ВКП(б).

В рамках концепции тоталитаризма, по сути, работает и такой видный исследователь, как О. Хлевнюк. Он считает, что, «справедливо отвергая апологию террора, многие антисталинисты нередко впадают в другую крайность. Не желая ничего объяснять, они рассматривают любые попытки понять причины репрессий как стремление оправдать их. Но поскольку известные факты террора приходится

как-то истолковывать, постольку все сводится к размышлениям о психической неполноценности Сталина, палаческой натуре вождя и его соратников, к общим замечаниям о тоталитарной природе режима» [104, с. 193] и т.п.

Он спорит с публицистическими версиями, в основе которых лежит концепция, объясняющая драматические события особенностями личности тирана Сталина, который был гениальным злодеем. В отечественной историографии эта версия лучше всего изложена Д. Волкогоновым, сформулировавшим тезис о «цезаристском» характере режима личной власти Сталина [46, с. 353]. Действительно, личная власть Сталина укрепилась в ходе «большой чистки». Но при внешней убедительности этой версии она практически игнорирует, что террор имел ясно выраженный социальный аспект — в конце 30-х произошла ротация властной элиты.

В целом исследование Хлевнюка опирается на концепцию тоталитаризма. «Факторы, предопределившие «большой террор», — считает он, — условно можно разделить на две группы. Первая — это общие причины, по которым террор и насилие в более мягких формах были главным оружием государства на протяжении всего советского периода, и особенно в 30—50-е годы. По этому вопросу в литературе существует большое количество соображений, развивающих теорию «перманентной чистки», согласно которой постоянные репрессии были необходимым условием жизнеспособности советского режима, как и всякого другого режима подобного типа» [104, с. 198]. Исследователи отмечают, что репрессии, «подсистема страха» выполняли многочисленные функции. Одна из главных — удержание в повиновении общества, подавление инакомыслия и оппозиционности, укрепление единоличной власти вождя. Кампании против вредителей и «переродившихся» чиновников были также достаточно эффективным методом манипулирования общественным сознанием по принципу: все хорошее — от партии и вождя; все плохое — от врагов и «разложившихся» местных руководителей. Репрессии и насилие можно рассматривать как необходимое условие функционирования советской экономики, основу которой составляло прямое принуждение к труду, дополнявшееся на отдельных

этапах широкомасштабной эксплуатацией заключенных. Перечень подобных наблюдений можно продолжать. Каждая из террористических акций, включая массовые репрессии 1937—1938 гг., в той или иной мере выполняла эти общие функции.

Хлевнюк считает, что в принципе «такова природа любого насилия. Однажды прибегнув к нему, уже трудно остановиться. Произвол порождает противодействие и ненависть, и, чтобы удержаться у власти, диктатура прибегает к более жестокому террору». Однако, считает исследователь, выяснение общих причин существования террора как основополагающего элемента диктаторского режима не исключает необходимости конкретизации этих причин применительно к отдельным периодам советской истории.

Полемизуя со сторонниками концепции «высокой степени автономности и бесконтрольности местной репрессивной инициативы» (см. ниже), он настаивает на том, что «чистка» 1937—1938 гг. была целенаправленной операцией, спланированной в масштабах государства». Основной целью этой политики он считает «ликвидацию «пятой колонны» (миллионы и миллионы обиженных политикой власти в предыдущий период)» [104, с. 198].

С точки зрения Хлевнюка, можно утверждать, что «чистка» 1937—1938 гг. была целенаправленной операцией, спланированной в масштабах государства. Она проводилась под контролем и по инициативе высшего руководства СССР. Решения о начале террора были санкционированы и утверждены Политбюро. Исследователь имеет в виду постановление от 2 июля 1937 года и приказ № 00447 от 31 июля 1937 года, постановление от 31 января 1938 года и другие документы.

Опираясь на концепцию Хлевнюка, Н. Петров и М. Янсен выступили с работой «Сталинский питомец» — Николай Ежов». В исследовании описывается содержание приказа № 00447 о репрессировании антисоветских элементов. Всего приказ установил, что должно быть осуждено 75 950 человек по 1-й категории (к ВМН) и 193 000 — по 2-й категории (к 10 годам лишения свободы). Для каждого региона был установлен свой лимит, в рамках которого должна была действовать тройка. Председателем тройки

был региональный руководитель НКВД, в тройку входили представители партийных органов. Решения тройки носили внесудебный характер и обжалованию не подлежали.

Авторы описывают практику увеличения лимитов региональным руководством. В ряде случаев увеличение лимитов проводилось через решение Политбюро. Известно несколько десятков таких решений. Кроме того, лимиты повышались и решением руководства наркомата без письменной санкции Политбюро. Удалось установить, что всего в ходе кулацкой операции репрессировано 767 397 человек, из которых 386 798 расстреляно. **300 000 репрессировано в результате превышения лимитов, принятого с санкции только руководства НКВД (или, что возможно, минуя эту санкцию).**

Исследование содержит ряд новых сведений о встрече Ежова с местными руководителями НКВД в середине июля 1937 года (это совещание устанавливается по материалам следствия над чекистами 1939 года), о раннем старте операции в некоторых регионах в конце июля — начале августа 1937 года, об изменениях в составе троек. Большое значение имеют данные о количественных размерах операции: общее количество приговоренных тройками, казненных на основании решений Сталина, либо без формального решения Политбюро повышений лимитов. Авторы, как и Хлевнюк, убеждены, что Ежов был лишь исполнителем воли Сталина. Несмотря на «перегибы», размах репрессий, осуществляемых в соответствии с приказом № 00447, не выходил за рамки спущенных сверху лимитов. В поисках причин кулацкой операции Янсен и Петров ссылаются на мнение Хлевнюка, согласно которому Советский Союз с 1937 года готовился к войне и с помощью массовых операций стремился лишить социальной основы потенциальную «пятую колонну». Правда, они, опираясь на высказывание Сталина, что успешное проведение выборов было возможно, потому что своевременно провели репрессии, допускают связь между операцией и запланированными по новой схеме выборами в Верховный Совет [86, с. 124].

В 2003 году вышла работа Р. Биннера и М. Юнге «Как террор стал «Большим», посвященная кулацкой операции. Работа построена на анализе официальных документов, в

которых «регулировались все существенные вопросы репрессивной кампании: начало, завершение, интенсивность, сроки и фазы акции, целевые группы и региональные лимиты репрессий, механизмы вынесения приговора, мера наказания, назначение и отзыв исполнительного персонала репрессий» [109, с. 225]. Исследователи подробно описывают ход операции, этапы, региональные особенности. С фактической стороны данные этой работы совпадают с результатами исследования «Сталинский питомец» — Николай Ежов», что отчасти объясняется тем, что они опираются на ранний вариант книги Н. Петрова и М. Янсена, вышедший на английском языке. Правда, внесен ряд уточнений. С точки зрения авторов, всего Политбюро утвердило лимитов (приказ № 00447 и повышения лимитов) на 452 700 (в том числе 226 450 по 1-й категории). НКВД утвердило лимитов на 129 655 по 1-й категории и 170 960 по 2-й категории. Более 14 000 репрессировано без санкции и Политбюро, и центрального аппарата НКВД. Кроме того, в работе использованы исследования хода кулацкой операции в регионах (Карелии, Татарстане, Украине, Туркмении). В результате Р. Биннеру и М. Юнге удастся составить таблицу, описывающую ход репрессий в каждом регионе, им принадлежит идея соотнести размах операции с населением региона, установить «средний процент» репрессий.

С точки зрения Биннера и Юнге, «осужденные в рамках кулацкой операции лица в большинстве своем относились к группам населения, которые, как считалось уже давно... совсем нельзя интегрировать в советское общество...». Авторы обосновывают свое мнение «крайне высоким количеством жертв среди духовенства и членов религиозных объединений, а также бывших политических партий и группировок... Очевидное систематическое преследование хулиганства, уголовных преступлений и маргинализованных групп населения также заключало в себе аспект чистки общества от нежелательных элементов...» [109, с. 245].

Иными словами, они спорят с тезисом о том, что смысл массовых операций — уничтожение «пятой колонны» в условиях угрозы надвигающейся войны. С их точки зрения, развитие кулацкой операции «с неизбежностью вело к пре-

вращению террора в инструмент социальной технологии», социальной инженерии. По сути, они согласны с И. Павловой в том, что планировалась «зачистка» советского общества от социально опасных элементов.

Анализу национальных операций посвящены статьи Н.В. Петрова и А.Б. Рогинского «Польская операция НКВД в 1937–1938 гг.» [85] и Н. Охотина, А. Рогинского «Из истории немецкой операции НКВД 1937–1938 гг.» [78]. В этих работах показано, что всего по национальным операциям осуждено почти 247 тыс. чел. по 1-й категории и 96,5 тыс. чел. по 2-й категории, причем устанавливается количество репрессированных в каждом регионе. По польской осуждено более 110 тыс. чел. по 1-й категории и почти 29 тыс. чел. по 2-й категории, по немецкой почти 42 тыс. чел. по 1-й категории и больше 13 тыс. чел. по 2-й категории.

Авторы анализируют известный приказ 00485 и закрытое письмо «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР». Несмотря на то что в этих документах речь «велась не о поляках как таковых, а о польских шпионах, все-таки из него следовало, что под подозрением оказывается едва ли не все польское население СССР, а это довольно трудно увязывалось с официально провозглашаемыми государством интернационалистскими лозунгами. К тому же среди сотрудников НКВД было немало поляков. Не могли не вызвать вопросов и отдельные формулировки, касающиеся категорий лиц, подлежащих аресту, например: *все перебежчики* или *все бывшие военнопленные*. Не те из них, кто подозревается во враждебной деятельности, а именно все».

По мнению авторов, «приказ 00485 стал «модельным» для директив НКВД по всем последующим, открытым после августа 1937 г. национальным операциям — румынской, латышской, финской и др.: везде следовало исходить из наличия разветвленной шпионско-диверсионной и повстанческой сети соответствующего государства, везде фигурировали сходные контингенты, подлежащие аресту (среди них обязательно — политэмигранты и перебежчики), везде применялся «альбомный порядок» осуждения (иногда в директивах его даже подробно не описывали, а

лишь указывали, что осуждение следует производить «в порядке приказа 00485»».

Авторы подробно описывают так называемый «альбомный порядок» репрессий: региональное руководство НКВД составляет справку на репрессированных («альбом») и направляет их в наркомат. Окончательное решение принимается комиссией НКВД и прокуратуры. Иными словами, по крайней мере внешне за ходом национальных операций был установлен более внимательный контроль Центра. По мнению авторов, «единственным человеком, реально видевшим следственное дело, был сам следователь, он же, по сути, в большинстве случаев и выносил приговор. Жалобы на решения двоек рассматривались согласно указаниям Прокуратуры СССР только в исключительных случаях.

Дело в том, что в Москве рассматривать «альбомы» было «перепоручено нескольким начальникам отделов Центрального аппарата, вначале начальнику учетно-статистического отдела В.Е. Цесарскому и контрразведывательного — А.М. Минаеву-Цикановскому, которым помогал начальник секретариата Ежова И.И. Шапиро». В реальности они не могли справиться с огромным объемом работы. «Между отправкой «альбома» в Москву и получением его назад проходило несколько месяцев. Летом 1938 г. в Центре скопилось «альбомов» более чем на 100 тысяч человек. С мест сыпались жалобы на перегруженность вследствие этого тюрем».

Поэтому 15 сентября 1938 года «Политбюро приняло решение (П64/22) отменить «альбомный порядок» осуждения и создать в каждом регионе специально для вынесения приговоров по «нацконтингентам» (то есть по всем нерассмотренным «альбомам») Особые тройки. Персональный состав троек не требовал утверждения Политбюро, и в этом было их существенное отличие от троек, созданных более года назад для осуждения арестованных по приказу 00447... Теперь в тройки входили исключительно по должности, и только первые лица: местный партийный руководитель, прокурор, начальник НКВД — УНКВД. Решения троек не требовали утверждения в Москве и приводились в исполнение немедленно». Особые тройки должны были

действовать до 15 ноября (что и было выполнено). За два неполных месяца Особые тройки рассмотрели дела — по всем «национальным линиям» — почти на 108 тысяч человек, из которых освободили — 137 человек» (!).

При объяснении причин национальных операций авторы опираются на концепцию Хлевнюка. Вслед за автором «Политбюро. Механизмы политической власти» они считают, что «в общей системе репрессий 1937—1938 гг. национальные операции занимают особое место. Они теснее других связаны со сталинским ощущением надвигающейся войны, с его страхом перед «пятой колонной», с его представлениями о «враждебном окружении», под которым, кроме «страны главного противника» — Германии, подразумевались в первую очередь страны, граничащие с СССР. Граница СССР, по мысли Сталина, — это сплошная линия фронта, а все, так или иначе перебравшиеся «с той стороны» (независимо от предъявленных мотивов, способа и времени появления в СССР), — реальные или потенциальные враги. Их классовая принадлежность или политическое прошлое не имеют никакого значения — они должны рассматриваться не как «братья по классу», спасающиеся от «гнета буржуазных правительств», или соратники по революционной борьбе (таково было официальное отношение к основной массе перебежчиков и политэмигрантов в 1920-х — начале 1930-х гг.), а исключительно как представители (и, стало быть, агенты) враждебных государств. Эти государства, мечтающие уничтожить или ослабить СССР, ведут против Советского Союза непрерывную подрывную работу (не могут не вести — такова, по убеждению Сталина, логика взаимоотношений между государствами, особенно между государствами-соседями), то есть фактически находятся по отношению к нему в состоянии необъявленной (до времени) войны. Соответственно и с агентами их следует поступать по нормам войны».

Оценивая исследования Хлевнюка, Петрова, Рочинского, сразу надо сказать, что они имеют ряд достоинств. Хлевнюк всерьез работает с официальной версией событий, что встречается нечасто. Историки часто склонны отмечать все официальные объяснения как заведомую ложь

и демагогию, в то время как в официальной версии должны быть элементы истины, иначе она неэффективна. Кроме того, анализируемый им архивный материал о взаимоотношениях Сталина и Ежова, Сталина и Орджоникидзе и др. значительно расширяет наше знание.

Огромное значение имеет и детальное описание массовых операций, проведенное Н. Петровым, М. Янсенем, А. Рогинским, Н. Охотиным, Р. Биннером и М. Юнге. Наконец, Хлевнюк правильно считает, что чистка имела и социальный аспект — уничтожение руководителей, «погрязших в бюрократизме и самоуспокоенности» [104, с. 231]. В частности, он указывает на то, что в «разгар репрессий, 3 февраля 1938 года Политбюро утвердило... постановление, ограничившее размеры дач ответственных работников «ввиду того, что... ряд арестованных заговорщиков (Рудзук, Розенгольц, Антипов, Межлаук, Карахан, Ягода и др.) понастроили себе грандиозные дачи — дворцы в 15–20 комнат, где они роскошествовали и тратили народные деньги, демонстрируя этим свое полное бытовое разложение и перерождение» [104, с. 234].

Однако эта концепция имеет ряд слабых сторон. Главной ошибкой представляется попытка найти общие причины репрессий 1937–1938 гг. Исследователи, безусловно, знают, что целевые группы репрессий различны — это и уголовники, и крестьянство, и духовенство, и интеллигенция, и офицеры РККА и НКВД, и члены ЦК ВКП(б). Однако понимание этого заставляет предположить, что, возможно, это следствие разных политических решений. Репрессии рассматриваются как единый процесс, который имеет главного политического демиурга — Сталина.

Попытка увидеть в «большом терроре» борьбу с «пятой колонной» ставит вопрос о том, кто стоял за этой политикой. Ведь курс на чистку находился в противоречии с «политикой умиротворения» (1934–1935 гг.), которую проводило Политбюро под руководством Сталина до этого. Хлевнюк ставит вопрос: «Кто именно из высших руководителей партии был инициатором такого поворота политического курса, в какой мере применительно к данному этапу правомерны предположения о наличии «радикальной»

группировки в Политбюро, оказывающей давление на Сталина?» [104, с. 198]. После крайне интересного исследования позиции Ежова Хлевнюк приходит к выводу, что тот был только исполнителем сталинской воли. Как уже говорилось, Н. Петров, М. Янсен поддерживают его в этом.

Доказывает Хлевнюк свою версию анализом черновика ежовского донесения Сталину с рассказом о результатах расследования обстоятельств самоубийства Томского. В частности, Ежов пишет: «Сейчас, мне кажется, надо приступить и к кое-каким выводам из всего этого дела для перестройки работы самого Наркомвнудела. Это тем более необходимо, что в среде руководящей верхушки чекистов все больше и больше зреют настроения самодовольства, успокоенности и бахвальства... Трудно даже поверить, что люди не поняли, что, в конечном счете, это не заслуги ЧК, что через 5 лет после организации крупного заговора, о котором знали сотни людей, ЧК докопался до истины». Практически речь идет о «черновике» текста знаменитой сталинской телеграммы. Исследователь считает, что «Ежов делал заявку на смену руководства НКВД. Скорее всего, он хорошо знал настроения Сталина в этом отношении и подыгрывал им. Тезис об опоздании НКВД с разоблачением заговора (тезис скорее сталинский, чем ежовский) через месяц появится в телеграмме Сталина с требованием сместить Ягоду [104, с. 205].

На первый взгляд складывается впечатление, что мысль о том, что «ОГПУ опоздало на несколько лет», подсказал Сталину Ежов. Однако, по мнению Хлевнюка, только на первый взгляд. Дело в том, что в этом же письме Ежов сомневается, «что правые заключили прямой организационный блок с троцкистами и зиновьевцами. Троцкисты и зиновьевцы политически настолько были дискредитированы, что правые должны были бояться такого блока с ними... Правые имели свою организацию, стояли на почве террора, знали о деятельности троцкистско-зиновьевского блока, но выжидали, желая воспользоваться результатами террора троцкистов в своих интересах».

Как известно, именно обвинение в организационном единстве троцкистов и «правых» будет основой процесса 1938 года, но вроде бы Ежов в нем сомневается. Кроме то-

го, Ежов сомневается в необходимости процесса над Пятаковым, Радеком и Сокольниковым: «новый процесс затевать вряд ли целесообразно». Однако этот процесс состоялся, и уже через несколько месяцев — в начале 1937 года. Получается, что основной замысел принадлежал не Ежову, а самому Сталину.

Хлевнюк убежден, что «не Ежову принадлежали основные сценарии организации террора». Само по себе это отчасти и правильно. Вместе с тем другие исследования показали, что авторство главной сталинской идеи 1937 года о «правой угрозе» принадлежало именно Кагановичу и Ежову [74, с. 68—69].

Хлевнюк справедливо пишет, что, «занимаясь первостепенными государственными вопросами, Ежов фактически вошел в состав высшего руководства страны... Ежов получил все возможные награды и звания, занимал сразу несколько ключевых партийно-государственных постов (секретарь ЦК, председатель КПК, нарком внутренних дел, кандидат в члены Политбюро с октября 1937 г.). Его именем называли города, предприятия, колхозы... В какой мере все это свидетельствовало о том, что Ежов стал самостоятельной политической фигурой? Существует большое количество документальных свидетельств о том, что деятельность Ежова в годы «большого террора» тщательно контролировал и направлял Сталин...» [104, с. 207]. Исследователь знает о многих фактах, когда руководство НКВД пыталось быть самостоятельным: «От НКВД, который возглавлял Ежов, исходила инициатива в проведении многих репрессивных акций», и, «возможно, у Сталина были некоторые основания опасаться отчаянных шагов со стороны обреченных руководителей НКВД» и т.д. Однако Хлевнюк демонстрирует убежденность — «неизвестно ни одного факта, который хоть в какой-то мере свидетельствовал бы, что Ежов вышел из-под сталинского контроля. От дел Ежов был отстранен в тот момент, который счел целесообразным сам Сталин».

Иными словами, после крайне содержательного исследования мы в этом вопросе возвращаемся к волкогонской интерпретации событий: «Во всем виноват Сталин». Думаю, что несамостоятельность Ежова не означает неса-

мостоятельность руководства НКВД. Особенно если учесть фактор времени — если росла политическая активность Ежова, то могла расти и политическая активность других руководителей наркомата.

Тот эпизод, с которого начинает свой анализ Хлевнюк (сталинская телеграмма 1936 г.), может иметь разные прочтения. Так, майор ГБ А.М. Орлов вспоминает, что именно «**по требованию Ежова [Рейнгольд]** оклеветал в своих показаниях бывшего главу советского правительства — Рыкова, бывших членов Политбюро — Бухарина и Томского». Именно показания Рейнгольда о блоке троцкистов и правых стали сенсацией на процессе в августе 1938 года, и в донесении Сталину Ежов и Каганович подчеркнули это обстоятельство: «Некоторые подсудимые, и в особенности Рейнгольд, подробно говорили о связи с правыми, называя фамилии Рыкова, Томского, Бухарина, Угланова. Рейнгольд, в частности, показал, что Рыков, Томский, Бухарин знали о существовании террористических групп правых. Это произвело особое впечатление на инкоров. Все инкоры в своих телеграммах специально на этом останавливались, **называя это особенно сенсационным показанием** (выделено мной. Так и есть! — Л.Н.). Мы полагаем в наших газетах при опубликовании отчета о показаниях Рейнгольда **не вычеркивать имена правых** (выделено мной. — Л.Н.)» [74, с. 61].

Иными словами, есть основания считать, что за ударом по правым стоят Ежов и Каганович. Важно правильно оценить значение этого поворота. Здесь надо сделать еще одно важное отступление. В расстрельных списках, представленных Сталину на утверждение, есть пять крайне интересных. Направлены они центральным аппаратом НКВД (т.н. «Москва-Центр»): 15 мая 1937-го (один список), три — Московским областным управлением (15 мая, 14 июня и 26 июня) и один — Ленинградским областным управлением 6 мая 1937 года. **Особенность этих списков в том, что, в отличие от направленных ранее и позднее, они содержат разбивку осужденных по политическим группам: троцкисты, «правые», «децисты».** Часть действительно участвовала в деятельности оппозиционных групп. Так, в списках оказались, например: журналист Слепков Александр Никола-

евич, Котов Василий Афанасьевич (в 1937 г. управляющий трестом «Госотделстрой»), Угланов Николай Александрович (в 1937 г. — управляющий тобольским «Облрыбтрестом»), Яглом Яков Кивович (в 1937 г. — начальник Главного управления консервной и плодоовощной промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР). В 1928—1929 гг. они были видными представителями группировки правых и поддерживали Бухарина и Рыкова.

Всего в этих пяти списках 235 человек (данные есть по 206, то есть 88 %). Троцкистов из них — 158 (есть данные по 138—87 %), «правых» — 77 (есть данные по 68—88 %).

Внимательный анализ этих списков позволяет определить, какими социокультурными характеристиками наделялись органами НКВД «правые» и троцкисты. Анализ проводился по возрасту, социальному положению, национальности и партийности репрессированных.

Сравнение показало, что троцкисты заметно моложе «правых»: 41 % родился уже в XX веке, среди «правых» таких в два раза меньше. Это объяснимо — именно молодые 15 лет назад слышали от Троцкого, что они — «барометр революции».

Но главные различия находятся в социально-политической и национальной характеристиках.

Троцкисты по социальному составу заметно демократичнее «правых»: среди них много рабочих — 27 человек (каждый пятый), а среди «правых» всего 2 человека (3 %). Зато среди «правых» существенно больше представителей номенклатуры (пока преимущественно хозяйственники) — 51 % против 28 % у троцкистов. Наконец, есть ясные отличия в национальности репрессированных. Среди троцкистов евреев, латышей, поляков, немцев почти треть, в то время как среди «правых» их в 2,5 раза меньше. Стоит вспомнить известную формулу 20-х гг. о том, что борьба троцкистов и «правых» — «битва Давыдовичей с Ивановичами». Иными словами, в глазах НКВД троцкисты — моложе, демократичнее по социальному статусу и более интернациональны по составу. «Правые» несколько старше, среди них качественно больше представителей партийно-государственного аппарата, и они «славянского проис-

хождения». То есть удар по «правым» фактически на языке НКВД означал удар по номенклатуре. Именно это стоит за переносом удара НКВД с троцкистов по «правым».

Существует ряд фактов, которые плохо согласуются с концепцией Хлевнюка. Он сам пишет, что постановление 2 июля 1937 года «Об антисоветских элементах» устанавливало цифру арестованных в 259 450 и цифру расстрелянных в 72 950. Каждый регион получил соответствующие цифры — так называемые лимиты, которыми должен был руководствоваться. Осуществлять репрессии должны были так называемые тройки. В результате, как он считает, в ходе репрессий 1937—1938 гг. арестовано было примерно полтора миллиона человек и более 680 тыс. расстреляно. Из них не менее половины в результате реализации постановления от 2 июня 1937 г. По мнению Хлевнюка (да и других исследователей), регионы быстро исчерпали свои лимиты и просили Центр об их увеличении. Исследователь знает об этом, его перу принадлежит очерк о механизме «большого террора» в Туркмении с описанием «перегибов» в ходе «массовых операций». Однако Хлевнюк убежден, что «отклонения от генеральной линии» были просчитаны и терпелись в качестве «побочного вреда»: «присутствовала известная доля стихийности и местной «инициативы». На официальном языке эта стихийность называлась «перегибами» или «нарушениями социалистической законности». К «перегибам» 1937—1938 гг. можно отнести, например, «слишком большое» количество убитых на допросах или превышение местными органами лимитов на аресты и расстрелы, установленные Москвой, и т.д.». Однако о «перегибах» ли идет речь? Арестовано было в 1,5 раза, а расстреляно в 5 раз больше, чем первоначально намечено. Можно ли это интерпретировать просто как «перегиб»? Складывается впечатление, что постановление Политбюро было ударом (правда, очень сильным), который сдвинул лавину террора. Надо выяснить, кто и против кого в регионах направлял удар.

То же касается и хода национальных операций. Описывая их, Петров и Рогинский обращают внимание на то, что в среднем в ходе национальных операций было приговоре-

но к высшей мере 73,66 % от общего числа осужденных, что существенно выше, чем характерно для кулацкой операции (около 50 %). При этом исследователи признают, что «никаких специальных директив относительно масштабов применения расстрелов по той или иной «национальной линии» не было. Не было таких директив и в отношении отдельных регионов... — здесь все зависело, полагаем мы, от настроенности каждого конкретного начальника НКВД — УНКВД. Соотношения поэтому были самыми разными»: в Армении и Грузии соответственно 31,46 % и 21,84 %, а в Краснодарском крае и Новосибирской области превышает 94 %, наконец, в «рекордной» Оренбургской области достигает 96,4 %. Здесь было бы уместно задаться вопросом — от чего зависела «настроенность» местного руководства НКВД, в чем причина таких разных цифр, если общей установки Центра не было? Не позволяет ли это поставить вопрос о том, что репрессии стали выходить из-под контроля Центра?

Подводя итог интерпретации репрессий в рамках теории тоталитаризма, следует признать, что именно в этой исследовательской парадигме выполнены наиболее содержательные работы. В целом это объясняется тем, что массовый террор лучше всего доказывает верность этой теории, на первый взгляд материал ложится в русло концепции. Однако на данном этапе видно, что собранные факты перехлестывают рамки теории. Не случайно поэтому утверждение Биннера и Юнге: «По нашему мнению, такие историки, как Рогинский, Охотин, Хлевнюк, Петров и Янсен, придают чересчур много значения реальному контролю Центра над проведением операции...» [109, с. 230].

В конце 60-х — начале 70-х ограниченность познавательных возможностей теории тоталитаризма заставило исследователей на Западе и в России обратиться к **теории модернизации**. В качестве примера кажется уместнее всего монография А. Ноува. Автор ставит вопрос: был ли Сталин реально необходим? С его точки зрения, сталинизм являлся продуктом индустриализации, а точнее, решения об ускоренном развитии тяжелой промышленности. Поскольку это решение было непопулярным, для его реализации необходимо было применять социальное принуждение. От-

сюда возникала и неизбежность милитаризации общественной жизни и диктатуры. Ноув писал, что относиться к Сталину просто как к человеку, одержимому жаждой власти, было бы неполной правдой. Реальной причиной формирования сталинского режима была проблема индустриализации, уходящая своими корнями во время царей, войн и революций [69].

В настоящее время в нашей стране концепция модернизации сформулирована в работах А.Г. Вишневого и других исследователей. Концепция модернизации позволяет установить смысл изучаемых перемен в большой исторической перспективе, охватывающей переход российского общества от традиционных укладов жизни к его современному — индустриальному состоянию. С точки зрения исследователей, возможность применения концепции модернизации для изучения драматических событий второй половины 30-х годов определяется тем, что доминирующей тенденцией в развитии советского общества в указанный период являлась индустриализация страны, урбанизация, распространение образования, появление семьи современного типа, становление современной системы образования, здравоохранение и т.д.

В отечественной историографии делались попытки объяснить репрессии на методологической основе теории модернизации. Наиболее успешным примером является работа А.А. Колдушко «Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936—1938 гг.». С точки зрения исследователя, в указанный период произошла ротация кадров, в ходе которой были разрушены традиционалистские клановые системы, ранее организовавшие всю систему партийной власти на местах.

Репрессии против номенклатуры историк рассматривает как ответ центрального руководства на вызовы, исходящие от местных номенклатурных кланов. «Содержание вызовов может быть понято только в контексте модернизационных задач. Средние и нижние звенья управленческой системы... не выполняли директивы, срывали народнохозяйственные планы, демонстрировали собственную некомпетентность в решении экономических, технических и социальных задач, более того, блокировали возможности легальной ротации кадров» [61].

«Некомпетентность руководства провоцировала социальный конфликт. В такой ситуации репрессивная политика власти встречала общественную поддержку со стороны социальных «низов» общества», — считает исследователь.

По мнению Колдушко, эффективность работы руководящих кадров определялась реальными показателями развития промышленного производства и сельского хозяйства. В середине 1930-х гг. местные власти не могли выдержать заданных темпов роста производства. «Попытки оптимизации работы руководящих кадров традиционными партийными методами успеха не имели, поскольку наталкивались на сопротивление клановых патрон-клиентских структур, сформировавшихся в номенклатурной среде... В 1936 г. власть начинает осуществлять репрессивные практики в отношении местных номенклатурных работников» [61].

Историк придерживается в целом традиционной периодизации этого процесса. С ее точки зрения, «старт к поиску «врагов народа» внутри партии и высшего ее звена — номенклатуры — был дан на февральско-мартовском пленуме 1937 г., хотя подготовительные мероприятия, своего рода «проба сил» в виде «чисток» партийных рядов, проводились и ранее (к ним относится проверка партийных документов 1935 г., обмен партийных документов 1936 г.). Первоначально каток репрессий прошелся по высшему уровню номенклатуры — ЦК ВКП(б), а далее, по цепочке, был направлен в регионы» [61].

Единый централизованный процесс «вычищения» номенклатуры в 1937—1938 гг. в Свердловской области был осуществлен в три этапа: подготовительный (август 1936 г. — март 1937 г.); массовый (март 1937 г. — декабрь 1937 г.), заключительный (январь 1938 г. — ноябрь 1938 г.). Как можно понять, эта датировка определяет три всплеска репрессий против секретарского состава: январь — март 1937 г., май — ноябрь 1937 г., январь — март 1938 г.

Главным репрессивным органом, осуществлявшим расправу над партийной номенклатурой в регионах, была выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР. Приговоры, которые выносились репрессивными органами, были суровыми. К высшей мере наказания было приго-

ворено 37 секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) Свердловской области, что составляет почти 65 % от совокупности всех приговоров.

В диссертации выделено два основных подхода к проведению репрессий: сетевой и функциональный. Сетевой принцип аналогичен формированию клановой системы, и цель его использования — в уничтожении клиентуры. Функциональный принцип, в свою очередь, являлся более «адресным»: руководящие работники арестовывались преимущественно за настоящие (или выдуманные) недостатки в работе. Как правило, речь шла о хозяйственниках, которым вменялось в вину «вредительство»: падеж скота, неурожай и т.д.

Исследование показало, что «партийные руководители, подвергшиеся репрессиям, представляли собой гомогенную группу управленцев. Они имели значительный партстаж, прошли через сеть партийного образования. Анализ уровня общего образования секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) Свердловской области, арестованных в 1937—1938 гг., показывает, что в результате репрессий из номенклатуры была вычеркнута наиболее образованная ее часть» [61].

Основным источником рекрутирования новой номенклатуры становятся крестьяне по социальному происхождению, но служащие по социальному положению. «Рабочее ядро» руководящих партийных кадров, объявленное социальным приоритетом в комплектовании номенклатуры в начале 1930-х гг., перестало быть таковым. За период репрессий секретарский состав значительно помолодел. Основу новой номенклатуры, пришедшей к власти на гребне репрессий, составляли работники в возрасте до 30 лет. Более половины секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) Свердловской области в 1939 году были выдвиженцами с низовой работы. Принцип формирования номенклатуры не изменился. Подбор осуществлялся по анкетным данным. При этом первый руководитель, как и раньше, подбирал себе команду, руководствуясь не только функциональными, но и личными предпочтениями.

«Тем самым, — делает вывод исследователь, — сохранилась в неприкосновенности установленная ранее система

номенклатурной организации власти. Репрессии объективно выполнили функцию социального клапана, при помощи которого высшая политическая власть упрочила установившийся в стране режим» [61].

Диссертация А.А. Колдушко опирается на работы так называемой «школы элитологии». Так, в исследовании Т.П. Коржихина и Ю.Ю. Фигатнер «Советская номенклатура: становление, механизмы действия» [64] приводится анализ изменений в составе ЦК партии. Из таблицы видно, что во второй половине 30-х годов элита СССР претерпела серьезную эволюцию. Изменилось социальное происхождение представителей номенклатуры: в два раза сократился удельный вес выходцев «среднего класса» («служащих, включая так называемых «бывших»). Сократилось количество лиц из семей с высшим образованием. Кстати, удельный вес этих двух групп в ленинском ЦК был очень велик для рабоче-крестьянской власти — 42 %. Зато в полтора раза вырос удельный вес крестьян. Изменился и политический опыт верхушки. Члены ЦК 1924 г. вступили в коммунистическую партию после революции 1905—1907 гг., а сталинский ЦК — плод «ленинского призыва».

	1924 г.	1939 г.	1966 г.	1976 г.
Социальное происхождение				
Служащие со ср.об. (вкл. «бывших»)	29,6	15	13	15,2
Квалиф. рабочие	25,4	25	8,5	8,8
Крестьяне	20	30	35	35
Неквалиф. рабочие	9	9	35	35
Раб. с высшим образованием	12,6	6	8	6,4
Партийность	1908 г.	1924 г.	1933—35 г.	1933—35 г.

Достоинство этих исследований в том, что они содержат описание хода репрессий номенклатурных работников. Таким образом, сделан шаг к пониманию того, что удар

по властным структурам и массовые операции совпали во времени. Однако остается неясным, в чем причины этого совпадения (собственно, это и не входит в цель указанных выше работ). Почему ротация в руководстве партии проходила одновременно с уничтожением бывших кулаков, священников, дворян, одновременно с национальными операциями? Совпадение этих процессов во времени представляет существенную политическую опасность для власти — ведь гипотетически жертвы могут объединиться.

Кроме того, не вполне ясно, можно ли перенести наблюдения А.А. Колдушко относительно причин ротации руководящих кадров на всю страну. Действительно ли главной причиной репрессий против номенклатурных работников была неэффективность управленцев? На февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК звучала тема экономических неудач, как следствия деятельности «вредителей». Особенно очевидно это было в выступлениях Молотова и особенно Кагановича. Молотов рассказал о «вредительстве» на «Уралвагонстрое», где директором был «активнейший вредитель Марьясин, который потом признался во всех этих делах, и в течение длительного периода секретарем партийного комитета на Уралвагонстрое был вредитель троцкист Шалико Окуджава. Это была сбитая группа. Явно, что они сделали немало вредительских актов против нашего государства» [19]. Каганович подробно рассказал о деятельности вредителей на железных дорогах, приводившей к простоям, опозданию поездов, занижению норм пробега, крушениям. О деятельности вредителей рассказывали и другие руководители. Однако к концу 1938 г. из региональных руководителей сохранили свои руководящие должности А.А. Жданов, Н.С. Хрущев, Л.П. Берия, М.Д. Багиров. Точно ли они были более успешными управленцами, а в их регионах обстояло лучше с выполнением плана? Без специального исследования это утверждать пока нельзя. Впечатление, что на уровне ЦК «сетевой подход к репрессиям» играл большую роль, чем «функциональный».

Теория модернизации стала одним из теоретических источников так называемого «ревизионистского» направления в историографии. На Западе «второе дыхание» ревизионизм получил в работах Ш. Фитцпатрик и А. Гетти.

Ш. Фитцпатрик считает, что высокий уровень государственного насилия также заслуживал переосмысления в контексте высокой социальной мобильности... При всех амбициях режима реальный контроль, который он осуществлял, был зачастую ограничен. И один из факторов ограничения непредсказуемая мобильность населения и ротация бюрократических кадров, выполняющих функции контроля.

Американский историк Дж. Арч Гетти анализирует конфликт, существовавший, с его точки зрения, между стремящимся к централизации партийным руководством и центробежными силами в партийном аппарате периферии. Гетти сомневается, что начало массовых репрессий — инициатива Сталина: «По всей видимости, по этому поводу между Сталиным и партийными руководителями на местах велись скрытые (а иногда и явные) диалоги и переговоры, инициатива возобновления [репрессивной] кампании могла исходить необязательно от Сталина». Гетти считает, что с целью добиться поддержки своей идеи запланированных на декабрь 1937 года выборов в Верховный Совет на альтернативной основе Сталин развязал руки местным руководителям по проведению массовых репрессий. Исследователь доказывает свое мнение, что в тот же самый день (2 июля 1937 года), когда «Правда» опубликовала новый Закон о выборах, Сталин дал старт кулацкой операции. Кроме того, он указывает на решение Политбюро от 28 июня 1937 года, принятое по инициативе Миронова/Эйхе/тройки Западно-Сибирского края. Напротив, Сталину, по его мнению, удалось провести в приказе № 00447 снижение цифр репрессий и «свое право утверждать масштаб операции для каждой области»... Гетти считает, что «с точки зрения Политбюро, это был явно безадресный, слепой террор. Подобно свихнувшемуся убийце, который начинает палить во все стороны без разбора, сталинский центр даже не задумывался над тем, в кого стреляет. Он открывал огонь, не различая целей и предоставляя местным властям право убивать того, кого они сочтут нужным. Массовые расстрелы, таким образом, не имели ничего общего с целенаправленными, продуманными и управляемыми акциями; скорее они напоминали слепую стрельбу по толпе».

В нашей стране «ревизионизм» представлен в работах Ю. Жукова. С его точки зрения, для понимания смысла происходящих событий надо учитывать развивающийся конфликт между «узким» и «широким» руководством. «Узкое руководство — неформальная группа внутри ПБ (в разные годы насчитывала от трех до шести человек — Сталин, Молотов, Каганович и др.), присвоившая себе всю полноту власти», а «широкое руководство — первые секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, а также наркомы (министры) СССР, обладавшие почти неограниченными правами на подконтрольных территориях, во вверенных отраслях экономики. Как члены ЦК, они избирали на пленумах состав ПБ, утверждали его основные решения, в силу чего юридически стояли над ПБ, включая узкое руководство» [49, с. 433]. Смысл конфликта в стремлении «узкого руководства» организовать ротацию «широкого руководства», используя свободные, прямые, тайные и, главное, альтернативные выборы в Верховный Совет СССР. Дело в том, что по замыслу Сталина первоначальный вариант положения о выборах, подготовленный членом ЦК Яковлевым, предполагал альтернативные выборы. Аналогичные мысли Сталин высказывал и в официальных интервью. Узкое руководство стремилось «вынудить широкое руководство согласиться с неизбежной ротацией — добровольно, мирно и бескровно покинуть властные посты» [49, с. 434].

Ответом «партократии» была попытка организовать массовые репрессии. Во-первых, «им крайне необходим образ врага, прежде всего, чтобы таким образом самоопределиваться как социальной группе», они стремились прочно связать себя, свою замкнутую социальную группу, со Сталиным, не только избежать тем самым уже обозначившегося разрыва с ним, но и во что бы то ни стало поставить его в полную зависимость от себя и своих групповых интересов. А для этого обязательно связать себя со Сталиным нерасторжимыми узами крови, которую предстояло пролить» [49, с. 321]. Во-вторых, «партократия» пыталась напугать народ массовым террором и не допустить свободного волеизъявления на выборах (см. ниже). Доказательством этой точки зрения является анализ содержания выступлений на

февральско-мартовском пленуме 1937 года. Здесь сразу следует заметить, что Жуков произвольно трактует выступления членов ЦК. Утверждение, что Сталин и его окружение пытались ограничить размах репрессий, не подтверждается анализом стенограммы пленума. Трудно оспорить тот факт, что инициатива обсуждения проблемы вредительства принадлежит именно сталинской группе: Молотову, Кагановичу и Ежову. Замысел Сталина состоял в придании образу вредителя нового социально-политического смысла: теперь вредителей надо было искать не среди старой интеллигенции, а среди партийных руководителей. То есть именно узкое руководство выступало за разворачивание чистки.

Кроме того, с точки зрения исследователя, внутривнутриполитический конфликт осложнялся внешнеполитической ситуацией. Узкое руководство еще с 1934—1935 гг. инициировало изменение внешнеполитического курса и сосредоточило усилия на создании единого антифашистского фронта. Однако в ходе Гражданской войны в Испании не удалось создать эффективное взаимодействие антифашистских сил и убедить западные демократии в отказе советского руководства от курса на мировую революцию. Летом 1937 года стал очевидным «провал оказавшегося бесплодным внешнеполитического курса, он грозил в любой момент породить жесткую, заведомо нелицеприятную критику узкого руководства» со стороны партийных ортодоксов пользующихся поддержкой широкого руководства.

Одновременно Ежов и руководство НКВД смогли «воспользоваться ситуацией и начать собственную большую игру, первые признаки которой отчетливо проявились 11 мая» [49, 396] в связи с разгромом группы Тухачевского.

Во время июньского пленума произошла координация позиции широкого руководства, и, по мнению исследователя, оно инициировало переход к массовым операциям. Сначала руководитель Западно-Сибирского края Р.И. Эйхе добился права на создание тройки в своем регионе. «Есть все основания полагать, что Р.И. Эйхе, обращаясь в ПБ, действовал не только от себя, лишь в своих интересах. Он выражал требования значительной группы первых секретарей, а может быть, и их абсолютного большинства, настаива-

вал на том, что загодя обговорили члены широкого руководства в кулуарах пленума». Предположения Жукова основаны на анализе журнала посещений Сталина. В пользу такого предположения говорит косвенный, но заслуживающий самого пристального внимания факт — редкое, даже уникальное посещение руководителями региональных парторганизаций кремлевского кабинета: пять первых секретарей: Дальневосточного крайкома — И.М. Варейкис, Саратовского крайкома — А.И. Криницкий, ЦК КП(б) Азербайджана — Д.А. Багиров, Горьковского обкома — А.Я. Столяр, Сталинградского обкома — Б.А. Семенов. 2 июля еще четверо: Омского обкома — Д.А. Булатов, Северного крайкома — Д.А. Конторин, Харьковского обкома — Н.Ф. Гикало, ЦК КП(б) Киргизии — М.К. Аммосов. Широкое руководство пыталось массовыми репрессиями запугать народ и уменьшить для себя угрозу.

С осени 1937 года «узкое руководство быстро слабеет, утрачивая былую монолитность», и Ежов, по мнению Жукова, начинает выражать требования широкого руководства, чем вынудил Сталина и Молотова «после непродолжительного, всего двухдневного сопротивления смириться и пойти на серьезные уступки партократии» [49, с. 475] и отказаться от проведения альтернативных выборов. Сталин, со своей стороны, пытался ответить на давление широкого руководства жесткими репрессиями против секретарей обкомов и наркомов.

В целом, считает исследователь, «очевидным оказался полный провал ее радикальных, реформаторских и внешнеполитического и внутривнутриполитического курсов. Стало несомненным, что все попытки создать прочный, надежный антигерманский пакт обернулись сокрушительной неудачей...

Фактической капитуляцией, позорным отказом от задуманного обернулись и все действия, с помощью которых предполагалось предельно расширить круг активных участников предстоявших альтернативных выборов».

Своя точка зрения высказана Ю.Н. Жуковым и по поводу причин кулацкой операции. Исследователь обращает внимание на то, что постановление Политбюро от 2 июля 1937 года, которое дало старт кулацкой операции, появи-

лось сразу вслед за постановлением от 28 июня 1937 года. В этот день Политбюро приняло знаменитое решение «О вскрытой в Зап. Сибири к.-р. повстанческой организации среди высланных кулаков».

1. Считать необходимым в отношении всех активистов повстанческой организации среди высланных кулаков применять высшую меру наказания.

2. Для ускоренного рассмотрения дел **создать тройку в составе** нач. УНКВД по Зап. Сибири т. Миронова (председатель), прокурора по Зап. Сибири т. Бракова и секретаря Запсибкрайкома т. Эйхе.

Это была первая тройка. Жуков считает, что «Эйхе и его коллегам... вдруг потребовались не когда-либо, а именно в середине 1937 г. ... жесткие, крайние меры... Объяснение пока может быть лишь одно, то, что исходит из классического положения римского права: «Ищи, кому выгодно». Ну а широкомасштабные репрессии, да еще направленные против десятков и сотен тысяч крестьян, были выгодны прежде всего первым секретарям обкомов и крайкомов. Тем, кто в годы коллективизации восстановил против себя большую часть населения, которую и составляли колхозники и рабочие совхозов: верующих — бессмысленным закрытием церквей; рабочих и служащих — отвратительной организацией снабжения продовольствием, предметами широкого потребления в годы первой и второй пятилеток с их карточной системой» [49, с. 439].

Сильной стороной концепции Жукова является попытка установить связь между борьбой в руководстве СССР и началом массовых операций. Интересной представляется и гипотеза о том, что выборы в Верховный Совет активизировали репрессии.

Однако эта гипотеза остается почти не доказанной. Более того, по отношению к национальным операциям это, скорее всего, вообще не так. По отношению к кулацкой операции такая связь гипотетически возможна, но требует более развернутого обоснования.

Кроме того, следует согласиться с замечаниями И.В. Павловой, что замысел Сталина реконструируется исследователем, по меньшей мере, не точно [80].

Подведем итог тому, что выяснено историками. На на-

стоящий день примерно ясна последовательность событий политической истории Советского Союза в 1936—1939 гг. Выяснен общий размах репрессий, исполнители.

Остались нерешенными многие вопросы:

1. В чем причина смены состава ЦК ВКП(б), которая произошла в 1937—1938 гг.? Можно согласиться с тем, что вождь пытался избавиться от представителей бывших антисталинских групп (троцкистов, «правых» и т.п.). Но они были ликвидированы в первой половине 1937 года. В чем причина того, что репрессии не остановились на этом, а пошли дальше и привели фактически к ликвидации ЦК, к ликвидации «сталинистов». Исследователи предлагают разные ответы: «сопротивление ЦК репрессиям» (В. Роговин), неэффективность управленцев и невозможность сменить их легальными методами (А. Колдушко), сопротивление партократии демократизации общества (А. Жуков).

2. В чем причина начала массовых операций летом 1937 года? Исследователи называют разные причины: окончательная зачистка общества от антисоветских элементов (И. Павлова и с оговорками Р. Биннер и М. Юнге), борьба с «пятой колонной» (О. Хлевнюк, Н. Петров, А. Рогинский и др.).

К этим вопросам я бы добавил еще два:

3. В чем причина того, что в разных регионах страны репрессии проводились с разной степенью интенсивности? Как выяснилось, например, в 1938 году кулацкая операция продолжалась только в 22 республиках, краях и областях. Регионы отличаются друг от друга по размаху репрессий на порядок (!).

4. В чем причина ликвидации «ежовского» руководства НКВД в конце 1938 — начале 1939 г.? На чем основана убежденность, что судьба «чистильщиков» была predeterminedлена с самого начала репрессий? В высшем руководстве страны Сталина поддерживали В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов. Именно их подписи стоят вместе с подписью Н.И. Ежова на расстрельных списках. В чем причина того, что расстреляли только «сталинского наркома»?

Данное исследование имеет своей целью найти ответ именно на последние вопросы. Думается, что он находится

не столько в области анализа слов, сколько в области анализа дел. Необходимо выяснить, как реально действовали местные руководители, насколько они подчинялись Сталину и центральному аппарату.

За последние годы сложилась историография российских спецслужб.

Исследование деятельности НКВД в 30-е гг. идет в нескольких направлениях. Основная масса работ выдержана в духе биографических исследований. Это монографии, посвященные наркомам Г. Ягоде, Н. Ежову, Л. Берии. Кроме того, подготовлены биографические очерки по деятельности М. Бермана, М. Фриновского, В. Журавлева, П. Чистова, С. Жуковского, С. Реденса и др. Общая концепция их едина: руководители НКВД при всей разнице судеб и политических биографий — просто инструменты воли Сталина. Вместе с тем эти работы дают нам много важных и необходимых деталей, понять смысл которых можно, только если рассматривать их с совокупности.

Вторым направлением работы является создание социокультурного портрета руководства НКВД во второй половине 30-х гг. В первую очередь здесь надо упомянуть работу Н.В. Петрова и К.В. Скоркина «Кто руководил НКВД в 1934—1941».

С 1934 по 1941 год количество руководящих работников НКВД удвоилось: в 1934 г. — 96, а в 1941 г. — 182.

Общий размах: из 322 арестовано 241 (75 %). Основная масса арестов приходится на бериевскую чистку, ежовская на этом фоне выглядит куда скромнее. Анализируя ход репрессий, они выделяют так называемые «рубежные даты»: 10.07.1934 г., 1.01.1936 г., 1.03.1937 г., 1.07.1937 г., 1.01.1938 г., 1.09.1938 г., 1.07.1939 г., 1.01.1940 г. и 26.02.1941 г., которые примерно соответствуют минимуму кадровых перемещений. Зато после них сразу начинаются кампании арестов и смещений.

Проводимые среди чекистов аресты создали новую атмосферу в органах. Ожидая быстрого карьерного роста, руководители органов могли легко проводить аресты не только партийных начальников, но и своих руководителей. Сталину удалось разрушить устойчивые чекистские кланы.

~~Авторы считают, что в результате репрессий в руково-~~

дстве наркомата произошло значительное омоложение руководящего звена НКВД. Так, если на 1937 г. больше половины руководителей были в возрасте 40 лет и старше, то уже в 1939—1940 гг. подавляющее большинство составляют 30-, 35-летние [84, 493—502].

Кроме того, изменился национальный состав руководящей верхушки НКВД. В 1936 г. русских, украинцев и белорусов было около 40 %, а в 1940 г. русских, украинцев и белорусов («славян») более 80 %.

До 1937 г. включительно среди руководящих работников НКВД был очень высок процент людей с начальным образованием — 35 %, после чистки стало 19 %. Аналогично изменилось число лиц с высшим (незаконченным высшим) образованием — с 15 % до 34 %. Можно предположить, считают авторы, что одной из задач чисток второй половины 30-х гг. было обновление состава руководящих чиновников всех рангов, повышение образовательного уровня корпуса руководителей.

Кроме того, произошло снижение стажа работы у чекистов «бериевского призыва», что объясняется «партийным набором» в органы в декабре 1938 — январе 1939 г.

По таблицам можно определить «мотивацию» репрессий в руководстве НКВД. В 1937 году Ежов объявил, что убийство Кирова объясняется заговором Ягоды. В результате была сделана попытка убрать из органов лиц, имеющих «пятна в анкете». Поразительно высок был среди руководящего состава процент лиц с «некоммунистическим» прошлым — выходцев из «чуждых» или «враждебных» классов — 52 %, а также принадлежавших в прошлом к различным небольшевистским партиям и движениям, что в середине 1930-х гг. рассматривалось как компрометирующий фактор. Процент руководителей-чекистов, участвовавших в молодые годы хотя и в социалистических, но все же антиленинских партиях и движениях, или, более того, служивших Белому делу, необычайно велик в 1934 г. — более 31 % (в 1936-м почти 22 %).

Кроме того, из органов убрали представителей «иностраных национальностей». В 1936 г. евреев было около

40 %, латышей, поляков, немцев — 17 %. В 1940 г. евреев около 4 %, поляков, немцев и латышей нет совсем.

Авторы спорят с расхожим противопоставлением «истинных чекистов» (дзержинцев) ежовцам и бериевцам. Они показывают, что основной костяк руководителей НКВД на 1.01.38 и на 1.09.38 составляли поступившие на работу в органы в 1917—1925 гг. (77 % и 71 % соответственно), то есть служившие под началом Дзержинского. Таким образом, опрокидывается бытующее заблуждение относительно того, чьими руками Сталин проводил массовые репрессии 1937—1938 гг.

Исследователи полемизируют с утверждением председателя КГБ СССР В.М. Чебрикова о «20 тысячах репрессированных чекистов». Эта цифра, внедрявшая в общественное сознание представление о «чекистах-дзержинцах», сопротивлявшихся сталинским репрессиям и за это сопротивление пострадавших, получила самое широкое хождение в исторической публицистике. На самом деле эти люди были арестованы и осуждены отнюдь не только за «контрреволюционные преступления», но и за все виды возможных общеуголовных и служебно-должностных преступлений (включая развал работы, бытовое разложение и т.п.). Что касается собственно системы госбезопасности, то известно, что с 1 октября 1936 г. по 15 августа 1938 г. (а это, без трех последних месяцев, весь период деятельности Ежова в качестве наркома) всего там было арестовано 2273 сотрудника, из них за «контрреволюционные преступления» — 862.

Сразу можно сказать, что в принципе изменения в системе НКВД совпадают с общими тенденциями эволюции во властной группировке — те же социальные характеристики (происхождение): много «бывших» и мало крестьян. Несколько меньше партийный стаж чекистов, что объясняется меньшими властными полномочиями, больше представителей небольшевистских партий и иной национальный портрет — заметно больше евреев.

Вместе с тем в работе не прослежен реальный механизм смены одной группы другой. Приведу пример. Выше уже говорилось о постановлении «Об антисоветских элемен-

тах». В нем, в частности, предлагалось «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные, элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД». Механизм понятен и исполнитель понятен. Органы НКВД «выявляют» соответствующие элементы и «действуют». Но не было и не могло быть ни в 1937-м, ни в 1938 году постановления с предложением арестовать всех евреев в НКВД, или всех лиц буржуазного и мелкобуржуазного происхождения, или всех, кто до ВКП(б) состоял в какой-то другой революционной партии. Дело не только в том, что (даже если такая цель и была, что само по себе требуется доказать) это невозможно огласить. Дело в другом, а кто будет выполнять это постановление, если мы вспомним состав руководства наркомата. Только волей Сталина это нельзя объяснить. «Унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла» существует только на бумаге.

Именно поэтому с начала 2000-х годов ряд исследователей сосредоточили внимание на групповом («клановом») характере руководства НКВД в этот период. В мемуарах Шрейдера, Мироновой и др. часто упоминается, что в центральном аппарате и региональных управлениях НКВД второй половины 30-х доминировало несколько групп чекистов. Чаще всего говорится о «ягодинцах» (Г. Ягода, С. Миронов, Г. Прокофьев, И. Островский, К. Паукер и др.), их противниках — «северокавказцах» (М. Фриновский, И. Дагин, Н. Николаев-Джурид и др.) и группе Берии (В. Меркулов, С. Гоглидзе, Б. Кобулов и др.). Исследованиями Л. Наумова и М. Тумшиса показано, что на самом деле борьба в руководстве НКВД в 1936—1939 гг. включала намного больше участников. Кроме группы Ягоды, Фриновского и Берии, следует упомянуть о группе Ежова (М. Литвин, С. Жуковский, В. Цесарский и др.), «украинцах» (В. Балицкий, К. Карслон, З. Кацнельсон и др.), «туркестанцах» (Л. Бельский, М. Берман, Б. Берман и др.), группе Реденса (А. Радзивилловский, А. Наседкин, С. Лебе-

дев и др.), Л. Заковского (А. Залпетер, Н.Е. Шапиро-Дайховский, Г. Лупекин и др.). Подчеркнем — группы сформировались не по национальному признаку («украинцы», «северокавказцы», «туркестанцы» и др.), а на основе взаимной службы в 20-х — начале 30-х годов. Кроме того, внутри групп могли быть сильные противоречия (самый известный пример — конфликт между председателем ГПУ УССР Балицким и его заместителем Леплевским).

Исследования показали, что для чекистов второй половины 30-х «честными» были те, кого они хорошо знали по службе, считали проверенными — т.е. они относились к одному клану, а «чужих» можно было подозревать в чем угодно. Анализ кланов 1936 г. показывает, что они были однотипны по своему социальному и национальному составу, по партийно-политическому прошлому. Различия между кланами заключаются, прежде всего, в их предшествующей службе: одни писали докладные Менжинскому и «разоблачали вредителей», другие ловили басмачей в пустыне. «Своим» для чекиста был тот, кто прошел с ним опасности (будь то Гражданская война или «закордонная разведка»). В измену этого человека верилось с трудом. Тот, с кем не был связан опыт совместных испытаний, мог оказаться врагом (шпионом или вредителем). Кроме того, обвинения против «своего» были опасны, так как косвенно ставили под вопрос лояльность всех его сослуживцев, не разоблачивших скрытого врага. По сути, любому сослуживцу можно было предъявить обвинение в преступной халатности или пособничестве. Поэтому «своих» надо было защищать, в том числе и путем поиска врагов среди «чужих» [37, с. 385—386].

Именно представление о «клановом» характере конфликта в руководстве НКВД помогает найти объяснение происходящему. Руководство НКВД лета 1936 года, будучи единым по своему социально-политическому, национальному и образовательному облику, не было, однако, монолитным и сплоченным. Отношения между этими группами были сложные и противоречивые. Ягода пытался контролировать центральный аппарат, отодвигая конкурирующие кланы от Москвы, от контактов с Кремлем, от

ключевого управления в НКВД — ГУГБ, от оперативных отделов. Противники Ягоды критиковали его за бюрократизм, бытовое разложение, увлечение хозяйственной работой, чванство — «отход от ленинских принципов руководства».

Смена наркома привела к обострению конфликта внутри центрального аппарата между «кланом» Ягоды и «честными чекистами дзержинской школы», верными принципу «партийного руководства» спецслужбами. Именно в нарушении принципа партийности, в ведомственном подходе обвинялся Ягода на пленуме. По сути, Ежов, действуя в традиционно партийном духе, разделял «здоровые» и «разложившиеся» элементы. На первом этапе конфликт между кланами в НКВД закончился формированием новой коалиции «кланов»: «северокавказцы», «туркестанцы», группа Реденса, группа Заковского. Ежов был партийной «крышей» этой коалиции. Своих людей («партийцев») Ежов расставил на неоперативные отделы. Сначала активную роль играли «туркестанцы», которые, возможно, были активными проводниками борьбы с «правой опасностью». Испытанием на прочность для этой коалиции стала борьба с угрозой «заговора Ягоды» и «заговора Тухачевского». Как можно понять, «клан» Фриновского сыграл решающую роль в «разоблачении Молчанова» и разгроме «заговора военных», в борьбе с «агентурой ПОВ».

После майско-июньских событий 1937 г. победители начали чистку провинции. Логика этой чистки была двойственная. С одной стороны, можно рассматривать как сопровождение и обеспечение чистки партийного аппарата от «оппозиционеров» и успешного проведения «массовых операций», с другой стороны, это была попытка ликвидировать остатки «заговора Ягоды».

Чистка 1937 г. превратилась в широкомасштабную смену кадров. К концу года почти не осталось руководителей областных управлений, которые получили назначения при Ягоде. Вместе с тем по своему социально-политическому портрету те, кого «зачищали», принципиально не отличались от «чистильщиков». Это был «клановый» конфликт внутри одной социальной группы [37, с. 204].

Основная масса новых назначений 1937 г. связана с необходимостью занять «освободившиеся» места. Вместе с тем занимают эти места в первую очередь представители победивших кланов. Новых чекистских руководителей, которые не связаны ни с «северокавказцами», ни с «туркестанцами», ни с людьми Реденса, ни с Заковским, мало. В целом на этом этапе в роли гегемона явно выступает клан Фриновского. Однако уже на этом этапе начинают просматриваться основы кадровой политики «сталинского наркома» — акцент на рабоче-крестьянское происхождение, отсутствие сомнительного небольшевистского прошлого. Особенно заметно это при выборе «выдвиженцев».

В 2003 году исследование «Борьба в руководстве НКВД» я закончил словами: «Ради чего чекистские кланы перебили друг друга и залили страну кровью?...» Именно попытке найти ответ на этот вопрос и посвящена данная книга.

Есть ли источники, которые позволят нам решить поставленную задачу? Пока основным источником исследователей являются постановления Политбюро, материалы московских процессов и приказы НКВД. При всей значимости этих документов они дают официальную картину событий. Последнее время исследователи широко используют материалы следственного дела Ежова, его письма к Сталину, показания на следствии, показания других чекистов. При использовании этого источника важно помнить, что это также не столько характеристика реального хода событий, сколько той версии, которую пытались создать следователи Берии (или той версии, которая была в голове у Сталина весной 1939 г.). Хотя, безусловно, в показаниях арестованных чекистов есть масса очень выразительных деталей.

Официальную картину исследователи пытаются дополнить анализом мемуаров участников событий. Правда, их сохранилось крайне мало, за исключением воспоминаний В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Н.С. Хрущева, А. Орлова, А. Кривицкого, М. Шрейдера и др. Иногда кажется, что

у нас нет сейчас возможности реконструировать картину реально происходившего. При всей значимости документальных материалов они отражают скорее то, что думали и говорили участники событий, как они объясняли свои поступки. Нас же интересуют и их «слова», и их «дела».

Данная работа использует указанные выше источники, но в основе ее лежит количественный анализ, во-первых, так называемых сталинских расстрельных списков, а во-вторых, важнейших из опубликованных на сегодняшний день документальных источников об исполнении террора, а именно — книги памяти.

Историки неохотно используют их, так как существует мнение, что эти списки включают лишь очень небольшую часть из общего числа жертв террора — не более 10—12 %. Данное утверждение о том, что книги памяти включают лишь небольшую часть жертв террора, часто служит основанием для скепсиса в возможности использования этого источника в научной работе. Однако представляется, что сомнения могут быть преувеличены. Во-первых, экспертная оценка 10—12 % рождается из суммарной оценки жертв репрессий в 13 млн. В число репрессированных справедливо включены не только арестованные в 1937—1938 гг., но и жертвы коллективизации и депортаций 40-х гг. Вместе с тем если рассматривать книги памяти как источник прежде всего по событиям второй половины 30-х гг., то ситуация иная. Во-вторых, по целому ряду регионов нет пока книг памяти или данные их заведомо неполны. Но во многих регионах они есть и первоначальная экспертная оценка показывает, что есть ряд регионов РФ, в которых книги памяти отражают значительный массив данных — 60—90 % репрессированных в 1936—1938 гг.

Это Москва и Московская, Смоленская, Нижегородская, Куйбышевская, Ярославская, Иркутская, Архангельская, Калининская области, Алтайский, Хабаровский, Приморский, Ставропольский край, Карелия и Башкирия. Уровень подготовки книг порой вызывает справедливые нарекания — как с научной, так и с редакционно-оформительской точки зрения.

В принципе в книгах памяти может приводиться информация по следующим критериям:

- 1) фамилия, имя, отчество;
- 2) дата рождения;
- 3) место рождения;
- 4) национальность;
- 5) место жительства;
- 6) место работы и должность;
- 7) партийность;
- 8) обвинение;
- 9) осудивший орган;
- 10) мера наказания;
- 11) орган, принявший решение о реабилитации, дата реабилитации.

Правда, только в редких изданиях присутствует информация по всем пунктам. Первичный анализ показал, что книги памяти указанных выше регионов предположительно могут дать относительно полную информацию о составе репрессированных, динамике репрессивной политики, поможет определить, по каким группам населения наносился удар.

Прежде чем перейти собственно к результатам работы, надо сделать несколько методологических уточнений, надо дифференцировать проблему на ряд локальных проблем. В исследовании «Сталин и НКВД» я уже проводил различие между репрессиями против широких слоев населения и против номенклатуры (расстрелы членов ЦК — вершина айсберга). Назовем (лишь условно) первый процесс «большим террором», а второй — «большой чисткой». Вероятно, оба процесса тесно связаны между собой, но есть и важные различия.

Начнем с формального на первый взгляд «процедурного момента». Механизм принятия решения о репрессировании того или иного человека различен.

Часть граждан (40—44 тыс.) осуждены Военной коллегией Верховного суда (ВКВС). Именно через расстрельные списки проходят имена видных партийных деятелей (в том числе и большинство членов ЦК ВКП(б)), военачальников, писателей.

Следует учитывать, что, перед тем как вопрос рассматривался судом, он проходил утверждение Политбюро. НКВД направляло Сталину так называемые расстрельные

списки (сохранилось 383 списка на 44,5 тыс. имен¹), которые Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и др. просматривали, подписывали, таким образом, предопределяли решение Военной коллегии Верховного суда. В количественном отношении изменения членов Политбюро незначительны: вычеркнуто 95 имен, изменена мера наказания для 35.

Значительное большинство граждан СССР было репрессировано во внесудебном порядке. 1 августа 1937 года на основании приказа № 00447 началась так называемая кулацкая операция, по которой подлежали репрессированию «антисоветски настроенные» бывшие кулаки, бывшие члены антикоммунистических партий, некоторые священники и, наконец, уголовники. Они также были разбиты на две категории: 1-я категория подлежала расстрелу, 2-я категория — 10 лет лишения свободы. Решение вопроса о том, кого репрессировать и по какой категории, принадлежало созданной специально для этого тройке (включала в себя руководителя НКВД региона, представителя партийного руководства и прокуратуры). Руководство каждого региона получило «лимит» на осуществление репрессий, однако, как уже говорилось выше, в большинстве регионов регулярно обращалось в Центр с просьбой о пересмотре лимитов. В результате кулацкой операции было репрессировано почти 387 тыс. по 1-й категории и 389 тыс. по 2-й категории.

Летом 1937 года начались и так называемые национальные операции: польская (приказ № 00485), немецкая (приказ № 00439), харбинская (приказ № 00593), затем латышская (приказ № 49990) и др. Удар наносился по «шпионам», «диверсантам». Решение о репрессиях в проведении этой операции принимала так называемая двойка: комиссия из руководителей НКВД и прокуратуры. То есть это также была внесудебная расправа. Двойка в регионе не имела право самостоятельно осудить заключенного (этим она отличалась от тройки кулацкой операции). Списки

¹ Реальное количество имен меньше примерно на тысячу, так как в списках есть повторы имен. В целом ВКВС осудило не менее 42 тыс. человек.

арестованных направлялись в Центр, где решение должна была принимать комиссия НКВД СССР (Ежов) и Прокуратуры СССР (Вышинский). В ходе национальных операций были также уничтожены сотни тысяч людей: в результате польской — более 104 тыс., немецкой — 31 тыс., латышской — более 17 тыс. и т.д.

Риску высказать предположение, что столь разная юридическая процедура — отражение разных социально-политических процессов. Значительная часть осужденных через Военную коллегия Верховного суда (не менее половины) — члены ВКП(б), часто представители партийно-государственного аппарата и офицеры. Как можно понять, удар по этой группе населения требовал более жесткого контроля со стороны членов Политбюро. Массовые операции направлены прежде всего против широких слоев населения (большинство репрессированных крестьяне и рабочие), представителей правящей партии там значительно меньше.

У этих явлений разная хронология — обычно и мемуаристы, и исследователи ищут начало «большой чистки» в убийстве Кирова (на самом деле, как будет показано ниже, надо начинать с лета 1936 года), в то время как дата начала массовых операций явно иная — лето 1937 г. В дальнейшем будет показано, что и окончание чистки не совпадает с окончанием массовых операций.

Представляется, что многие ошибки исследователей возникают из-за того, что два этих процесса неправомерно смешиваются. На самом деле «большая чистка» может иметь одни причины и механизмы развития, а «большой террор» — другие.

Кроме того, представляется крайне важным учесть региональную специфику и при проведении «большой чистки», и при проведении «большого террора». Наблюдения и выводы, правомерные для одних республик, краев и областей, могут не подтверждаться в других.

Таким образом, мы попытаемся сначала определить реальный ход репрессий в выявленных регионах — время начала операций, пик и т.д. Затем соотнесем с общим ходом «чистки» и «террора» в стране и определим, есть ли

регионы, в которых ход репрессии отличается от того, как они развивались в целом по стране.

После этого определим, кто руководил местными органами НКВД и партией в этих регионах, какие отношения были у этих людей с руководителями наркомата, к каким группам в чекистском руководстве они относились. Попытаемся проверить широко распространенное в науке и публицистике убеждение, что размах репрессий определялся исключительно волей Сталина.

Одновременно попробуем (естественно, с большой степенью гипотетичности) реконструировать замыслы этих чекистов, выяснить, как соотносятся «дела» и «слова».

Самостоятельное значение имеют приложения к книге. В первую очередь это диаграммы, характеризующие ход репрессий в различных регионах. Некоторые (№ 1, 5—8, 10, 11, 17, 19, 24, 28) из них впервые были опубликованы в работе «Сталин и НКВД». Однако диаграммы, которые приводятся в настоящем издании, уточнены на основе новых данных. Документы, которые сопровождают книгу, призваны в первую очередь полнее охарактеризовать личность Е.Г. Евдокимова. Ссылка на архивные документы всюду, где возможно, дается на первую публикацию. Биографические справки даны по работе: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД в 1934—1941. М., 1999.

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Начать я бы хотел с изложения своей реконструкции событий 1937—1938 гг. С моей точки зрения, это нужно для того, чтобы читатель смог соотнести позицию автора с существующими интерпретациями. Кроме того, я попробую сразу показать, как аргументировано каждое утверждение.

В 1934 г. — первой половине 1936 г. Сталин считал своими главными противниками троцкистов («левых»). Именно они были целью удара НКВД после убийства С.М. Кирова (дело «ленинградского центра», «московского центра», первый московский процесс и др.). Эта полити-

ка Сталина отразилась в мемуарах А. Орлова о взаимоотношениях в руководстве НКВД в 1935—1936 гг. и рассказах Г. Люшкова.

Определялась позиция Сталина, с одной стороны, непримиримостью троцкистов в борьбе против него в 20-х, личной ненавистью к Троцкому. Именно троцкистов вождь считал главными противниками своей неограниченной власти. Оппоненты троцкистов — «правые» — пока не были объектом оперативных разработок спецслужб, а их лидеры (Н.И. Бухарин и А.И. Рыков) включены в политическую элиту.

Попытка Сталина уничтожить троцкистов вызвала тревогу части «старых большевиков». Главное, что казалось опасным, — возможность расстрела коммунистов, что разрушало привилегированный политический статус партии. Конфликт Сталина с Енукидзе и Орджоникидзе — отражение споров в руководстве партии по этому вопросу, а ведь еще в начале 30-х они казались надежными соратниками вождя. Мемуары Орлова подробно описывают опасения, которые вызвал у многих чекистов первый московский процесс.

Столкнувшись со скрытым сопротивлением своей политике, Сталин в сентябре 1936 г. принимает решение убрать значительную часть «старых большевиков» из руководства страны, фактически он планирует провести ротацию руководящих кадров, для чего ему потребовалось сменить руководство НКВД.

Это решение потребовало нового идейно-политического обоснования, начало которого было сформулировано в письме Сталина и Жданова 25 сентября 1936 года, а развернуто в выступлении на февральско-мартовском 1937 года пленуме. Как уже говорилось во вступлении, установлено, что в формировании нового курса активное участие приняли Каганович и Ежов.

Суть нового идеологического курса, который я предлагаю назвать «левый поворот», заключается в указании новой политической угрозы — опасности буржуазного перерождения части правящей элиты СССР («буржуазного заговора»). Этот вывод можно сделать на основе анализа речи Сталина на февральско-мартовском пленуме.

Для обеспечения нового курса Н.И. Ежов был назначен наркомом внутренних дел. В руководстве НКВД сформировалась группа чекистов, которые активно поддержали «левый поворот». Это «северокавказцы», «туркестанцы», группа Заковского и группа Реденса, группа Берии. Определить эти группы можно по:

— времени представления Сталину расстрельных списков из регионов. В ряде регионов (Москва и Московская область, Ленинград, Азово-Черноморский край, Закавказье, Орджоникидзевский край, Западно-Сибирский край и др.) списки стали составляться уже в начале 1937 года, сразу после назначения Ежова наркомом (а аресты начались раньше — см. ниже);

— выступлениям на февральско-мартовском пленуме 1937 года. Только три чекиста (Г. Ягода, В. Балицкий и Т. Дерибас) были членами или кандидатами в члены ЦК, избранном в 1934 году. Но для участия в февральско-мартовском пленуме были приглашены многие руководители региональных управлений и наркоматов. Позицию Заковского, Реденса, Агранова и др. можно определить по выступлениям в прениях по докладу Ежова;

— мемуарам Орлова, Мироновой, Шрейдера, которые отражают кадровую и политическую ситуацию в наркомате в 1937 году.

Хочется подчеркнуть, что удар по «правым» только внешне похож на удар по троцкистам. Действительно обе группы относятся к «старым большевикам» и были противниками Сталина в 20-х гг. По сути же, в отличие от удара по троцкистам, как было показано выше, это удар по другой социально-политической группе — по номенклатурным работникам. Анализ документов показывает, что «левый поворот» означал начало широкомасштабной чистки партийных кадров.

Это видно, во-первых, по изменению социального состава лиц, содержащихся в расстрельных списках. Если в 1936 году среди арестованных преобладали представители интеллигенции, то с весны 1937 года доминируют представители властных структур.

Во-вторых, из анализа расстрельных списков следует,

что троцкисты и «правые» в глазах следователей НКВД — разные группы, отличающиеся по социальному статусу, возрасту и национальности.

Перелом в направлении работы НКВД особенно заметен с «разоблачения заговора Ягоды» и «заговора Тухачевского». Дискредитация руководства РККА — начало чистки. С моей точки зрения, еще в 1936 году ликвидация Тухачевского Сталиным не планировалась, но к весне чекистам удалось собрать компромат на маршала.

Для правильного понимания сути происходящего надо учитывать внешнеполитический контекст. Одновременно в 1936 г. — начале 1937 г. СССР вел сложную внешнеполитическую игру. С одной стороны, проводилась политика единого антифашистского фронта, с другой стороны, шел зондаж Берлина (поездка Тухачевского, миссия Кандедаки).

Именно в этой внешнеполитической ситуации группа офицеров ИНО НКВД оказывается замешанной в создании компромата на Тухачевского. Смысл этой провокации — срыв возможного соглашения Сталина и Гитлера и ликвидация внутри страны тех политических сил, которые могут выступать за это соглашение.

Кульминация чистки в ЦК — июньский пленум 1937 года. Анализ биографических справок членов ЦК показывает, что реальный конфликт летом 1937 года развернулся не между «старыми большевиками» и «сталинистами», а внутри «старых большевиков» и внутри «сталинистов». Иными словами, первоначальный замысел изменился.

Одновременно летом 1937 года проходит чистка региональных кадров НКВД. В республиках, краях и областях к руководству органами пришли представители победивших групп («кланов»): «северокавказцы», «ежовцы», группа Заковского, группа Реденса и др.

Чистка кадров в НКВД вписывается в русло сталинской ротации. Но важно учесть специфику чистки НКВД — борьба кланов запустила механизм ротации. Это видно из социологического анализа изменений в руководстве НКВД (гл. «Немного социологии» в исследовании «Сталин и НКВД») и особенно того, что у Ежова была раз-

ная кадровая политика в центре и на местах. Кроме того, следы конфликта «кланов» видны и в мемуарах Орлова, Мироновой, Шрейдера.

Лето 1937 года — начало массовых операций. С моей точки зрения, самая кровавая и широкомасштабная операция — кулацкая — плод политический импровизации руководства СССР. Убежден, что первоначально она не планировалась. Во-первых, «кулацкая операция» противоречит основным положениям Конституции 1936 г. Во-вторых, речь Ежова на февральско-мартовском пленуме 1937 года ясно свидетельствует о том, что нарком еще ничего не знает о планах по началу массовых операций. Наоборот, он утверждает, что время массовых операций прошло.

Идейно-политические замыслы творцов репрессий разнообразны. «Чистка» партийных кадров описывается как борьба с угрозой «фашистского заговора» (по процессу 1938 года). Национальные операции — борьба с «пятой колонной» в условиях угрозы войны с Германией, Японией и Польшей.

«Кулацкая операция» руководством НКВД первоначально мыслится как завершающий этап социалистических преобразований, что видно из сравнительного анализа приказов 1930 и 1937 гг. Однако к концу 1937 г. и особенно в 1938 г. смысл продолжения «массовых операций» для руководства НКВД меняется.

Сталину удавалось контролировать ход «чистки», однако в ходе массовых операций руководство НКВД фактически стало выходить из-под контроля. Анализ источников показал, что единой стратегии в репрессиях не было и можно выделить несколько групп регионов. В одних было репрессировано заметно больше, чем первоначально и чем в среднем по стране, в других ограничились выполнением приказов Центра. Часть руководителей НКВД проявляла активность и самостоятельность и в определении сроков операции, и в определении лимитов, и в поиске целевых групп. Нет однозначной зависимости между активностью в репрессивной политике и карьерой, зато более заметна связь между карьерным ростом и принадлежностью к клану.

Показательно, что «северокавказцы» проводят иную

политику, чем группа Берии. Приоритетной задачей первых выступают «массовые операции», чекисты Закавказья ориентируются прежде всего на проведение чистки.

К лету 1938 года сформировалась группа руководителей НКВД, которая обладала определенной самостоятельностью. Это в первую очередь «северокавказцы» (Фриновский М.П. и др.). Они рассчитывали, что массовые репрессии приведут их к политической власти в стране.

В условиях 30—40-х гг. сам факт того, что какое-то учреждение или его руководство выходит из-под контроля высшего политического руководства, неизбежно интерпретируется как «заговор». Тем более это распространяется на ситуацию, когда из-под контроля выходит такая мощная силовая структура, как НКВД. Вместе с тем есть основания считать, что часть руководителей НКВД понимало, что сложившаяся ситуация представляет для них опасность, и обдумывало вероятность нанесения по Сталину превентивного удара.

Из показаний на следствии Ежова, Фриновского, Жуковского, Бермана, Миронова и др. следует, что руководство НКВД готовило покушение на Сталина. Существует информация о двух сценариях убийства Сталина: отравление летом 1938-го или покушение 7 ноября 1938 г. Эти показания косвенно подтверждаются мемуарами С. Берии, А. Мироновой.

Но самым весомым доказательством подготовки заговора против Сталина является тот факт, что руководство НКВД располагало документами, подтверждающими (как им казалось) связи Сталина с царской охранкой. Известно, что при аресте Ежова была найдена папка Тифлисского охранного отделения. Судьба этих документов неизвестна. Ряд независимых друг от друга мемуаристов подтверждает, что руководители НКВД располагали этими документами. Об этом пишет в своих воспоминаниях Орлов, это рассказывает с ссылкой на отца А. Маленков. Да и сам Сталин, по свидетельству Н.С. Хрущева, считал, что чекисты располагают компроматом на него. Иными словами, есть доказательства существования «второго заговора в

НКВД» («первый» связывали с именем Ягоды), или «заговора 1938 г.».

Таким образом, отвечая на поставленные во вступлении вопросы, следует сказать: в 1938 г. руководство НКВД вышло из-под контроля Сталина, и именно это в первую очередь является причиной и различного хода репрессий в разных регионах СССР, и ликвидации «ежовского» руководства наркомата.

Глава 1

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ЦИФРАМИ

Эту главу читатель может пропустить. В ней будет много цифр и дат, в которых легко запутаться. Все они — комментарий к диаграммам и таблицам в конце книги. Основные выводы этой главы будут повторены в следующих главах. Вместе с тем опустить ее было бы некорректно для читателя, который захочет все проверить сам. Сначала будет показан ход «большой чистки» в регионах, затем «большого террора». По массовым операциям удалось собрать информацию по значительно большей части регионов.

Как уже говорилось, в 1937—1938 гг. было направлено 383 списка с 44,5 тыс. имен. Считается, что первый список был составлен осенью 1936 года. Исследователи полагают, что «от этого первого списка сохранились, по-видимому, лишь два недатированных фрагмента, которые были подшиты к общему корпусу списков 1937 г. (т. 5, л. 373—375) и включены в опись как единый недатированный список, относящийся к 1937 г. В первом из этих фрагментов — 114 человек, осужденных выездной сессией ВК ВС 10—11 октября 1936 г. в Ленинграде, во втором — 33 человека, из которых 29 были приговорены к расстрелу 8 октября 1936 г. в Москве». Первый датированный список — 27 февраля 1937 г., последний — 29 сентября 1938 г.

На данный момент, бесспорно, удалось определить, к какому региону относится более 41,5 тыс. имен (см. таблицу № 14).

По числу репрессированных среди республик доминируют Украина — 4132 человека по 1-й категории и Грузия — 3483. Среди краев и областей РСФСР Дальневосточный край (ДВК) — 2296, Западно-Сибирский край

(ЗСК) — 1476, Азово-Черноморский край (АЧК) — 1423, Оренбургская область — 1145.

Самые короткие списки пришли из Карелии и Тульской области — 19 и 16 по 1-й категории соответственно.

Рассмотрим в первую очередь те регионы, которые были предметом изучения (см. перечень списков в приложении):

96 списков, направленных центральным аппаратом НКВД («Москва-Центр») с 6360 именами репрессированных по 1-й категории и 474 именами по 2-й категории. Кроме того, изучены 4 списка с 2394 именами, направленные Берией Сталину (см. таблицу № 1).

31 список УНКВД Москвы и Московской области с 1021 именем по 1-й категории и 115 именами по 2-й категории (см. таблицу № 2).

18 списков УНКВД Дальневосточного края (ДВК) с 2296 именами по 1-й категории и 20 именами по 2-й категории (см. таблицу № 3).

10 списков УНКВД Куйбышевской области с 496 именами по 1-й категории и 76 по 2-й категории (см. таблицу № 5).

12 списков УНКВД Горьковской области с 576 именами по 1-й категории и 154 именами по 2-й категории (см. таблицу № 7).

10 списков УНКВД Смоленской области с 192 именами по 1-й категории и 35 по 2-й категории (см. таблицу № 8).

9 списков УНКВД Орджоникидзевского края с 610 именами по 1-й категории и 180 именами по 2-й категории (см. таблицу № 4).

7 списков УНКВД Восточно-Сибирского края (затем Иркутской области) с 415 именами по 1-й категории и 51 по 2-й категории (см. таблицу № 6).

5 списков УНКВД Северной (затем Архангельской) области с 166 именами по 1-й категории и 31 по 2-й категории (см. таблицу № 10).

12 списков УНКВД Ярославской области с 231 именем по 1-й категории и 85 по 2-й категории (см. таблицу № 11).

9 списков УНКВД Калининской области с 124 именами по 1-й категории и 17 именами по 2-й категории (см. таблицу № 9).

2 списка НКВД Карелии с 22 именами по 1-й категории и 1 именем по 2-й категории (см. таблицу № 13).

10 списков НКВД Башкирии с 315 именами по 1-й категории и 58 имен по 2-й категории (см. таблицу № 12).

Кроме того, для определения масштаба массовых операций в каждом регионе были использованы следующие документы.

Приказ № 00447, по которому Центром были установлены так называемые лимиты по 1-й и 2-й категориям осужденных.

«2. Согласно представленным учетным данным Наркомами республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД утверждается следующее количество подлежащих репрессии:

	Первая категория	Вторая категория	ВСЕГО
1. Азербайджанская ССР	1500	3750	5250
2. Армянская ССР	500	1000	1500
3. Белорусская ССР	2000	10 000	12 000
4. Грузинская ССР	2000	3000	5000
5. Киргизская ССР	250	500	750
6. Таджикская ССР	500	1300	1800
7. Туркменская ССР	500	1500	2000
8. Узбекская ССР	750	4000	4750
9. Башкирская АССР	500	1500	2000
10. Бурят-Монгольская АССР	350	1500	1850
11. Дагестанская АССР	500	2500	3000
12. Карельская АССР	300	700	1000

13. Кабардино-Балкарская АССР	300	700	1000
14. Крымская АССР	300	1200	1500
15. Коми АССР	100	300	400
16. Калмыцкая АССР	100	300	400
17. Марийская АССР	300	1500	1800
18. Мордовская АССР	300	1500	1800
19. Немцы Поволжья АССР	200	700	900
20. Северо-Осетинская АССР	200	500	700
21. Татарская АССР	500	1500	2000
22. Удмуртская АССР	200	500	700
23. Чечено-Ингушская АССР	500	1500	2000
24. Чувашская АССР	300	1500	1800
25. Азово-Черноморский край	5000	8000	13 000
26. Дальневосточный край	2000	4000	6000
27. Западно-Сибирский край	5000	12 000	17 000
28. Красноярский край	750	2500	3250
29. Орджоникидзевский край	1000	4000	5000
30. Восточно-Сибирский край	1000	4000	5000

31. Воронежская область	1000	3500	4500
32. Горьковская область	1000	3500	4500
33. Западная область	1000	5000	6000
34. Ивановская область	750	2000	2750
35. Калининская область	1000	3000	4000
36. Курская область	1000	3000	4000
37. Куйбышевская область	1000	4000	5000
38. Кировская область	500	1500	2000
39. Ленинградская область	4000	10 000	14 000
40. Московская область	5000	30 000	35 000
41. Омская область	1000	2500	3500
42. Оренбургская область	1500	3000	4500
43. Саратовская область	1000	2000	3000
44. Сталинградская область	1000	3000	4000
45. Свердловская область	4000	6000	10 000
46. Северная область	750	2000	2750
47. Челябинская область	1500	4500	6000
48. Ярославская область	750	1250	2000

УКРАИНСКАЯ ССР

1. Харьковская область	1500	4000	5500
2. Киевская область	2000	3500	5500
3. Винницкая область	1000	3000	4000
4. Донецкая область	1000	3000	4000

5. Одесская область	1000	3500	4500
6. Днепропетровская область	1000	2000	3000
7. Черниговская область	300	1300	1600
8. Молдавская АССР	200	500	700

КАЗАХСКАЯ ССР

1. Северо-Казахст. область	650	300	950
2. Южно-Казахст. область	350	600	950
3. Западно-Казахст. область	100	200	300
4. Кустанайская область	150	450	600
5. Восточно-Казахст. область	300	1050	1350
6. Актюбинская область	350	1000	1350
7. Карагандинская область	400	600	1000
8. Алма-Атинская область	200	800	1000
Лагеря НКВД	10 000	—	10 000»

Всего приказ установил, что должно быть осуждено 75 950 по 1-й категории и 193 000 по 2-й категории.

Сразу вслед за этим региональные руководители начали ставить вопрос о повышении лимитов. На данный момент известны следующие документы.

11 августа 1937 г. Ежов направил письмо № 59108 на имя тов. Сталина: «Ввиду большой засоренности колхозов, совхозов и промышленных предприятий Западной области беглым кулачеством и другими контрреволюционными элементами, проявляющими большую антисоветскую активность, считаю необходимым увеличить число подлежащих репрессированию по Западной области бывших кула-

ков, уголовников и антисоветских элементов по 1-й категории до 3000 человек, по 2-й категории до 6000 человек. Для Западной области было утверждено: 1-я категория — 1000 человек и 2-я категория — 5000 человек. Проект постановления представляю».

15 августа 1937 г. руководитель УНКВД Омской области Г.Ф. Горбач направил шифротелеграмму Н.И. Ежову об увеличении лимита для Омской области:

«По состоянию на 13 августа по Омской области по первой категории арестовано 5444 человека, изъято оружия 1000 экземпляров.

Прошу дать указание по моему письму № 365 относительно увеличения лимита по первой категории до 8 тысяч человек».

На ней резолюция Сталина за увеличение на 9000, правда, ряд исследователей считает, что следует читать «8000» [73, 145].

Записка И.В. Сталина и В.М. Молотова об увеличении лимита для Красноярского края. Ориентировочная дата — 20 августа 1937 г.:

«Дать дополнительно Красноярскому краю 6600 чел. лимита по 1-й категории». «За» — резолюция И. Сталина, В. Молотова.

Основной массив документов на настоящий момент — постановления Политбюро ЦК ВКП(б) об увеличении лимитов.

От 28 августа 1937 г.:

«Во изменение решения ЦК от 11.VII.37 г. разрешить Оренбургскому обкому отнести к первой категории репрессированных 3500 человек».

От 29 августа решение по Коми АССР о том, что лимит по региону будет установлен в 211 человек по 1-й категории и 221 — по 2-й категории.

От 2 сентября 1937 г.:

«Во изменение решения ЦК 10 июля 1937 г. разрешить Кировскому обкому увеличить количество репрессированных по первой категории до 900 человек».

От 5 сентября 1937 г.:

«Удовлетворить просьбу Северно-Осетинского обкома

ВКП(б) об увеличении количества репрессированных по первой категории на 200 человек».

От 16 сентября 1937 г.

«Б) Принять предложение Калининского обкома ВКП(б) об увеличении количества репрессированных по первой категории по Калининской области на 1500 человек».

От 24 сентября 1937 г.:

«В целях очистки Армении от антисоветских элементов разрешить ЦК КП(б) Армении увеличить количество репрессированных по первой категории на 1500 человек».

Кроме того, известен запрос от 26 сентября руководителя парторганизации Дагестана Сталину с просьбой об увеличении лимита до 1200 чел. по 1-й категории и 3300 — по 2-й категории [109, 123, 139].

От 4 октября 1937 г.:

«Принять предложение ЦК ВКП(б) Казахстана об увеличении количества репрессированных по первой категории по Казахской ССР дополнительно на 3500 человек».

От 8 октября 1937 г.:

«Утвердить предложение Горьковского обкома ВКП(б) об увеличении количества репрессированных по первой категории на одну тысячу человек».

Исследователям известна шифротелеграмма первого секретаря в Башкирии А.Т. Заликина от 12 октября 1937 г. Сталину:

«Полученными показаниями участников троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической контрреволюционной организации выявлена сеть военно-повстанческих отрядов на территории Башкирии. Лимит, который был дан для Башкирии по первой и второй категориям, явно недостаточный. Прошу увеличить лимит».

На телеграмме имеется резолюция Сталина: «Т. Ежову. Надо увеличить по обеим категориям на...»

Цифра не сохранилась, но можно установить по книгам памяти (см. ниже), что лимит повышен не менее чем на 1000 по 1-й категории.

Вместе с тем основная масса решений Сталина оформлялась как постановление Политбюро.

От 20 октября 1937 г.:

«Утвердить предложение Архангельского обкома ВКП(б) об увеличении количества репрессированных к.р. элементов по первой категории на 400 чел. И по второй категории на — 800 человек».

«Утвердить предложение Алтайского крайкома ВКП(б) об установлении количества репрессированных контрреволюционных элементов по Алтайскому краю по первой категории 4000 чел., и по второй категории — 4500 чел.».

От 21 октября 1937 г.:

«Утвердить предложение Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) об увеличении репрессированных к.р. элементов по 1-й категории до 1 тыс. человек».

От 25 октября 1937 г.:

«Увеличить количество репрессированных по Кировской области по первой категории на 500 человек, а по второй категории — на 800 человек».

От 17 ноября 1937 г.:

«Утвердить предложение ЦК КП(б) Казахстана об увеличении количества репрессированных по первой категории на 2000 человек и по второй — на 3000 человек».

От 19 ноября 1937 г.:

«Утвердить дополнительно количество репрессированного контрреволюционного кулацкого элемента по Омской области по первой категории 1000 человек и по второй категории — 1500 человек».

Известны решения от 3 декабря по Казахстану (на 800 по 1-й категории и 1000 по 2-й категории) и по Дагестану (на 800 по 1-й категории).

От 13 декабря 1937 г.:

«Утвердить предложение Калининского обкома ВКП(б) об увеличении количества репрессированных контрреволюционных элементов по Калининской области по первой категории на 700 человек и по второй категории на 1000 человек, всего 1700 человек».

От 15 декабря 1937 г.:

«Утвердить предложение ЦК КП(б) Казахстана об увеличении дополнительно количества репрессированных контрреволюционных элементов по Казахстану по первой категории на 900 человек и по второй категории — 3500 человек, всего 4400 человек».

31 января 1938 г. Политбюро приняло постановление о продолжении кулацкой операции в 22 республиках и областях до 15 марта (в ДВК до 1 апреля):

«А) Принять предложение НКВД СССР об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии бывших кулаков, уголовников и активного антисоветского элемента по следующим краям, областям и республикам:

- 1) Армянская ССР 1000 ч. по 1-й кат. и 1000 ч. по 2-й
- 2) Белорусская ССР — 1500 — — — —
- 3) Украинская ССР — 6000 — — — —
- 4) Грузинская ССР — 1500 — — — —
- 5) Азербайдж. ССР — 2000 — — — —
- 6) Туркменск. ССР — 1000 — — — —
- 7) Киргизск. ССР — 500 — — — —
- 8) Таджикск. ССР — 1000 и 500 ч. по 2-й
- 9) Узбекская ССР — 2000— 500 — — — —
- 10) ДВК — 8000 — 2000
- 11) Читинская обл. — 1500—500
- 12) Бурят-Монгол. — 500
- 13) Иркутская обл. — 3000—500
- 14) Красноярск. кр. — 1500—500
- 15) Новосибирск. обл. — 1000
- 16) Омская область — 3000—2000
- 17) Алтайск. кр. — 2000—1000
- 18) Ленинградск. обл. — 3000
- 19) Карельская АССР — 500—200
- 20) Калининск. обл. 1500—500
- 21) Московская обл. — 4000
- 22) Свердловск. обл. — 2000

Вслед за этим снова началось увеличение лимитов».

Постановление Политбюро от 1 февраля 1938 г.

«Принять предложение НКВД СССР об утверждении дополнительно намеченных к репрессированию по Дальневосточным лагерям 12 тыс. заключенных, осужденных за шпионаж, террор, диверсию, измену родине, повстанчество, бандитизм, а также уголовников-профессионалов. Дела

на эти категории заключенных рассмотреть до 1 апреля 1938 года на тройках по рассмотрению дел бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов. Все 12 тысяч человек репрессировать по первой категории».

2 февраля 1938 г. первый секретарь Республики немцев Поволжья направил Сталину шифротелеграмму:

«Тройка по рассмотрению дел бывших кулаков, уголовных, антисоветских элементов полностью исчерпала лимит, не успела завершиться работа по разгрому активных элементов. Прошу установить дополнительный лимит на одну тысячу человек до 15 февраля.

Секретарь Немобкома ВКП(б) Попок».

На листе имеется рукописная помета: «За. И. Ст.».

«17 февраля 1938 г. Политбюро приняло постановление :

Дополнительно разрешить НКВД Украины провести аресты кулацкого и прочего антисоветского элемента и рассмотреть дела их на тройках, увеличив лимит для НКВД УССР на тридцать тысяч.

Далее были постановления:

От 16 марта 1938 г.

Утвердить предложение Красноярского крайкома ВКП(б) 1) об увеличении количества подлежащих репрессии контрреволюционных элементов на 1500 чел. и 2) о продлении работы тройки до 15 апреля.

От 19 марта 1938 г.

Удовлетворить просьбу Карельского обкома ВКП(б) о продлении работы тройки по рассмотрению дел на бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов до 15 апреля и об увеличении дополнительно лимита по 1-й категории на 600 чел. и по 2-й — на 150 чел.

От 2 апреля 1938 г.

Разрешить особой тройке НКВД Грузии рассмотреть следственные дела по 1-й категории на 1000 человек и по 2-й категории на 500 чел.

От 13 апреля 1938 г.

Разрешить Ленобкому ВКП(б) дополнительно рассмот-

реть на особой тройке по первой категории дела 1500 кулаков, эсеров и рецидивистов-уголовников.

От 16 апреля 1938 г.

Удовлетворить просьбу Читинского обкома ВКП(б) о продлении работы особой тройки до 1 июня и установлении лимита в 3000 подлежащих репрессии контрреволюционных элементов.

От 28 апреля 1938 г.

Удовлетворить просьбу Красноярского крайкома ВКП(б) о продлении работы особой тройки до 15 июня и об увеличении дополнительно лимита по 1-й категории на 3 тыс. человек.

От 29 апреля 1938 г.

Утвердить предложение Иркутского обкома ВКП(б) и УНКВД об увеличении дополнительно лимита по кулацким и контрреволюционным делам по 1-й категории на 4 тыс. чел.

От 5 мая 1938 г.

Утвердить предложение Свердловского обкома ВКП(б) об увеличении лимита по делам кулаков и контрреволюционных элементов на 1500 человек по 1-й категории.

Кроме того, известно о решении от 10 мая 1938 года повысить лимит для Омской области на 1000 человек.

От 13 мая 1938 г.

Разрешить Ростовскому обкому ВКП(б) и УНКВД по Ростовской области передать на рассмотрение тройки по делам кулаков и контрреволюционных элементов дела участников вскрытых контрреволюционных групп, увеличив для этой цели лимит на 5 тыс. человек, в том числе по 1-й категории на 3500 человек.

От 31 июля 1938 г.

Утвердить для ДВК лимит для репрессирования контрреволюционных элементов на 15 тыс. человек по 1-й категории и 5 тыс. — по 2-й.

Секретарь ЦК».

Известен также запрос от 25 августа 1938 г. секретаря Иркутского обкома А.А. Филиппова и начальника УНКВД Малышева Сталину и Ежову об увеличении 1-й категории на 5000 (видимо, запрос был утвержден).

От 29 августа 1938 г.

Удовлетворить просьбу Читинского обкома ВКП(б) о продлении работы особой тройки по рассмотрению дел антисоветских элементов — до 1 ноября и увеличении лимита на 3 тыс. человек».

Таким образом, есть документы, свидетельствующие, что Сталин и Политбюро утвердили лимиты по кулацкой операции на расстрел 253 361 человека и осуждение к лишению свободы 230 600 человек. Соответственно, минуя письменную санкцию Сталина, было осуждено по кулацкой операции к расстрелу почти 134, 5 тыс. человек и к лишению свободы 148, 5 тыс. человек. Но самое главное, мы получаем возможность выяснить, какой в итоге лимит по кулацкой операции утвердил для каждого региона Сталин и Политбюро (см. таблицу № 15).

Второй по масштабу массовой операцией стали национальные операции. В докладе Поспелова говорится, что к 10 сентября 1938 г. было арестовано 227 986 человек, из них приговорено к высшей мере наказания 172 830 человек (см. табл.).

Однако это не окончательное число людей, репрессированных в рамках национальных операций. В том же докладе говорится, что «в целях быстрее рассмотрения следственных дел» приказом НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 года были созданы, наряду с существовавшими тройками, так называемые особые тройки в составе первого секретаря обкома, крайкома или ЦК нацкомпартии, соответствующего прокурора и начальника УНКВД. Тройки принимали решения по краткой справке, и большинство арестованных приговаривали к расстрелу. Приговор тройки приводился в исполнение немедленно. В статьях Н. Петрова, А. Рогинского указывается, что с 15 сентября по 15 ноября особые тройки «рассмотрели дела — по всем «национальным линиям» — почти на 108 тысяч человек». В докладе Поспелова указывается аналогичная цифра — более 100 тыс. Самое главное, что исследователи смогли определить количество репрессированных по польской и немецкой линии в каждом регионе (см. таблицы № 16 и 17).

№	Национальность	Из них				
		Всего рассмотрено	Осуждено к расстрелу	Осуждено к др. наказаниям	Передано в суды	Возвращено к доследованию
1.	Поляков	106 666	84 471	19 018	943	2234
2.	Немцев	31 753	24 858	5750	676	569
3.	«Харбинцев»	30 938	19 312	10 669	251	706
4.	Латышей	17 581	13 944	2741	512	384
5.	Греков	11 261	9450	1553	70	180
6.	Румын	6292	4021	2077	42	152
7.	Финнов	5880	5224	423	140	93
8.	Эстонцев	5680	4672	625	69	224
9.	Иранцев	2180	908	1154	17	101
10.	Афганцев	691	99	400	12	180
11.	Других	9064	5781	2494	488	301
	Итого:	227 986	172 830	46 912	3120	5124

По польской операции осуждено почти 140 000, в том числе приговорено к расстрелу более 111 000, и по немецкой осуждено более 55 000, из них приговорено к расстрелу почти 42 000. Иными словами, польская и немецкая операции в сумме дают 60 % репрессированных в рамках национальных операций. Следует также учесть, что из оставшихся национальных операций греческая, румынская, финская, эстонская, иранская, афганская реализовывались далеко не во всех регионах.

Теперь мы получили возможность сравнить количественные данные книг памяти. Если суммировать лимит по кулацкой операции, утвержденный Сталиным и Политбюро, прибавить к ним количество жертв польской и немецкой операции и жертвы расстрельных списков, то мы получим примерное количество жертв репрессий, которое утвердило Политбюро (либо через расстрельные списки, либо «альбомным порядком», либо через утвержденные лимиты). Если количество жертв в книгах памяти примерно совпадает с этой цифрой, то можно предположить, что они дают относительно полную картину репрессий (см. таблицу).

«МОСКВА-ЦЕНТР»

Репрессии в номенклатуре («большую чистку») можно установить по сталинским расстрельным спискам. Вне всякого сомнения, основная роль принадлежит центральному аппарату НКВД (списки «Москва-Центр»). Проанализированы 96 списков с 62 360 именами репрессированных по 1-й категории и 474 именами по 2-й категории.

Если сравнить сроки, в которые списки представлялись Сталину на утверждение (см. таблицу) с диаграммой арестов (диаграмма № 5), то можно выявить общие черты. Репрессии начинают расти со второй половины 1936 года — с прихода Ежова. Значительного размаха они достигают летом 1937 г., правда, кульминация приходится на декабрь этого года. Видно, что динамика не совпадает. Аресты достигают кульминации в декабре, приговоры имеют несколько пиков — январь, апрель, сентябрь 1938 г. В целом это

противоречие объяснимо — между арестом и судом должно было пройти время (обычно несколько месяцев).

Анализ состава лиц, репрессированных по делам центрального аппарата НКВД, проводился по возрасту, образованию, социальному составу, национальности и партийной принадлежности.

Проанализируем сначала статистику по различным социальным группам. Почти половина репрессированных (49 %) — ответственные работники. По мере развития репрессий удельный вес представителей власти нарастает, достигая в отдельные месяцы 60 %. 43 % репрессированных — интеллигенция и 8 % — рабочие и крестьяне.

Видно, что если при Ягоде центральный аппарат наносил удар прежде всего по интеллигенции, то с приходом Ежова акценты меняются. Хотя размах удара по интеллигенции растет, стремительно растут аресты номенклатурных работников.

Из диаграммы № 6 видно, что динамика репрессий номенклатурных работников в целом повторяет общую динамику арестов. Заметный рост арестов начинается весной 1937 года и достигает кульминации в декабре того же года.

Диаграмма № 7 отражает удельный вес арестованных номенклатурных работников в общем количестве репрессированных. Из диаграммы видно, что в 1936 году среди арестованных преобладают представители интеллигенции: в июле — 49 %, в сентябре — 47 %, в ноябре — 69 %. Для сравнения — представители властных структур: в июле 1936 г. — 20 %, в сентябре — 27 %, в ноябре — 25 %.

Далее, в 1937 году удельный вес репрессированных представителей власти нарастает, достигает 50 %. Именно это и позволяет нам говорить о начале «большой чистки». Сразу хочется обратить внимание на то, что есть несколько периодов, когда процент номенклатурных работников среди репрессированных растет. Первый в марте 1937-го: с 22 до 44 %.

Если сравнить график репрессий представителей властных структур и интеллигенции (см. диаграмму № 7), то мы видим, что тенденции противоположны. В 1936 году среди репрессированных преобладают представители интеллигенции: в июле — 49 %, в сентябре — 47 %, в ноябре — 69 %.

Для сравнения — представители властных структур: в июле 1936 г. — 20 %, в сентябре — 27 %, в ноябре — 25 %.

С весны, как уже говорилось, количество арестованных номенклатурных работников превосходит аресты интеллигенции. Кульминация арестов в ноябре — декабре 1937 г. определяется прежде всего арестами руководящих работников. Доля репрессированных из рабочих и крестьян мала и постоянно снижается.

Этот же вывод подтверждается и на основе анализа партийности репрессированных: 63 % репрессированных — коммунисты. Если в 1936 году арестованных коммунистов значительно больше, чем ответственных работников, то с осени 1937 года эти графики практически совпадают. То есть почти все арестованные коммунисты — ответственные работники. Обычно на первом плане у исследователей всегда дело Тухачевского. Действительно, на диаграмме (диаграмма № 10) виден всплеск ареста военных в апреле — июне 1937 года. Однако диаграмма показывает, что чистка в армии декабря 1937 г. — марта 1938 г. не уступает весенне-летней 1937 г. (см. ниже).

Крайне показательно и изменение национальности арестованных центральным аппаратом НКВД. Из диаграммы № 8 видно, что одновременно с ростом общего числа арестованных сокращается удельный вес русских, украинцев и белоруссов. В декабре, когда количество арестованных достигло пика, удельный вес «славян» сократился до 40 %. Это не значит, что их стали арестовывать меньше, просто рост арестов лиц других национальностей был опережающий. И наоборот, по мере сокращения числа арестованных удельный вес русских, украинцев и белоруссов растет, стремясь к 70 %.

На втором месте — евреи. Четыре раза — в августе 1937 года, в январе, марте и июне 1938-го — удельный вес евреев увеличивается в полтора раза — с 20 до 30 %. К сожалению, не удалось установить причину повышения удельного веса евреев. Заметной корреляции между политическими процессами и увеличением числа евреев среди арестованных нет.

Зато очевидна связь между динамикой арестов поляков и латышей и национальными операциями, которые проводил

центральный аппарат. После разгрома «военного заговора» следующей важнейшей операцией центрального аппарата стало разоблачение «заговора ПОВ» — с лета 1937 года начались аресты поляков. В декабре 1937 года резко увеличивается доля латышей среди арестованных центральным аппаратом НКВД — в стране началась латышская операция.

Высшее образование было у 56 % арестованных, среднее — у 26 %, начальное — 18 % (диаграмма № 9). Для сравнения — образование руководителей НКВД: высшее образование было у 26 %, среднее и незаконченное среднее — 53 %, начальное — 21 %. Таким образом, образовательный уровень у арестованных выше, чем у тех, кто принимал решения. Это объясняется высокой долей интеллигенции среди репрессированных и более высоким образовательным уровнем арестованных руководителей. 75 % арестованных родились до 1900 года.

Списки Берии

Перейдем к событиям осени 1938 года и попробуем сначала рассмотреть анализируемые документы в общем контексте репрессивной политики.

Завершающая часть диаграммы крайне интересна. Происходит одновременно и падение числа арестованных центральным аппаратом НКВД, и рост числа арестованных номенклатурных работников.

Списки сами по себе не дают этой картины. Как известно, Берия в 1939—1940 гг. направил Сталину на утверждение 4 списка.

14 февраля 1939 г. «Дела активных врагов партии и Советской власти, входящих в руководящий состав контрреволюционной право-троцкистской заговорщической и шпионской организации, в количестве 469 человек — передать на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР». Из них, как сообщил Сталину Ульрих, точно было расстреляно 413 человек: «На судебных заседаниях, — писал он, — полностью признали себя виновными Косиор, Чубарь, Косарев, Постышев, Егоров А.И., М. Берман и Б. Берман... Некоторые подсудимые отказались от своих

показаний на следствии, но были изобличены другими материалами дела».

8 апреля 1939 г. «Дела активных участников контрреволюционной право-троцкистской заговорщической организации» (всего 931 человек)... причем в отношении 198 руководящих участников применить высшую меру наказания — расстрел, а остальных 733 человек приговорить к заключению в лагерь «на срок не менее 15 лет каждого».

16 января 1940 г. Дела «врагов ВКП(б) и Советской власти, активных участников контрреволюционной, право-троцкистской заговорщической и шпионской организации в количестве 457 человек» и о том, что НКВД считает необходимым передать их дела в ВКВС... причем 346 человек следует приговорить к ВМН, а 111 — на сроки не менее 15 лет.

6 сентября 1940 г. Список на 537 человек, из которых предполагалось 472 человека расстрелять (в том числе 41 по обвинению в принадлежности к «заговорщической организации, готовившей вооруженное восстание против правительства МНР»), а остальных 65 человек приговорить к заключению на срок не ниже 15 лет каждого [74, с. 328—329].

Всего, следовательно, 2394 человека, из которых расстреляно не менее 1429 человек. Однако не все эти люди были арестованы при Берии, многие сидели с весны 1938-го, а некоторые даже с 1937 года. Надо выявить, кого арестовали именно при новом руководстве НКВД.

С сентября 1938-го по май 1939 г. арестовано 343 человека, по диаграмме видно, что существует локальный всплеск в ноябре 1938 г. — 88 человек.

Наконец, еще одно очень важное наблюдение — среди арестованных снова растет процент номенклатурных работников.

При Ежове он с весны 1937 г. колебался в районе 50 %, иногда достигая 60 %. С осени 1938 года динамика иная: сентябрь — 71 %, октябрь — 77 %, ноябрь — 83 %, декабрь — 96 %.

Далее, в январе и марте 1939 г. сокращение до 60 и 55 %, и, наконец, еще один всплеск арестов номенклатурных работников приходится на апрель 1939 г.

В заключение хочется обратить внимание на динамику национальности арестованных — рост процента евреев: октябрь — ноябрь — 29 %, декабрь — 38 %, май — 30 %, июнь — 37 %.

Наконец, еще одна важная особенность списков Берии: «ядро» арестованных — чекисты.

Из диаграммы видно, что во второй половине 1938 года резко сокращается количество арестованных, которых ВКВС приговорит к расстрелу.

В декабре 1937 г. арестовано 539, в феврале 1938 г. — 336, в июне — 180, в июле — 125, в августе — 68, в сентябре — 67, в октябре — 65.

Эти цифры можно сравнить с количеством арестованных при Ягоде — в апреле 1936 г. было арестовано 58, а в июле — 81 человек.

Среднемесячная цифра арестов центральным аппаратом при Ежове — 220 человек.

Лиц, осужденных к расстрелу, арестовано с 1 сентября 1938 г. по 1 сентября 1939 г. более 500 человек, то есть примерно столько же, сколько в одном только декабре 1937 г.

МОСКВА И МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

«Большая чистка»

Подчеркнем, что в данном случае мы анализируем лишь деятельность регионального управления НКВД по Москве и Московской области. Следует учитывать, что в Москве работал также центральный аппарат НКВД, который сам вел наиболее важные дела. Понятно, что в столице таких дел было очень много. Именно поэтому центральный аппарат подготовил списков более чем на 6800 человек — в 6 раз больше, чем региональный аппарат. С другой стороны, надо учесть, что центральный аппарат не участвовал непосредственно в проведении массовых операций, а они являлись важнейшей составляющей деятельности региональных управлений.

Как уже говорилось, с весны 1937-го по осень 1938 года УНКВД Москвы и Московской области направило 31 список на расстрел (1021 имя по 1-й категории). Если рас-

смотреть динамику роста осужденных в представленных документах (по месяцам), то видно, что первые списки появляются довольно рано — в мае 1937 года. Первый пик приходится на июнь 1937 года — 154 человека (по 1-й категории). Далее суммарное количество за месяц колеблется между несколькими десятками и никогда не поднимается выше ста человек. Второй пик приходится на сентябрь 1938 года — 245 имен (по 1-й категории). Исследованием установлено $\frac{2}{3}$ имен — 668, осужденных по 1-й категории.

Изучение биографических справок этих людей позволило определить даты арестов. Аресты начинают расти во второй половине 1936 года — именно эти люди попадают в майский 1937 года список. Далее резкий рост арестов в марте 1937 года и в феврале — марте 1938 года. Графически это представлено на диаграмме № 1.

По деятельности УНКВД Московской области у нас есть подробные данные по возрасту, образованию, социальному положению и национальному составу расстрелянных в ходе чистки.

58 % репрессированных родилось до 1900 года. Практически половина имеет высшее образование (включая н/в), 27 % — среднее, остальные — начальное.

56 % процентов репрессированных — интеллигенция (включая технических специалистов), 35 % — ответственные работники и офицеры РККА и НКВД, 9 % — рабочие и крестьяне.

Из диаграммы № 2 видно, что небольшое число рабочих и крестьян еще присутствует среди арестованных в конце 1936 — начале 1937 года, но со временем совсем сходит на нет (их будут репрессировать в ходе массовых операций). Представителей интеллигенции все время много. Рост числа арестованных весной 1937 и в феврале — марте 1938 г. создается именно за счет арестов интеллигенции.

В апреле 1937 г. начинается рост числа арестованных номенклатурных работников, и в июле — августе 1937 г. их даже больше, чем арестованных интеллигентов.

Второй пик арестов номенклатурных работников приходится на февраль 1938 г. Прежде всего это военные Московского военного округа.

Половина расстрелянных — коммунисты. Удельный вес репрессированных коммунистов начинает расти с мая 1937 г. (диаграмма № 4). Основная масса репрессированных — русские, их около 67 %, вторая по численности этническая группа — евреи. Их удельный вес растет начиная с сентября 1937 г. Больше всего арестовано евреев в марте 1938 года — практически половина арестованных. В первую очередь это юристы. 7 % репрессированных — немцы, латыши и поляки (диаграмма № 3).

«Большой террор» в Московской области

Как уже говорилось выше, важнейшее направление работы управления по Москве и Московской области — «массовые операции». На основании приказа № 00447 лимит для Московской области был установлен в 5000 по 1-й категории и 30 000 — по 2-й категории. 31 января 1938 года Политбюро установило дополнительный лимит в 4000 по 1-й категории.

В рамках польской операции расстреляно 1880, в рамках немецкой операции — 863, в рамках латышской операции — 1653.

Всего по данным книг памяти известно о расстреле на полигоне Бутово — 20 765 человек. Но в источнике (Расстрельные списки Бутовского полигона) содержатся данные не на всех. Туда не попали почти 6000 человек¹, которые не были реабилитированы (прежде всего уголовники). Всего по политическим статьям (58-я) соответственно расстреляно 15 061 человек, но у нас есть данные только по 12 803 — то есть примерно 85 % (диаграмма № 17).

Из диаграммы видно, что аресты начинаются сразу в рамках приказа № 00447. Кульминация арестов приходится на август 1937 г. и на январь — февраль 1938 г.

В диаграмме № 17 показана динамика арестов (только реабилитированные) в Московской области. Видно, что аресты начинаются лавиной в августе 1937 года, так же как

¹ Анализу их дел посвящена статья «Расстрелянные по уголовным и смешанным статьям УК РСФСР» Бутовский полигон. Вып. 6. М., 2002. С.195 — 199.

лавинообразно растет число расстрелянных. Повторюсь — то, что арестованных на диаграмме заметно меньше, чем расстрелянных, объясняется прежде всего тем, что расстрелянные учтены все, а диаграмма арестов построена на анализе реабилитированных.

Следует указать на то, что в Московской области только меньшинство (около 15 %) арестованных в ходе массовых операций — колхозники или трудятся в совхозе. Больше всего их в августе 1937 г. — треть, в другие месяцы до 10 %.

В ходе национальных операций расстреляно около 4,5 тыс. Видно, что в августе — ноябре 1937 года преобладают осужденные тройкой (то есть в ходе кулацкой операции) — 66—88 %. В феврале — марте 1938 года удельный вес осужденных тройкой опускается до 50 % — остальные репрессированы в ходе национальных операций (диаграмма № 18).

Крайне показателен национальный состав расстрелянных: 67 % расстрелянных — русские, 11 % жители прибалтийских республик (прежде всего латыши), 8 % — поляки.

В декабре 1937 года количество арестованных латышей было даже больше, чем арестованных русских. Это понятно — в стране с 25 ноября началась латышская операция, а община в Московской области была очень многочисленная.

Основная масса арестованных имеет начальное образование (или малограмотные) — 75 %.

85 % расстрелянных — беспартийные. Причем в августе — ноябре количество расстрелянных коммунистов держится в районе 9—10 %. Затем начинает расти до 17—20 % (в декабре 1937-го даже — 30 %). Это безусловное следствие начавшихся национальных операций: среди коммунистов много латышей.

Важной особенностью репрессий в Московской области стало и то, что аресты священников начались довольно рано — еще в августе (см. ниже).

Из 12 803 расстрелянных в ходе массовых операций и реабилитированных 8033 расстреляно тройкой по Московской области. Следовательно, всего в ходе кулацкой операции в области расстреляно не менее 13 500 (с учетом уголовников). На самом деле, видимо, больше, так как мы уч-

ли только 85 % имен. С учетом этой поправки — около 15 000. Таким образом, лимит был повышен не менее чем на 6000 тыс. и, видимо, именно в 1937 году. Следует напомнить, что решения Политбюро по этому вопросу пока не найдено — следовательно, надо предполагать, что лимит был повышен решением руководства НКВД.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КРАЙ

«Большая чистка»

Из края поступило 18 «расстрельных списков» — 2295 имен по 1-й категории и 20 имен по 2-й категории. Основная масса содержится в двух списках от 9 февраля 1938 года — 713 и 775 имен (две трети имен). Первые списки из региона поступили в июле 1938 г., последние — в июне 1938 г.

Установлены данные на 1886 человек (по Хабаровскому краю, Приамурью и Приморью (т.е. без Сахалина)). Заметный рост числа арестованных начинается в апреле — мае 1937 года (диаграмма № 11), но кульминации достигают в августе — октябре 1937 года. Далее репрессии идут на спад и в феврале 1938 г. достигают уровня марта 1937 г., есть также локальный всплеск в марте — апреле 1938 г. Показательно, что после бегства к японцам руководителя УНКВД края Люшкова (см. ниже) заметного роста арестов в рамках чистки нет (обратим внимание и на то, что списков в июле — сентябре 1938 г. из ДВК в Москву не поступало). Это не касается, правда, репрессий в УНКВД и КДВФ. Там, по сведениям В.С. Мильбах [70, 60-61], было арестовано несколько сотен офицеров. Только по Приморью мы можем установить, сколько коммунистов среди осужденных Военной коллегией Верховного суда: 307 из 620 — примерно 50 % (то есть так же, как и в Московской области).

«Большой террор» на Дальнем Востоке

По приказу № 00447 лимит для Дальневосточного края был установлен в 2000 человек по 1-й категории и 4000 по 2-й категории.

В постановлении от 31 января лимит был установлен

еще в 8000 по 1-й категории и 2000 по 2-й категории, наконец, 31 июля Политбюро установило дополнительный лимит в 15 000 по 1-й категории и 5000 по второй. Всего, следовательно, 25 000 по 1-й категории и 11 000 по 2-й категории.

В рамках польской операции осуждено 536 человек (376 по 1-й категории) и в рамках немецкой 41 (по 1-й категории 30).

В книгах памяти содержатся более 23 тыс. имен лиц арестованных в 1937—1938 гг. (диаграмма № 19). Из них, как мы помним, 1886 осуждены Верховным судом. У нас нет данных по Сахалину, а там было арестовано только в 1937 г. около 6000.

Как видно, аресты начинаются в августе 1937 года и достигают кульминации в ноябре 1937 г. и в феврале — марте 1938 г. В принципе это совпадает с известными нам документами. Кулацкая операция началась на ДВК с 15 августа, однако первые месяцы УНКВД края было занято выселением корейцев. «По всему видно, что выселение корейцев — дело вполне назревшее. Возможно, что мы несколько опоздали с этим делом. Но если это верно, тем быстрее надо провести выселение, особенно с южных районов Посъета. Предлагаем принять каждому из вас по своей области строгие срочные меры по точному выполнению календарного плана выселения. Людей, саботирующих дело, кто бы ни были, арестовывать немедленно и наказывать примерно», — сказал Сталин [67, с. 351—352].

Всего тройками только по Хабаровскому краю и Приморью осуждено более 8,5 тыс. Можно считать, что лимит по приказу № 00447 выполнен: только в Хабаровском крае и Приморье тройками осуждено почти 4200. Если учесть, что у нас нет данных ни по Сахалину, ни по нереабилитированным уголовникам, это практически полностью выполненные лимиты. В действительности, скорее всего, в 1937 г. были утверждены новые лимиты, потому что тройками приговорено к ВМН более 2000 человек. По графику видно, что новый всплеск арестов и расстрелов приходится на ноябрь 1937 г. — возможно, тогда-то и был утвержден новый лимит.

Второй всплеск арестов начинается после постановления от 31 января 1938 года, и за 5 месяцев арестовано более

7500, расстреляно почти 5500, тройками — более 3000. Примерно 35 % жертв репрессий — горожане.

Кроме того, было принято решение о дополнительном лимите на 12 000 по 1-й категории для лагерей ДВК [32, с. 470].

Особый вопрос — выполнение лимита от 31 июля 1938 г. на 20 000 тыс. Аресты в рамках этого лимита начались сразу: в июле — августе было арестовано более 5600 человек, что возможно при очень высоком напряжении сил УНКВД, таких массовых арестов край еще не знал. Однако затем аресты резко пошли на спад, более того, значительная часть (около 70 %) арестованных в эти два месяца была затем освобождена. Поэтому в действительности количество жертв кулацкой операции на ДВК, видимо, меньше, чем выделено лимитов.

КУЙБЫШЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ

«Большая чистка»

10 списков: 496 имен по 1-й категории и 51 по 2-й категории. Первый список составлен в июле 1937 г. на 21 имя по 1-й категории и 21 — по 2-й категории. Последний — в сентябре 1938 на 1 (!) человека по 2-й категории. Предпоследний — в апреле 1938 года.

Всего 326 имен, осужденных ВКВС, содержится в книгах памяти, основная масса осуждена в феврале — марте 1938 года. Если мы проанализируем график арестов лиц, осужденных Верховным судом (диаграмма № 12), то увидим кульминацию в августе — октябре 1937 года. Иными словами, чистка в регионе закончилась в 1937 г. — начале 1938 г. Половина осужденных — члены ВКП(б). Бросается в глаза большой процент евреев. Вообще среди осужденных Верховным судом СССР их примерно 16 %, но среди осужденных коммунистов — треть (всего коммунистов репрессировано в Куйбышевской области 1096 — 12 % имен в книгах памяти).

Среди беспартийных из области, осужденных Верховным судом на основании расстрельных списков, есть рабочие, есть учителя и профессора. Но самая большая группа (треть) числится как служащие.

«Большой террор» в Куйбышевской области

По приказу № 00447 УНКВД области был установлен лимит в 1000 по 1-й категории и 4000 по 2-й категории. В постановление Политбюро от 31 января 1938 года область не попала. В рамках польской операции арестовано 279 человек (расстреляно 132). Нет данных о репрессиях против немцев в ходе немецкой операции. Как мы помним, через расстрельные списки осуждено более 320 по 1-й категории и 51 по 2-й категории.

В книгах памяти области данные о более чем 9000 арестованных, из которых более 80 % арестовано в 1937 году. В рамках кулацкой операции (тройками) осуждено более 4600, расстреляно по решению троек — 2240. Таким образом, лимит по 1-й категории был перевыполнен в 2 с лишним раза (без учета уголовников), по 2-й категории в 1,5 раза (без учета уголовников). Из диаграммы видно, что аресты резко растут в августе, но основная масса арестована в октябре — декабре 1937 г. За эти три месяца арестована половина репрессированных (и осужденных к ВМН). Всплеск арестов, осужденных по 1-й категории, и в ноябре, и в декабре, заставляет предположить, что было два увеличения лимита (диаграмма № 21). Видимо, оба лимита были утверждены без письменной санкции Политбюро.

Кульминация арестов и расстрелов приходится на декабрь 1937 года, далее репрессии идут на спад, правда, дважды — в феврале и марте 1938 г. и июне — июле 1938 г. есть локальные подъемы — суммарно более 500 человек.

Национальные операции развернулись в области в 1938 году. Более 300 человек осуждено в «альбомном порядке», еще более 150 человек — особыми тройками в сентябре — октябре 1938 г. С точки зрения национального состава арестовано 320 евреев, 287 немцев, 255 поляков, 65 латышей.

Большая группа арестованных была освобождена осенью 1938 года — 1242 человека, треть из них была под арестом с 1937 года.

Среди арестованных в ходе массовых операций 11 % коммунисты (всего среди репрессированных в области коммунистов 12 %). Это выше, чем средний процент по другим регионам.

Репрессии в Орджоникидзевском крае

В рамках приказа № 00447 региону был установлен лимит в 1000 по 1-й категории и 4000 по 2-й категории. В постановление Политбюро от 31 января 1938 года край не попал, данных о том, что Политбюро повышало лимиты, у нас нет. В ходе польской операции арестовано 423 человека (расстреляно 214), в немецкой арестовано 547 (расстреляно 241). Через расстрельные списки репрессировано 790 человек (из них расстреляно 610). Иными словами, общее количество арестованных не должно превышать 7000, а количество расстрелянных немногим больше 2000. Установить по книгам памяти заметное число осужденных ВКВС не удалось.

Книги памяти дают совершенно иную картину (диаграмма № 22—23). В 1937—1938 гг. всего арестовано 12 366 человек и расстреляно — 4787. Таким образом, лимиты кулацкой операции были явно повышены и без письменной санкции Политбюро.

Диаграммы позволяют рассмотреть динамику арестов и расстрелов. Первое, что бросается в глаза, стремительный рост арестов летом 1937 года. Ничего неожиданного здесь на первый взгляд нет. Но только на первый взгляд. Аресты начались не с августа 1937 года (согласно приказу № 00447), а раньше. Уже в июле УНКВД арестовало 2611 (18 % всех арестованных) человек (из них потом 1688 было расстреляно). То есть, по сути, кулацкая операция началась еще в июле и лимиты были выполнены и перевыполнены еще в июле. Можно было бы на этом и заканчивать кулацкую операцию в крае, но, конечно, никто и не собирался это делать. В августе — 1580 арестованных и в сентябре — 3718. Все это возможно лишь в расчете на то, что лимиты в дальнейшем будут повышены. Так часто поступали региональные руководители: арестовывали значительные массы, затем докладывали, что тюрьмы переполнены, и просили повысить лимиты, чтобы «разгрузить» тюрьмы.

Однако этого не произошло, по крайней мере в ожидаемом размере. Из арестованных в августе было расстреляно «всего» 1067, а из арестованных в сентябре — «всего» 864. Что произошло с остальными? Из справок видно, что часть

приговорена по 2-й категории, а часть (это интересно) была освобождена.

Кроме того, хочется обратить внимание на небольшой рост кривой арестов (и расстрелов) в июне — июле 1938 года. За два месяца арестовано более 600 человек (из которых более четверти была расстреляна).

Что это за люди, которые на свою беду попали в поле зрения северокавказских чекистов?

Примерно 80 % живет в сельской местности. Очень интересные наблюдения возникают и при анализе национальности арестованных: 77 % — русские, 12,5 % — немцы, 2,5 % — поляки. Немцев арестовано более полутора тысяч человек, за июль — сентябрь 1937 г. — почти 800 человек. Иными словами, половина — немцы, репрессированные в рамках кулацкой операции. В марте и июне 1938 года число немцев среди арестованных превосходит русских. Латышей арестовано несколько десятков.

Здесь, кстати, уместно напомнить про небольшой всплеск арестов в июне—июле 1938 года. Из 600 арестованных — 237 немцы, 25 греки, 20 армяне. Только 225 человек (37 %) живут в городах, что выше средней цифры. Выше и образовательный уровень — начальное образование у 75 %.

Косвенным показателем чистки может служить количество репрессированных коммунистов. В крае 9 % репрессированных — коммунисты, что немного меньше, чем в среднем за 1937—1938 гг. в других регионах. В октябре 1937 года арестовано больше всего коммунистов — 350 человек. Именно на этот месяц приходится максимальный удельный вес арестованных коммунистов среди общего числа арестованных — 38 % (диаграмма № 15—16).

РЕПРЕССИИ В ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Из региона поступило 12 списков — 576 имен по 1-й категории и 154 имени по 2-й категории. Первый список пришел в апреле 1937 г. (см. ниже), последние два — в сентябре 1938 г. на 231 человека по 1-й категории и 96 по 2-й категории (то есть почти на половину осужденных).

Установлено, однако, только 212 имен, осужденных ВКВС. В Горьковской области также кульминация арестов

в рамках чистки приходится на октябрь 1937 года, хотя есть еще локальный всплеск весной 1938 года (диаграмма № 13).

«Большой террор» в Горьковской области

По приказу № 00447 лимит был установлен в 1000 по 1-й категории и 3500 по 2-й категории. 8 октября 1937 года лимит для области был увеличен на 1000 по 1-й категории [73, с. 143]. В постановление от 31 января 1938 года область не вошла.

В рамках польской операции расстреляно 519 человек, в рамках немецкой — 234 человека. Через расстрельные списки почти 576 имен.

Всего по 1-й категории осуждено 2853 человека (с репрессированными через расстрельные списки — почти 3,5 тыс.). Однако в книге памяти — 4219 имен, осужденных к ВМН, репрессировано через решение троек — почти 7000 (а не 4500, как по приказу) (диаграмма № 24). Это значит, что лимит был повышен, видимо, решением руководства НКВД. Действительно, 4 февраля 1938 года секретарь обкома Ю. Каганович докладывал, что «работа тройки закончена. В пределах лимита по области репрессировано 9600 кулацкого, эсеровского, повстанческого и других антисоветских элементов» [56, с. 471]. Можно предположить, что большая часть неизвестных нам 2600 человек репрессирована по уголовным статьям. Это значит, что лимит был увеличен, видимо, с ведома Сталина, на 4100, в том числе не менее чем на 1000 по 1-й категории.

По диаграмме и таблице видно, что аресты начались в рамках приказа в августе 1937 года, хотя какая-то «подготовительная» работа велась — аресты в июле в два с половиной раза выше, чем в июне. К сожалению, ни образование, ни партийность репрессированных не указаны.

Национальные операции проходят менее активно: 784 по польской и 608 по немецкой, то есть примерно 12 % репрессированных. Это полностью подтверждается данными о национальности репрессированных по книге памяти: русских 89 %, поляков и немцев — примерно 3 % репрессированных, латышей — 1,5 % (170 человек).

Особенность репрессий в Горьковской области — боль-

шое количество священников среди репрессированных. Всего их 1059 имен — почти 10 % (это без мирян), что намного больше, чем в других регионах. Причем аресты духовенства начинаются в августе 1937 года и сразу носят массовый характер — 18—26 % арестованных.

РЕПРЕССИИ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1937—1938 гг. из Смоленской области направлено 10 списков с 192 именами. Первый список направлен в июле 1937 года, последние — в сентябре 1938-го. Удалось найти биографические справки лишь на 68 человек — примерно 35 %, что не позволяет делать выводов.

Массовые операции в Смоленской области

Если ход чистки в регионе восстанавливается с трудом, то массовые операции по книгам памяти представлены довольно полно (диаграмма № 28).

По приказу № 00447 области был установлен лимит в 1000 по 1-й категории и 4000 по 2-й категории. Правда, он сразу же был увеличен решением Ежова (видимо, с санкции Сталина) до 3000 по 1-й категории (в том числе 1000 уголовников) и 6000 по 2-й категории. В постановление от 31 января 1938 года область не попала.

В рамках польской операции осуждено 3717 человек (расстреляно 2203), в рамках немецкой осуждено 242 человека (расстреляно 76). В ноябре 1937 г. лично Ежов дал указание арестовать 750 человек в рамках латышской операции (всего было арестовано больше тысячи латышей).

Через расстрельные списки осуждено 227 человек (в том числе 192 по 1-й категории).

В книгах памяти содержится информация о почти 8 с половиной тысячах арестованных, из которых расстреляно почти 6500, что примерно совпадает с цифрами расстрелянных, известными исследователям: 192 через расстрельные списки, 3000 — в рамках кулацкой операции и 3289 в рамках национальных (польской, латышской и немецкой). Но 1000 расстрелянных уголовников в книгах памяти нет, следовательно, лимиты, видимо, были еще повышены на

1000 человек и, видимо, без письменной санкции Политбюро.

Аресты начались еще до официального начала кулацкой операции — в июле 1937 г. арестовано 6—7 % всех репрессированных. В действительности, видимо, больше, так как не учтены уголовники. По некоторым данным, руководство УНКВД уже к августу арестовало чуть ли не 2000 человек и таким образом добилось увеличения лимита. Кульминация арестов приходится на последние месяцы 1937 года.

73 % репрессированных в ходе массовых операций — русские, 15 % — латыши и 8 % — поляки. Поляков репрессировано 707 человек, что в пять раз меньше, чем общее число репрессированных в ходе польской операции: как поляков проводили литовцев и белорусов, или наоборот — этнические поляки в справках числятся как белорусы.

С ноября начинается латышская операция — за два месяца было арестовано 850 латышей, а всего более 1000.

Следует обратить внимание на локальный всплеск арестов в июне — июле 1938 года — 780 человек (460 расстрелянных).

РЕПРЕССИИ В КАРЕЛИИ

Расстрельные списки содержат 23 имени, из них 9 — руководящих работников, остальные — интеллигенция и служащие. 40 % — русские, 9 — члены ВКП(б). В целом, конечно, это типичное для страны соотношение, хотя нельзя сказать, что чистка особенно затронула республику. Совершенно иная ситуация с «массовыми операциями».

По приказу № 00447 лимит для республики был установлен в 300 человек по 1-й категории и 700 по 2-й категории. В сентябре партийное руководство *Карелии* запросило об увеличении лимита на 250 человек. Скорее всего, он утвержден. Точно известно, что был удовлетворен запрос от 13 октября 1937 наркома внутренних дел республики об увеличении на 1000 по 1-й категории.

Из доклада в Москву местного руководства известно, что к концу 1937 года было репрессировано 1690 по 1-й категории. По постановлению от 31 января 1938 года Карель-

ской АССР были установлены лимиты в 500 по 1-й категории и 200 по 2-й категории.

19 марта 1938 г. ПБ приняло решение «удовлетворить просьбу *Карельского* обкома ВКП(б) о продлении работы тройки по рассмотрению дел на бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов до 15 апреля и об увеличении дополнительного лимита по первой категории на 600 чел. и по второй — на 150 чел.» [20, с. 291].

Всего известно по документам, что в рамках кулацкой операции Политбюро и НКВД утвердили лимит на 2650 по 1-й категории и 1050 по 2-й категории.

Польская, латышская и немецкая операции проходили в области «вяло» — 154 человека (из них 127 по 1-й категории), зато очень много людей пострадало во время финской операции. Выше приводились данные из доклада Пospelова, правда, они только до 10 сентября 1938 г. (то есть в «альбомном порядке», но по всей стране).

В книгах памяти республики содержатся данные почти на 11 000 человек, арестованных в 1937—1938 гг., из них более 9000 расстреляно.

В рамках приказа № 00447 тройками (диаграмма № 20) репрессировано более 7000. Это означает, что лимит был повышен еще более чем на 3250 человек (на самом деле больше, потому что в книгах памяти не содержится информации о репрессированных по уголовным статьям). Так как решений Политбюро об этом мы не знаем, остается предположить, что это было оформлено как решение руководства наркомата. Судя по графику арестов, более 4500 было осуждено в августе 1937 г. — январе 1938 г. (до постановления от 31 января 1938 г.) и почти 2500 в феврале — августе 1938 г. Иными словами, НКВД СССР повышало лимиты и в 1937 году (минимум на 2250), и в 1938 г. (минимум на 1000).

Аресты в рамках кулацкой операции начинаются во второй половине июля, достигают кульминации в ноябре — декабре 1937 г. и феврале — марте 1938 г. Это совпадает с утверждением лимитов Центром: август 1937 г., октябрь 1937 г., январь 1938 г. и март 1938 г. Из графика видно, что лимиты, утвержденные НКВД СССР, и неизвестные пока по документам, утверждены, видимо, в конце ноября — на

чале декабря 1937 г. Сложнее с установлением точной даты еще одного дополнительного лимита в 1938 году. По источнику прослеживаются следы работы тройки при НКВД КАССР и после 15 апреля 1938 года.

Книга памяти позволяет определить национальность репрессированных. Из диаграммы видно, что основная масса арестованных в 1937 году — русские и карелы, основная масса финнов арестована в 1938 году, хотя аресты начались раньше. Всего русских среди репрессированных 38 %, финнов — 24 %, карелов — 25 %.

Ясно виден локальный всплеск арестов в июне—июле 1938 года — более 1000 человек. 70 % арестованных в этот период — финны.

Только 55 % репрессированных в рамках национальных операций были осуждены Центром, не менее 45 % репрессировано особой тройкой в сентябре — октябре 1938 года, причем подавляющее большинство расстреляно.

Среди арестованных беспартийные — 92,5 %.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что Карелия оказалась одним из самых затронутых репрессиями регионов, как при проведении кулацкой операции, так и при проведении национальных операций.

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

По приказу № 00447 лимит для области был установлен в 750 по 1-й категории и 1250 по 2-й категории. В постановление от 31 января 1938 года область не попала. По национальным операциям репрессировано по польской линии 477 человек (в том числе 356 по 1-й категории), по немецкой линии — 117 человек (в том числе 83 по 1-й категории). Через расстрельные списки осуждено 231 человек по 1-й категории и 85 по 2-й категории.

В книгах памяти содержится информация о 2073 осужденных, в том числе 1612 по 1-й категории.

В феврале — августе 1938 года осуждено 473 человека, и из них 373 по 1-й категории. Поскольку кулацкая операция уже прекратилась, есть основания предполагать, что эти люди расстреляны по национальным линиям. Тогда мы можем считать, что в рамках кулацкой операции расстре-

ляно около 1250 (без уголовников). Скорее всего, решение о дополнительном лимите в 500 (с уголовниками больше?) человек по 1-й категории было принято руководством наркомата.

Эти цифры подтверждаются и тем, что 14 января 1938 года начальник УНКВД области майор ГБ А.М. Ершов доложил, что до конца 1937 года было расстреляно 1708 человек. Как было показано выше, большинство жертвы кулацкой операции. Первоначальный лимит превзойден почти в 2,5 раза, а осуждено по 2-й категории 1550 (первоначальный лимит превзойден в 1,2 раза).

Массовые операции начались в июле 1937 г., когда арестовано 7—8 % репрессированных, в августе 1937 г. — 21 %. Массовые репрессии заканчиваются в марте 1938 г. — ежемесячная цифра арестованных возвращается к началу 1937 г. (диаграмма № 29).

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ

По приказу № 00447 для Восточно-Сибирского края лимит был установлен в 1000 по 1-й категории и 4000 по 2-й категории. Осенью 1937 г. край разделили на Иркутскую и Читинскую области. В постановлении от 31 января 1938 года лимит для Иркутской области был установлен в 3000 по 1-й категории и 500 по 2-й категории. Затем Политбюро дважды принимало решения: 29 апреля и 25 августа об увеличении лимита на 4000 и 5000 соответственно¹.

По польской линии было репрессировано 629 человек (из них 626 приговорено по 1-й категории), по немецкой — 149 человек (из них — 135 по 1-й категории). Важно подчеркнуть, что почти все они осуждены в «альбомном порядке» — то есть аресты и расстрелы тройкой, которые проводились осенью 1938 года, проводились в рамках кулацкой операции.

Таким образом, в рамках кулацкой операции было принято решение осудить 17 500 и менее тысячи по национальным линиям.

¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 151. Л. 1 (с. 293).

В расстрельных списках содержится 466 имен (из них 415 по 1-й категории).

В книгах памяти Иркутской области содержится одиннадцать с половиной тысяч имен арестованных в 1937—1938 гг. Из них приговорено к ВМН более 6000 и осуждено тройками более 8000.

Не первый взгляд 8000 имен — это только чуть менее половины осужденных в рамках кулацкой операции (17 500), однако, скорее всего, это не так...

Внимательный анализ динамики арестов показывает, что кулацкая операция началась в августе 1937 года. Пик приходится на ноябрь 1937 года. Сейчас трудно сказать, в чем причина того, что кульминация арестов приходится не на август — сентябрь, а на ноябрь. Обычно это признак того, что были утверждены дополнительные лимиты. У нас нет сведений о том, что эти лимиты утверждались Политбюро, следовательно, это решение могло быть принято наркоматом. Однако в августе 1937 г. — январе 1938 г. арестовано и осуждено тройками около 3000 тысяч — то есть лимит не перевыполнен (правда, мы не учитываем уголовников). На диаграмме ясно видно и выполнение постановления Политбюро от 31 января 1938 года — почти 4000 человек арестовано (из них почти 3000 осуждено тройками) в феврале — апреле 1938 года. Также видно и выполнение лимита от 29 апреля — более 2500 имен лиц, арестованных в мае — августе 1938 года (около 2000 осуждено тройками). Напомним, что майско-июньский (июльский) всплеск арестов характерен и для других регионов.

Есть основания предполагать, что в действительности последние лимиты не были выполнены полностью. Во-первых, несмотря на лимит августа 1938 года, взлета арестов в августе — сентябре нет. Скорее всего, это объясняется тем, что изменилась общая ситуация в стране и региональное руководство приостановило аресты. Во-вторых, в книгах памяти почти тысяча имен лиц, арестованных в 1938 году, но освобожденных осенью 1938 года. То есть тех, кого успели арестовать в рамках выполнения лимита, затем освободили. Иными словами, реальное количество репрессированных в области, видимо, меньше, чем ут-

верждено лимитами. Напомним также, что мы не знаем, сколько было репрессировано уголовников.

Чтобы оценить степень полноты источника, надо учесть и то, что в книгах памяти почти 500 имен поляков и более ста немцев (правда, часть из них осуждена ВКВС). Таким образом, жертвы национальных операций отражены в книгах памяти на 80 % (с учетом поправки на то, что не все жертвы национальных операций этнические поляки или немцы, то, видимо, и больше).

Подавляющее большинство репрессированных — сельские жители (75 %). Причем удельный вес сельских жителей растет в те периоды, когда растет количество репрессированных. Так, в ноябре 1937 г. и феврале и мае 1938 г. удельный вес сельских жителей достигает 82—87 %. Складывается впечатление, что новые лимиты, принятые 31 января 1938 года и 16 апреля 1938 года, были использованы для того, чтобы нанести удар по крестьянам.

Среди арестованных преобладают русские (64 %), буряты (10 %) и поляки (4 %). Самый высокий удельный вес русских (71—74 %) приходится на июль — август 1938 года, бурят (28—29 %) на декабрь 1937 — январь 1938 г.

Среди арестованных 7 % коммунисты, что меньше, чем в среднем по стране.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

По приказу № 00447 лимит для Северного края был установлен в 750 человек по 1-й категории, 2000 по 2-й категории. 20 октября 1937 г. был принят дополнительный лимит в 400 по 1-й категории и 800 по 2-й категории. В постановление от 31 января 1938 года Архангельская область не попала.

По польской линии осуждено 328 человек (в том числе 163 к ВМН), по немецкой — 261 человек (к ВМН — 153 человека).

Через расстрельные списки осуждено 197 человек (в том числе по 1-й категории 166). Следовательно, всего осуждено менее 5000, из них по 1-й категории примерно 1550.

В книгах памяти Архангельской области приведены данные примерно на 5200 человек, арестованных в 1937—

1938 гг., из которых около 1135 приговорено к ВМН. Таким образом, книги памяти дают полную картину репрессий (вспомним, что уголовников в ней нет).

Массовые аресты начались в августе — сентябре 1937 года. До конца января 1938 года тройками было осуждено почти 2800. Это означает, что лимит был выполнен полностью. Правда, в книгах памяти нет уголовников, поэтому на самом деле в рамках приказа № 00445 репрессировано, видимо, больше. В этой ситуации следует обратить внимание на всплеск арестов в декабре 1937 года (более 30 % осужденных тройками). Это может быть признаком того, что был утвержден новый лимит, без санкции Политбюро. В принципе тройка при УНКВД в регионе должна была прекратить работу в феврале 1938 года, но в книгах памяти есть несколько десятков имен лиц, осужденных тройкой в марте — августе 1938 года. Следует также обратить внимание на локальный всплеск арестов в июне — июле 1938 года.

Трудно точно оценить ход национальных операций по книгам памяти — в ней не указана национальность арестованных. Почти половина репрессированных — горожане (44 %). Самый высокий процент горожан среди репрессированных приходится на июль и декабрь 1937 г., а также февраль, май и август 1938 г. — 61–67 %. Партийность репрессированных установить по книгам памяти нельзя.

Около 300 человек было осуждено облсудом и около 250 особым совещанием при НКВД. 26 % арестованных в 1938 году в дальнейшем были освобождены (почти 500 человек).

БАШКИРИЯ

По приказу № 00447 лимит для региона был утвержден в 2000 (в том числе 500 по 1-й категории), в постановление Политбюро от 31 января 1938 года область не попала. Известно, что 12 октября 1937 г. новый первый секретарь обкома А.Т. Заликин направил запрос Сталину: «Полученными показаниями участников троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической контрреволюционной организации выявлена сеть военно-повстанческих отрядов на территории Башкирии. Лимит, который был дан Баш-

кирии по первой и второй категории, явно недостаточен. Прошу увеличить лимит»¹. На этой телеграмме резолюция Сталина: «Т. Ежову. Надо увеличить по обеим категориям на...». Но цифра не сохранилась.

По польской линии репрессировано 450 человек (в том числе 343 по 1-й категории). По немецкой — 386 человек (из них 282 по 1-й категории). Через расстрельные списки репрессировано более 370 человек (в том числе 315 по 1-й категории).

В книгах памяти содержится информация о почти 7400 репрессированных, из которых более 2500 расстреляно. Таким образом, без учета уголовников лимит был повышен минимум на 1200 по 1-й категории.

Явно выделяются несколько пиков арестов: июль — август 1937 г., ноябрь — декабрь 1937 г. и апрель 1938 г. Видно также, что аресты в рамках кулацкой операции начались раньше официального старта. После 16 июля 1937 года было арестовано 216 человек (всего в июле — 245).

К сожалению, в книгах памяти нет информации об осуждившем органе, но есть данные о национальности и партийности репрессированных. Большая часть арестованных русские (44 %), башкиры — 18 %, татары — 16 %. По диаграмме также заметно начало латышской операции — декабрь 1937 года. Вообще арестовано 366 латышей, что заметно больше, чем поляков (135) и немцев (266).

Подавляющее большинство арестованных — беспартийные, коммунистов всего 7 %, что меньше, чем в других регионах. В период подъема массовых арестов (август 1937 г. и ноябрь — декабрь 1937 г.) удельный вес коммунистов падает до 3—4 %.

КАЛИНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

В рамках приказа № 00447 лимит установлен в 4000 (из них 1000 к ВМН). 16 сентября лимит по 1-й категории был увеличен на 1500 человек. А 13 декабря еще раз был утвержден дополнительный лимит в 700 по 1-й категории [73,

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 65. Л. 88. Подлинник. Машинопись.

143] и 1000 по второй. Калининская область — вторая в Нечерноземье (после Московской), в которой операция продолжилась на основании постановления от 31 января 1938 года. Лимит был установлен в 1500 по 1-й категории и 500 по 2-й категории.

По польской и немецкой операции осуждено вместе 117 человек по 1-й категории. Через расстрельные списки осуждено 141 человек.

В книгах памяти содержится 3752 имени репрессированных в 1937—1938 гг., из них 3185 человек осуждено тройками. К высшей мере наказания приговорено 3317 человек (диаграмма № 30). По другим источникам, всего в 1937 году было осуждено по 1-й категории 3173 и по 2-й категории 4885.

Аресты в рамках кулацкой операции начались, как и в некоторых других регионах, еще в июле — 10 % от общего числа арестованных в 1937—1938 гг.

По книгам памяти выделяются три пика в репрессиях: июль—август 1937 г., ноябрь — декабрь 1937 г. и февраль — март 1938 г. — арестовано и расстреляно более 1100 человек.

ПОДВЕДЕМ ПЕРВЫЕ ИТОГИ

1. Подтвердилось предположение, что осужденные Верховным судом и осужденные во внесудебном порядке (через тройки и «альбомным» путем) относятся к разным социальным группам. Около половины репрессированных через расстрельные списки — номенклатурные работники. В ходе массовых операций удар наносился прежде всего по крестьянам и рабочим.

2. Исследование показало, что размах чистки в разных регионах не совпадает и по абсолютным критериям (число репрессированных), и по относительным критериям (удельный вес в численности населения). Выявлены три группы регионов по этому критерию.

При оценке размаха репрессий правильнее учитывать население каждого региона. Средний процент осужденных на основании списков — 0,02 %. Есть ряд регионов, где процент иной.

1-я группа. В Грузии и на Дальнем Востоке — 0,09 % (превышение в 4,5 раза). В Оренбургской области в 4 раза — 0,08 %, в Азербайджане, Западно-Сибирском, Азово-Черноморском, Восточно-Сибирском, Орджоникидзевском и Красноярском краях, Саратовской, Сталинградской, Северной областях — в 1,5—2 раза (0,03—0,04 %).

2-я группа. На Украине, в Армении и Казахстане, Свердловской, Ленинградской, Горьковской и Ивановской областях, в Крыму — 0,02 % (т.е. средние цифры).

3-я группа. Во всех остальных регионах — Белоруссия, Средняя Азия, Татарстан, Москва и Московская область, Западная, Омская, Куйбышевская, Ярославская области — процент арестованных меньше средних значений (см. таблицу).

3. Не совпадает также и динамика чистки. Есть регионы, в которых она началась весной 1937 года, но в большинстве регионов — летом 1937-го. Практически всюду кульминация чистки — осень 1937 года. Окончание чистки в ряде регионов приходится на конец 1937 года, а в ряде регионов на весну 1938 года.

4. В изученных регионах половина имен в расстрельных списках — члены ВКП(б), в списках «Москва-Центр» — коммунистов две трети. Если предположить, что эта цифра верна и для других регионов, то общая цифра коммунистов, репрессированных через решения ВКВС, колеблется около 20—21 тыс.

5. Собранные данные позволяют нам сделать один важный вывод: решение об окончании «большой чистки» было принято еще при Ежове — в июле — августе 1938 г. и реализовывать это решение начал еще Ежов!

В регионах же чистка закончилась даже раньше — в октябре — ноябре 1937 г., хотя есть и всплески арестов весной 1938 года.

6. Массовые операции в регионах также не совпадают ни по размаху, ни по динамике. Есть регионы, в которых в ходе кулацкой операции местные руководители репрессировали в 10—15 раз больше, чем было первоначально запланировано, есть регионы, в которых ограничились выполнением контрольных цифр приказа № 00447.

7. Опираясь на данные таблицы № 1, можно определить

относительную интенсивность массовых операций в разных регионах. В среднем в ходе массовых операций оказалось репрессировано 0,4 % населения страны. Однако пока мы располагаем данными только о 0,25 %. Если установить, что это средняя цифра, то есть регионы, в которых она значительно перевыполнена, а есть регионы, в которых репрессировано ниже средних значений. Впервые я применил этот подход в книге «Сталин и НКВД», но данные, предложенные ниже, более точные.

Средние цифры проведения массовых операций характерны для Армении, Грузии, Казахстана, Дагестана, Бурятии, Орджоникидзевского, Азово-Черноморского краев, Ленинградской, Оренбургской областей, Крымской республики.

С интенсивностью выше средних значений массовые операции прошли в Белоруссии, Украине, Туркмении, Дальневосточном крае, Западной Сибири, Восточно-Сибирском крае, Красноярском крае, Карелии, Омской, Свердловской, Челябинской областях.

Наконец, интенсивность проведения массовых операций существенно ниже средних значений характерна для Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Башкирии, Чувашии, Чечено-Ингушетии, Удмуртии, Кировской, Воронежской, Горьковской, Северной, Смоленской, Саратовской, Куйбышевской, Московской, Ярославской областей¹.

У нас есть данные по Орджоникидзевскому и Дальневосточному краям, Куйбышевской, Московской, Воронежской, Смоленской, Горьковской, Ярославской, Калининской, Иркутской, Архангельской областям, Карелии и Башкирии. То есть можно рассмотреть примеры по всем трем группам регионов.

8. В целом всюду массовые операции начались в августе 1937 года и в большинстве регионов массовые операции пошли на спад к лету 1938 года. Есть регионы, в которых

¹ Т.к. появились новые данные, эти сведения несколько отличаются от того, что я приводил в работе «Сталин и НКВД» в 2006 г.

аресты в рамках приказа № 00447 начались раньше — в июле 1937 года, и есть ряд республик, краев и областей, где была сделана попытка организовать новый виток репрессий в июне — августе 1938 г.: Дальневосточный край, Архангельская, Иркутская, Смоленская, Куйбышевская области, Карелия и др.

В ходе кулацкой операции руководство НКВД меняло целевые группы репрессий и наносило удар по новым целевым группам. Самый яркий пример этого — репрессии против духовенства и верующих.

Выяснив, что именно делало руководство НКВД, попытаемся определить, что они говорили и, возможно, что думали.

Глава 2

БЫЛ ЛИ КОНТРОЛЬ ЗА НКВД

В этой главе я постараюсь описать, как именно Ежов руководил советскими чекистами. На следствии многие говорили, что нарком принуждал их организовывать массовые репрессии, утверждали, что они просто выполняли приказ. Вот одно из типичных утверждений, принадлежащее комиссару ГБ 1-го ранга С. Реденсу: «Ежов... вместо того, чтобы остановить преступную работу, все время шлет телеграммы с приказаниями, где требует усилить удар, усилить аресты...» [37, с. 500]. Но на следствии, особенно если его ведут люди Берии, не всегда говорят правду. Попробуем проверить, что происходило на самом деле. То есть какие приказы издавал Ежов и как он их комментировал. Как и за что награждал, за что и как наказывал?

СУДЬБЫ ПОЧЕТНЫХ ЧЕКИСТОВ

Начать следует хотя бы с самого общего знакомства с основными героями нашего исследования — руководителями НКВД. В принципе этому посвящена книга «Сталин и НКВД», а в данном случае я буду говорить о том, что не попало в предшествующее исследование.

Как уже говорилось, существует два взгляда на то, как менялось руководство НКВД в 1936—1938 гг. Широко распространено мнение, что «старые дзержинцы» хотя бы пассивно сопротивлялись произволу Сталина и были репрессированы по его приказу. Ряд исследований говорят о другом — значительная часть старых чекистов активно включилась в репрессии [см., например, 38 и 44]. Кто прав?

Надо заметить, что Ежов с самого начала был настроен недоверчиво по отношению ко многим старым чекистам.

«Сразу же... я перешел к разоблачению конкретных лиц. Первого я разоблачил Сосновского — польского шпиона», — говорил он в 1940 г., оправдываясь по обвинению в польском шпионаже. Речь идет о бывшем резиденте польской разведки, поручике польского генштаба Игнати Добжинском, который с 1920 г. сотрудничал с ВЧК. Именно его Ежов обвинил в том, что это «двойник», которого проглядели. Арест Сосновского позволял объявить ненадежными всех «кроистов» — работников КРО (контрразведывательного отдела) ВЧК — ОГПУ, руководителей легендарных операций ОГПУ 20-х гг. («Трест» и «Синдикат»), арестовать их лидера А.Х. Артузова. Косвенно это ставило под удар авторитет и Дзержинского. То, что такая цель у Ежова и Берии, видимо, была, можно понять из воспоминаний Шрейдера.

Осенью 1938 года между арестованным летом 1938 г. чекистом, заместителем наркома внутренних дел Казахстана Михаилом Шрейдером и его следователями Рязанцевым и Блиновым произошел интересный разговор. Шрейдер обвиняет своих мучителей в том, что они применяют пытки:

«— От битья мало толку, — отвечал я. — Дзержинский за такие вещи расстреливал следователей.

— А знаете, что нам известно, Михаил Павлович? — цинично усмехнувшись, заявил Рязанцев. — Ведь вы состояли в ПОВ (Польская организация Войскова), а агентами ПОВ были Уншлихт и Медведь. А кроме того, мы располагаем данными, что к организации ПОВ приложил свою руку и ваш Дзержинский. Вот почему он расстреливал честных следователей, которые били врагов.

Кровь бросилась мне в голову.

— О ком вы говорите, Рязанцев? Ведь Ленин и Сталин называли Феликса Эдмундовича рыцарем революции. Это же святая святых партии, в которой вы состоите.

— А как вы думаете? — укоризненно покачал головой Рязанцев. — Случайно ли получилось, что Дзержинского, когда он находился в Варшавской цитадели, не казнили? И, наконец, Ленин и Сталин были им обмануты. По крайней мере, сейчас мы располагаем такими материалами. Кстати, у нас есть сведения, что вы где-то сфотографирова-

ны с Дзержинским. В последующих беседах нам еще придется подробнее остановиться на этом. Вы нам расскажете все, что знаете об Уншлихте, Ольском, Медведе и других агентах ПОВ.

В это время в кабинет вошел Блинов.

— Сидите, сидите, Шрейдер, — добродушно сказал Блинов, увидев, что я встал. — Как себя чувствуем? И как работается?

Я ответил, что все нормально.

— Товарищ капитан, — обратился Рязанцев к Блинову, — мы с Михаилом Павловичем ведем теоретическую беседу. Мы с ним дошли уже до ПОВ. И, представьте себе, он не верит, что Дзержинский, Уншлихт, Медведь и другие были агентами польской разведки.

— Да, Михаил Павлович, еще год тому назад и я бы не поверил, — с важностью предельно осведомленного начальника заявил Блинов. — Но сейчас мы уже в этом убедились. Я лично слышал об этом из уст Берии, и да будет вам известно, что вся родня Дзержинского арестована, и все они уже дали показания.

В этот момент я был близок к обмороку» [72, с. 217].

Под родней Дзержинского, видимо, подразумевался Пилляр, который был арестован 16 мая 1937 года — потому что он двоюродный племянник Дзержинского, затем, 30 мая, арестовали Ольского, Уншлихт был арестован 11 июня, Мессинга — 15 июня. Медведь был вызван в Москву в мае, но арестован только в сентябре. Пилляр позволял связать агентуру ПОВ и «железного Феликса». Чекисты ссылаются на авторитет Берии, но аресты родни Дзержинского прошли при Ежове. Рассказ Шрейдера — свидетельство того, в каком духе новый нарком воспитывал кадры. Зачем был нужен Ежову и Берии этот разрыв? Вряд ли это была идея Сталина, иначе «предательство Дзержинского» упоминалось бы на процессе 1938 г.

Так или иначе, это означало разрыв с образом «чекиста 20-х гг.». А кто персонально эти люди — «старые чекисты» и какова их судьба в 1936—1939 гг.?

Передо мной на столе лежит знак «Заслуженного работника НКВД». Серебряный овал, золотые меч, серп и молот на фоне красного восхода, лента с надписью

«НКВД»... Этот знак изображают почти на всех книгах, в которых рассказывается про события 30-х гг., он символизирует силу и мощь НКВД — Народного комиссариата внутренних дел. В глазах общества именно он символизирует страшное время массовых репрессий. Однако только специалисты знают, что это не так. Знак «Заслуженный работник НКВД» был учрежден Приказом НКВД № 1007 от 6 ноября 1940 г.:

«1. Знак «Заслуженный работник НКВД» устанавливается для награждения личного состава органов и войск НКВД СССР за заслуги в деле руководства или непосредственного выполнения работы по охране государственной безопасности Союза ССР.

2. Награждение знаком «Заслуженный работник НКВД» производится Народным Комиссаром Внутренних Дел СССР. Одновременно со знаком выдается грамота.

3. Награжденные знаком «Заслуженный работник НКВД» служат примером образцового выполнения своих обязанностей. Они должны быть беззаветно преданными партии Ленина—Сталина, бдительными и беспощадными в борьбе с врагами Советского государства.

4. Награжденные знаком «Заслуженный работник НКВД» имеют преимущественное право на получение жилплощади в домах НКВД.

5. Награжденные могут быть лишены знака «Заслуженный работник НКВД» за порочащие звание чекиста проступки приказом Народного Комиссара Внутренних Дел СССР.

*Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР
Л. Берия».*

Основная масса награжденных этим знаком приходится на годы Великой Отечественной войны. Награждали смершевцев, награждали руководителей партизанского движения, руководителей региональных управлений за борьбу с бандитизмом и т.п.

Всего с 1940 по 1946 год было выдано более 4 тыс. знаков (есть знак № 4656, но известны сотрудники органов, которые были награждены этим знаком дважды). Более че-

тырех тысяч заслуженных работников НКВД. Много ли из них принимало участие в репрессиях 30-х гг.?

Как ответить на этот вопрос? Персональные данные на большинство этих людей пока закрыты. Известна сотня-другая имен, преимущественно тех, кто оказался на руководящих должностях накануне войны. Большинство из них было в 1937—1938 гг. начальниками отделений, максимум — отделов в региональных управлениях НКВД или республиканских наркоматах. Исполнители. Возможно, активные и напористые, но только исполнители. Рулевыми репрессий были не они. А кто?

Дело в том, что знак «Заслуженный работник НКВД» был не первой ведомственной наградой в органах, а третьей.

Первой был знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ», выпущенный к пятилетнему юбилею органов в декабре 1922 года. Точнее, к юбилею было принято решение об учреждении самого звания «Почетный работник ВЧК — ГПУ», а знак был утвержден летом 1923-го. Подробное исследование этого знака есть в работе А.М. Буякова.

Положение о почетном знаке «ВЧК — ГПУ» с его описанием было утверждено 12 июля на заседании Коллегии ГПУ и объявлено приказом ГПУ № 307 от 19 июля 1923 г.: «Почетный юбилейный знак ВЧК/ГПУ изображает овальный обруч из матового серебра с надписью «ВЧК — 1917 г. ГПУ — 1922 г.». На обруч наложен серп и молот, перекрещенный мечом, эта эмблема окаймлена римской цифрой «ПЯТЬ», покрытой красной эмалью. На обороте знака гравирован порядковый номер».

Сейчас хорошо известна интерпретация смысла этого звания (и знака). Г. Ягодой: «**Почетный знак есть круговая порука всех носящих его в безграничной преданности делу Революции**». Действительно, в утвержденном Коллегией ГПУ положении о почетном знаке говорилось, что кавалеры его, «уходя из органов ГПУ на другую советскую, политическую или профессиональную работу, сохраняя звание «Почетных Чекистов», должны связываться с органами ГПУ по месту их нахождения, постоянно оказывая этим органам соответствующую помощь и содействие». Все они имели право беспрепятственного входа в зда-

ния всех органов ГПУ по предъявлению грамоты к почетному знаку.

Кавалерам знака полагались привилегии после увольнения из ОГПУ: повышенная пенсия, сохранение квартир в ведомственных домах ОГПУ, прикрепление к лечебным учреждениям ОГПУ и получение санаторных путевок, право получения вне очереди жилья, право ношения чекистской формы одежды и право хранения, приобретения и ношения оружия, одно время была и надбавка к окладу.

Конечно, в реальности все было по-разному, но интересен замысел создателей этого знака — создавался орден посвященных. Закрытый орден, связанный круговой порукой. Первыми его членами было 140 человек. Среди них:

Знак № 01 получил председатель ГПУ Дзержинский Феликс Эдмундович.

№ 02 — член Коллегии и начальник восточного отдела ГПУ Яков Христофорович Петерс.

№ 03 — начальник охраны В.И. Ленина Абрам Яковлевич Беленький.

№ 06 — полпред ГПУ по Уралу Григорий Семенович Мороз.

№ 07 — заведующий специальным отделом ГПУ Глеб Иванович Бокий.

№ 08 — 1-й заместитель председателя ВЧК — ГПУ Уншлихт Иосиф Станиславович.

№ 09 — заместитель председателя ВЧК — ГПУ Вячеслав Рудольфович Менжинский.

№ 10 — начальник ОО ГПУ Ягода Генрих Григорьевич (Енох Гершонович).

№ 11 — нарком внутренних дел УССР, председатель ВУЧК Василий Николаевич Манцев.

№ 12 — начальник Московского губотдела ГПУ Филипп Демьянович Медведь.

№ 13 — председатель Петроградской ЧК Станислав Адамович Мессинг.

Знак выдавали до декабря 1932 года. Максимально известный номер — знак, выданный чекисту, — № 785. 15 ноября 1932 года им был награжден Сигизмунд Михайлович Вейзагер, начальник экономического отдела ПП ОГПУ по Белорусской ССР.

В 1926 году умер Ф.Э. Дзержинский, и до его смерти

была выдана примерно половина знаков — и с 1928 по 1932 г. — вторая половина. Условно назовем их «первым поколением» почетных чекистов и «вторым поколением» почетных чекистов. Первых награждал Дзержинский, вторых — Менжинский.

Большая часть кавалеров этого знака в 1937—1938 гг. уже не служила в органах, некоторые умерли (в том числе и Дзержинский, и Менжинский), многие ушли на партийно-хозяйственную работу. Так, Петерс в 1930—1934 гг. — председатель Московской контрольной комиссии ВКП(б), член Бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Манцев — с 1936-го председатель Специальной коллегии и заместитель председателя Верховного суда РСФСР, Уншлихт — секретарь Союзного Совета ЦИК СССР, Мороз — председатель ЦК Союза работников государственной торговли и кооперации. Мессинг занял должность в Наркомате внешней торговли.

Медведь в наказание за то, что не смог предотвратить убийство Кирова, за «преступно-халатное отношение к своим обязанностям по охране» приговорен к 3 годам концлагеря и на Дальстрое был начальником Южного горно-промышленного управления.

В 1936—1939 гг. около 130 чекистов, награжденных знаком «Почетный работник ВЧК (V)», занимали должности начальников управлений и отделов центрального аппарата НКВД, наркомов союзных и автономных республик, начальников региональных управлений. Остальные либо не «доросли» до руководящих постов, либо ушли из органов. Осенью 1936 года более 90 % руководителей НКВД были награждены этим знаком. Иными словами, это почти тождественные множества.

Приказом ОГПУ № 1087 от 23 ноября 1932 г. был учрежден знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ» XV годовщины. Внешне выглядел так же, как и первый, только цифра другая — «XV».

Сохранялась вся система привилегий для награжденных этим новым знаком. Всего было вручено более 3000 знаков (есть знак № 3316). Это не значит, что всего почетных работников ВЧК — ОГПУ было около 4000 (800 со знаком 1922 года и более 3300 со знаком 1932 года). Многие кавалеры

леры первого знака получили и второй. Так, из 130 упомянутых выше чекистов, имевших знак 1922 года, более 100 получило и второй знак.

Среди лиц, награжденных этим знаком, заметно выделяются две группы. Одни были награждены сразу же, 20 декабря 1932 года (или в течение следующих одного-двух лет — до создания НКВД). Условно назовем их «третьим поколением» почетных чекистов. Их награждали Менжинский и Ягода. Большая группа чекистов («четвертое поколение») получила этот знак в 1937—1939 гг. — при Ежове и Берии.

Всего в руководстве НКВД до войны оказалось 267 чекистов, награжденных вторым знаком (включая тех, кто имел два знака). Из них к осени 1936 года из начальников управлений и отделов центрального аппарата НКВД, наркомов союзных и автономных республик, начальников региональных управлений были награждены только вторым знаком всего 7 (затем их число увеличится).

В работе «Борьба в руководстве НКВД 1936—1938 гг.» и «Сталин и НКВД» я подробно описал ход кадровых перемещений в НКВД во время репрессий. Рассмотрим, как складывались судьбы «связанных круговой порукой» почетных чекистов.

Изменения в руководстве НКВД в период репрессий 1936—1939 гг. проходят несколько этапов. Первый — чистка руководства НКВД в 1936—1937 годах от тех чекистов, которые не вызывали доверия у Ежова.

Второй этап — конфликт в январе — июле 1938 года между теми группировками (кланами) в руководстве НКВД, которые поддержали Ежова и проводили репрессии в 1937 г.

Третий этап — осенью 1938 — весной 1939 г. — ликвидация группой Берии самого Ежова и его сторонников — М.П. Фриновского (знак № 228), Л.А. Бельского (знак № 518), М.Д. Бермана (знак № 170) и других.

С точки зрения анализа судеб почетных работников ВЧК — ГПУ происходило следующее.

На первом этаже, в 1937 году, были арестованы и репрессированы 53 руководителя, награжденных знаком 1922 года. В первую очередь это группа Ягоды (Прокофь-

ев, Л.Г. Миронов, Молчанов, Гай, Шанин и др.), группа Ба-лицкого (знак № 30) и Дерибаса (знак № 166¹), ряд других региональных руководителей. Из 52 чекистов — 31 относятся к «первому поколению» и 21 — ко второму (см. список № 1). Правильнее было бы учесть еще корпусного комиссара А.Х. Артузова, который был награжден знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (V)» № 33. Он в 1935—1936 гг. был заместителем начальника Разведупра РККА, до этого долгое время руководил ИНО, а в 20-х был лидером группы «кроистов» — работников КРО ОГПУ. Он не был в руководстве НКВД. Кроме того, застрелился Владимир Михайлович Курский (знак № 470), но это произошло на подъеме его карьеры.

Арестованы также 11 руководителей, имевших только знак 1932 года. Всего в этот период репрессировано 64 почетных работника ВЧК — ГПУ. Только один арестованный руководитель — начальник УНКВД Камчатской области комбриг А.П. Лев не был награжден этими ведомственными наградами.

На самом деле арестовано больше почетных работников ВЧК, награжденных этим знаком, но учитывались только те, кто занимал руководящие должности.

На первый взгляд может сложиться впечатление, что в 1937 году происходила целенаправленная чистка почетных работников 1922 года, причем именно «первого поколения», но надо вспомнить, что остались и, значит, вызывали доверие — около 80 почетных работников ВЧК (т.е. больше, чем арестовано).

На втором этапе, в январе — августе 1938 года, были арестованы 16 руководителей, имеющих знак 1922 года. Из них 9 получили знак при Дзержинском, а 7 — при Менжинском. Застрелился Василий Абрамович Каруцкий (знак № 343). Еще арестовано 11 руководителей, имеющих только знак 1932 года. Это чекисты из группы Заковского (знак № 14)², группы Леплевского (знак № 142) и др. (см. список № 2).

Третий этап. С приходом в наркомат Берии были аре-

¹ По другим данным, у него был знак № 9.

² По другим данным, знак № 14 был у В.И. Савинова.

стованы 49 руководителей, имеющих знак 1922 года. Из них 15 относятся к «первому поколению», а остальные ко второму. Основной костяк арестованных — чекисты-«северокавказцы» (см. ниже). Кроме того, правильно было бы учесть Е.Г. Евдокимова (знак № 29). На момент ареста он был всего лишь заместителем Наркома водного транспорта, но политический вес его был значительно выше — он основатель клана «северокавказцев», советник Ежова и Фриновского (см. ниже). Мне представляется важным учесть еще Меира Трилиссера (знак № 57) — в 1937—1938 гг. он руководил разведкой Коминтерна. Всего, значит, 51.

Кроме того, было арестовано 63 руководителя, имевших только знак 1932 года. Из них 46 относятся к третьему поколению, а 17 — к четвертому. В том числе это ближайшее окружение Ежова (Литвин, Цесарский, Жуковский, Шапиро) (список № 3.)

Кто из почетных работников 1922 года остался в руководстве НКВД после 1939 года? Совсем немного.

Во-первых, сам Лаврентий Павлович Берия (знак № 100) и его сподвижники с Кавказа:

Сумбатов (Топуридзе) Ювельян Давидович (знак № 90);

Саджая Алексей Николаевич (знак № 574);

Меркулов Всеволод Николаевич (знак № 649);

Деканозов Владимир Георгиевич (знак № 650);

Гоглидзе Сергей Арсеньевич (знак № 674).

Первые два относятся к «первому поколению» почетных чекистов.

Кроме того, несколько человек остались на неоперативной работе.

Василий Васильевич Чернышев (знак № 385) при Ежове был начальником ГУРКМ, а потом стал начальником ГУЛАГа НКВД СССР. Его заместителем и руководителем Управления по строительству заводов и горнорудных предприятий черной металлургии был Карп Александрович Павлов (знак № 434)¹. Никишов Иван Федорович

¹ Он сменил на посту заместителя начальника ГУЛАГа Леонока Фому Акимовичу (знак № 145), стал только начальником Управления строительства № 211 и ИТЛ НКВД — конечно, понижение. Начальник Главного управления пожарной охраны НКВД СССР Вершинин (знак № 593) стал начальником Тайшетского, а затем Норильского лагеря НКВД.

(знак № 628) при Ежове был начальником Управления пограничных и внутренних войск УНКВД Ленинградской области, затем меньше года — начальником УНКВД Хабаровского края, после этого — начальник ГУСДС НКВД — МВД СССР

Наконец, Василий Михайлович Блохин (знак № 498) остался начальником комендантского отдела АХУ НКВД.

Кроме того, несколько почетных чекистов ушли из органов в 1937—1938 гг. Так, Дукельский Семен Семенович (знак № 141) был председателем Комитета по кинематографии при СНК СССР, а после ареста Фриновского — нарком морского флота. Шленов Дмитрий Васильевич, начальник (знак № 171) — стал секретарем Удмуртского обкома ВКП(б), затем заместителем директора завода.

При Берии чекисты, имеющие знак 1932 года, делают карьеру несколько иначе. На первых ролях также заметны «кавказцы» — в первую очередь братья Кобуловы. Русские используются на неоперативной работе в ГУЛАГе: Чистов, Чирков, Боечин, Баламутов. Зато на оперативной работе появляются чекисты, награжденные знаком 1932 года, которые не занимали руководящие должности в 1937—1938 гг.: В.С. Аввакумов (награжден в 1938 г.), Г.П. Федотов («третье поколение»), Л.Е. Володзимерский (знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ (XV)» получил уже от Берии). А Н.С. Власик имел даже два знака (знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ (XV)» от 20.12.32 и знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ (XV)» от 16.12.35). Они были начальниками отделений в центральном аппарате. Только в отдаленных регионах Берия еще до 1941 года держал на руководящих должностях почетных работников ВЧК — ОГПУ (XV) (например, Узликов А.П., Якобсон З.М. (таблица № 4).

Если проанализировать социально-политический портрет 64 чекистских руководителей — почетных работников ВЧК — ОГПУ, репрессированных в 1937 году, то выяснится, что больше половины родились до 1896 года. 27 % имеют небольшевистское прошлое. Каждый пятый чекист имеет партстаж до 1917 года, 55 % арестованных вступили в партию в годы Гражданской войны. Практически все — чекисты эпохи Гражданской войны. С точки зрения нацио-

нальности среди арестованных «славян» меньше трети, евреев — почти половина [74, С. 120].

Социологический портрет руководителей, награжденных знаком «Почетный работник ВЧК — ОГПУ», которые были репрессированы во второй период, в целом похож на репрессированных в 1937 г. Практически таков же удельный вес репрессированных «славян» — 32 %, немного меньше пострадало евреев — 39 %, репрессированы оставшиеся латыши, почти треть репрессированных с дооктябрьским партийным стажем [74, с. 122].

Среди репрессированных на третьем этапе более половины имеют рабоче-крестьянское происхождение. Русских, украинцев и белорусов две трети, остальные евреи. Большинство пришло работать в органы в 1920—1921 гг.

Подведем итог. Безусловно, правы Петров и Скоркин, которые доказывают, что основной костяк руководителей НКВД в 1937—1938 гг. составляли поступившие на работу в органы в 1917—1925 гг., то есть служившие под началом Дзержинского.

Кажется, что приведенные данные о судьбах почетных работников НКВД не просто подтверждают этот вывод, но позволяют его уточнить. В самом деле, кажется важным учитывать не только чекистский стаж (год прихода на работу в ВЧК — ОГПУ). Важно учитывать, когда руководители НКВД, организовавшие репрессии, получили самую почетную ведомственную награду, к какому поколению почетных чекистов они относятся.

Выяснилось, что «круговая порука», на которую уповал Ягода в 1922 г., не смогла сплотить первое поколение чекистов, они разделились на две почти равные группы: 32 руководителя были репрессированы в 1937 г., а 26 активно включились в репрессии. «Второе поколение» разделилось уже в ином соотношении: 20 было репрессировано в 1937-м и 51 включились в репрессии. Для «третьего поколения» это соотношение еще более выразительно: 11 и 68.

Кроме того, в репрессиях приняли активное участие 29 чекистов «четвертого поколения».

Важно и то, кто из руководителей пережил чистку 1937—1938 гг.: двое из «первого поколения» (из 58), девять из «второго поколения» (из 71), одиннадцать из «третьего

поколения» (из 78) и, наконец, двенадцать (из 29) из «четвертого поколения».

В 1937 году произошел конфликт внутри почетных чекистов «первого поколения». Одни были репрессированы, другие — начали быстро делать карьеру. Это конфликт между группами Ягоды, Балицким и Дерибаса, с одной стороны, и группами Евдокимова—Фриновского (знак № 228), Реденса (знак № 24), Заковского — с другой. Последних поддержал Берия.

Одновременно этот конфликт был в интересах чекистов «второго» и «третьего поколения», которые продвигались на «освободившиеся» в ходе ротации должности. Кроме того, в ходе чистки стало формироваться новое — «четвертое поколение» почетных работников.

Для нас важно также учитывать, что самая большая группа руководителей в период репрессий получила награждения знаком в конце 20 — начале 30-х гг. — в период «великого перелома». Это был их «звездный час». Они пришли работать в органы в годы Гражданской войны, и, вероятно, они никогда и не забывали об этом своем боевом прошлом, они выдвинулись в период коллективизации и показательных процессов 1929—1931 гг. против старой интеллигенции. Думаю, что это многое объясняет в их поведении во второй половине 30-х.

Жена почетного работника ВЧК — ОГПУ «второго поколения» комиссара ГБ 3-го ранга Сергея Наумовича Миронова-Король (знак № 489) очень эмоционально описывает настроение своего мужа: «Еще как только повеяло повышением, заметно приободрился... сразу вернулись к нему былая его самоуверенность, его гордая осанка, его азартная решимость, его честолюбие. Глаза сразу стали другие — залучились огоньками успеха, словно вернулись молодость, «настоящие дела», борьба с контрреволюцией» [74, с. 97]. «Молодость», «настоящие дела», «борьба с контрреволюцией»... Себя Миронов в это время называл «сталинским псом». Были, оказывается, не только «сталинские соколы», но и... Посмотрим, как складывалась «борьба с контрреволюцией» «сталинских псов» — почетных работников ВЧК — ОГПУ.

ИЮЛЬ 1937 ГОДА

Знак «Почетный работник ВЧК — ОГПУ» был ведомственной наградой. В 20—30-е гг. многие руководящие работники НКВД и не имели других. Даже почетные чекисты «первого поколения» — комиссар ГБ 3-го ранга Г.И. Бокий (знак № 7) (!!!), заместитель Ягоды комиссар ГБ 1-го ранга Г.Е. Прокофьев (знак № 72), комиссар ГБ 2-го ранга Шанин (знак № 118) и др. — имели только эту награду. Но с приходом Ежова ситуация изменилась кардинально.

Во время октябрьского пленума ЦК 1937 г. первый секретарь Ростовского обкома Е.Г. Евдокимов в частном разговоре сказал начальнику ГУГБ М.П. Фриновскому: «Я считаю, что вы рано начали награждать орденами. Ведь люди награждаются не только наши, но и другие, порыв борьбы растет, а это надо было бы попридержать»... О каких награждениях идет речь?

Дело в том, что летом 1937 года на руководство НКВД посыпался дождь высоких правительственных наград — награждали орденами Ленина, который до этого имели только отдельные руководители: Ягода, М. Берман, Я. Раппопорт, Я. Серебрянский, М. Фриновский и др. Летом же награждение этим орденом было поставлено «на поток».

Сначала 25 июня ордена Ленина получили:

комиссар 1-го ранга ЗАКОВСКИЙ (ШТУБИС) ЛЕОНИД (ГЕНРИХ) МИХАЙЛОВИЧ (ЭРНЕСТОВИЧ), начальник УНКВД Ленинградской области;

старший майор ШАПИРО-ДАЙХОВСКИЙ НАТАН ЕВНОВИЧ, начальник 3-го отдела УГБ УНКВД Ленинградской области;

майор КОРКИН ПЕТР АНДРЕЕВИЧ, пришел вместе с Заковским в УНКВД Ленинградской области, начальник 4-го отдела УГБ УНКВД Ленинградской области;

лейтенант ГБ КАРАМЫШЕВ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ, начальник 5-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Ленинградской области.

Все, как мы видим, ленинградские чекисты.

Через неделю, 2 июля, награды получили сибирские чекисты:

комиссар ГБ 3-го ранга КУРСКИЙ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ, возглавил УНКВД Западно-Сибирского края (ЗСК), летом 1937-го уже служил в центральном аппарате НКВД;

комиссар ГБ 3-го ранга МИРОНОВ (КОРОЛЬ) СЕРГЕЙ НАУМОВИЧ, начальник УНКВД Западно-Сибирского края на момент награждения;

старший майор ГБ УСПЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ¹, служил заместителем начальника УНКВД ЗСК Курского, на момент награждения был начальником УНКВД Оренбургской области;

старший лейтенант ПОПОВ СЕРАФИМ ПАВЛОВИЧ, начальник отдела в УНКВД ЗСК, при выделении Алтайского края — начальник УНКВД Алтайского края;

старший лейтенант ГБ ГРЕЧУХИН ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ, помощник начальника УНКВД ЗСК.

На следующий день награды получили:

комиссар 3-го ранга ЛЮШКОВ ГЕНРИХ САМОЙЛОВИЧ, с конца августа 1936 г. начальник УНКВД Азово-Черноморского края (Ростовской обл.);

майор ГБ КАГАН МОИСЕЙ АРОНОВИЧ, помощник начальника УНКВД Азово-Черноморского края.

11 июля награды получили «северокавказцы» и группа Реденса.

«Северокавказцы»:

комиссар 3-го ранга ДАГИН ИЗРАИЛЬ ЯКОВЛЕВИЧ, начальник УНКВД Орджоникидзевского края, на момент ареста служил начальником УНКВД Горьковской области;

старший майор ГБ РАЕВ (КАМИНСКИЙ) МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ, заместитель начальника УНКВД Орджоникидзевского края, на момент награждения начальник УНКВД Сталинградской области;

майор ГБ ГОРБАЧ ГРИГОРИЙ ФЕДОРОВИЧ, замести-

¹ Определить принадлежность этого чекиста к какой-либо группе не совсем легко. По службе он относится к группе Реденса (см. Приложения), но явно пользуется личным расположением Ежова.

тель начальника УНКВД Орджоникидзевского края, на момент ареста заместитель начальника УНКВД ЗСК.

Еще несколько «северокавказцев» получили ордена Красного Знамени:

майор ГБ БУЛЛАХ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ, начальник 3-го отдела УНКВД Орджоникидзевского края, на момент награждения начальник УНКВД края;

майор ГБ ЛАВРУШИН ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ, начальник 4-го отд. УНКВД Орджоникидзевского края, на момент награждения заместитель начальника УНКВД Горьковской области (Дагина);

майор ГБ ДЕМЕНТЬЕВ ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ, нарком Чечено-Ингушской АССР;

майор ГБ АНТОНОВ-ГРИЦЮК, нарком Кабардино-Балкарской АССР;

капитан ГБ ТЕЛЕШЕВ ГРИГОРИЙ ГАЛАКТИОНОВИЧ, на момент награждения начальник 3-го отдела УНКВД Сталинградской области.

«Москвичи»:

комиссар ГБ 1-го ранга РЕДЕНС СТАНИСЛАВ ФРАНЦЕВИЧ, начальник УНКВД Москвы и Московской области, свояк Сталина;

старший майор РАДЗИВИЛОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ, заместитель начальника УНКВД Москвы и Московской области;

майор ГБ ЛЕБЕДЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ, начальник 3-го отдела УГБ УНКВД Московской обл.;

капитан ГБ МИХАЙЛОВ, начальник гор. отдела УНКВД в Туле (Московская область), награжден орденом Красного Знамени;

капитан ГБ НАСЕДКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, заместитель начальника 3-го отдела УНКВД Московской области, награжден орденом Красного Знамени.

Наконец, 22 июля были награждены руководители управлений и отделов в центральном аппарате:

комиссар ГБ 2-го ранга БЕЛЬСКИЙ (ЛЕВИН) ЛЕВ (АБРАМ) НИКОЛАЕВИЧ (МИХАЙЛОВИЧ), начальник ГУРКМ;

комиссар ГБ 2-го ранга ЛЕПЛЕВСКИЙ ИЗРАИЛЬ МОИСЕЕВИЧ, начальник особого отдела, на момент награждения нарком УССР;

комиссар ГБ 3-го ранга МИНАЕВ-ЦИКАНОВСКИЙ АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ, и.о. начальника 3-го отдела НКВД СССР;

старший майор ГБ ЛИТВИН МИХАИЛ ИОСИФОВИЧ, с мая 1937 г. начальник 4-го отд. ГУГБ НКВД СССР;

старший майор ГБ ЗАЛПЕТЕР АНС КАРЛОВИЧ, на момент награждения начальник 2-го отдела НКВД СССР;

капитан ГБ ПАССОВ ЗАЛЬМАН ИСАЕВИЧ, помощник начальника 3-го отд. ГУГБ НКВД СССР.

В этот же день, 22 июля, были награждены орденом Ленина и чекисты Закавказья:

комиссар ГБ 2-го ранга ГОГЛИДЗЕ СЕРГЕЙ АРСЕНЬЕВИЧ, нарком НКВД Грузии с 1934 г.;

комиссар ГБ 3-го ранга СУМБАТОВ (ТОПУРИДЗЕ) ЮВЕЛЬЯН ДАВИДОВИЧ, нарком НКВД Азербайджана с 1934 г.;

старший майор МУГДУСИ ХАЧИК ХЛГАТОВИЧ, нарком НКВД Армении с 1931 г.;

майор ГБ КОБУЛОВ БОГДАН ЗАХАРОВИЧ, начальник 4-го отд. УГБ НКВД ГрузССР.

За что наградили всех этих людей? Ответ надо искать в ближайшем прошлом, награждал их Ежов, и, естественно, не за верную службу Ягоде (к тому времени уже арестованному и разоблаченному).

Как уже говорилось, основу изучения «большой чистки» составляют сталинские расстрельные списки. Они поступали из центрального аппарата и из регионов. Эти документы отражают реальную активность чекистских руководителей в проведении репрессий. Анализируя сроки представления списков Сталину, можно сделать вывод, что в ряде регионов списки появились раньше других.

Как уже говорилось выше, первый датированный список был представлен в день открытия февральско-мартовского пленума.

**СПИСОК ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ СУДУ ВОЕННОЙ
КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР.**

27 февраля 1937 года

	<u>1-я кат.</u>	<u>2-я кат.</u>	<u>3-я кат.</u>
1. «Москва-Центр»	33	0	0
2. Украина	93	0	0
3. Московская область	26	0	0
4. Западно-Сибирский край	32	0	0
5. Азово-Черноморский край	93	0	0
6. Свердловская область	95	0	0
7. Баку	39	0	0
8. Красноярский край	18	0	0
9. Саратовская область	21	0	0
10. Сталинградская область	11	0	0
11. Горьковская область	6	0	0
12. Куйбышевская область	4	0	0
13. Казахстан	4	0	0
14. Ивановская область	4	0	0

Далее приводится в списке: фамилии, имена и отчество осужденных (отдельно список каждого региона).

Именно так будут выглядеть и остальные списки 1937—1938 гг. Вместе с тем данный документ иллюстрирует новый подход к репрессиям — списочная внесудебная расправа. Этот документ еще не позволяет анализировать направление новых репрессий при Ежове, потому что большинство лиц в этом списке арестованы еще при Ягоде. Так, например, в списке «Москва-Центр» удалось определить 26 имен, и из них только 4 арестованы после 1 октября 1936 г.

В марте — мае 1937 года на стол Сталина легли новые расстрельные списки из регионов: 1134 человека по 1-й категории и 489 по 2-й категории.

Стоит сразу напомнить имена руководителей региональных органов НКВД, первыми отреагировавших на изменение курса:

Свердловская область — комиссар ГБ 3-го ранга Д.М. Дмитриев: 155 имен по 1-й категории и 98 по 2-й категории;

Московская область — комиссар ГБ 1-го ранга С.Ф. Реденс: 51 имя по 1-й категории и 13 по 2-й категории;

Западно-Сибирский край (ЗСК) — комиссар ГБ 3-го ранга С.Н. Миронов: 231 по 1-й категории и 104 по 2-й категории;

Ленинградская область — комиссар ГБ 1-го ранга Л.М. Заковский: 145 по 1-й категории и 50 по 2-й категории;

Горьковская область — комиссар ГБ 3-го ранга И.Я. Дагин: 23 по 1-й категории и 29 по 2-й категории;

Красноярская область — старший майор ГБ А.К. Залптер: 81 по 1-й категории и 52 по 2-й категории;

Омская область — старший майор ГБ Э.П. Салынь: 10 по 1-й категории и 31 по 2-й категории;

Грузия — комиссар ГБ 2-го ранга С.А. Гоглидзе: 139 по 1-й категории и 35 по 2-й категории;

Азербайджан — комиссар ГБ 3-го ранга Ю.Д. Сумбатов: 39 по 1-й категории и 17 по 2-й категории;

Азово-Черноморский край (АЧК) — комиссар ГБ 3-го ранга Г.С. Люшков: 133 по 1-й категории и 40 по 2-й категории;

Орджоникидзевский край — майор ГБ П.Ф. Буллах: 132 по 1-й категории и 20 по 2-й категории.

Анализ личных дел находящихся в списках показывает, что в этих списках большая часть арестована во второй половине 1936 года — сразу после смены наркома. Так, например, в списках, которые поступили из Московской области, установлено 41 имя репрессированных по 1-й категории. Только десять из них арестованы при Ягоде. Эти списки показывают, что Ежов получил поддержку у ряда региональных руководителей «северокавказцев» (Дагин, Миронов, Буллах), что естественно, учитывая их выросший авторитет в Центре, «кавказцев» (Гоглидзе и Сумба-

тов), группы Заковского и Реденса. Как видим, именно эти чекисты и были награждены в июне — июле 1937 года.

Очевидно, что именно за активный старт в проведении чистки и получили ордена Ленина работники центрального регионального аппарата НКВД. Отметим сразу, что руководитель УНКВД Свердловской области Дмитриев тогда наград не получил.

Смена Ягоды Ежовым и кадровые перестановки второй половины 1936-го совпали с изменением направления работы НКВД — основной удар был перенесен с троцкистов на «правых» (см. выше).

Важно обратить внимание на еще одно обстоятельство. Практически все руководители, которые активно включились в чистку, пользовались поддержкой партийного руководства в регионах. Это видно из анализа судеб партийных чиновников. Первый секретарь Москвы Н.С. Хрущев, Ленинграда — А.А. Жданов, Грузии — Л.П. Берия, Азербайджана — Багиров, Горьковского обкома — Ю. Каганович пережили 1937—1938 гг. Собственно, ими, наверное, и исчерпывается список региональных руководителей, переживших «большую чистку». Руководители Западно-Сибирского, Азово-Черноморского и Орджоникидзевского краев (Эйхе, Евдокимов, Сергеев) весной 1937 г. были активными «чистильщиками».

Показательно и кто оказался в стороне от начавшейся чистки — руководитель НКВД УССР В.А. Балицкий, руководитель УНКВД Дальневосточного края Дерibas, Пилляр, Залин, Аустрин — почти все они не переживут 1937 год... Балицкий и Дерibas — кандидаты в члены ЦК.

К ним можно отнести характеристику Шрейдера: «Следует отметить, что, несмотря на всю газетную истерию и поток соответствующих директив, поначалу далеко не все начальники УНКВД на местах пошли по усиленно рекомендуемой им дорожке «раздувания», а позднее — прямой фальсификации дел на так называемых троцкистов-террористов. Среди руководящих работников НКВД (до прихода к власти Ежова) было еще много старых чекистов, которые если и не саботировали усиление борьбы с липовыми троцкистами-террористами, то, во всяком случае, не проявляли в этом деле никакого энтузиазма» [39, с. 32].

Это естественно, чекистские кадры по своему социально-политическому облику принципиально не отличались от партийной номенклатуры, давно срослись с местным партийным аппаратом, до 1937 года видели свою задачу прежде всего в защите советской власти — т.е. партийного и советского аппарата, а не в их уничтожении. Естественно, поэтому «перестроились» на новый курс не все. Это было отражением скрытого конфликта в руководстве партии.

В эти же дни, когда в Москве награждали чекистов, 2 июля появляется известное постановление Политбюро об антисоветских элементах, которое нагнетает политическую атмосферу: «Послать секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий следующую телеграмму: **«Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из различных областей в северные и сибирские районы, а потом, по истечении срока высылки, вернувшиеся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.**

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД **взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы, были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.**

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке» [67, с. 234—235].

Руководители региональных управлений НКВД по-разному отреагировали на запрос ЦК. Если учитывать население регионов, то выяснится, что средняя цифра — 0,2 % (в сумме по 1-й и 2-й категориям).

Цифры ниже средних предложили руководители:

Загвоздин Н.А. (Узбекистан — 0,09 %), Гоглидзе С.А.

(Грузия — 0,09 %), Рудь П.Г. (ТатАССР — 0,1 %), Тениссон К.Я. (Карелия — 0,02 %), Стырне В.А. (Ивановская область — 0,8 %), Аустрин А.И. (Кировская область — 0,4 %), Ершов А.М. (Ярославская область — 0,9 %), Залин Л.Б. (Казахстан — 0,13 %), Мугдуси Х.Х. (Армения — 0,1 %), Тарасюк С.А. (Таджикистан — — 0,12 %), Раев М.Г. (Сталинградская область — 0,13 %), Агранов Я.С. (Саратовская область — 0,11 %), Сальнь Э.П. (Омская область — 0,10 %), Павлов К.А. (Крым — 0,15 %), Ковалев Д.Г. (Коми — 0,14 %), Симановский П.Ш. (Курская область — 0,11 %)

Средние цифры предложили руководители:

Зверев Ю.Л. (Туркмения — 0,17 %), Попашенко И.П. (Куйбышевская область — 0,16 %), Лаврушин И.Я. (Горьковская область — 0,18 %), Сумбатов Ю.Д. (Азербайджан — 0,18 %).

Выше среднего предлагали провести репрессии руководители:

Берман Б.Д. (Белоруссия — 0,25 %), Реденс С.Ф. (Московская обл. — 0,35 %), Ломоносов В.Г. (Дагестан — 0,31 %), Дерibas Т.Д. (Дальневосточный край — 0,28 %), Миронов С.Н. (Западно-Сибирский край — 0,4 %), Люшков Д.Г. (Азово-Черноморский край — 0,24 %), Буллах П.Ф. (Орджоникидзевский край — 0,38 %), Дмитриев Д.М. (Свердловская область — 0,28 %), Успенский А.И. (Оренбургская область — 0,31 %), Блат И.М. (Челябинская область — 0,31 %).

Совещание в июле: «северокавказцы» и «латыши».

16—17 июля 1937 года в Москве прошло совещание, посвященное обсуждению деталей предстоящей операции. На совещании «Ежов стал называть приблизительные цифры предполагаемого наличия врагов народа, по краям и областям, которые подлежат аресту и уничтожению. (Это была первая наметка спускаемых впоследствии — с середины 1937 года — официальных лимитов в определенных цифрах на каждую область. — Л.Н.) Услышав эти цифры, — рассказывал Стырне, — все присутствующие так и обмерли. На совещании присутствовали в большинстве

старые опытные чекисты, располагавшие прекрасной агентурой и отлично знавшие действительное положение вещей. Они не могли верить в реальность и какую-либо обоснованность названных цифр (выделено мной. — Л.Н.).

— Вы никогда не должны забывать, — напомнил в конце своего выступления Ежов, — что я не только наркомвнудел, но и секретарь ЦК. Товарищ Сталин оказал мне доверие и предоставил все необходимые полномочия. Так что отсюда и сделайте для себя соответствующие выводы.

Когда Ежов закончил свое выступление, в зале воцарилась мертвая тишина. Все застыли на своих местах, не зная, как реагировать на подобные предложения и угрозы Ежова.

Вдруг со своего места встал полномочный представитель УНКВД Омской области, старейший контрразведчик, ученик Дзержинского и мужественный большевик **Салынь**.

— Заявляю со всей ответственностью, — спокойно и решительно сказал Салынь, — что в Омской области не имеется подобного количества врагов народа и троцкистов. И вообще считаю совершенно недопустимым заранее намечать количество людей, подлежащих аресту и расстрелу.

— Вот первый враг, который сам себя выявил! — резко оборвав Салыня, крикнул Ежов. И тут же вызвал коменданта, приказав арестовать Салыня.

Остальные участники совещания были совершенно подавлены всем происшедшим, и более никто не посмел возразить Ежову.

Рассказывая нам об этом, Стырне никак не комментировал приведенных фактов и старался сделать вид, что совещание прошло на должном уровне и вообще все идет так, как и следовало ожидать. Но и я, и Добродицкий (заместитель Стырне. — Л.Н.) отлично понимали, что он переживает арест своего соотечественника (Салынь по национальности был латыш), соратника по работе в КРО и близкого друга как трагедию» [72, с. 42].

Действительно, пример начальника УНКВД Омской области Салыня очень яркий, но не очень типичный.

Приведу пример с видным чистильщиком С. Реденсом, который, кстати, часто фигурирует в воспоминаниях Шрейдера как пример «честного» чекиста: «Перед началом

этой операции было создано совещание наркомов, начальников областных и краевых управлений НКВД, которое было в июле 1937 года...

Были установлены лимиты для каждой области, надо сказать, что все это делалось наспех, без какого-то ни было учета, без подготовки... Никто даже приблизительно не мог сказать, какой же размер лимитов необходим для каждой области... Для Московской области цифра была определена на первую категорию 6000 и вторую — 30 000 (в то время еще не выделены Рязанская и Тульская области). По другим областям определял цифры Фриновский, и надо сказать, что определял он лимиты при полном отсутствии каких-либо данных, которыми можно было бы объяснить, почему та или иная область получила данную величину лимита...»

Реденс считает, что кулацкая операция началась после польской. Конечно, его подводит память или это неточность протокола. Однако важна не эта деталь. Важно другое — речь идет, конечно, о том же самом совещании, и, оказывается, Фриновский «определял... лимиты при полном отсутствии каких-либо данных, которыми можно было бы объяснить, почему та или иная область получила данную величину лимита...» [74, с. 301].

Вот одно мнение, которое высказывали «старые опытные чекисты, располагавшие прекрасной агентурой и отлично знавшие действительное положение вещей. Они не могли верить в реальность и какую-либо обоснованность названных цифр». Шрейдера не было на том совещании (от Иванова приехал Стырне), но он думал, видимо, так же.

Однако, если посмотреть внимательно на таблицу утверждения Центром в июле 1937 г. запросов с мест о контрольных цифрах по кулацкой операции, не может не возникнуть сомнения в искренности Реденса! УНКВД области предложил расстрелять 8500, а Фриновский уменьшил эту цифру до 5000 — это и было, по мнению Реденса, «необоснованно»?

Это наблюдение заставляет внимательнее присмотреться к тому, что должны были думать руководители НКВД на том совещании в июле 1937 года. Действительно, некоторым из них лимит был повышен по сравнению с запросом.

Кто это? Начнем сразу с того, что эти руководители явно делятся на две группы: те, кто в своем регионе давно «владеет оперативной информацией и прекрасно знает истинное положение дел», и те, кто переведен сюда совсем недавно. Так, «северокавказец» Раев в УНКВД Сталинградской области с апреля 1937 года, Агранов служил в Саратове с мая 1937 г., Аустрин в Кирове только с июня 1937-го, Павлов руководил НКВД в Крыму с 29 июня, Симановский в Курске с июня 1937 года, Лаврушин в Горьком с мая 1937 года, Успенский в Оренбурге и Берман в Белоруссии с марта 1937 года, Попашенко в Куйбышеве и Вейзагер в Мордовии с января 1937 года. Конечно, есть впечатление, что они не вполне успели освоить оперативную информацию региону. Дмитриев в Свердловске и Люшков в Ростове, Дементьев в Чечне с лета 1936 года — тоже не очень давно. Реденс, Дерибас, Загвоздин, Буллах, Антонов-Грицюк, Карачаров, Ломоносов, Гоглидзе, Мугдуси, Залин, Салынь, Стырне, Тениссон, Шленов в своих регионах относительно давно, с начала 30-х и раньше.

Заметно (в разы, особенно по 1-й категории) лимиты повысили следующим руководителям:

наркому НКВД Грузии комиссару 2-го ранга ГОГЛИДЗЕ СЕРГЕЮ АРСЕНЬЕВИЧУ;

комиссару ГБ 1-го ранга АГРАНОВУ ЯКОВУ САУЛОВИЧУ, до лета 1937 г. начальник ГУГБ, затем переведен начальником УНКВД Саратовской области (явное понижение!);

комиссару ГБ 3-го ранга СТЫРНЕ ВЛАДИМИРУ АНДРЕЕВИЧУ, руководителю УНКВД Ивановской области;

старшему майору ГБ АУСТРИНУ РУДОЛЬФУ ИВАНОВИЧУ, руководителю УНКВ Кировской области;

старшему майору САЛЫНЮ ЭДУАРДУ ПЕТРОВИЧУ, руководителю УНКВД Омской области;

майору ГБ ТЕНИССОНУ КАРЛУ ЯКОВЛЕВИЧУ, наркому НКВД Карелии.

Очень может быть, что среди этих людей были те, кто сочувствовал Салыню. Сочувствовал, потому что не понимал, как запрос в 86 человек (12 по 1-й категории и 74 по 2-й категории) мог трансформироваться в 1000 (300 по 1-й

категории и 700 по 2-й категории)¹. Сочувствовал потому, что чувствовал, что карьера идет под откос, как у Агранова и Аустрина. А может быть, дело в этнической и клановой солидарности латышей — Аустрина, Салыня, Стырне и Тениссона. По крайней мере, так можно понять воспоминания Шрейдера: «Но и я отлично понимал, что он переживает арест **своего соотечественника (Салынь по национальности был латыш), соратника по работе в КРО и близкого друга как трагедию**».

Так или иначе, вероятно, что Ежов столкнулся на конференции с их скрытой оппозицией, но надо помнить, что среди тех, кому лимит повысили, был и Гоглидзе, только что награжденный орденом Ленина.

Зато намного больше было тех, кому, как и Реденсу, лимит понизили. Для начала следует вспомнить, что уменьшили лимиты тем, кто предложил цифры выше среднего.

Мионов, Буллах, Лаврушин, Ломоносов, Попашенко, Дементьев, Антонов-Грицюк — «северокавказцы», что тоже, видимо, не случайное совпадение — именно они предлагали цифры выше среднего. Обратим внимание, что среди тех, кому лимиты повысили, «северокавказцев» почти нет совсем.

Иными словами, на совещании в июле стало видно размежевание в чекистском руководстве на тех, кто не видел смысла в разворачивании массовых операций, и тех, кто отнесся к этому с энтузиазмом. В первой группе оказались Агранов и латыши Салынь и Стырне, во второй — «северокавказцы» Люшков, Дмитриев, Реденс. Вторых было заметное большинство. Мы не знаем, какие цифры предложили нарком Украины **Леплевский**, руководитель УНКВД Ленинградской области **Заковский** и руководитель УНКВД Западной (Смоленской) области комиссар ГБ 3-го ранга **Каруцкий Василий Абрамович**.

Подведем первые итоги.

К концу июля сформировались четыре варианта репрессивной политики.

Первый вариант реализовывали руководители НКВД, которые активно включились в чистку и пытались исполь-

¹ См. Карелия.

зывать постановление Политбюро о начале кулацкой операции для развертывания массовых репрессий. Это руководство УНКВД Москвы и области — группа Реденса, руководители УНКВД Западно-Сибирского и Орджоникидзевского краев — Курский, Миронов, Буллах, руководители УНКВД Свердловской области — Дмитриев и Горьковской области — Дагин, а затем Лаврушин.

Дагин, Курский, Миронов, Буллах и Лаврушин — «северокавказцы».

Второй вариант политики чекистов: активно включиться в чистку, но не усердствовать особенно при проведении массовых операций. Самый яркий пример — нарком Грузии Гоглидзе.

Третий вариант выбрали те руководители, которые активно начали использовать массовые операции, но в чистке большого усердия не проявляли: это Залин, Дерibas.

Наконец, четвертый вариант. Стырне, Тениссон, Аустрин, Рудь не принимали активного участия в чистке и не стремились к активному участию в массовых операциях.

Список носит условный характер. Например, руководитель УНКВД Оренбургской области Успенский предложил высокие цифры первоначальных лимитов, но в начальном этапе чистки не смог принять активного участия, потому что только в марте 1937 г. сменил арестованного начальника УНКВД Оренбургской области старшего майора ГБ Н.М. Райского. Аналогичная ситуация и с Б. Берманом — новым наркомом в Белоруссии, сменившим арестованного Молчанова.

Подчеркнем, этот анализ основан не на анализе слов, а на анализе поступков чекистов. Дело не в том, кто и сколько раз упоминал имя Сталина в выступлениях и какими словами клеймил врагов народа. Дело не в том, кто и какие потом давал показания на следствии палачам Берии.

Дело в том, как реально вели себя чекисты, какой выбор они делали летом 1937 г. От чего зависел выбор? Перечислим только некоторые факторы.

Как уже говорилось выше, судьба руководства партийно-советских органов в регионах вряд ли находилась в руках чекистов, по крайней мере, весной—летом 1937 года.

«Большая чистка» активно началась именно в тех регионах, которые возглавляли лояльные «сталинцы»: Жданов, Хрущев, Берия, Эйхе, Евдокимов. Конечно, судьбу первых секретарей обкомов определял Сталин.

Безусловно, большую роль играла социально-политическая ситуация в регионах: Казахстан, Западная Сибирь — регионы ссылки кулаков.

Но очевидно и то, что полностью объяснить все этими факторами нельзя. Предложенные модели поведения руководителей НКВД, сформировавшиеся летом 1937 года, были лишь ориентирами. **Далее в этой ситуации чекисты могли выбирать свой путь. И их выбирали тоже...**

Летом 1937 года были арестованы и расстреляны именно те чекисты, которые не проявили особой активности и при начале чистки, и при планировании кулацкой операции: Дерibas, Балицкий, Стырне, Салынь, Аустрин.

Нарком в УССР комиссар 1-го ранга Балицкий В.А. в июне 1937 года был снят с поста наркома Украины и направлен на Дальний Восток. Он пробыл в роли главного чекиста на Дальнем Востоке всего месяц. В середине июня 1937 года его освободили и от этой должности, что предсказуемо — он ведь не разоблачил врага Якира. 1 июля было принято решение Политбюро о передаче дела Балицкого в НКВД. Спустя 10 дней после ареста, 17 июля, он написал Ежову: «Прежде всего, я прямо заявляю — я участник антисоветского троцкистско-фашистского заговора». Бывший нарком назвал своих ближайших «соучастников»: «...б. мой заместитель ИВАНОВ Василий, быв. мой заместитель по милиции БАЧИНСКИЙ, бывший нач. особого Отдела ПИСЬМЕННЫЙ, нач. Харьковского обл. управления МАЗО, нач. Одесского областного управления РОЗАНОВ». Кроме того, он пообещал: «Я, несомненно, не вспомнил, а потому и не назвал всех известных мне участников заговора... На следствии я приложу все старания к тому, чтобы с максимальной полнотой вскрыть всю нашу преступную деятельность и всех заговорщиков» (выделено мной. — Л.Н.) [67, с. 258].

Комиссар ГБ 3-го ранга С.С. Мазо застрелился в своем кабинете еще 4 июля. Были арестованы начальники обла-

стных управлений НКВД Соколов П.Г., Розанов А.Б. и Гришин Г.А. Арестованы и бывшие заместители Балицкого — комиссары 2-го ранга Кацнельсон З.Б. и Карслон К.М.

29 июня арестован нарком в Крыму ст. майор Лордкипанидзе Т.И.

Одновременно с Украиной продолжалась чистка периферийных кадров в других регионах. Эта чистка шла параллельно с чисткой партийного аппарата. Ежов ставил задачу поиска контрреволюционного заговора среди секретарей обкомов.

13 июля 1937 г. арестован начальник УНКВД Челябинской области старший майор Блат И.М. 20 июля 1937 г. — Стырне снят с Ивановской области и переведен в Киев начальником 3-го отд. (через три месяца его арестуют).

22 июля 1937 г. арестован начальник УНКВД Кировской области старший майор ГБ Аустрин Р.И.

23 июля 1937 г. состоялся еще ряд кадровых решений:

— в Саратове арестовали бывшего начальника ГУГБ комиссара 1-го ранга Я.С. Агранова;

— в Туркмении арестован нарком Зодев.

Еще 20 июля арестован нарком Татарии «северокавказец», комиссар 3-го ранга П.Г. Рудь [37, с. 181—182].

Этот арест был особенно знаковым. О нем остались воспоминания жены начальника УНКВД ЗСК С.Н. Миронова: «Пришел тайный приказ об *аресте Рудя*. С ним [Миронов] работал на Кавказе, потом Рудь этот был начальником Северо-Кавказского НКВД, затем — в Казани. Приказ был об его аресте за то, что у него не выловлены враги народа — троцкисты и т.д., что у него было мало арестов. Ага, мало арестов, значит, не борешься? Значит, прикрываешь, укрываешь? И приказ этот читали всем начальникам в назидание. Инструкция НКВД. И всем стало ясно: хочешь уцелеть (даже не продвинуться!) — сочиняй дела! Иначе худо будет.

Через день все подтвердилось. Мироша пришел домой обедать со своим подчиненным, он с ним дружил. Сели за стол. Сережа говорит ему:

— Как бы у нас не получилось, как с Рудем... Нормы не выполняем, Иван Ефремович. Все вон какие цифры дают!» [40, с. 89].

Хотя все, может быть, не так просто (см. ниже).

Долгое время в Дальневосточном крае УНКВД руководил комиссар 1-го ранга Т.Д. Дерибас. Первоначально его даже утвердили председателем тройки. 31 июля его снова сняли, вместо него на Дальний Восток был направлен Люшков. Люшков обнаружил «правотроцкистский заговор» и начал чистку. Первым он «расколочил» начальника особого сектора ОКДВА Барминского, который назвал в числе заговорщиков самого Дерибаса, так же его заместителя и начальника УНКВД Хабаровской области комиссара 3-го ранга Западного С.И., капитана ГБ Визеля Я.С., начальника НКВД во Владивостоке, майора ГБ Давыдова Г.А., начальника НКВД Амурской области (г. Благовещенск) и др. Всех «раскручивали» и как заговорщиков, и как шпионов [74, с. 182—183].

«Подозрительно все поведение Дерибаса, — докладывал Люшков Ежову. — По моему приезду, несмотря на договоренность по телефону о личном свидании, предварительно послал на разведку ЗАПАДНОГО, долго не появлялся в управлении и, как установлено, высматривал в смежной лестничной клетке, что делается в кабинете ЗАПАДНОГО, где я производил операцию. В разговоре со мной проявлял растерянность и раздражение по поводу своего снятия, крайнее любопытство к характеру показаний на ЗАПАДНОГО, БАРМИНСКОГО... Прошу телеграфировать санкцию на арест ВИЗЕЛЯ, ДАВЫДОВА, БУБЕННОГО. ЛЮШКОВ». На телеграмме Люшкова резолюция Сталина: «Молотову, Ворошилову. Дерибаса придется арестовать. Ст.» [67, с. 301]. На следующий день Дерибаса арестовали.

Подводя итог кадровой политике Ежова осенью 1936 — летом 1937 г., следует заметить, что в ней ясно просматривается политическая логика: формирование группы чекистов, которые готовы поддержать массовые репрессии. Для этого использовалась политика кнута и пряника: те, кто активно включился в реализацию нового курса, получали ордена и повышения по службе. Многие из тех, кто не проявлял необходимой решимости и высказывал сомнения, были арестованы и расстреляны, несмотря на свой часто огромный чекистский стаж и политический вес (Балицкий и Дерибас — кандидаты в члены ЦК).

Важно также отметить, что позиция Политбюро, изложенная в приказе, заключалась в том, чтобы подстегнуть «пассивных» и попридержать «активных чистильщиков».

Причем второй мотив в тексте приказа выражен ясно.

Во-первых, в приказе лимиты по 1-й категории по сравнению с первоначальным запросом по регионам в сумме повышены на 3500 человек, а понижены на 23 000 человек. Разница почти в 7 раз — само по себе это очень показательное сравнение. Центр скорее уменьшил «аппетит» регионов.

Во-вторых, руководству Московской области, Белоруссии, Узбекистана, Дальневосточного края, Западно-Сибирского, Орджоникидзевского краев, Горьковской, Куйбышевской, Свердловской и Челябинской областей, Мордовии, Марий Эл и Чечено-Ингушской республик было предложено ограничить свое стремление к массовым репрессиям. **Фактически этот сигнал получили все те, кто предложил цифры репрессированных выше среднего [37, с. 272].**

В-третьих, текст приказа предусматривает возможность уменьшения репрессий по 1-й категории без согласования с Центром, а возможность увеличения не предусматривает:

«Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самочинные увеличения цифр не допускаются. В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства.

...Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории — во вторую категорию и наоборот — разрешается».

Для каждого, кто читает официальные документы — это явный сигнал того, что Центр не заинтересован в увеличении лимитов. Уменьшать их можно без согласия Центра, а

увеличивать нельзя. Если мы вспомним еще, что при утверждении лимитов Центр уменьшил первоначальный запрос именно в тех регионах, где предложили цифры выше средних, позиция ~~Москвы~~ ^{Средней} станет понятной — «особенно не увлекайтесь» [74, с. 275].

В связи с этим важно обратить внимание и на еще одно событие, произошедшее в июле. В ряде регионов аресты начались еще в июле, так сказать, в преддверии начавшейся операции. Петров и Янсен указывают на то, что руководитель УНКВД Орджоникидзевского края Буллах начал операцию раньше срока — 29 июля и тем спровоцировал резкую реакцию Фриновского.

На самом деле это был не частный случай. Выше уже было показано, что массовые аресты начались в Орджоникидзевском крае, Калининской, Воронежской, Ярославской и Смоленской областях, Республике Карелия. Это только по изученным регионам...

Показательно и то, что аресты начались сразу после совещания 16 июля 1937 года. По сути, это явное нарушение буквы приказа, согласно которому аресты должны были начаться только 1 августа.

И нарушение, как мы вскоре увидим, не случайное и не единичное.

АВГУСТ — ДЕКАБРЬ 1937 ГОДА

8 сентября Ежов направил Сталину спецсообщение № 59750 о первых итогах кулацкой операции. Он доложил, что «на 1 сентября было арестовано 146 225 человек. Из них 69 172 бывшие кулаки, 41 603 — уголовники и 35 454 — контрреволюционеры. 31 530 уже приговорены к расстрелу и 13 669 — к заключению.

По Белорусской, Украинской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской, Дагестанской, Азербайджанской, Калмыцкой республикам, Орджоникидзевскому и Западно-Сибирскому краям, Западной, Калининской, Воронежской, Оренбургской и Куйбышевской областям разрешено преступить к арестам бывших кулаков, уголовников и контрреволюционного элемента, отнесенных ко 2-й категории» [67, с. 343].

Кто эти «передовики»?

Берман Б. (БССР), Леплевский И.М. (УССР), Иванов Н.И. и Миркин С.З. (Северо-Осетинская АССР), Антонов-Грицюк (Кабардино-Балкарская АССР), Дементьев В.Ф. (Чечено-Ингушская АССР), Ломоносов В.Г. (Дагестанская АССР), Озеркин П.Г. (Калмыцкая АССР), Буллах П.Ф. (Орджоникидзевский край), Миронов С.Н. (Король) и Горбач Г.Ф. (Западно-Сибирский край), Каруцкий В.А. (Западная область), Домбровский В.Р. (Калининская область), Коркин П.А. (Воронежская область), Успенский А.И. (Оренбургская область), Попашенко И.П. (Куйбышевская область).

Как видим, доминируют «северокавказцы»: Буллах П.Ф., Миронов С.Н. (Король) и Горбач Г.Ф., Антонов-Грицюк, Иванов Н.И. и Миркин С.З., Попашенко И.П., Ломоносов В.Г., Дементьев В.Ф. [74, с. 277].

Как уже говорилось, вслед за началом операции региональные руководители начали писать письма с требованиями повысить лимиты.

Всего в 1937 году Политбюро увеличило лимиты более чем на 60 тыс. человек. Самым активным оказались первый секретарь Казахстана Мирзоян и нарком Казахстана Л. Залин — они добились того, что лимиты им были повышены в четыре раза — в целом на 12 500. Горбач добился увеличения лимитов на 9000. Причем если по Казахстану не вполне ясно, как распределяются инициативы партийного и чекистского руководства, то относительно августовского лимита тройке по Омской области ясно, что это инициатива чекистов.

Однако, как известно, **есть информация о том, что в ряде регионов лимиты были превышены без письменного согласия Политбюро.**

В *Московской области* в ходе кулацкой операции расстреляно не менее 20 тыс. (с учетом уголовников). В книгах памяти — 13 500. На самом деле расстреляно, видимо, больше, так как мы учитывали только 85 % имен. С учетом этой поправки — около 15 тыс. **Таким образом, лимит был повышен на 6000 тыс. и, видимо, именно в 1937 году ре-**

шением руководства НКВД. Руководил УНКВД области С. Реденс.

В *Орджоникидзевском крае* в 1937—1938 гг. всего арестовано 12 366 человек и расстреляно — 4787. Конечно, это вместе с чисткой, но через расстрельные списки прошло всего несколько сот. В июле арестовано 2611 человек, в августе — 1580 и в сентябре — 3718. Все это возможно лишь в расчете на то, что лимиты будут повышены. Однако этого не произошло, по крайней мере, в ожидаемом размере. Из арестованных в июле расстреляно 1688, из арестованных в августе было расстреляно «всего» 1067, а из арестованных в сентябре — «всего» 864.

Таким образом, лимит явно повышен и без санкции Политбюро более чем на 3000 по 1-й категории. Руководил УНКВД края в этот период Буллах.

В *Горьковской области* по 1-й категории репрессировано 4219 человек, всего по кулацкой операции — почти 7000. Это значит, лимит был повышен, видимо, решением руководства НКВД. Действительно, 4 февраля 1938 года секретарь обкома Ю. Каганович докладывал, что «работа тройки закончена. В пределах лимита по области репрессировано 9600 кулацкого, эсеровского, повстанческого и других антисоветских элементов» [56, с. 471]. Можно предположить, что неизвестные нам 2600 человек расстреляны по уголовным статьям и не были реабилитированы. **Это значит, что лимит был увеличен, видимо, с ведома Сталина, на 4100, в том числе не менее чем на 1000 по 1-й категории.** Руководил УНКВД области Лаврушин.

По *Смоленской области* в книгах памяти содержится информация о 6475 расстрелянных, что примерно совпадает с цифрами расстрелянных, известными исследователям: 192 через расстрельные списки, 3000 — в рамках кулацкой операции и 3289 в рамках национальных (польской, латышской и немецкой). **Но 1000 расстрелянных уголовников в книгах памяти нет, следовательно, лимиты, видимо, были еще повышены на 1000 человек, и, видимо, без санкции Политбюро.** Руководили УНКВД области Каруцкий и Наседкин.

В книгах памяти *Республики Карелия* содержится почти 7000 имен репрессированных в рамках приказа № 00447 тройками. Это означает, что лимит был повышен еще более чем на 3000 человек (на самом деле больше потому, что в книгах памяти не содержится информации о репрессированных по уголовным статьям).

В *Куйбышевской области* лимит был 1000 и 4000. По донесению Ежова видно, что 1-й этап операции (аресты по 1-й категории) был закончен в срок. В книгах памяти есть информация об аресте в августе 1937 года почти 1000 человек, из них осуждено тройками две трети. Как можно предположить, в источнике не указаны арестованные уголовники. Однако вскоре между Попашенко и Постышевым произошел конфликт. 28 сентября в область был назначен Журавлев. На Попашенко доносили, что он не проявлял должного интереса к контролю за кулацкой операцией. 27 ноября новый начальник УНКВД Куйбышевской области доложил, что из 6800 осталось не репрессировано 800 (по 2-й категории). Из чего можно сделать вывод, что лимит ему к тому времени уже увеличили на 1800 человек. Журавлев просил об увеличении лимита еще на 6000. Решением Фриновского 1-я категория была увеличена на 1000 и 2-я категория на 2000 [67, с. 651]. Книги памяти содержат, как мы помним, также данные о двух повышениях лимита и об осуждении в рамках кулацкой операции более 4600 человек, из которых почти половина расстреляна. Таким образом, Журавлев добился повышения лимитов на 4800, причем решение это было принято руководством наркомата.

В большинстве изученных регионов руководство НКВД в 1937 году сделало попытку добиться повышения лимитов. Причем чаще всего это происходило, минуя решения Политбюро. Неизвестно об успешных попытках повысить лимиты в Дальневосточном крае и Воронежской области.

Следует заметить, что в этом нет ничего неожиданного. Аналогичная ситуация известна нам и по другим регионам. Исследователи террора на Украине утверждают, что в 1937 году лимиты были повышены трижды: 5 сентября Леплевскому на *Украине* разрешили увеличить первую кате-

горию на 4200, а 29 сентября еще на 4500 [72, С. 132]. Эти увеличения были санкционированы Ежовым.

К 19 декабря 1937 года Ежов еще раз санкционировал увеличение лимитов минимум на 9450 по 1-й категории и 1800 по второй. Никольский называет иную цифру для Украины — 12 568 по 1-й категории и 10 402 по 2-й категории.

В исследовании Хлевнюка рассказано про террор в *Туркмении*. В октябре 1937 г. лимит был повышен до 1600 (т.е. более чем в три раза) по 1-й категории и до 2800 (т.е. почти в 2 раза) по 2-й категории [72, с. 138]. Росту выявленных врагов способствовало начавшееся с сентября широкое избиение арестованных [56, с. 324]. В ноябре в республику приехал замнаркома Л. Вельский. В республику его направил Сталин: «Вельский пусть выедет через несколько дней в Туркмению для очистки. Инструкцию получит он от Ежова. *Сталин*» [69, с. 384]... Всего до конца года было осуждено по 1-й категории 1824 (вместо 1600), а по 2-й 3340 (вместо 2800).

Для *Татарстана* лимит был установлен в 500 человек по 1-й категории и 1500 по 2-й категории. Ход кулацкой операции в республике изучал Ю. Степанов. По его данным, первоначальный лимит был выполнен к концу сентября. В октябре был утвержден дополнительный лимит на 850 человек, затем в декабре еще дважды повышали лимит в сумме на 1000 человек по 1-й категории и 300 по 2-й категории [93, с. 283]. Всего приговорили 2350 по 1-й категории (первоначальный лимит превзойден в 4,6 раза) и по 2-й категории — 300 (первоначальный лимит превзойден в 2 раза). Кем утверждался этот лимит? Скорее всего, НКВД, так как протоколов решений Политбюро об увеличении лимита для республики пока нет.

У нас нет данных о том, что Политбюро повышало лимит *Свердловской области*. По приказу № 00447 лимит был установлен в 4000 по 1-й категории и 6000 по 2-й категории. Однако в докладной записке Дмитриева от 11 декабря сообщается об окончании операции: «По антисоветским элементам осуждено 15 тысяч человек, из них по 1-й категории 7500, по 2-й категории 7500» [56, с. 298]. Таким образом, первоначальный лимит превзойден в 1,9 раза по 1-й категории и 1,25 раза по 2-й категории.

В *Челябинской области* лимит был установлен в 1500 по 1-й категории и 4500 по 2-й категории. В 1946—1947 гг. проводилось следствие по делу П.В. Чистова (руководителя УНКВД по Челябинской области с 29.07.1937 по 26.02.1938). В справке по этому делу говорилось, что «за 6 месяцев своей работы в УНКВД по Челябинской области ЧИСТОВ приговорил на тройку 12 480 человек, из них 5980 человек к ВМН» [101, с. 413]. Следовательно, в 1937 году по 1-й категории первоначальный лимит превзойден в 4 раза и по 2-й категории первоначальный лимит превзойден в 1,4 раза. Данных о том, что это решение принималось Политбюро, пока нет.

Республика Немцев Поволжья. Лимит по региону 200 по 1-й категории и 700 по 2-й категории. Как уже говорилось, известна записка обкома с просьбой повысить лимит на 1000. Реально осуждено 3027 по 1-й категории и 2603 по 2-й категории. Итого руководство НКВД региона добилось увеличения лимита на 3730.

Известны и другие случаи, когда лимиты утверждались, минуя письменное решение Политбюро. Так, в воспоминаниях Шрейдера говорится, что «быстро израсходовав данный ему Ежовым лимит на 1500 человек, Радзивиловский возбудил перед Москвой ходатайство об увеличении лимита. Его просьба немедленно была удовлетворена».

Об этом же говорится и в докладе Поспелова, где приводятся показания сотрудника центрального аппарата НКВД Лулова: «Однажды после моего очередного доклада на вопрос Н.И. Ежова: «что вообще нового?» — я сказал: «Заходил ко мне Радзивиловский. Он выполнил старый лимит. Просит дополнительный». Н[иколай] И[ванович] ответил: «Молодец Радзивиловский. Он был у меня. Я ему дал новый лимит».

Есть аналогичные свидетельства и по *Белоруссии*.

Кто эти руководители, которые добивались повышения лимитов без письменной санкции Политбюро? В первую очередь важно обратить внимание на имена Реденса, Буллаха, Дмитриева, Лавушина, Алемасова — именно им приказ № 00447 уменьшил лимиты по сравнению с запросами. В результате местное чекистское руководство практически

добилось того, что им разрешили вернуться к цифрам первоначального запроса. Причем добились они этого в Московской, Горьковской областях и Орджоникидзевском крае, опираясь на решения руководства наркомата.

О массовом характере этой практики говорят цифры. В приказе № 00447 говорилось о репрессировании 75 950 по 1-й категории и 193 000 по 2-й категории. Затем, в 1937—1938 гг., Политбюро утвердило повышение лимитов еще на 173 111 по 1-й категории и 36 600 по 2-й категории. Считается, что всего по приказу № 00447 репрессировано 386 798 по 1-й категории и 380 599 по 2-й категории. Следовательно, минуя письменные решения Политбюро, репрессировано более 137 000 по 1-й категории и более 150 000 по 2-й категории (38 % репрессированных в ходе кулацкой операции).

Проанализируем кадровые решения, которые принимались в этот период.

Аресты в руководстве НКВД осенью 1937 года не носили масштабного характера: 5 сентября арестован начальник УНКВД Калининской области старший майор ГБ Домбровский В.Р. Хочется сразу заметить, что этот арест не может быть связан с пассивностью управления при проведении репрессий — область активно включилась в кулацкую операцию (хотя по ряду свидетельств сам Домбровский вел себя странно).

В сентябре 1937 года нарком в Армении Мугдуси Х.Х. арестован, что послужило, видимо, одной из причин конфликта Ежова и Фриновского с Берией (см. ниже).

21 октября арестовали наркома в Мордовии капитана ГБ С.М. Вейзагера.

Зато награжденных орденами опять было немало. Только орденом Ленина 19 декабря 1937 года, накануне двадцатой годовщины ВЧК, были награждены:

- комиссар 3-го ранга Б.Д. Берман, нарком в Белоруссии;
- комиссар ГБ 3-го ранга Дмитриев, руководитель УНКВД Свердловской области;
- комиссар ГБ 3-го ранга В.А. Каруцкий, руководитель

УНКВД Смоленской области, затем в центральном аппарате;

— старший майор ГБ Д.М. Соколинский, начальник УНКВД Донецкой области;

— старший майор ГБ Кривец Е.Ф., начальник УНКВД Днепропетровской области;

— старший майор ГБ Г.А. Лупекин, руководитель УНКВД Восточно-Сибирского края (Иркутской области);

— комбриг Н.Н. Федоров, руководитель УНКВД Одесской области;

— майор ГБ Чистов П.В., руководитель УНКВД Челябинской области;

— капитан ГБ Валухин К.Н., руководитель УНКВД Омской области.

Руководители НКВД других регионов получают ордена Красного Знамени.

В итоге к концу года группировка чекистского руководства вокруг того или иного курса оказалась иной, чем в июле 1937 года.

К той группе, которая активно проводила и курс на чистку и массовые операции, относятся руководители Западно-Сибирского края (Новосибирской области) — Миронов и Горбач и Орджоникидзевского края — Буллах.

К группе руководителей, которые сосредоточили свое внимание прежде всего на проведении чистки, относится по-прежнему группа Берии (Гоглидзе и Сумбатов), Люшков в Дальневосточном крае и Успенский в Оренбургской области, Гречухин в Красноярском крае...

Сосредоточили основное внимание на массовых операциях в Московской области (Реденс), Омской области (Валухин), на Украине (Успенский), Карелии (Тениссон), Туркмении (Нодев).

Именно для первой и третьей групп руководителей можно считать верным показание Лулова на следствии: «...Если говорить о «лимитах» в узком смысле, т.е. утверждаемая наркомом разверстка количества лиц, подлежащих репрессированию и осуждению внесудебным порядком в краях и областях, то я точно знаю, что эти лимиты

служили предметом своеобразного соревнования между многими начальниками УНКВД. Вокруг этих лимитов была в наркомате создана такая атмосфера: тот из начальников УНКВД, кто, скорее реализовав данный ему лимит в столько-то тысяч человек, получил от наркома новый, дополнительный лимит, тот рассматривался как лучший работник, лучше и быстрее других выполняющий и перевыполняющий директивы Н.И. Ежова по «разгрому» контрреволюции».

По-прежнему активную роль в репрессиях играли «северокавказцы», но очевидно, что они были заметны и среди тех, кто не очень активно участвовал в репрессиях. Однако пассивность при проведении репрессий на этом этапе уже не является основанием для ареста руководящего работника.

Подводя итог, можно сказать, что в отличие от ситуации июля 1937 года, внятного политического сигнала руководство НКВД во второй половине 1937 года не получило.

Те, кто развернул массовые репрессии в своих регионах, не были заметно выделены. Ордена Ленина получили Д.М. Дмитриев, Б. Берман, но это скорее компенсация за то, что они не получили их летом. Нодев, организатор репрессий в Туркмении, Домбровский — в Калининской области были арестованы, несмотря на свою активность.

Те, кто ограничил репрессивную активность в своих регионах, не были осуждены. Типичный пример — Попашенко (в Куйбышевской области), несмотря на пассивность при проведении кулацкой операции и доносы в Москву на него, был просто переведен в центральный аппарат. Бывший сотрудник Заковского майор П.А. Коркин в Воронежской области не требовал увеличения лимитов, вел себя относительно пассивно, но остался на свободе.

Не были ясно выстроены приоритеты, что важнее для Центра: чистка или массовые операции. Не было ясно, как именно Центр учитывает региональную специфику.

Более того, сложилась практика, не единичные случаи и исключения, а именно практика, утверждения лимитов, минуя письменное разрешение Политбюро. В результате почти во всех регионах, которым Центр в июле уменьшил

лимиты, местные руководители добились того, что им в конечном счете удалось не только выйти на цифры первоначальных запросов, но и увеличить их.

ЯНВАРЬ — АПРЕЛЬ 1938 ГОДА

В начале 1938 года руководство НКВД получало от Сталина противоречивые сигналы.

С одной стороны, 14, 18, 20 января проходил очередной пленум ЦК, хотя его точнее было бы назвать расширенным заседанием Политбюро. В его работе принимали участие 28 из 71 члена ЦК, избранного на XVII съезде. На пленуме осуждались «перегибы» в ходе партийной чистки, критиковался Постышев за попытку разгромить куйбышевскую парторганизацию. Вскоре Постышев был арестован. Далее Косиор был назначен заместителем председателя СНК СССР и председателем Комиссии советского контроля при СНК. Вместо него «первым» на Украину отправлен Хрущев. Было принято постановление по докладу Маленкова, осуждающее бездушное отношение к чистке в партии.

Однако в это же время (!) Сталин дал Ежову другие личные указания. 17 января 1938 г. вождь направил наркомму записку, в которой фактически ориентировал его на продолжение чистки:

«1. Линия эсеров (левых и правых вместе) не размотана... Нужно иметь в виду, что эсеров в нашей армии и вне нашей армии сохранилось у нас немало. Есть у НКВД учет эсеров («бывших») в армии? Я бы хотел получить его и поскорее. Есть у НКВД учет «бывш.» эсеров вне армии (в гражданских учреждениях)? Я бы хотел также получить его недели через 2—3...

4. Сообщаю для ориентировки, что в свое время эсеры были очень сильны в Саратове, Тамбове, на Украине, в армии (комсостав), в Ташкенте и вообще в Средней Азии, на Бакинских электростанциях, где они и теперь сидят и вредят в нефтепромышленности.

Нужно действовать поживее и потолковее» [69, с. 463].
Думаю, что, получив такие указания, Ежов должен был

прийти к выводу, что чистка совсем не закончена и доклад Маленкова к нему не относится.

Но главное, именно так он и ориентировал региональных руководителей НКВД, которые 24 января приехали на очередное совещание. Решения пленума об ограничении чистки на нем практически не обсуждались.

Первоначально продолжение массовых операций в 1938 году не планировалось, но среди чекистов было широко распространено убеждение, что прекращать массовые операции еще рано. Однако решения пленума могли заставить их усомниться в том, что курс на продолжение репрессий продолжится. Ежов дал понять, что к НКВД решения пленума не относятся. Он предложил самим руководителям региональных управлений высказаться, «надо ли операцию продолжать, потому что тройки пока что существуют и люди постреливают на местах. Какие вопросы в связи с этим надо поставить перед ЦК».

Региональные руководители убедили наркома «поставить перед ЦК необходимые вопросы», и 31 января Политбюро приняло решение продолжить кулацкую операцию в 22 республиках и областях (см. выше).

Уточним, кто из региональных руководителей НКВД получил разрешение на продолжение операции: Хворостян В.В. (Армения), Берман Б.Д. (Белоруссия), Успенский А.И. (Украина), Гоглидзе С.А. (Грузия), Раев М.Г. (Азербайджан), Монаков С.Ф. (Туркмения), Лоцманов И.П. (Киргизия), Загвоздин Н.А. (Таджикистан), Апресян Д.З. (Узбекистан), Люшков Г.С. (ДВК), Хорхорин Г.С. (Читинская область), Ткачев В.А. (Бурятия), Малышев Б.А. (Иркутская область), Гречухин Д.Д. (Красноярский край), Горбач Г.Ф. (Новосибирская область), Валухин К.Н. (Омская область), Попов С.Ф. (Алтай), Литвин М.И. (Ленинградская область), Тениссон К.Я. (Карелия), Матузенко С.Т. (Карелия с 31.01.1938), Гуминский А.В. (Калининская область), Заковский Л.М. (Московская область), Дмитриев Д.М. (Свердловская область).

Сразу отметим, что заметно представлены «северокавказцы» и «ежовцы»: Горбач, Валухин, Раев, Малышев, Хворостян, с одной стороны, и Успенский, Литвин — с другой. Правда, «северокавказцы» есть и среди тех, кто не

смог добиться (не захотел?) продолжать кулацкую операцию в 1938 г.: Буллах (Орджоникидзевский край), Михельсон (Крым), Дементьев (Архангельская область), Лаврушин (Горьковская область).

Решение Политбюро начали корректировать уже через две недели после его принятия!

В тексте постановления от 31 января 1938 года предполагалось:

«б) Предложить НКВД СССР всю операцию по указанным областям, краям и республикам закончить не позднее 15 марта 1938 года, а по ДВК не позднее 1-го апреля 1938 года.

в) В соответствии с настоящим постановлением продлить работу троек по рассмотрению дел на бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов в областях, краях и республиках, перечисленных в пункте «а».

Во всех остальных краях, областях и республиках работу троек закончить не позднее 15 февраля 1938 года с тем, чтобы к этому сроку были закончены и рассмотрены все дела в делах, установленных для этих краев, областей и республик лимитов».

То есть кулацкая операция должна была закончиться всюду не позднее 15 февраля, а в регионах, попавших в текст постановления, не позднее 15 марта 1938 года, **но не закончилась.**

Собственно, это стало ясно уже через две недели после постановления от 31 января 1938 года. На совещании чекистского руководства Украины в Киеве Ежов внезапно заявил новому наркому Успенскому:

«Почистить надо будет крепко. Вы что, получили 6000?»

Успенский: Да. (Украине лимит был утвержден в 6000 по 1-й категории.)

Ежов: Дополнительно надо будет тысяч тридцать взять» [86, с. 335].

Скорее всего, это не было полной импровизацией и со Сталиным было согласовано. По крайней мере, решение Политбюро, одобряющее эту инициативу Ежова, было принято в тот же день. Расстрел дополнительно 30 тыс. человек должен был растянуть кулацкую операцию на Украине на месяцы.

Но в целом ряде регионов местные руководители и не стали придерживаться сроков, на которые их ориентировали в Политбюро:

16 марта (то есть на следующий день после того, как должна была закончиться работа тройки в регионе) были увеличены лимиты и для Красноярского края на 1500 человек, а 28 апреля еще на 3000 человек (оба раза по 1-й категории). С 26 февраля руководил управлением в регионе «северокавказец» А.П. Алексеенко;

2 апреля Гоглидзе получил право осудить еще 1000 по 1-й категории и 500 по 2-й категории;

13 апреля Литвин в Ленинградской области получил право на расстрел еще 1500 человек;

16 апреля такое же решение было принято по Читинской области на 3000 по 1-й категории, руководил УНКВД Хорхорин;

29 апреля Политбюро разрешило тройке Иркутской области расстрел 4000, руководил УНКВД «северокавказец» Ф.П. Малышев.

Одновременно продолжались и кадровые решения.

1 января 1938 Сумбатов снят с поста наркома НКВД Азербайджана, 10 января в республику направили «северокавказца» Раева.

Три с половиной месяца Сумбатов был в резерве НКВД, что по тем временам могло кончиться плохо. Однако двери тюремной камеры перед ним откроются только через 15 лет. Может быть, помогли друзья в Москве. Главным из них был Фриновский, с которым они познакомились, видимо, еще во время пребывания Фриновского в Азербайджане [74, с. 191]. Может быть, Берия, приехав на пленум, говорил со Сталиным о Сумбатове.

20.01. Нарком Казахстана Залин переведен в Москву. Реденса перевели наркомом Казахстана, вместо него руководство Московским областным управлением возглавил Заковский. На освободившееся место руководителя Ленинградского управления был назначен «партиец» Литвин (начальник СПО). Вместо него секретно-политический отдел возглавил Цесарский.

24.01. Залпетера сняли с оперативного отдела и отправили в резерв, вместо него назначили Попашенко.

25.01. Леплевского перевели с Украины в Москву начальником транспортного отдела, вместо него наркомом стал Успенский из Оренбурга. Оренбургское управление возглавил близкий Реденсу Н.С. Зайцев.

31.01. Дейч, начальник УНКВД Ростовской области, снят (через 2 месяца арестован). Евдокимов выражал недовольство, почему ЕЖОВ направил к нему в край Дейча, который подбирает на него материалы (см. об этом ниже).

31.01. Тениссон из Карелии назначен нач. лесного отд. ГУЛАГа НКВД СССР (в апреле его арестуют). Вместо него был назначен еще один пограничник — С.Т. Матузенко.

Все эти перемещения следует воспринимать в контексте структурных изменений в наркомате. Опубликованная сейчас речь Ежова 24 января на совещании в наркомате оставляет впечатление, что реально наркома в январе 1938 г. волновали только кадровые вопросы. По крайней мере, обозначив в качестве актуальных вопросы продолжения массовых операций, агентурной работы, учета антисоветских элементов, сам он говорил прежде всего о необходимости организационной перестройки.

26 марта был издан приказ, и организационная реформа вступила в силу.

Вместо ГУГБ создается целых три управления:

Управление государственной безопасности. Начальник ФРИНОВСКИЙ.

Управление особых отделов. Начальник Заковский («на Москву» вместо него назначат Каруцкого), заместитель ФЕДОРОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ.

Создано Управление наблюдения за транспортом и связью (раньше это был отдел Леплевского). Начальник — БЕЛЬСКИЙ, заместитель — ЛЕПЛЕВСКИЙ И.М.

В чем смысл всех этих назначений и каковы их последствия?

Новая организационная структура центрального аппарата была довольно громоздкой. Появились новые отделы и управления, которых раньше не было и которые вряд ли были вызваны необходимостью. По крайней мере уже через полгода все вернется на круги своя и два новых управления будут упразднены. Иными словами, трудно отделаться от впечатления, что просто надо было «создать но-

вые должности под хороших людей». И это заставляет нас внимательно присмотреться к тем, кто возглавил эти управления и отделы.

На первый взгляд это попытка поднять статус Бельского, Леплевского и Заковского. Сделать их тоже, как и Фриновского, начальниками управлений, тем более что и Леплевский, и Заковский пришли в центральный аппарат со своими людьми.

Однако появление на Лубянке новых и амбициозных руководителей могло вызвать острый конфликт, и, как мы увидим, вызвало.

С другой стороны, создание новой организационной структуры, как бы разумна она ни была, на первом этапе обычно ухудшает управляемость системы. Просто должно пройти время, прежде чем люди привыкнут к новому распределению обязанностей и к новой иерархии.

И именно в этот момент, 8 апреля 1938 г., Сталин принимает решение назначить Ежова еще и наркомом водного транспорта, то есть фактически временно выводит его из наркомата. Кажется, что в этой конкретной ситуации был, во-первых, неизбежен конфликт между начальниками управлений и, во-вторых, некоторая общая потеря управляемости наркоматом.

Думается, что в ситуации обострения внутренних противоречий в чекистском руководстве в сочетании с ослаблением непосредственного влияния Ежова на наркомат должны были на первый план выйти групповые («клановые») связи, что и произошло.

Еще 17 марта был уволен начальник УНКВД Орджоникидзевского края Буллах. Как мы помним, аресты в крае намного превосходили лимиты. Жалобы на произвол местных чекистов дошли до Москвы. Сколько было возможно, Ежов сдерживал эту информацию. Однако в феврале 1938 года была направлена комиссия ЦК. Фриновский потом вспоминал на следствии: «В 1938 г. по поручению ЦК ВКП(б) в Орджоникидзевский край ездил ШКИРЯТОВ для расследования поступивших материалов о преступных извращениях при массовых операциях, проводимых органами НКВД в крае.

ЕЖОВ, с целью показать ЦК ВКП(б), что он своевре-

менно реагировал уже на сигналы, вручил ШКИРЯТОВУ «приказ», якобы изданный им по НКВД. На самом же деле такого приказа он не издавал». В проекте приказа Ежов возлагал ответственность за «перегибы» на врагов, проникших в УНКВД края: «Предварительным следствием установлено, что все... преступные действия являлись делом рук классовых врагов, проникших в аппарат УНКВД Орджоникидзевского края и свивших себе там благодаря политической близорукости и беспечности начальника управления НКВД Буллаха прочное гнездо» [86, с. 346].

В конце апреля Буллаха арестовали.

14 апреля Политбюро принимает решение «ввиду того, что в работе по Ленинградскому УНКВД выяснился ряд серьезных недостатков за период работы т. Заковского, как то: переписка заключенных с волей и шпионом Гродисом, в частности, создание дутых дел, засоренность аппарата УНКВД шпионскими элементами, которые работали до последнего времени, несмотря на имеющиеся на них компрометирующие материалы, — ЦК ВКП(б) считает, что т. Заковский не может сейчас пользоваться полностью политическим доверием как руководитель чекистской работы.

2. ЦК постановляет: освободить т. Заковского от обязанностей заместителя НКВД и назначить его начальником строительства Куйбышевского гидроузла, где он должен своей работой восстановить полное к себе доверие» [69, с. 517].

Кроме того, 20 апреля был арестован Шапиро-Дайховский, заместитель начальника 2-го управления НКВД СССР.

Заковский был назначен начальником строительства Куйбышевского гидроузла НКВД СССР и арестован 30 апреля 1938 г. Вместо него начальником управления стал Федоров.

20 апреля. Каруцкий назначен начальником УНКВД Московской обл.

26 апреля арестован начальник 3-го управления Леплевский И.М.

28 апреля Тениссон арестован как участник «латышской контрреволюционной организации и агент латышской разведки». Умер во время следствия в больнице Бутырской тюрьмы.

Почему арестовали Леплевского? Ежов относил его к

группе чекистов, которым, видимо, не очень доверял. На следствии он говорил, что несмотря на то, что Леплевский, безусловно, «заговорщик», «во всяком случае я лично его в состав заговорщической организации не вербовал... Никто из руководящих заговорщиков мне также не говорил о том, что связался с Леплевским по заговору» [86, с. 369].

Выступая в феврале 1938 г., он говорил о недостатках Леплевского и в кадровой области, и в направлении репрессивной политики.

Недостаток кадрового состава НКВД УССР, по мнению наркома, заключался в том, что на очень большой круг работников есть компрометирующие материалы: «Из общего наличного количества работников ЧК на Украине в 2918 чел — на 1244 имеются те или иные компрометирующие материалы... У нас есть компрометирующий материал на 214 человек, у которых имеются репрессированные родственники... на 219 работников, у которых имеются родственники за границей... на 200 человек есть компрометирующий материал, что у этих работников есть родственники, служившие в белых армиях...»

Но больше Ежова тревожило другое — «кадровый застой на Украине» — только 10 % кадров, служащих в органах, были переведены из других регионов: «Испокон века сложилось так с украинским аппаратом, что это была своеобразная вотчина украинских наркомов, атамана... Все наркомы и в особенности Балицкий считали аппарат своей вотчиной, своим аппаратом, а людей в аппарате своими людьми... Он считал, что он сам по себе власть... Но в мае 1937-го выяснилось, что Балицкий «враг» и «шпион». Какую-то чистку провел Леплевский, но недостаточно... «Товарищи говорят, что приезжающий из чужого аппарата человек у вас никогда не прививался, его моментально выжили и выживали к черту»...

Так ли это? Примерно в это же время руководство НКВД подготовило справку о национальном составе аппарата наркомата. Там руководствовались другой цифрой — 3,5 тыс. сотрудников. Украинцы — относительное большинство (42 %). Примерно треть — евреи. Правда, в Москве было иное мнение — там считали, что в наркомате «все евреи».

Что касается направления репрессий, то они также вызвали у наркома сомнения. «Как и во всех операциях, есть недостатки, закрывать глаза нельзя, но если вы возьмете любую самую захудалую область и сопоставите с Украиной, ничего подобного нет. Самые худшие операции — это на Украине — хуже всех была проведена на Украине... Количеством лимиты выполнены и перевыполнены, постреляли немало и посадили немало, и в целом если взять... по качеству... и посмотреть, нацелен ли был удар, по-настоящему ли мы громили контрреволюцию, то я должен сказать, что нет... Конечно... в целом если взять с точки зрения той операции, которую мы проводили, и установки, конечно, контингент более чем достаточный... Но ведь весь вопрос в том, как громить... Чтобы снять актив, сливки, организующее их начало... Вот это сделано или нет? Нет, конечно». [86, с. 329, 330—331].

Лимит для республики в августе 1937 года был установлен 8000 по 1-й категории и 20 800 по 2-й категории. В 1937 году было репрессировано в ходе кулацкой операции по одним цифрам 77 813 [76, с. 111], по другим — 75 670 [76, с. 124]. Кроме того, в ходе национальных операций в республике было репрессировано 59 601 [76, с. 124].

Очень показательно, что в республике большая часть репрессированных по польской и немецкой линиям приходится на 1937 год (а не на 1938-й, как в большинстве регионов страны). По польской линии это 35 819 из 55 928 и по немецкой линии 13 719 из 21 229. То есть это «работа» Леплевского.

Симптоматично, что в ходе чистки на Украине динамика обратная. Всего репрессировано 4676. При Леплевском 2172 — то есть менее половины, а в других регионах динамика обратная: пик приходится на 1937 год.

Хрущев вспоминал потом: «...Косиором были недовольны. Каганович по поручению Сталина ездил и «помогал» Косиору... «навести порядок». А наведение порядка заключалось в арестах людей. Тогда же распространили слух, что Косиор не справляется со своим делом» [36, с. 146].

Хрущев в мемуарах под репрессиями понимает прежде

всего чистку. Действительно, ею Косиор, видимо, занимался мало. Леплевскому, видимо, ставили в вину то, что удар наносился не точно в цель: массовые операции мешали сосредоточиться на чистке.

Хочется подчеркнуть, что эти аресты весной 1938 года (Буллага, Леплевского и Заковского) принципиально отличались от тех, что прошли в наркомате весной — летом 1937 года. Тогда были репрессированы те чекисты, которые не слишком активно вписались в новый курс Ежова или скомпрометировали себя слишком тесными связями с Ягодой. Иными словами, тогда аресты должны были убрать или напугать тех, кто сомневался в правильности репрессий. Аресты апреля 1938 года наносили удар по активным чистильщикам — Заковскому, Леплевскому и их окружению.

Общая специфика периода заключалась в том, что официальный политический курс руководства страны начал расходиться с тем, который объявлялся руководством НКВД, и тем, что реально делали руководители на местах. Первое можно объяснить желанием Сталина не афишировать стремление продолжить чистку, но второе сформировалось в результате самостоятельности регионального руководства.

Точно можно сказать, что в Дальневосточном крае, Московской области, вероятно, в Грузии, на Украине, в Свердловской области руководство страны пыталось активно сочетать и массовые операции, и чистку.

В Казахстане Реденс организовал чистку местного партийного аппарата.

В Белоруссии, Омской области, Красноярском крае, Иркутской области, Читинской области, Средней Азии, Калининской области в первую очередь активно продолжались массовые операции.

Наконец, в ряде регионов чистка, видимо, прекратилась еще в 1937 году, а массовые операции в 1938 году не продолжались.

Именно в марте — апреле был арестован ряд руководителей регионов, имена которых в 1937 году носили знако-

вый характер, — застрельщиков чистки: Заковский, Леплевский, Буллах.

В совокупности с организационной перестройкой в наркомате, переводе Ежова в НКВД и клановым конфликтом это все должно было ослабить степень управляемости (контролируемости) руководства НКВД.

МАЙ — АВГУСТ 1938 ГОДА

27 апреля 1938 года руководитель УНКВД Омской области «северокавказец» Валухин был переведен на новую работу — первым секретарем Свердловского обкома. Он сразу стал действовать привычными методами и практически через неделю (5 мая) добился повышения лимита на 1500 по 1-й категории.

Вместо него постановлением Политбюро руководить в Омске был назначен капитан З.А. Волохов. С начала 1935 г. служил на Северном Кавказе, затем был заместителем Валухина и остался вместо него на регионе. Именно для него и было принято решение повысить лимиты еще на 1000 и, следовательно, продлить работу тройки.

5 мая начальник УНКВД Кировской области капитан ГБ Газов получил повышение и стал первым секретарем Краснодарского крайкома ВКП(б). В Кирове его сменил старший лейтенант ГБ Юевич В.И.

Итоги апрельских событий нашли отражение в постановлении Политбюро от 26 мая 1938 года «О работниках НКВД».

Комиссар 3-го ранга Борис Берман был переведен начальником 3-го управления НКВД (вместо арестованного Леплевского). Смелое кадровое решение. Дело в том, что управление должно было осуществлять чекистский надзор за транспортом и связью. Наркомом связи был в августе 1938 года Матвей Берман, брат комиссара 3-го ранга Бориса Бермана (группа «туркестанцев»), а первым заместителем наркома транспорта был глава клана «туркестанцев», комиссар 2-го ранга Лев Бельский. То есть это он должен был следить за своим братом и бывшим руководителем и в

случае чего доносить Сталину. Может быть, он так и сделал бы. А может быть, и нет...

Комиссар 3-го ранга Дмитриев был переведен начальником ГУШОСОДОРа (на самом деле это был путь в тюремную камеру).

Но как потом выяснилось, самое главное кадровое решение звучало так:

«4. Освободить тов. Г.С. Люшкова от работы начальника УНКВД Дальневосточного края, с отзывом его для работы в центральном аппарате НКВД».

Сама по себе эта формулировка уже была опасна. Берману и Дмитриеву указывались конкретные новые должности, а для Люшкова ее «пока не подобрали». Если вспомнить, что месяцем раньше был арестован бывший начальник Люшкова — Леплевский, то этот перевод должен был быть еще более тревожным.

Доверие к Люшкову держалось на личной позиции Ежова, который считал возможным его использовать. По показаниям Фриновского, «ЕЖОВ скрыл от ЦК и СТАЛИНА показания, присланные из Грузинского НКВД на ЛЮШКОВА». Скрыл не скрыл, а «проверка фактов не подтвердила». Вроде бы «допрос сознательно был проведен с таким расчетом, что ЯГОДА этих показаний на ЛЮШКОВА не подтвердил, в то время как ЛЮШКОВ являлся одним из самых его близких людей».

16 апреля 1938 года Фриновский направил в Хабаровск Г.С. Люшкову шифровку: «...связи назначением Кагана другой край срочно откомандировать его наше распоряжение». Люшков договорился с Каганом, что по прибытии в Москву, если все будет в порядке, тот даст ему знать. В Москве Кагана сразу же арестовали. Люшков, не получив никаких известий от Кагана, все понял и, получив, в свою очередь, вызов в Москву 13 июня 1938 года, бежал в Маньчжурию.

«Своим подчиненным Люшков сказал, что должен лично встретиться на маньчжурской границе с нашим резидентом в Японии, по другой версии он инспектировал работу пограничников. Поздно вечером сел в машину с шофером и двумя чекистами, приехали на самую границу... Люшков наказал сопровождавшим ждать его тут, на заставе. А сам ушел пешком... на ничейную полосу.

Японцам чекист заявил, что он идейный противник Сталина: «Я до последнего времени совершал большие преступления перед народом, так как я активно сотрудничал со Сталиным в проведении его политики обмана и терроризма. Я действительно предатель. Но я предатель только по отношению к Сталину... Имеются важные и фундаментальные причины, которые побудили меня так действовать. Это то, что я убежден в том, что ленинские принципы перестали быть основой политики партии».

В письме Сталину уже из тюрьмы Ежов писал: «Решающим был момент бегства Люшкова. Я буквально сходил с ума. Вызвал Фриновского и предложил вместе поехать докладывать Вам. Один был не в силах. Тогда же Фриновскому я сказал: «Ну, теперь нас крепко накажут...» Я понимал, что у Вас должно создаться настороженное отношение к работе НКВД. Оно так и было. Я это чувствовал все время» [86, с. 356].

Начальником управления был назначен ГОРБАЧ, с ним начальником УНКВД Приморского края прислали ДЕМЕНТЬЕВА. На Дальний Восток были направлены разбираться в том, что произошло, Мехлис и Фриновский.

На фоне этих кадровых перемещений массовые операции снова пошли по нарастающей. Во-первых, было принято решение продолжить национальные операции. Вообще-то постановление Политбюро от 31 января гласило:

«1. Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операции по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранно-поданных, так и советских граждан, согласно существующим приказам НКВД СССР.

2. Оставить до 15 апреля существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей вне зависимости от их подданства.

3. Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных поданных, так и граждан СССР» [67, с. 468—469]. Но теперь это решение было отменено.

Поразительно, но 13 мая Политбюро приняло решение установить лимит в 3500 по 1-й категории для Ростовской

области, хотя этого региона вообще не было в постановлении от 31 января. Самое большое увеличение лимитов произошло в июле 1938 года на Дальнем Востоке.

Кулацкая операция «была на ДВК уже закончена, — рассказывал Ежов в 1938 г., — однако мы условились с Фриновским, что после его приезда на Дальний Восток он даст телеграмму с просьбой увеличить «лимиты» репрессированных, мотивируя эту меру крайней засоренностью ДВК к.-р. элементами, которые остались почти не разгромленными. Фриновский так и поступил. Приехав на ДВК, он через несколько дней просил увеличить «лимиты» на пятнадцать тысяч человек, на что и получил согласие. Для ДВК с его небольшим населением эта цифра была внушительной».

Телеграмма 28 июля сохранилась: «Прошу утвердить для ДВК лимит на 15 тысяч человек по первой категории и 5 тысяч по второй. По данным не совсем еще полного оперативного учета краевых и областных аппаратов НКВД подлежит репрессированию около 16 тысяч. Из них: бывших белых и карателей 1689 чел., кулаков и бывших торговцев 5219 чел., участников повстанческо-кулацких и казачьих организаций 1179 чел., участников правотроцкистских организаций 761, шпионов и подозреваемых в шпионаже 2148 чел., сектантов и церковников 777, контрабандистов-профессионалов 574, бывших бандитов и бандпособников 331, бывших чиновников белого правительства, полицейских и жандармов 89, антисоветского элемента 2570 чел., рецидивистов и уголовников 189

Репрессирование указанных элементов задерживается по причине отсутствия решения по лимитам, проведение же операции, не имея этого решения, приведет только к чрезмерной перегрузке тюрем. *Фриновский*».

Именно эти аресты июля 1938 года и отражены в книгах памяти Хабаровского края, Приморья и Приамурья.

Больше всего возможностей для увеличения количества арестованных было у Успенского, поэтому (по мнению ряда украинских историков) он добился права увеличить лимит еще на 35 000 без санкции Политбюро (опираясь только на решение Ежова) [86, с. 146].

25 августа принимается решение повысить лимиты для *Иркутской области* на 5000 по 1-й категории, 29 августа для Читинской области на 3000.

Для того чтобы правильно оценить эти факты, надо поместить их в более широкий контекст.

Во-первых, в ряде регионов местное руководство просило о продолжении операции, но мы не знаем, получило ли разрешение. 20 марта Боечин направил запрос на 6000 для *Курской области* [109, с. 143].

Тогда же поступил запрос из *Калининской области* на 2550, но в нем было отказано.

17 июня 1938 года поступил запрос из *БССР* на 2000 по 1-й категории и 3000 по 2-й категории¹.

13 июля поступил запрос на продолжение кулацкой операции из *Чечено-Ингушской АССР* [109, с. 140] в связи с тем, что увеличилось количество преступлений контрреволюционно-террористических банд и групп, а также муллы возобновили свою деятельность.

11 сентября запрос *Марийской АССР* на 500 человек [73, с. 140], 27 сентября поступил запрос из *Свердловской области* от Валухина на 2000 по 1-й категории и 1000 по 2-й категории [109, с. 146].

28 октября руководство *Бурят-Монгольской АССР* попросило об увеличении лимита на 2500.

Иными словами, региональными руководителями была сделана попытка повторить сценарий третий раз и продать через Центр продолжение кулацкой операции. Первый раз они это сделали в январе 1938 г., а второй раз — весной 1938 года (когда были нарушены оба срока массовых операций, установленных Политбюро: 1—15 декабря и 15 марта — 15 апреля).

Как уже говорилось выше, именно 26 мая было принято новое постановление: «Продлить до 1 августа упрощенный порядок рассмотрения дел на лиц польской, немецкой, латышской, эстонской, финской, болгарской, македонской, греческой, румынской, иранской, афганской, китайской национальностей и харбинцев, изобличенных в шпионской

террористической и другой антисоветской деятельности» [67, с. 538].

Оно сразу отразилось на репрессивной политике. В целом ряде регионов (характерно, что не во всех) виден всплеск арестов в мае — июле 1938 года. Иногда этот всплеск локальный, иногда очень серьезный (см. гл. 1 — в Карелии, Башкирии, Горьковской, Смоленской, Куйбышевской областях).

Большинство арестовано в рамках национальных операций. А ведь они должны были быть завершены до 15 апреля 1938 года! Конечно, заключенные находились в тюрьмах и ждали своего часа, пока в Москве не рассмотрят их дело. В стране скопилось летом 1938 г. до 100 тыс. арестованных, дела которых не были рассмотрены. Но аресты продолжались.

Иными словами, динамика массовых операций не совпадает с динамикой чистки. Если практически во всех регионах (кроме ДВК) решение Кремля о прекращении чистки выполнили, то решение о прекращении массовых операций по меньшей мере в 10 регионах (Украина, Дальневосточный край, Ленинградская область, Туркмения, Свердловская область, Иркутская область, Красноярский край, Калининская область, Ростовская область, Чечено-Ингушская АССР, Горьковская, Смоленская, Куйбышевская, и т.д. — географически более половины страны, с учетом населения, — 45 %) выполнено не было. А таких регионов было, видимо, больше.

Если бы им удалось это, то, возможно, аналогичные запросы поступили бы и из второй половины. По крайней мере, среди регионов, направивших запросы в 1938 г., были и такие; в которых решением от 31 января 1938 кулацкая операция не продолжалась, а они все равно пытались ее продолжить. И это понятно — она и в Ростовской области не планировалась, а вот приняло же Политбюро такое решение по предложению Двинского.

ЗАМЫСЕЛ КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ

Как мы выяснили, летом 1938 года сформировалась группа руководителей центрального и регионального аппарата НКВД, которая взяла курс на продолжение репрес-

сий в стране. Главным инструментом они считали кулацкую операцию. А почему вообще был издан приказ № 00447? Ведь надо помнить, что он означал поворот в политике взаимоотношения власти с народом. Если до этого речь шла о борьбе внутри властных структур, то теперь о взаимоотношении власти и общества. От примирения к террору! Как это было в 1918 и 1930 годах. Надо вспомнить, что полгода назад, 5 декабря 1936 года, была принята новая Конституция. По ней все «лишенцы» получили права гражданства. Речь шла не только о священниках и дворянах. Но и в первую очередь о миллионах раскулаченных крестьян.

«И вдруг власть начинает вести себя так, как будто кулаки подняли вооруженное восстание, перебили охрану и начали разбегаться из лагерей и поселков для спецпоселенцев. Как будто по всей стране действуют тысячи партизанских отрядов. Взрывают мосты, нападают на коммунистов и милиционеров, жгут сельские советы. Требуются чрезвычайные меры для противодействия возникшей угрозе. Самых активных (у кого кровь на руках) расстрелять без суда («по законам военного времени»), остальных посадить с таким сроком, чтобы не вернулись» [74, с. 221].

По сути, в декабре 1936 года было декларировано национальное примирение. Да самим Сталиным «кулацкая угроза» весной 1937 года не озвучивалась и, видимо, для него не стояла так остро. На пленуме он о ней не говорил. Он, рассуждая о классовой борьбе, говорил о вредителях с партбилетом в кармане.

«Не может быть сомнений — для сталинского руководства приказ № 000447 — поворот в политике... Зачем возвращать гражданские права и разрешать покидать ссылку тем, кого ты собираешься уничтожить? Совершенно очевидно, что еще весной 1937 года никакая массовая операция не планировалась. Кроме того, весь пафос выступления Ежова на пленуме в том, что период массовых операций закончился и настало время агентурной работы. Через пять месяцев же начнется чуть ли не самая грандиозная «массовая операция» в СССР. Очевидно, что еще в марте Ежов о ней ничего не знает!» [74, с. 220].

В исторической литературе существуют три варианта

ответа на этот вопрос. Одна версия принадлежит О. Хлевнюку, который, как мы помним, считает, что Советский Союз с 1937 года готовился к войне и с помощью массовых операций стремился лишить социальной основы потенциальную «пятую колонну». Ю.Н. Жуков считает, что местные партийные руководители боялись всеобщих равных, прямых, тайных, да еще и альтернативных выборов, которые планировал провести Сталин, и хотели запугать народ репрессиями. И. Павлова, а также Р. Биннер и М. Юнге видят в кулацкой операции попытку окончательно «зачистить» советское общество от антисоциалистических элементов (по терминологии Биннера и Юнге — «социальная инженерия»).

Начнем с того, что нигде в изученных документах НКВД — тексте оперативного приказа, выступлениях Ежова на совещаниях, рассказах Ежова и Фриновского на следствии в 1939 году — не упоминается о связи приказа № 00447 и выборов в Верховный Совет. Не упоминается ни в смысле того, что репрессии должны были обеспечить проведение выборов, ни в смысле того, что необоснованные репрессии могут помешать выборам. Поэтому если исследователи и могут с некоторой степенью вероятности предполагать, что Сталин связывал выборы в Верховный Совет и кулацкую операцию, то пока нет оснований утверждать, что так же думали и чекисты. Понимание целей и задач кулацкой операции у высшего политического руководства страны и у руководителей НКВД может не совпадать. Тогда какой смысл в операцию вкладывали руководители НКВД?

Важно, мне кажется, понимать, что одними мотивами могли руководствоваться члены Политбюро (в первую очередь Сталин). Другие цели и задачи могли ставить перед собой чекисты.

Хочется обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, руководство страны оперировало информацией о положении в стране, в которой угроза была заметно преувеличена, и, во-вторых, кулацкая операция началась при минимальном политическом обосновании.

Начнем с первого. 2 июля 1937 года появляется известное постановление Политбюро об антисоветских элементах, которое нагнетает политическую атмосферу: «Послать

секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий следующую телеграмму: «**Замечено** (кем замечено? — Л.Н.), что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из различных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки, **вернувшиеся в свои области** (в какие? — Л.Н.), — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД **взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников** с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы, были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке» [56, с. 234—235].

Откуда такая информация о том, что «кулаки, возвращающиеся в свои области», участвуют в «антисоветских и диверсионных преступлениях»? Что это за «области» имеются в виду?

Историки, как мы уже говорили, прежде всего имеют в виду Западную Сибирь, для которой по инициативе Эйхе Политбюро приняло решение «О вскрытой в Зап. Сибири к.-р. повстанческой организации среди высланных кулаков» и о создании **тройки в составе** нач. УНКВД по Зап. Сибири т. Миронова (председатель), прокурора по Зап. Сибири т. Бракова и секретаря Запсибкрайкома т. Эйхе.

Это была первая тройка 1937 года в стране. Во главе тройки Эйхе и «северокавказец» Миронов. Эта же мысль содержится и в тексте приказа: «наиболее враждебные и активные участники **ликвидируемых сейчас** (выделено мной. — Л.Н.) казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований».

Что это за формирования и где их ликвидировали? Здесь, скорее всего, речь идет о ситуации в Западно-Сибирском крае.

Но где основания, чтобы переносить «западносибирский опыт» на всю страну? Как обстоят дела в других регионах?

На июньском пленуме ЦК Ежов делал доклад, в котором рассказывал о вскрытых антисоветских организациях. НКВД вскрыло тринадцать антисоветских организаций:

— военно-фашистский заговор в РККА Тухачевского, Гамарника, Якира, Уборевича и др.;

— правофашистский заговор в НКВД Ягоды;

— кремлевская правофашистская группа Енукидзе;

— шпионская организация ПОВ во главе с Уншлихтом;

— польская группа национальных демократов в Белоруссии во главе с Голодедом;

— антисоветская правотроцкистская группа в Азово-Черноморском крае во главе с Шеболдаевым, объединяющая не только правых и троцкистов, «но и крупнейшие антисоветские казачьи и партизанско-повстанческие формирования»;

— антисоветская правотроцкистская группа в Восточной Сибири во главе с первым секретарем крайкома Разумовым;

— правая антисоветская группа на Урале во главе с первым секретарем Свердловского обкома Кабаковым;

— антисоветская правофашистская группа в Западной области во главе с секретарем обкома Румянцевым;

— правотроцкистская шпионская организация в Дальневосточном крае во главе с председателем крайисполкома Крутовым;

— организация правых в Западной Сибири, объединяющая партизанско-повстанческие кадры среди спецпереселенцев;

— антисоветская казачья организация в Оренбургской области, объединяющая казачьи и повстанческие силы, связанные с РОВС. Во главе председатель облисполкома Васильев;

— правотроцкистская группа в Наркомземе и Наркомсовхозов.

Хочется сразу обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, доминируют «правые». Они представлены почти во всех организациях, в ряде случаев организации чисто «правые» или «правофашистские». Троцкистов намного меньше. Следует помнить, что «правые» в терминах того времени — прежде всего номенклатурные работники.

Во-вторых, только четыре организации имеют массовую опору: Польская организация Войскова (ПОВ), повстанческая организация РОВС в Западной Сибири, повстанцы в Оренбургской области и Азово-Черноморском крае.

Напомним, речь идет вовсе не о том, что было на самом деле. Речь идет о том, как это воспринималось в Кремле и на Лубянке. Получается, что еще в конце июня 1937 года Ежов оперирует информацией о повстанческих организациях (пусть и мифических) только в трех регионах (если не считать ПОВ). А почему тогда приказ № 000447 распространен на всю страну, ведь на пленуме речь шла прежде всего о чистке в номенклатуре?

В спецсообщении Ежова 9 сентября 1937 года о ходе кулацкой операции есть вступление, в котором должна была бы описываться сложная обстановка на селе, которая сделала операцию необходимой. И вот что пишет нарком: «В колхозах **некоторых областей** бежавшие и вернувшиеся из ссылки кулаки ультимативно требовали от колхозников **возврата ранее принадлежавшего им имущества**, угрожая в противном случае кровавой расправой (Западная область, Горьковский край, Курская область и др.). В ряде **районов** Западной области при содействии контрреволюционеров, пролезших в ОБЛЗУ, **бывшим кулакам**, вернувшимся из ссылки, **были возвращены усадьбы**, дома, сады, скот и т.п.» [56, с. 338—339].

Таким образом, он сообщает только о побеге с мест расселения и возвращении в родные места и требования вернуть конфискованное. Такая информация есть из Западно-Сибирского края, Западной, Горьковской и Курской областей. И только?

Очевидно, что по долгу службы в первую очередь должны были сигнализировать об антисоветских проявлениях органы НКВД — Миронов (ЗСК), Каруцкий (Западная об-

ласть), Дагин (Горьковская область) и Емец (Курская область). Сообщали они и в Москву и партийному руководству. Но из партийных руководителей давно (с 1929 года) в своем кресле сидел только Р.И. Эйхе в ЗСК. Остальные — Коротченко, Каганович и Шеболдаев — недавно.

Но ведь ничего этого не было обнаружено. Вспомним, документы сообщают только об их возвращении в родные места без спроса и требования вернуть дом и скот.

Иными словами, реальная угроза была преувеличена во много раз. Остается пока только предполагать, почему руководство страны отказалось от рационального анализа политической ситуации и обратилось к массовому террору.

Перейдем ко второму обстоятельству. Как уже говорилось, Жуков, а вслед за ним Петров и Янсен видят связь между кулацкой операцией и организацией выборов в Верховный Совет.

Начнем с очевидного для всех наблюдения — начало кулацкой операции прошло практически без обоснования. В отличие от национальных операций — прежде всего польской, которая, по справедливому мнению исследователей, была модельной для всех остальных национальных операций. Репрессии против национальных меньшинств были обоснованы и мотивированы в письме о деятельности ПОВ. Кулацкая операция не имела такого развернутого обоснования. Из этого вытекает, что руководители страны и НКВД не сомневались в том, что исполнители их «правильно поймут». Что давало им такую уверенность? Думаю, потому, что операция по приказу № 00447 является продолжением операции по приказу ОГП № 44/21 от 2 февраля 1930 г. — приказа о чекистском сопровождении раскулачивания. Этот приказ тоже не имел политического обоснования в преамбуле, но она была и не нужна. Курс на ликвидацию кулачества как класса и сплошную коллективизацию был подробно изложен в партийных документах и прессе.

Общим является мотивация приказов: борьба с контрреволюцией.

В тексте приказа 1930 года:

«В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков ме-

роприятиям советской власти... в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной, контрреволюционной части, — должен быть нанесен сокрушительный удар».

В тексте приказа 1937 года:

«Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности... Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства».

То есть приказ 1937 года продолжает приказ 1930 года. Тогда был нанесен «сокрушительный удар», сейчас — «покончить раз и навсегда».

Общее — целевые группы.

Ядро репрессированных — кулаки, но сопровождается ударом по всей контрреволюции.

В 1930 году:

«Удар по кулацкому активу должен дезорганизовать и обезвредить все кулачество... Для наиболее быстрого и безболезненного проведения кампании по выселениям кулаков и их семейств, — в первую очередь необходимо, чтобы наши органы решительно и немедленно ликвидировали все действующие контрреволюционные кулацко-белогвардейские и бандитские кадры и, особенно, созданные ими и оформленные контрреволюционные организации, группировки и банды».

В результате целевые группы могут трактоваться широко:

«1) Кулаки — наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства. Кулаки — бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами.

2) Кулаки — активные белогвардейцы, повстанцы, быв-

шие бандиты, бывшие белые офицеры, репатрианты, бывшие активные каратели и проявляющие сейчас контрреволюционную активность, особенно организационного порядка.

3) Кулаки — активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя.

4) Кулаки — наиболее богатые, ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства, бывшие помещики и крупные земельные собственники».

Схожим образом в приказе 1937 года:

«1. КОНТИНГЕНТЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ РЕПРЕССИИ.

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою антисоветскую преступную деятельность.

4. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, мусаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность.

5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

6. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу.

7. Уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые содержатся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность.

9. Репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне — в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях и в городе — на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве».

Общим является механизм санкций:

В 1930 году репрессированные делились на две категории:

«1) Немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, махровых одиночек. (Первая категория.)

2) Массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всего кулацкого кадра, из которых формируется контрреволюционный актив, кулацкого антисоветского актива церковников и сектантов) и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискации их имущества. (Вторая категория.)»

Аналогично и в 1937 году:

«а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат не-

медленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, — РАССТРЕЛУ;

б) ко 2-й категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки».

Приказы устанавливают лимиты на репрессии.

В приказе 1930 года лимиты установлены для 9 больших регионов: Украина, Северный Кавказ, Средняя Волга, ЦЧО, Нижняя Волга, Белоруссия, Урал, Сибирь, Казахстан и по 1-й, и по 2-й категориям. Причем, если по первой лимит установлен в количестве расстрелянных, то учет высылаемых строится в количестве семей.

Внесудебный характер репрессий через тройки ОГПУ — НКВД.

1930 год.

«В кратчайший срок закончить ликвидацию всех действующих контрреволюционных организаций, группировок и активных контрреволюционных одиночек. Ликвидировать действующие банды. Обеспечить быстрое проведение следствия по всем таким делам и срочное рассмотрение дел во внесудебном порядке — в тройках ПП ОГПУ».

Аналогично и приказ 1937 года предусматривает внесудебную расправу через тройки во главе: «Нарком внутренних дел, начальник управления или областного отдела НКВД рассматривает список и дает санкцию на арест перечисленных в нем лиц».

Именно поэтому приказ № 00447 не содержит развернутого идейно-политического обоснования. Предполагается, что исполнители и так все понимают.

Кроме того, в ряде случаев совпал даже персональный состав исполнителей: Эйхе, Реденс, Каруцкий...

Чем отличаются приказы?

Социальным содержанием. Приказ 1930 года является чекистским сопровождением и обеспечением раскулачивания и коллективизации.

«Поставленные задачи... только тогда, когда задачи эти будут органически связаны с процессом массовой коллективизации».

Никакого изменения отношений собственности в 1937 году не предусмотрено.

Политическим обеспечением. Приказ 1930 года планируется проводить при поддержке населения: «...только при условии безусловной поддержки их основной батрацко-бедняцкой и середняцкой массы». Так, например, «выселение кулаков на места (в населенных пунктах) проводится силами местного партийного, комсомольского, советского, рабочего и батрацко-бедняцкого актива. Соответственное распределение и степень использования этих сил определяется на местах. Вопросы доставки выселяемых на сборные пункты — также разрешается этими силами».

Никакого участия населения в реализации приказа 1937 г. не предусмотрено.

Руководство операции и в том и в другом случае — тройки, но несет это слово не совсем совпадающий смысл:

В 1930 году предписывалось немедленно создать в ПП ОГПУ тройки с представителями от крайкома ВКП(б) и прокуратуры. Состав тройки выслать на утверждение Коллегии ОГПУ. *Как в разе Хрушова?*

В 1937 году тройка утверждалась также приказом НКВД, но обычно включала в себя не просто «представителей», а именно первых лиц в регионах — первых секретарей и прокуроров. Другими словами, участие партийных органов и прокуратуры в осуществлении приказа более прямое.

Размах репрессий.

Приказ 1930 года предполагает 50—60 тыс. по 1-й категории и сотни тысяч — по 2-й.

1-я категория:

Украина — 15 000
Северный Кавказ — 6—8000
Средняя Волга — 3—4000
ЦЧО — 3—5000
Нижняя Волга — 4—6000
Белоруссия — 4—5000
Урал — 4—5000
Сибирь — 5—6000
Казахстан — 5—6000

2-я категория:

- 1) УССР — выселяются 30—35 тыс. семейств
 - 2) Северный Кавказ и Дагестан — 20 тыс.
 - 3) Средне-Волжский край — 8—10 тыс.
 - 4) ЦЧО — 10—15 тыс.
 - 5) Нижне-Волжский край — 10—12 тыс.
 - 6) Белоруссия — 6—7 тыс.
 - 7) Сибирь — 25 тыс.
 - 8) Урал — 10—15 тыс.
 - 9) Казахстан — 10—15 тыс.
- Всего 130—155 тыс. семей.

Здесь же уместно заметить, что 1-я категория в 1930 г. не предусматривала обязательно ВМН, но допускала заключение в лагерь, 2-я категория в 1930 году предусматривала выселение (статус спецпереселенца), а 2-я категория в 1937 г. — заключение в лагерь.

Учет лиц, подлежащих репрессии в 1937 году, более точный: нет амплитуды в 1—2 тыс. расстрелянных и 1—5 тыс. семей по 2-й категории.

Иными словами, репрессии в 1930—1933 годах носили более массовый характер и были менее жестокими. Соотношение первой и 2-й категорий в 1930 г. 1 : 8—1:10. В 1937 г. на практике как, мы помним, было вообще 1 : 1. Приговорены к ВМН тройками в 1930—1931 гг. более 28 тыс., а в 1937—1938 гг. в 13 раз больше.

Иными словами, приказ 1937 года предполагает завершение начатого в 1930 году: не ликвидация социальной группы, а физическое уничтожение лиц, которые раньше относились к этой группе и не интегрировались в советское общество.

Этот вывод подтверждается и рассказами очевидцев.

Выслушаем свидетельство чекиста из Западной Сибири Егорова: «Первое указание о подготовке массовой операции мы получили по НКВД СССР в июле 1937 г. Эта директива обязывала нас составить списки на весь контрреволюционный элемент из социально чуждой среды и весь уголовный рецидив, представляющий из себя социальную опасность для общества» [20, с. 311]. То есть приказ № 00447 был воспринят именно как решение нанести удар по социально чуждой среде.

«Последующий смысл всех директивных установок руководства управления НКВД, даваемых на совещаниях и

В 37. Когда реальная переписка за этого. еще война, и Сталин решил уничтожить контрреволюционную базу в стране.

при докладах, сводился к необходимости весь оперативный контингент... свести в разные по названиям, но единые по своим целям контрреволюционные организации, связанные с иностранными разведками враждебных нам стран и белоэмигрантскими центрами за границей» [56, С. 311].

Зачем это? Приказ не предусматривал этого, зачем превращать беглых кулаков в шпионов? И Егоров разъясняет зачем: «Оперативный состав органов, восприняв эти установки как прямую физическую ликвидацию всей контрреволюции, в том числе и пассивной, но являющейся базой для различных контрреволюционных формирований».

То есть, если представить бежавших кулаков, бывших меньшевиков, кадетов вместе с ссыльными епископами «единой контрреволюционной организацией, связанной с внешней разведкой», — то последует их «физическая ликвидация»! Так рассуждали сотрудники органов.

Оперативный состав, «деятельно следуя этим директивам, приступил к их реализации с полным сознанием исторической необходимости очистить нашу страну от этого контингента» [56, с. 311]. Вот! «Историческая необходимость очистить страну». Это подтверждает версию «зачистки» («социальной инженерии») [74, с. 224].

Вспомним, что репрессии 1937—1938 гг. дело рук тех, кто получил ведомственные награды (звание почетного чекиста) именно в период подготовки и осуществления великого перелома 1927—1934 гг. Наверное, не случайно, что именно они в 1937—1938 гг. активно включились в массовые операции. Кулацкая операция — попытка обеспечить завершение социалистической модернизации физическим уничтожением тех групп населения, которые не принимали ценностей нового общества. Решить эту задачу должны были прежде всего силовые структуры. В этой ситуации многие руководители НКВД сознательно или стихийно выбрали тактику широкого разворачивания массовых операций, и потому что видели в этом способ продемонстрировать свою лояльность, и потому что эти операции контролируются намного меньше. Существование в регионе широкого контрреволюционного заговора выводит местное чекистское руководство из-под контроля прокуратуры и партийных комитетов и оправдывает его чрезвычайные полномочия.

ОТСТУПЛЕНИЕ 1: ПОПЫТКА УНИЧТОЖИТЬ ЦЕРКОВЬ

А на кого пытались направить удар руководители НКВД?

Исследователи истории Церкви утверждают, что репрессии против христиан в 1937—1938 гг. далеко превосходили по размаху все предшествующие: «церковников и сектантов» в 1937 г. репрессировано 37 331 человек, а в 1938 г. — 13 438 [56, с. 660]. Это без учета мусульманского духовенства, которое шло чаще всего как «националистическая панисламистская контрреволюция». Если верить этой цифре, то доля духовенства в массовых репрессиях 1937—1938 гг. — более 3 % (всего в этой справке говорится о репрессиях более чем 1575 тыс. человек). Другие исследования называют цифры в 2—3 раза больше. Надо учитывать, что верующих и священников могли привлекать и за «к.-р. агитацию», и за «повстанческую к.-р.».

Многие историки связывают этот разгром с тем, что перепись 1937 года выявила сохранившиеся религиозные чувства советских граждан. «Вопрос о религии возник в переписном листе (речь идет о переписи 1937 года. — Л.Н.) на самом последнем этапе» [9, с. 17]. С точки зрения исследователей переписи 1937 года, этот вопрос появился благодаря вмешательству политического руководства: «По всей вероятности, он был внесен туда по инициативе Сталина. И потому что он остался в переписном листе вопреки правилам статистики, ясно, что противиться его внесению организаторы переписи не могли» [45, с. 17]. Может быть, действительно по инициативе Сталина, может, кого-то другого из членов Политбюро. В любом случае в результате с точки зрения официальной идеологии получилось очень плохо: «60 % жителей села и 30 % жителей города на переписи определили себя верующими». «Получается, что все социально-экономические преобразования, вся культурно-идеологическая работа не дали результата! «Пережиток прошлого» — религия — все равно сохранился. Бытие изменилось, а сознание нет, может быть, надо ему помочь, сознанию? Добить врага...» [74, с. 221—222].

Действительно, еще в начале 1937 года начались репрессии против архиереев, находившихся в оппозиции митрополиту Сергию. 3 февраля 1937 г. епископ Герман (Ря-

шенцев) арестован в с. Кочпон (место ссылки) и вывезен в Сыктывкарскую тюрьму, затем 15 сентября 1937 г. расстрелян в Сыктывкарской тюрьме в рамках кулацкой операции. Еще 14 апреля 1937 г. епископ Арсений (Жадановский) арестован в с. Котельники Московской области, расстрелян 27 сентября 1937 г. в Бутове.

Выше уже говорилось о том, как руководитель УНКВД Омской области Салынь не соглашался с лимитами, которые ему спустили из Москвы. При этом надо иметь в виду, что еще до выхода постановления Политбюро о «массовых операциях» в городе Ишим в ночь с 23 на 24 июня были арестованы все священники (в том числе и бывшие). Всего семьдесят пять человек, из них центральная фигура — епископ Серафим Звездинский (его расстреляют в Омске 26 августа). В тот же день, 23 июня 1937 г., арестован в г. Бирске (Башкирия) епископ Волынский и Житомирский Аверкий (Кедров), расстрелян 27 ноября 1937 г.

На следующий день за сотни километров, в Казахстане (в ссылке), был арестован один из противников митрополита Сергия епископ Иосиф Петровых (расстрелян 20 ноября).

Одновременно началось дело «даниловского братства», по которому в Сыктывкаре (в ссылке) снова был арестован епископ Федор (Поздеевский). В июне он уже давал показания, 23 октября 1937-го приговорен к ВМН, расстрелян в Ивановской тюрьме.

Вряд ли все это было случайное совпадение. Впечатление, что разгром 1937—1938 гг. готовился заранее и еще в начале 1937 года в разных регионах страны работа шла именно в этом направлении.

Однако сразу хочется обратить внимание, что в приказе № 00447 при перечислении «контингентов, подлежащих репрессии», священники упоминаются только в конце шестого пункта:

«...наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу».

Священники идут после «кулаков, карателей, бандитов, белых» и только те, кто уже находится в местах лишения свободы.

Как видно, первоначально тотальные аресты духовенства не планировались. В июле 1937 года НКВД интересовали только те, кто к тому времени уже был арестован. Означает ли это, что аресты духовенства начались не как приказ Центра, а как инициатива местных органов НКВД? Примерно так ситуация выглядит в докладной записке Ежова.

Как уже говорилось, 8 сентября 1937 г. он направил И.В. СТАЛИНУ СПЕЦСООБЩЕНИЕ № 59750 О ПЕРВЫХ ИТОГАХ ОПЕРАЦИИ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ.

По этому документу видно, что власть меняет свою политику по отношению к священникам. В нем уже во втором пункте говорится о том, что по показаниям арестованных на 1 сентября 1937 г. вскрыто и ликвидируется:

«Церковно-сектантских повстанческих и фашистских групп и организаций 43 с числом участников 710 человек». Причем они, с точки зрения наркома, стоят по значимости уже на втором месте. Ежов прямо пишет о новом направлении оперативного поиска: «Заслуживает серьезного внимания наличие, выявляемого сейчас, широкого церковно-сектантского повстанческого подполья» [56, с. 340]. Еще месяц назад вопрос так не стоял.

Но кто и где начал аресты церковников? Спецсообщение Ежова дает ответ на этот вопрос: «Большое количество церковно-сектантских контрреволюционных формирований вскрывается в Западной, Горьковской, Московской, Свердловской и других областях». То есть началось все в нескольких областях, под руководством Реденса, Каруцкого, Лаврушина и Дмитриева.

Анализ книг памяти в целом подтверждает эту картину. В ряде регионов массовые аресты духовенства начались уже в августе 1937 года. Напомним, в августе 1937 г. должны были быть арестованы наиболее опасные «враги», которые приговариваются к ВМН.

В Горьковской области аресты духовенства начались уже в августе. Подчеркнем — не расстрелы арестованных священников (как это предполагалось текстом приказа), а

аресты и расстрелы тех, кто был на свободе. В августе — 140 человек (15 % арестованных), в сентябре — 107 (18 % арестованных), в октябре — 269 (18 %), в ноябре — 404 (28 %). «В Горьковской области ликвидируется церковно-монархическая организация бывшего кулака монаха САВИНА. Организация охватывала несколько районов области и состояла из бывших кулаков, бродячих попов, монахов, «странников», кликуш и т.п. Связь между членами организации поддерживалась через странствующих монашек» [56, с. 340—341]. Конечно, наиболее вероятная причина репрессий — несмотря на закрытие Саровской обители, духовное влияние ее на область сохранялось десятилетия.

В Смоленской области: в июле — 33 человека (8 % арестованных), в августе — 18 (7 %), в сентябре — 40 (6 %), в октябре — 62 (9 %) и в ноябре — 64 (7 %).

В Московской области в августе — 85 человек (4 % арестованных), в сентябре — 71 (5 % арестованных), в октябре — 75 (9 %), в ноябре — 143 (13 %). Анализ хода репрессий по районам выявил, что аресты начались сначала в Москве и Кунцевском районе области (возможно, сыграла свою роль наличие дачи Сталина), затем распространились на другие районы. Самые серьезные репрессии прошли в Загорском (Троице-Сергиевском районе).

В 1937—1938 гг. в районе за религиозную деятельность было расстреляно 28 человек. Анализ персонального состава репрессированных выявил ряд особенностей. Во-первых, в Загорске расстреляно больше, чем в других районах Московской области. Во-вторых, в нем арестовано значительно больше монахов, их примерно 54 %, в то время как в других районах их заметно меньше. Это объясняется наличием Троице-Сергиевой лавры. Вместе с тем выяснилось, что репрессии в Загорске имеют еще одну особенность: в этом районе есть 2 пика репрессий, ноябрь 1937 и январь 1938 года. В других районах же репрессии обычно проходят только в 1937 году. Во время анализа выяснилось, что пик репрессий у всех четырех районов приходился на осень 1937 года. Осенью 1937 года в Загорске было репрессировано 48 %, а в Волоколамске 54 %, зато в январе

1938 года в Загорске было арестовано 36 % людей, а в Волоколамске 0,8 %.

Приведу пример из материалов дела настоятеля Троице-Сергиевой лавры (закрытой еще в 1922 году) архимандрита Кронида (Любимова). По мнению следствия, в Загорске возникла община монархически настроенных монахов бывшей Троице-Сергиевой лавры, в том числе и вернувшихся из ссылки, «к которым примкнула и наиболее реакционная часть загорского духовенства». Крониду было поставлено в вину идейное руководство этой «контрреволюционной группировкой» [74, с. 222].

Монахи продолжали собираться на богослужения в храмах. «В церкви Петра и Павла, а после закрытия — в церкви Кукуевского кладбища; открывались филиалы нелегального монастыря на домах, как, например, в доме бывшего крупного загорского домовладельца и торговца Сычева Николая Михайловича, где проживало 6 монахов и монашки в маленьких комнатах — подобиях келий во главе с «прозорливцем» старцем Ипполитом-игуменом — Мониным Николаем Ильичом, бывшим купцом первой гильдии».

Подсудимый и его последователи, говорилось в материалах дела, оказывали содействие монахам, вернувшимся из ссылки, их устраивали служителями в церкви города и района. Фактически лавра продолжала жить как монастырь, сохраняя лаврский уставной порядок. На следствии архимандрит Кронид не отрицал, что является по убеждению монархистом и считает советскую власть, посланную православному народу как «испытание его веры в Промысел Божий». Обвиняемый не отрицал, что его посещали монахи из Троице-Сергиевой лавры, но «как бывшего наместника, руководителя, за советом».

В феврале 1938 г. в Киеве Ежов, упрекая местных чекистов, что они плохо вскрывают «контрреволюционные центры», говорит: «Вот возьмите, я не помню кто-то из товарищей мне докладывал, когда они начали новый учет проводить, то оказалось, что у него живыми еще ходят 7 или 8 архимандритов, работают на работе 20 или 25 архимандритов, потом всяких монахов до чертиков. Все это что показывает? Почему этих людей не перестреляли давно?»

Это же все-таки не что-нибудь такое, как говорится, а архимандрит все-таки. (Смех.) Это же организаторы, завтра они начнут что-нибудь затевать». Показательно, что Ежов уже не ставит вопрос о необходимости выяснить, занимались ли эти люди реальной антисоветской деятельностью, хотели ли они это делать, да и могли ли, например, в силу возраста. Позиция простая: «Почему этих людей не перестреляли давно?» Примерно через 20 минут он будет говорить другое: «...У вас взяты на учет исключенные из партии. Признак — исключение из партии — еще не говорит о необходимости чекистского репрессирования. Это не является признаком необходимости репрессировать. У нас в законе нет такого...» [86, с. 331, 334].

Можно подумать, что «в законе есть — перестрелять архимандритов».

Так или иначе, но, возможно, эти слова Ежова стали толчком к тому, что репрессии против верующих продолжались и в 1938 году. Иными словами, региональные чекистские руководители сами обнаружили новую целевую группу, которой не было в приказе № 00447, и нанесли по ней удар. Затем их инициатива была распространена на всю страну.

В итоге к лету 1939 года на свободе оставалось несколько епископов. Исследователи спорят о количестве оставшихся открытыми храмов: одна, две, три сотни. В любом случае, если мы определим примерное количество православных в 60—70 млн, то получится один храм на 300—500 тыс. верующих (подчеркнем, не населения, а именно верующих). Практически ничего. По сравнению с концом 20-х количество храмов сократилось в 100 раз!

Однако уничтожить совсем Церковь и теперь не удалось.

На этот раз вместо цифр просто приведу несколько примеров, лучше всего иллюстрирующих мою мысль.

Еще 1 мая 1936 года в деревне Горушка близ Петушков под Владимиром был арестован (с 1922 года одиннадцатый раз!) один из наиболее авторитетных руководителей «катакомбной» Церкви епископ Афанасий (Сахаров). Он был приговорен к 5 годам ИТЛ и летом был направлен в Беломорско-Балтийский лагерь. 1937 год застал его в Медвежь-

егорске. Арестованный за контрреволюцию епископ, один из лидеров движения «непоминающих», конечно, он — кандидат на расстрел в ходе кулацкой операции. В 1937—1938 гг. его четыре раза помещали в штрафизолятор, камеру усиленного режима. Но так и не расстреляли.

Сам владыка вспоминал потом, что он провел «на епархиальном служении 33 месяца; на свободе, не у дел, — 32 месяца; в изгнании — 76, в узах и горьких работах — 252 месяца». Но выжил...

К началу войны в Подмоскowie действовало не менее 10 катакомбных священнослужителей [107, с. 249]. Часть из них признавала духовный авторитет епископа Афанасия (Сахарова). Во главе загорской общины стоял отец Серафим (Михаил Сергеевич Битюков). С 1928 года он скрывался в комнатке маленького деревянного домика — арестовать священника не смогли. Его духовные дети приезжали туда, именно архимандрит Серафим крестил мать будущего о. Александра Меня.

Еще в 30-е годы архимандрит Кронид (Любимов) предполагал, что и его арест не за горами. И он избрал молодого загорского учителя Тихона Пелиха (в 60—70-е гг. XX в. известный священник), которому доверил стать хранителем антими́нса из Успенского собора лавры, со словами: «Храни, он нужен будет».

Когда в пасхальные дни 1946 года в лавре было возобновлено богослужение, у тогдашнего настоятеля обители архимандрита Гурия было много хлопот, приводили в надлежащий вид Успенский собор. «В куполах — из окон сосульки, слой пыли на всем, ни подсвечника, ни аналая — пустота, холод и запустение» — так вспоминал о тех днях протодиакон Сергей Боскин. И вдруг: «Отцом Гурием овладело новое беспокойство — нет антими́нса. Как никто не подумал об этом раньше, непонятно! А теперь как быть — в такие дни? И тут говорят: «К вам пришли». Это был Т.Т. Пелих — будущий отец Тихон. На антими́нсе было написано: «Антими́нс с престола Успения Б.М. Успенского собора Троице-Сергиевой лавры».

Тоненькая ниточка веры, но не порвалась.

Подведем предварительный итог главы. Летом 1938 года сформировалась группа чекистов, которая планирова-

ла продолжение репрессий, причем именно продолжение массовых операций. «Большая чистка» к тому времени уже закончилась.

Среди тех, кто добился увеличения лимитов весной — летом 1938 года, явно доминируют две группы региональных руководителей: «северокавказцы» (Горбач, Алексеев, Малышев, Валухин, Лаврушин) и «ежовцы» (Успенский, Литвин). В сумме на них приходится 75 % всех лимитов и значительная часть арестованных в ходе национальных операций. По сути, это означает, что эти руководители начали проводить свой собственный «автономный» политический курс.

Чем объяснить стремление части региональных руководителей продолжить репрессии, особенно если мы будем помнить, что они принадлежат к доминирующим в руководстве наркомата группировкам?

Глава 3

«ТЕНЬ! ЗНАЙ СВОЕ МЕСТО!»

Эти слова в знаменитой пьесе Е. Шварца произносит главный герой. И происходит чудо — Тень, которая уже почти захватила власть в стране, исчезает.

Шварц писал пьесу в 1937—1938 гг., в 1939 г. начались репетиции. Случайно или нет, но примерно в это время в апреле 1939 г. «исчезли» бывший нарком НКВД Ежов и его заместитель Фриновский. За два месяца до премьеры пьесы Шварца их расстреляли. Премьера пьесы состоялась 12 апреля 1940 года. Историки театра говорят, что пьесу сняли сразу после премьеры, похоже, что она рождала слишком много аналогий.

В сказке Шварца победа над Тенью является чудом, а что было в реальной истории?

10 июля 1939 года следователь ст. лейтенант ГБ Сергеев составил постановление, на основании которого бывший нарком Николай Иванович Ежов обвинялся «в изменнических, шпионских связях с кругами Польши, Германии, Англии и Японии».

Запутавшись в своих многолетних связях с иностранными разведками и начав с узкошпионских функций передачи им сведений, представлявших специально охраняемую государственную тайну СССР, Ежов затем по поручению правительственных кругов Германии и Польши перешел к более широкой изменнической работе, возглавив в 1936 году антисоветский заговор в НКВД и установив контакт с нелегальной военно-заговорщической организацией РККА. Конкретные планы государственного переворота и свержения Советского правительства Ежов и

его сообщники строили в расчете на военную помощь Германии, Польши и Японии, взамен чего обещая правительствам этих стран территориальные и экономические уступки за счет СССР.

Для практического осуществления этих предательских замыслов Ежов систематически передавал германской и польской разведкам совершенно секретные экономические и военные сведения, характеризующие внутрисоюзное положение и оборонную мощь СССР.

В этих же антисоветских целях Ежов сохранял и насаждал шпионские и заговорщические кадры в различных партийных, советских, военных и прочих организациях СССР, широко проводя подрывную, вредительскую работу на важнейших участках партийной, советской и в особенности военной и наркомвнудельской работы, как в центре, так и на местах, провоцируя недовольство трудящихся и ослабляя военную мощь Советского Союза.

Подготавливая государственный переворот, Ежов готовил через своих единомышленников по заговору террористические кадры, предполагая пустить их в действие при первом удобном случае. Ежов и его сообщники Фриновский, Евдокимов и Дагин практически подготовили на 7 ноября 1938 года путч, который, по замыслу его вдохновителей, должен был выразиться в совершении террористических акций против руководителей партии и правительства во время демонстрации на Красной площади в Москве.

Через внедренных заговорщиками в аппарат Наркомвнудела и дипломатические посты за границей Ежов и его сообщники стремились обострить отношения СССР с окружающими странами в надежде вызвать военный конфликт, в частности, через группу заговорщиков, работников полпредства в Китае, Ежов проводил вражескую работу в том направлении, чтобы ускорить разгром китайских национальных сил, обеспечить захват Китая японскими империалистами и тем самым подготовить нападение Японии на советский Дальний Восток».

Здесь, мне кажется, уместна небольшая биографическая справка. Василий Тимофеевич Сергиенко, когда составлял этот документ, был старшим следователем следственной части. Через два месяца он станет майором ГБ (из

ст. лейтенанта) и начальником следственной части. В августе 1941 г. он уже в должности наркома внутренних дел УССР (!), получит звание комиссара ГБ 3-го ранга. Попал в киевский «котел», но бежал из плена. В июле 1945 г. — генерал-лейтенант и нарком внутренних дел в Крыму. С 1946 года служил в системе ГУЛАГа. В 1954 году после ареста Берии уволен из органов, работал в Харькове сначала механиком на заводе, потом начальником автобазы. В 1963 году в 60 лет вышел на пенсию и прожил до 1982 года. Такой вот жизненный путь человека, который «расколол» «сталинского наркома»... Для нас его биография интересна тем, что она типична для «выдвиженцев Берии» (см. ниже).

Суммируем обвинения, которые Сергиенко выдвинул против Ежова:

- шпионские связи с Германией, Японией и Польшей;
- провоцирование недовольства трудящихся политической правительством;
- подготовка покушения на Сталина 7 ноября 1938 г.;
- попытка спровоцировать военный конфликт с Японией.

В последнем слове на суде Ежов отверг почти все обвинения, кроме того, что он действительно содействовал проникновению на руководящие должности «врагов народа», а они проводили необоснованные репрессии: «Я считал их честными, а на деле же получилось, что я под своим крылышком укрывал диверсантов, вредителей, шпионов и других мастей врагов народа». То есть он признал, что в руководстве НКВД была «заговорщическая организация».

Попытаемся разобраться, что же произошло на самом деле, какие реалии стоят за обвинениями, которые на первый взгляд кажутся абсурдными.

В 2006—2007 гг. в работе «Сталин и НКВД» я пытался обосновать, что в 1938 году сформировалась группа чекистов, которые готовы были пойти на устранение Сталина. В воспоминаниях А. Мироновой-Король есть выразительное место: «Фриновский набрался смелости и говорит: «Все хорошо, Иосиф Виссарионович, только не слишком

ли много крови?» Сталин усмехнулся, подошел к Фриновскому, двумя пальцами толкнул в плечо, как будто отталкивая доброжелательно.

— Ничего, — говорит, — партия все возьмет на себя» [40, с. 103]. Поверил ли ему Фриновский? Столкнувшись с тем, что вождь может попытаться именно их сделать ответственными за репрессии, руководители НКВД попытались нанести по Сталину превентивный удар. Так возник «второй заговор в НКВД».

«Конечно, трудно доказать существование такого заговора, — писал я тогда. — Признательные показания, сделанные на следствии, говорят только о том, что от него хотели услышать следователи. «Конечно, если заговор и был, то «протоколы заседаний не велись». Могли ли остаться его следы? Думаю, могли... По законам того времени наличие досье с надписью «Сталин» — безусловное доказательство, что его владельцы — заговорщики. Не только в глазах Сталина, но и в своих собственных глазах.

Ведь самого наличия этого компромата может быть достаточно, чтобы утверждать наличие заговора. Остановимся на этой мысли подробнее... Компрометирующие сведения на начальника (например, секретаря горкома или обкома, директора завода или начальника главка) можно предъявить в ЦК (Политбюро) и (или) в НКВД. На члена ЦК или члена Политбюро — Сталину. А кому можно предъявить компромат на Сталина? При жизни вождя (!), в здравом уме и твердой памяти, никому. Точнее, при жизни вождя ее можно использовать только как инструмент формирования круга «посвященных» — заговорщиков. Полноценно же эта информация может сработать только после его смерти. Например, как оправдание для тех, кто, так или иначе, причастен к этой смерти» [74, с. 365—366].

А компромат такой был — документы о предполагаемой связи Сталина с охранкой. Я условно называл их «папка Виссарионова». Известно, что при аресте Ежова в его кремлевской квартире была изъята папка, содержащая «переписку Тифлисского жандармского управления по поводу розыска «Кобы» (партийная кличка Сталина)» [см., например, 82, с. 513]. Тайн с прошлым Сталина было немало. Парадокс в том, что любой советский человек мог при-

коснуться к этой загадке и ужаснуться. Представим себе учителя истории, который дает ученику задание: «Возьми в библиотеке краткую биографию нашего дорогого Вождя Иосифа Виссарионовича Сталина и сделай к следующему уроку сообщение о героической революционной борьбе товарища Сталина с царским режимом». Но перед уроком ученик подходит к учителю и говорит: «Я не смог выполнить задание, потому что не разобрался — сколько раз царские жандармы арестовывали нашего дорогого вождя. В краткой биографии написано про семь арестов, шесть ссылок и шесть побегов, но рассказывается только про шесть арестов и шесть ссылок и пять побегов. Как быть?» Учитель берет в руки книгу и читает: «С 1902 по 1913 год Сталин арестовывался семь раз, был в ссылке шесть раз, бежал из ссылки пять раз. Не успевали царские опричники водворить Сталина на новое место ссылки, как он вновь бежит и снова на «воле» кует революционную энергию масс» [54, С. 44]. А потом дома внимательно перечитывает текст книги и убеждается — про один арест вождя биография молчит!¹ Парадокс! И это в том случае, если разговор учителя с учеником происходил после войны, потому что довоенная краткая биография вообще сообщала: «арестовывался восемь раз, был в ссылке семь раз, бежал из ссылки шесть раз»... А ведь краткая биография товарища Сталина есть в каждой советской библиотеке, и увидеть, что «дело не чисто», могут все.

Конечно, люди, которые владели документами, проливающими свет на эту «загадку», могли ощущать свою «избранность» (вне зависимости от того, были ли эти документы подлинными). Конечно, интересно и то, почему эта парадоксальная ошибка не была исправлена. Сама корректировка количества арестов от довоенного издания к послевоенному показывает, что об «ошибке», конечно, знали. Но исправлять не стали. Ясно также, что не сам Ежов нашел документы Тифлисского жандармского управления, кто-то должен был принести их наркомку. Кто еще был до-

¹ Упоминаются аресты 5 апреля 1902 года, 25 марта 1908 года, 23 марта 1910 года, 9 сентября 1911 года, 22 апреля 1912 года, 23 февраля 1913 года.

пущен к тайне? Орлов считает, что «Заковский и Фриновский знали также главную сталинскую тайну (речь идет о «папке Виссарионова»... это были слишком опасные свидетели». Кроме того, он считает, что об этом мог знать Павел Аллилуев, а следовательно, и Станислав Реденс.

В 2006 году я писал, что в центре заговора НКВД стояла, скорее всего, группа «туркестанцев», и в первую очередь комиссар ГБ 3-го ранга Борис Берман. Однако, считал я, ему было не обойтись без помощи «северокавказцев» [74, с. 362]. Однако по итогам исследования, предложенного в настоящей книге, я должен скорректировать свою позицию. Мысль о Бермане сформировалась на основе анализа «слов»: мемуаров и показаний на следствии, если же анализировать «дела» руководителей НКВД, то остается один вывод: реальной самостоятельностью обладали именно «северокавказцы», и только они и могли поэтому бояться Сталина и попытаться его ликвидировать. Описанию того, кто они и что делали, и посвящена эта глава.

РОСТ ВЛИЯНИЯ РУКОВОДСТВА НКВД

Массовые операции привели к тому, что контроль за НКВД и со стороны Москвы, и со стороны местной прокуратуры фактически прекратился. Об этом достаточно ясно говорилось во всех документах осени 1938 — начала 1939 гг.

«Произвол был допущен также в работе троек при НКВД республик и УНКВД краев и областей. Никакого контроля за деятельностью этих троек со стороны НКВД СССР не было» [86, с. 361].

«Органы прокуратуры... не принимают необходимых мер к устранению... недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов» [56, с. 609].

Следует обратить внимание и на еще одно последствие «большого террора». Чем дальше он продолжался, тем больше становились власть и влияние руководителей НКВД. Обычно говорится о том, что «на местах роль первой скрипки играли не секретари обкомов, райкомов и другие ответственные работники (которые, видя исчезающих одного за другим товарищей, сами трепетали, со дня на

день ожидая ареста), а начальники республиканских, краевых и областных управлений НКВД, молодые и «талантливые» фальсификаторы».

Но сейчас, мне кажется, важно сказать о другом. Начнем с небольшого отступления. В марте 1939 года в Москве прошел XVIII съезд ВКП(б), был избран новый состав Центрального Комитета партии: 71 член ЦК и 68 кандидатов.

В их число вошли 10 руководителей центрального и регионального аппарата НКВД.

Нарком внутренних дел **Лаврентий Павлович Берия**. На эту должность Берия был назначен в ноябре 1938 года. С 1921 по 1931 г. он служил в органах ВЧК — ГПУ Закавказья. Затем был переведен на партийную работу, был первым секретарем Закавказского крайкома, первым секретарем республиканского комитета Грузинской ССР. В августе Сталин вернул его в органы и назначил сначала заместителем наркома внутренних дел Н.И. Ежова, а затем и наркомом.

Первым заместителем нового наркома, начальником Главного управления государственной безопасности (ГУГБ), стал **Всеволод Николаевич Меркулов**. Под руководством Берии он служил в ОГПУ Закавказья, начальником секретно-политического отдела (СПО). Затем вместе с начальником перешел в партийные органы и руководил различными отделами в ЦК компартии Грузии. Теперь вместе с патроном отправился в Москву. Меркулов тоже стал членом ЦК.

Сергей Арсеньевич Гоглидзе служил в ВЧК Грузии с 1923 г. После ухода Берии на партийную работу стал руководить ОГПУ—НКВД Закавказья и Грузии (т.е. занял место Берии). С ноября 1938 г. Гоглидзе руководил УНКВД Ленинградской области. Гоглидзе на XVIII съезде был избран кандидатом в члены ЦК.

Богдан Захарович Кобулов, служил в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД Закавказья. В Москве Б.З. Кобулов стал начальником 2-го отдела ГУГБ и начальником следственной части. Богдан Кобулов в марте 1939 г. был избран кандидатом в члены ЦК. Его брат Амаяк Захарович Кобулов в марте 1939-го был первым заместителем наркома внутренних дел Украины.

Михаил Максимович Гвишиани в органах Закавказья с 1928 г. В сентябре 1938 года был заместителем наркома внутренних дел республики. Затем надолго переведен в Москву начальником 3-го спецотдела ГУГБ НКВД СССР и с ноября 1938 г. начальник УНКВД Приморского края. На съезде также избран кандидатом в ЦК.

Лаврентий Фомич Цанав в ЧК Грузии с 1921 г., затем перешел вслед за Берией в партийно-советские органы Грузии. В ноябре 1938 г. стал наркомом внутренних дел БССР.

Кроме того, четыре руководителя НКВД, избранные в кандидаты ЦК, не относились к группе Берии. Двое служили в центральном аппарате, двое руководили региональными управлениями.

Иван Иванович Масленников служил в погранвойсках. В марте 1939 г. — первый заместитель наркома внутренних дел по войскам.

Сергей Никифорович Круглов до ноября 1938 г. на партийной работе, затем первый заместитель наркома, начальник отдела кадров наркомата.

Журавлев Виктор Павлович — руководил УНКВД Москвы и Московской области.

Комиссар ГБ 3-го ранга **Никишов Иван Федорович** — начальник УНКВД Хабаровского края.

Много это или мало — десять чекистов в ЦК? С чем сравнивать? В ЦК, выбранном на XVII съезде, было всего три чекиста: член ЦК нарком Генрих Ягода и кандидаты в члены ЦК Всеволод Балицкий — руководитель ОГПУ — НКВД УССР и Терентий Дерибас, руководитель УНКВД Дальневосточного края. Первого расстреляли в марте 1938 года, а второго и третьего в 1937 году.

Правда, в ЦК были бывшие чекисты Берии: Багиров, в 1921—1927 гг. и 1929—1930 гг. руководитель ВЧК — ОГПУ Азербайджана — то есть сотрудник Берии, затем на партийной работе (арестован в 1953 г. вместе с Берией), Евдокимов, Благонравов. Но такие бывшие чекисты были и в ЦК 1939 года: Багиров, Алемасов, Ярцев.

Надо учитывать также, что увеличилось и число военных. В 1934 году в ЦК выбрали девять командиров РККА: Ворошилов, Буденный, Гамарник, Блюхер, Тухачевский,

Уборевич, Якир, Егоров, Булин. А в 1939 г. — двадцать: Буденный, Ворошилов, Кузнецов, Кулик, Мехлис. Рогов, Тимошенко, Штерн, Щаденко. Бирюков, Игнатъев, Ковалев, Конев. Локтионов, Мерецков, Павлов, Савченко, Смушкевич, Фекленко, Шапошников.

Тридцать силовиков вместо двенадцати — заметная эволюция, притом что общее число членов ЦК не изменилось, а общее количество региональных руководителей и наркомов в стране даже увеличилось, ведь произошло разукрупнение наркоматов и выделение новых областей. Конечно, эти перемены — следствие «большой чистки» 1937—1938 гг. и надвигающейся войны.

Итак, 10 чекистов в ЦК, притом что группа Берии в ЦК даже влиятельнее: в ЦК 1939 года входили, кроме того: Багиров, Григорий Артемьевич Арутюнов (1-й секретарь ЦК Армении), Валерий Минаевич Бакарадзе (председатель СНК Грузии), Кандид Несторович Чарквиани (1-й секретарь ЦК Грузии с августа 1938 г.). Их карьеры прервались в 1953 году.

Складывается впечатление, что группа Берии была одной из самых сильных в ЦК 1939 года. Почему Сталин пошел на такое усиление политического веса Лаврентия Павловича Берии? Лежащих на поверхности ответов два.

Во-первых, кавказцы Берии должны были заменить распавшуюся старую кавказскую группу в ЦК, начала тридцатых. По воспоминаниям Хрущева она включала Орджоникидзе, Енукидзе и Микояна.

Во-вторых, именно в это время соратники Берии разоблачили «второй заговор в НКВД» и подготовили арест группы Ежова.

А теперь зададим себе вопрос, который профессиональные историки не очень любят себе задавать, и справедливо не любят. «А что было бы, если?..» Что было бы, если победил не Берия, а Ежов? Кто тогда вошел бы в состав ЦК 1939 года?

В формировании ЦК ясно просматривается номенклатурный принцип. В ЦК проходят руководители важнейших региональных партийных организаций и союзных наркоматов: первые секретари союзных республик, Московского, Ленинградского, Свердловского, Сталинград-

ского, Куйбышевского, Горьковского, Иркутского, Омского, Воронежского, Новосибирского обкомов. Применим тот же принцип при формировании гипотетического ЦК 1939-го. В таком случае в составе ЦК были бы:

Николай Иванович Ежов — нарком внутренних дел (именно его сменил Берия).

Михаил Петрович Фриновский — заместитель наркома, начальник ГУГБ (его сменил Меркулов).

В 1934 г. НКВД Украины руководил Балицкий. Это важная после РСФСР союзная республика. Рискну предположить, что в 1939 году руководитель спецслужб Украины не вошел в ЦК только потому, что его еще не было. Исполняющим обязанности был Амаяк Кобулов, но он слишком молод (потому и.о.). В сентябре 1939 г. наркомом в Киев назначают Ивана Александровича Серова, и на XVIII партконференции в феврале 1941 г. его выбирают кандидатом в члены ЦК. В 1938 г. наркомом Украины был комиссар ГБ 3-го ранга **Александр Иванович Успенский**. Ежов благоволил к этому руководителю, за два года тот сделал головокружительную карьеру, поговаривали даже, что они родственники. Можно предположить, что в ЦК 1939 года Успенский, конечно, вошел бы.

В 1934 г. в ЦК входил Дерibas, он руководил УНКВД Дальневосточного края, что, безусловно, подчеркивает значение этого региона в СССР: ожидалась война с Японией. В ЦК 1939 г. вошло бы два руководителя НКВД Дальнего Востока: Гвишиани и Никишов (УНКВД ДВК был разделен приказом от 29 декабря 1938 г. № 00836 на УНКВД Хабаровского и Приморского края). В августе 1938 г. УНКВД Хабаровского края руководил старший майор ГБ **Григорий Федорович Горбач**, а Приморской области — майор ГБ **Василий Федорович Дементьев**, и, вероятно, они стали бы кандидатами в члены ЦК.

Старший майор ГБ **Владимир Ефимович Цесарский** — руководитель УНКВД Московской области (его сменил Журавлев). В ЦК 1934 г. руководитель регионального управления свояк Сталина Станислав Реденс не входил, но в 1939 г. Журавлев вошел. Журавлев оказал важные услуги Берии. Именно он (еще будучи руководителем УНКВД Ивановской области) написал донос на Ежова, ко-

торый разбирался на Политбюро и послужил непосредственным толчком к отставке наркома. Цесарский пришел с Ежовым в НКВД из ЦК в 1936 г., и в его верности нарком не сомневался.

Комиссар ГБ 3-го ранга **Михаил Иосифович Литвин** — руководитель УНКВД Ленинградской области. Тоже партиец, пришел с Ежовым в 1936 г.

Б. Кобулов руководил следственной частью и был заместителем начальника ГУГБ. Следственной части в августе 1938 г. не было (она была образована только 22 декабря 1938 г. приказом № 00813). Заместителем начальника ГУГБ был в августе 1938 г. **Николай Галактионович Николаев-Журин**. Может быть, он стал бы кандидатом в члены ЦК.

Деканозов на посту начальника 5-го отдела (ИНО) сменил Пассова. Можно предположить, что старший майор **ГБ Зальман Исаевич Пассов** вошел бы в ЦК 1939 г. По крайней мере, Ежов считал его «честным чекистом».

Кто еще вошел бы в ЦК 1939 года, если бы не Круглов и Масленников? Можно только гадать. Номенклатурных признаков два: это должны были бы быть заместители наркома и, желательно, — связи в партаппарате. В составе руководства НКВД 1938 г. это могли быть старший майор **ГБ Семен Борисович Жуковский** — заместитель наркома, курирующий работу ГУЛАГа, начальник управления особых отделов **Н.Н. Федоров** или начальник ГУРКМ **Чернышев**.

Кроме того, в группу Ежова входили бы еще и чекисты, которые в 1937—1938 гг. ушли из органов, но сохраняли с ними связь. Членом ЦК был **Ефим Григорьевич Евдокимов**, и, вероятнее всего, он им и остался бы, м.б. на посту заместителя наркома водного транспорта, а может, и стал руководить каким-нибудь наркоматом.

Наркомом связи был комиссар государственной безопасности 3-го ранга, создатель ГУЛАГа **Матвей Давыдович Берман**. Должность наркома связи предполагает минимум статус кандидата в члены ЦК.

Бывший чекист Благонравов, кандидат в ЦК, в 1934 г. был первым заместителем наркома путей сообщения. В 1938 г. эту должность занимал старый чекист, лидер клуба «туркестанцев», комиссар ГБ 2-го ранга **Лев Николаев**

вич Вельский. Вероятно, он также вошел бы в состав высшего партийного руководства.

Осенью 1938 г. первым секретарем в Свердловске был **Константин Николаевич Валухин.** До этого Валухин служил в органах ВЧК на Северном Кавказе, в 1937—1938 гг. начальник УНКВД Омской области.

Первый секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) капитан ГБ **Газов Леонид Петрович** до июля 1938 г. служил начальником НКВД Кировской области.

Александр Матвеевич Минаев-Цикановский служил заместителем наркома тяжелой промышленности.

Сергей Наумович Миронов-Король был начальником отдела в НКВД, фактически заместителем наркома и вполне мог стать наркомом (см. ниже).

Чтобы правильнее представить себе отношения между этими людьми, надо помнить:

Ежов, Литвин, Цесарский, Жуковский — представители группы «партийцев», которые пришли в НКВД вместе с Ежовым, а Успенский и Пассов — его выдвиженцы. Бельский и М. Берман — представители другой чекистской группы — «туркестанцев». И самое главное. Евдокимов, Фриновский, Николаев-Журид, Горбач, Валухин, Дементьев, Минаев-Цикановский — входят в одну влиятельную чекистскую группу — «северокавказцев».

Таким образом, массовые репрессии привели к тому, что руководство НКВД (конкретно в первую очередь «ежовцы» и «северокавказцы») могли превратиться в самую сильную и влиятельную группу в ЦК. То есть они смогли не просто обеспечить свою безопасность, но и предельно расширить возможности политического роста.

«СЕВЕРОКАВКАЗЦЫ» И «КАВКАЗЦЫ»

Высказываются разные версии ликвидации ежовского руководства НКВД. Широко распространено мнение, что появление в наркомате Берии было вызвано замыслом Сталина свернуть репрессии. Есть предположение, что Сталин пытался ликвидировать «клановую» структуру руководства НКВД. Есть предположения, что в планы Сталина входила ликвидация евреев в руководстве НКВД.

Правда ли это, что происходило на самом деле? Другими словами, почему было принято решение сменить «северокавказцев» на «кавказцев»?

Когда в августе 1938 года Фриновский узнал, что заместителем наркома будет Берия, то он сразу стал говорить Ежову, что с Берией тот не сработается, и сформулировал причины, по которым считал, что новый заместитель представляет угрозу для всех:

— властный и самоуверенный характер;

— обиды Берии на политику Ежова и Фриновского в 1937—1938 гг.

Главной проблемой, конечно, было вмешательство НКВД СССР в «кавказские дела»: арест Буду Мдивани и чистка в Армении (включая арест Мугдуси), которую Берия «не простит» [86, с.358]. «Кроме того, «грузинский ЧК» не всегда соблюдал ведомственную субординацию» [86, с. 358].

Но действительно ли дело в амбициях, нет ли более глубокой причины конфликта? Какими мотивами руководствовался Сталин, вызывая Берию в Москву. Понятно, что он «просчитывал» конфликт Берии с Ежовым и Фриновским.

Как уже говорилось выше, решение прекратить чистку номенклатурных работников было принято еще весной 1938 г., и реализовывать его начал еще Ежов. Нет никаких реальных доказательств того, что руководство НКВД саботировало реализацию этого решения. Наоборот, центральный аппарат свернул аресты НКВД в рамках чистки.

Иными словами, разгадка может быть в области кадровой политики. А что собой представляли «северокавказцы» в августе 1938 года? Попробуем проанализировать, какие произошли с ними перемены, что общего и чем отличаются «северокавказцы» в августе 1936 г. и два года спустя.

Если считать только руководящий состав, то есть наркомов, начальников управлений центрального аппарата, начальников отделов центрального аппарата и руководителей региональных органов (наркомов союзных и автономных республик, начальников управлений) — 27 чекистов. Большинство из них сделало при Ежове карьеру.

Бывший начальник ГУПВО комкор **ФРИНОВСКИЙ**

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ стал первым заместителем наркома, начальник ГУГБ (в сентябре 1938 г. командарм 1-го ранга);

начальник УНКВД Северокавказского края комиссар 3-го ранга **ДАГИН ИЗРАИЛЬ ЯКОВЛЕВИЧ** назначен на ответственную политическую должность летом 1937 г. — начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР;

комиссар ГБ 3-го ранга **МИНАЕВ-ЦИКАНОВСКИЙ АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ** летом стал заместителем наркома тяжелой промышленности;

комиссар ГБ 3-го ранга заместитель начальника УНКВД Ленинградской обл. **НИКОЛАЕВ-ЖУРИД НИКОЛАЙ ГАЛАКТИОНОВИЧ** летом 1938 г. заместитель начальника 1-го управления НКВД СССР;

начальник УНКВД Днепропетровской области комиссар ГБ 3-го ранга **МИРОНОВ (КОРОЛЬ) СЕРГЕЙ НАУМОВИЧ** летом уже комиссар 3-го ранга и заведующий восточным отделом НКВД СССР;

начальник отдела кадров НКВД СССР майор **ГБ ВЕЙНШТОК ЯКОВ МАРКОВИЧ**, заместитель наркома водного транспорта (весной 1938 г. еще начальник 10-го отдела ГУГБ);

старший майор ГБ **ГОРБАЧ ГРИГОРИЙ ФЕДОРОВИЧ** в августе 1938 г. начальник УНКВД Дальневосточного края;

старший майор ГБ **МАЛЫШЕВ БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ** в 1938 г. начальник УНКВД Иркутской области;

старший майор ГБ **ПОПАШЕНКО ИВАН ПЕТРОВИЧ** был начальником УНКВД Куйбышевской области, затем в центральном аппарате — начальник 2-го отдела 1-го управления НКВД СССР;

начальник УНКВД Чечено-Ингушской АССР — летом 1938 г. старший майор ГБ **РАЕВ (КАМИНСКИЙ) МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ** получил новое назначение и стал наркомом Азербайджана;

руководитель УНКВД ЧИАССР майор **ГБ ДЕМЕНТЬЕВ ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ** летом в 1938 г. начальник УНКВД Северной, Архангельской области, с июня 1938 г. начальник УНКВД Приморской области;

майор ГБ **АНТОНОВ-ГРИЦЮК НИКОЛАЙ (ЛУКА) ИОСИФОВИЧ** переведен в Москву начальником тюремного отд. НКВД СССР;

майор ГБ **ИВАНОВ НИКИТА ИВАНОВИЧ** в 1936 г. начальник УНКВД Северо-Осетинской АССР — в августе нарком внутренних дел ЧИ АССР;

майор ГБ **ЛОМОНОСОВ ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ** — начальник УНКВД Дагестанской АССР;

майор ГБ НКВД **АЛЕХИН (СМОЛЯРОВ) МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ** переведен в Москву и стал начальником 12-го отдела ГУГБ;

капитан ГБ **АЛЕКСЕЕНКО АНТОН ПАХОМОВИЧ** в августе 1938 г. начальник УНКВД в Красноярском крае;

майор ГБ **ВОЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ** — начальник УНКВД Полтавской области;

майор ГБ **МИХЕЛЬСОН АРТУР ИВАНОВИЧ** — нарком НКВД Крымской АССР;

майор ГБ **ЛАВРУШИН ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ** — начальник УНКВД Горьковской области;

капитан ГБ **ВАЛУХИН КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ** — 1-й секретарь Свердловского обкома ВКП(б) (до апреля 1938 года — начальник УНКВД Омской области);

капитан ГБ **МАЛЫГИН МАКС ИВАНОВИЧ** стал начальником УНКВД Тамбовской области;

капитан ГБ **МИРКИН СЕМЕН ЗАХАРОВИЧ** стал в 1938 г. наркомом НКВД Северо-Осетинской АССР;

капитан ГБ **ТЕЛЕШЕВ ГРИГОРИЙ ГАЛАКТИОНОВИЧ** стал начальником УНКВД Харьковской области (с 4 мая 1938 г. — 1-й секретарь Одесского обкома и горкома КП(б)У).

Правда, были и «потери»:

комиссар 3-го ранга **ДЕЙЧ ЯКОВ АБРАМОВИЧ** был репрессирован весной 1938 г., но он собирал «компромат» на главу клана Е.Г. Евдокимова;

комиссар ГБ 3-го ранга **КУРСКИЙ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ** был начальником УНКВД Западно-Сибирского края — в июле 1937 г. застрелился;

комиссар ГБ 3-го ранга **РУДЬ ПЕТР ГАВРИЛОВИЧ** репрессирован в 1937 г.;

майор ГБ **БУЛЛАХ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ** сделал быструю карьеру, стал начальником УНКВД края, но был арестован и расстрелян.

Чтобы более полно представить картину, я предлагаю

рассмотреть внимательнее клан Фриновского. Как мы помним, именно «северокавказцы» доминировали в назначениях 1937 г. и почти поставили под контроль ГУГБ. И в 1938 г. они продолжали оставаться самым влиятельным кланом. Вместе с тем «северокавказцы» 1 ноября 1936 г. и 1 сентября 1938 г. — «две большие разницы». Из 28 руководителей (с Евдокимовым), которых можно отнести к этой группе, 14 следует считать «старыми», т.к. они получили назначения на руководящие должности до 1936 г., и 14 «молодыми» (после 1936 г.). Клан изменился в ходе борьбы с другими кланами и группами. «Старики» полностью соответствуют тем социальным характеристикам, которые отличают «генералитет» 1936 г. Новые выдвиженцы в этом клане преимущественно русские и украинцы, значительно больше выходцев рабоче-крестьянского происхождения, почти без большевистского прошлого.

Как видим, с социологической точки зрения «северокавказцы» 1938 года идеально вписываются в замысел ротации кадрового состава НКВД. То есть они явно совпадают с тем, что потом будет сделано по инициативе Берии, когда в руководстве органов будут молодые русские и украинцы рабоче-крестьянского происхождения. Значит, не здесь находится причина их гибели...

Есть фактор национальности. Следует при этом помнить, что мы сейчас говорим про состав клана, но не про состав центрального аппарата НКВД при Ежове [74, с. 402—403]. Среди начальников отделов центрального аппарата евреев при Ежове оставалось действительно много. Правда, это были не столько «северокавказцы» — Дагин, Алехин, сколько в первую очередь «ежовцы» — Жуковский, Литвин, Шапиро, Цесарский, Пассов.

Вернемся к диаграммам «Москва-Центр» (гл. 1) и вспомним, что осенью в репрессивной политике центрального аппарата заметна важная особенность. Общее количество арестованных падает до средних цифр, характерных для 1935 — начала 1936 года. Однако удельный вес арестованных номенклатурных работников стремительно растет, достигая 60—80 %. Ядро арестованных номенклатурных работников — «чекисты».

Иными словами, приход Берии вызвал «реанимацию»

чистки в сентябре — декабре 1938 г., которая вроде бы уже закончилась весной. События эти описаны в работе «Сталин и НКВД».

Мне кажется, что не все аспекты нашли отражение в этом исследовании. Почему все-таки был выбран Берия? По мемуарам часто создается впечатление, что вождь хотел укрепить личный контроль за НКВД, использовав группу чекистов из Закавказья («хотел использовать грузина»). Вне всякого сомнения, национальный момент в выборе Сталина важен. Лаврентий Павлович привел с собой в наркомат десять человек (о них говорилось выше): **Кобуловы, Деканозов, Гоглидзе, Сумбатов, Шария, Меркулов, Гвишиани, Цанава, Мамулов**¹. (Правда, А.И. Пожаров в статье «Руководители советских спецслужб как объект мифотворчества в истории органов госбезопасности Советского Союза» предлагает несколько иной список: **Меркулов В.Н., Деканозов В.Г., Гоглидзе С.А., Кобулов Б.З., Саджая А.Н.**², **Каранадзе Г.Т.**³, **Заделава А.С., Цанава Л.Ф.**, а также руководитель личной охраны — **Саркисов Р.С.** и его заместитель **Нодария С.Н.**)

Если мы проанализируем социально-культурные характеристики группы Берии и сравним его с теми, на кого опирался Ежов, то видно, что по некоторым критериям это другая группа: 55 % из них рабоче-крестьянского происхождения, только у Берии и Сумбатова за спиной неболевистское прошлое. Ни одного еврея, русских мало, костяк — кавказцы. То есть для Закавказья это были представители коренной национальности (правда, Кобуловы — армяне в Грузии). Это был преобразованный «по новым стандартам» клан, но все-таки клан.

¹ *Мамулов Степан Соломонович* (1902 г. р., армянин, отец владелец лавки, в партии с 1921 г., пришел с партийной работы) с 3 января стал заместителем начальника секретариата, затем начальник секретариата наркомата, сменил Шарию, который стал начальником Особого бюро при НКВД.

² *Саджая Алексей Николаевич* (1898 г.р., грузин, из крестьянской семьи, в партии с 1919г., в ВЧК с 1921г.) назначен наркомом в Узбекистан вместо Хворостяна.

³ *Каранадзе Григорий Теофилович* (1902 г. р., грузин, из крестьянской семьи, в партии с 1925 г., в ГПУ с 1930 г., в 1931—1938 гг. на парт. работе) назначен наркомом в Крым.

Рассмотрим в связи с этим еще один аспект противостояния «кавказцев» и «северокавказцев». Думается, что для правильного понимания смысла назначения Берии надо вспомнить, в чем особенность репрессивной политики в Грузии.

Всего НКВД Грузинской ССР направил в центр 15 списков, в которых 3486 имен по 1-й категории и 185 по 2-й категории.

Получается, что по количеству расстрелянных по сталинским спискам Грузинская ССР занимает третье место после Москвы (Центр — 6297 и область еще 1015 человек) и Украинской ССР (4132 человека).

Проанализируем динамику репрессий в Грузии. Нельзя не обратить внимание на несколько обстоятельств. Чистка в Грузии начинается еще весной 1937 года, в период «левого поворота». Достигает она кульминации тогда же, когда и достигает кульминации деятельность центрального аппарата.

Если построить динамику осужденных по месяцам, то можно определить, что «пик» приходится на декабрь 1937 г., январь и февраль 1938 г. В начале января 1938 г. шкала достигает своего максимального значения — 616 человек (за 1 месяц!). В Москве только два раза шкала поднималась выше, на Украине — три.

Доля репрессированных в период «большой чистки» в Грузии по отношению к населению — 0,09 %.

В Москве и области — около 0,06 %, Украины — 0,01 %! Это значит, что, хоть у Грузии и не самое большое число пострадавших от «большой чистки», она получает **первое место по проценту репрессированного населения.**

Одна из важных причин размаха чистки в Грузии: в списках, направленных в Центр, много имен ответственных работников, давно уже не работавших в республике.

В списке 10 августа 1937 года упоминается Орахелашвили И.Д. (до 1931 г. первый секретарь Закавказского крайкома, а в 1936 г. — директор Института марксизма-ленинизма) и Элиава Ш.З. (до 1931 г. председатель СНК ЗСФСР, а в 1931—1936 гг. замнаркома внешней торговли), Лордкипанидзе Т.И., нарком НКВД в Крыму (до 1934 г. нарком НКВД ЗСФСР), Канделаки Д.В., торгпред в Берлине (см. ниже). В списке от 15 сентября 1937 года упоми-

нается Киладзе Давид Семенович. Он одно время был руководителем НКВД. Серго Берия даже утверждал, что «покушение на отца было подготовлено Ежовым в 1937 году. Ему оказывали поддержку его люди в Грузии, в частности руководитель грузинского ЧК Киладзе». В реальности Киладзе давно уже не служил в НКВД Грузии, а, видимо, из-за конфликта с Берией был переведен в НКВД.

Иными словами, НКВД Грузии занимался делами не только региональных, но и союзных политиков и ответственных работников (их дела расследовались НКВД СССР «по месту совершения преступления»). Это тоже отчасти объясняет размах деятельности этого ведомства. Об этом же постоянно говорили в наркомате. «Фриновский, например, мне очень часто говорил, вспоминал Ежов: «ну все кто работал когда-либо в Закавказье обязательно пройдут по каким-либо показаниям в Грузии, липуют там дела» [86, с. 358].

Общее количество расстрелянных в СССР по расстрельным спискам в 1937—1938 годах составляет около 40 000 человек. Доля Грузии в этом — приблизительно 8 %. Это меньше, чем доля Москвы и области (22 %) и Украины (10 %), но это все равно очень много. Для сравнения хочется добавить, что доля, например, Азербайджана и Армении, вместе взятых, — всего лишь 3 %.

Массовые операции в Грузии проходили относительно пассивно. В ходе кулацкой операции Политбюро утвердило лимиты на 8000 (из них 4500 по 1-й категории), что ниже средних цифр по стране. Более того, и кулацкую операцию Берия пытался использовать для расправ с ответственными работниками.

Еще 30 октября 1937 г. Берия направил Сталину письмо, в котором докладывал, что НКВД Грузии уже арестовало свыше 12 000 человек, из них осуждено 7374. Лимит в рамках кулацкой операции уже исчерпан: тройки уже осудили 5236 человек. То есть в тюрьме находятся почти 5000 заключенных, которые ждут суда. Причем арестованы они именно в рамках чистки, потому что ждут выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР» [56, с. 415]. Тюрьмы переполнены, в связи с чем Берия просит «разрешить передать на усмотрение Специальной тройки... дела на участников вскрытых НКВД СССР:

1) троцкистской террористической диверсионно-шпионской организации;

2) террористической диверсионно-шпионской организации правых» [56, с. 415].

Вообще-то их должна судить Москва. Но Берия просит права осудить их тройкой. А в чем разница? Он пишет, что все дело в сроках. Да — тройкой быстрее. Но главное — за расстрелянных тройкой он может не отчитываться по персональному составу. Если же отправлять дело на рассмотрение ВКВС, то они должны пройти утверждение Политбюро — сталинские расстрельные списки. А если ему не надо предъявлять Сталину эти имена? Тройкой — спокойнее. Понимая ситуацию, Берия дальше пишет: «Если положительное решение вопроса о передаче этих категорий на рассмотрение Специальной тройки будет сочтено неприемлемым, просим разрешить создать Специальную коллегия из состава Верховного суда Грузинской ССР для рассмотрения этих дел». То есть все равно — не надо тревожить Москву этими именами — сами все решим, без Москвы! У нас нет данных о том, было ли утверждено это предложение Берии. Скорее всего, было, но дело не в этом. Этот случай показывает направление политики Берии и Гоглидзе. В 1937—1938 гг. их интересовала прежде все чистка, а не «массовые операции».

На Лубянке отлично понимали, что делает Берия. Фриновский постоянно указывал Ежову на то, что «подозрительно, что т. Берия хочет уничтожить всех чекистов, когда-либо работавших в Грузии. Говорил, что все свое самое близкое окружение т. Берия перестрелял» [86, с. 359].

Иными словами, Берия в 1938 году осуществлял иной вариант репрессивной политики. Если «ежовцы» и «северокавказцы» сосредоточились на «массовых операциях», то «кавказцы» Берии — на проведении чистки. Не в этом ли причина успеха Берии в Москве в 1938—1939 гг.?

ШКОЛА ЕВДОКИМОВА

Чтобы разобраться в событиях, начнем с истории формирования клана «северокавказцев». В его центре стоит известный чекист и партийный деятель Ефим Георгиевич

Евдокимов. Родился в 1891 г., в Семиреченской области, русский, сын путевого обходчика. В революционном движении с 16 лет, сначала вступил в ППС, затем анархо-синдикалист. Три ареста, побег, тюрьма, высылка. Освободила его Февральская революция, в 1917 году служил в армии. Как и многие анархисты — участник октябрьских событий в Москве, затем работал в Московской ЧК. В партию большевиков вступил в апреле 1918 года.

В июне — декабре 1919 г. Евдокимов начальник Особого отдела Московской ЧК. Руководил арестами и следствием по делу Штаба Добровольческой армии Московского района — конспиративной офицерской организации.

В январе 1920 г. начальник секретно-политической части Особого отдела ВЧК, сначала Южного, а после начала войны с Польшей Юго-Западного фронта. Спустя год — начальник секретно-оперативной части Всеукраинской ЧК при СНК Украинской ССР, начальник Особого отдела Всеукраинской ЧК. С июня 1922 г. полномочный представитель ГПУ при СНК Украинской ССР по Правобережной Украине.

Для нас сейчас важно и интересно, что Евдокимов никогда не был «старым большевиком». Он, видимо, не гордился своим партийным стажем, не был связан общей идейной борьбой с меньшевиками. «Своими» для него были чекисты, которые шли рядом с ним через Гражданскую войну.

С 1919 года с ним служил Михаил Петрович Фриновский. Русский, родился в 1898 г. в Пензенской губ. Отец — учитель. Дальше крайне интересно — духовное училище и 1-й класс Пензенской духовной семинарии в 1916 г. Но «труба зовет», в 1916 г. — вольноопределяющийся, унтер-офицер конного полка, затем дезертировал, был связан с анархистами, участвовал в терактах, преследовался властями, участник июльского восстания в Москве 1917 г., ранен в октябрьских боях в Москве, с 1918 года — большевик и с 1919 г. в ВЧК. Участвовал в ликвидации Национального центра, захвате базы анархистов в Краскове (это после взрыва анархистами МГК РКП(б). Начальник ОО Галицийской армии, начальник оперативного отдела СОЧ

ВУЧК, начальник ОАЧ, секретарь ПП ГПУ УССР на Правобережной Украине.

В контрразведывательном отделе ВУЧК служили в это время Николаев-Журид Николай Галактионович и Курский Владимир Михайлович. Чекистами Николаевской и Херсонской губерний в 1920 году руководили Дагин Израиль Яковлевич и Антонов-Грицюк.

С 1923 г. Евдокимов на Северном Кавказе, и вся эта группа чекистов (Вейншток, Николаев-Журид, Курский, Антонов-Грицюк, Дагин и др.) едет с ним.

Под руководством Евдокимова формируется группа северокавказских чекистов: «Евдокимов создал там (на Северном Кавказе. — Л. Н.) такие преданные кадры, которые до сих пор к нему относятся с уважением и во всем его слушаются» [50, с. 209].

Именно в это время в группу вошли Миронов Сергей Наумович, Дейч Яков Абрамович, Рудь Петр Гаврилович...

В 1925—1926 гг. «северокавказцы» под руководством Евдокимова проводят боевые операции по разоружению повстанческих отрядов (банд?) в Чечне и Дагестане.

«Надо иметь в виду, что он (Евдокимов. — Л. Н.) был единственным работником ОГПУ, награжденным четырьмя орденами боевого Красного Знамени¹, и, несмотря на ягодиные интриги, его авторитет как героя Гражданской войны был очень велик. Кроме того, его поддерживали Ворошилов, Микоян и ряд других членов ЦК...» — вспоминал Шрейдер [39, с. 16—17].

Как можно понять, Евдокимов был один из наиболее последовательных сторонников «боевизации» органов: «В тесном смысле слова «боевизация», т.е. наиболее допустимое приближение наших органов к организации типа частей Красной Армии, что в значительной степени объяснило бы переход органов ОГПУ на боевую обстановку в период войны, а **войска готовятся к тому, чтобы в случае внутренних волнений они были той ударной единицей, посредством которой в случае осложнений возможно бы-**

¹ Имеется в виду 1931 г. Первый он получил в 1920 г., второй в 1923 г., третий — в 1927 г., после ликвидации повстанческого движения («разоружения») в Чечне и Дагестане.

ло бы подавить восстание даже в рядах вооруженной Красной Армии (выделено мной. — Л. Н.), так и в случае войны и в особенности военных неудач не исключена возможность перенесения такой вовнутрь страны с формами чисто гражданскими» [87, С. 257 — 257]. Евдокимов написал это в 1927 г., и кажется, что спустя 10 лет программа оставалась в силе.

Кроме того, чекисты пытались решать и политические вопросы. В 1922—1927 годах в Донбассе почти ежегодно проходили забастовки. Особенно острым был конфликт в 1927 году, о котором мы знаем по закрытому письму в ЦК заместителя секретаря окружкома Кравцова. В этом документе сообщается о росте недовольства в рабочей среде из-за введения новых, повышенных норм и пониженных расценок по новому коллективному договору, в результате которого реальная зарплата упала практически вдвое. По мнению рабочих, в этом виновны старые специалисты-инженеры. Именно в это время чекистам и приходит в голову мысль организовать недовольство рабочих в нужном направлении. Появляется «Шахтинское дело», в рождении которого Евдокимов играет чуть ли не ключевую роль. Официально называлось «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе». Обвиняемым вменялась в вину «вредительская деятельность», создание подпольной организации, установление конспиративной связи с московскими вредителями и с зарубежными антисоветскими центрами. Дело было передано в суд, пять человек расстреляли, четыре были оправданы, остальные получили разные сроки от года до 10 лет.

Как можно понять, Сталин был доволен инициативой северокавказских коммунистов. Начинались процессы против старой интеллигенции: дело Промпартии, союзного бюро меньшевиков, Крестьянской трудовой партии и др. В 1929 г. Евдокимова переводят в Москву начальником СОУ ОГПУ.

Сталин пишет специальное письмо Менжинскому, в котором, в частности, указывает: «Слышал, что Евдокимов переводится в Москву на секретно-оперативную работу (кажется вместо Дерibasа). Не следует ли одновременно

провести его членом Коллегии? Мне кажется, что следует. *И. Сталин*».

Сам Евдокимов считал, что «ЦК предлагает ему наладить оперативную работу ОГПУ». Почему у Сталина сложилось мнение, что она «плохо налажена»?

Возможно, играл роль скандал с «беспринципным блоком». Шрейдер рассказывает, что «в конце 1928-го или начале 1929 года Московским комитетом партии было вскрыто дело так называемого «беспринципного блока» в Сокольническом районе, в котором оказались замешаны Ягода, Дерибас и Трилиссер, а также секретарь Сокольнического РК ВКП(б) Гибер... втянутый... Погребинским и Фриновским (оба они в то время были помощниками начальника особого отдела Московского военного округа) в пьяные компании, собиравшиеся на частных квартирах, где, как рассказывали, в присутствии посторонних женщин за блинами и водкой решались важные организационные вопросы, включая расстановку кадров... Под давлением партийной общественности Ягода тогда был вынужден убрать из центрального аппарата своих любимцев, Фриновского и Погребинского, и отправил их на периферию полномочными представителями ОГПУ — Фриновского в Азербайджан, а Погребинского в Башкирию» [39, с. 10]. Как раз в это время Фриновский встретился с Евдокимовым в Москве и пожаловался, что «попал в правые на практике».

Актуальной политической проблемой в это время была коллективизация. «Я спросил ЕВДОКИМОВА, — вспомнил Фриновский, — как у вас на Северном Кавказе идут дела? Он говорит: «Дела сложны, колхозы в казачьих и национальных районах прививаются туго, сопротивление идет большое», и он выразился так: «Черт его знает, выйдет ли из этого дела что-нибудь?»... За время нахождения ЕВДОКИМОВА в Москве, а потом уже после его переезда в Москву у меня с ним было несколько встреч. В процессе этих встреч ЕВДОКИМОВ говорил, что ЦК допускает много безобразий в деревне и «черт его знает, к чему все это приведет».

На первый взгляд может показаться, что сомнения в коллективизации приписаны следствием, но если мы обра-

тимся к документам 1929— 1930 гг., то выясним, что докладные, которые он писал Сталину, были исключительно резкие по политическому содержанию, и, видимо, отражают настроения Евдокимова: «Материалы, поступающие с мест, приводят многочисленные факты извращений, перегибов со стороны части низового соваппарата и местных бригад при проведении практических мероприятий посевкампаний, коллективизации, раскулачиванию... Почти везде отмечаются факты подведения середняков и даже бедняков, в отдельных случаях быв. красных партизан, под категорию раскулачиваемых; фиксируются местами факты исключительно грубого обращения с населением со стороны работников низового аппарата; регистрируются много фактов мародерства и дележки имущества раскулачиваемых, а также аресты середняков за невнос семзерна; угрозы арестом и выселения за неуступление в колхоз и проч.»... «Сведения о злоупотреблениях, несмотря на принимаемые меры облпарт-организациями, продолжают поступать и до настоящего времени из большинства районов и местами количественно увеличиваются». Так начинается записка Евдокимова Сталину 7 марта 1930 г.

В то же время у Фриновского состоялась «следующая встреча с ЕВДОКИМОВЫМ... когда он объезжал районы, в которых проводились операции по борьбе с повстанчеством. После официальных разговоров я имел с ЕВДОКИМОВЫМ интимную беседу, во время которой он мне говорил, что вооруженным путем, как думает ЦК, колхозов не создашь... обстановка очень сложна и в центральной России. Может так получиться, говорил ЕВДОКИМОВ, что кулака-то мы разорим и физически уничтожим, а осложнений у нас в стране может быть много и хозяйства в деревне партия не создаст... На этом разговор с ним и кончился. Пробыв несколько дней, ЕВДОКИМОВ уехал».

Именно в это время он направил еще одну записку Сталину о ситуации в деревне (на этот раз в Сибири): «Массовые перегибы и извращения в ходе коллективизации и раскулачивания... приняли угрожающие размеры. Непрерывающиеся извращения вызывают серьезные колебания в настроении середнячко-бедняцких масс, что создает благоприятную почву для развертывания кулацкой к.р. агита-

ции и для распространения кулацкого влияния на часть середняков и даже бедноты. В результате по Сибири не прекращаются (имея тенденции к росту) массовые выступления, возглавляемые кулацкой к.р. и перерастающие в банд. движение».

В сентябре 1930 года Фриновского направили для подавления повстанческого движения в Азербайджан, и в этом году у него состоялась «встреча... в кабинете у ЕВДОКИМОВА. Я спрашивал его указаний. Наряду с оперативно-служебными указаниями он заявил мне, что в успех начавшейся операции по ликвидации кулачества как класса он — ЕВДОКИМОВ, хотя на него и возложено проведение этой операции по СССР, — не верит. В целесообразность проводимой по решению Центрального Комитета операции он также не верит, считая, что это может привести к обнищанию деревни и деградации сельского хозяйства».

Может быть, записки Евдокимова сыграли не последнюю роль в появлении известной статьи Сталина «Головокружение от успехов». Так или иначе, похоже, что показания Фриновского на следствии в 1939 году, что Евдокимов одно время сочувствовал правым, не выдуманы.

Отношения Евдокимова с Ягодой были непростые. В 1931 году чекистами Центра и Украины было вскрыто так называемое дело «Весна», арестовано около трех тысяч офицеров РККА, прежде всего бывших царских офицеров. Эта операция вызвала резкую критику со стороны части чекистов. «Году в 1931-м или 1932-м заместитель председателя ОГПУ Мессинг, начальник административного отдела Воронцов, начальник особого отдела Ольский, полпред ОГПУ по Московской области Вельский, начальник секретно-оперативного управления Евдокимов и кто-то еще подали заявление в ЦК ВКП(б) с жалобой на Ягоду, ориентирующего периферийные органы на создание «раздутых» дел (насколько я слышал, речь шла об Украине, Ростове-на-Дону, Северном Кавказе и Закавказье), где были арестованы значительные группы бывших офицеров и прочих контрреволюционно настроенных элементов без достаточных оснований и конкретных обвинений. Вместо тщательной проверки материалов обвинения Ягода поспешил доложить в ЦК о раскрытии «заговоров» и т.п. Заяв-

ление группы руководящих работников ОГПУ слушалось на заседании Политбюро, и, как мне потом рассказывал Л.Н. Бельский, Сталин, выслушав его, сказал примерно следующее: «Мы никому не позволим позорить наши органы и клеветать на них. Люди, подписавшие это заявление, — склочники, и их пребывание в ОГПУ может принести только вред, так как они не смогут вести должной борьбы с вредителями». Поздно ночью в тот же день Вельский и другие жалобщики получили пакеты с выписками из решения Политбюро об их откомандировании из ОГПУ в другие наркоматы. Вельский, Ольский и Воронцов были направлены на работу в Наркомпищепром. Мессинг, по словам его жены, чуть ли не год оставался без назначения. Один Евдокимов, кажется, остался в органах» [39, с. 13—14].

Мемуары Шредера довольно точно восстанавливают события тех дней. В письме Сталина от 10 августа 1931 г. руководителям региональных партийных организаций написано: «т.т. Мессинг и Бельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника Секретно-Оперативного управления с направлением его в Туркестан на должность ПП (полномочного представителя. — Л. Н.) на том основании, что:

а) эти товарищи вели в руководстве ОГПУ совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ; б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом; в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ» [66, с. 280].

Орлов сообщает, что Сталин хотел назначить Евдокимова начальником УНКВД в Ленинград, но Киров воспротивился, и в Ленинграде остался Ф. Медведь. Действительно, есть решение ПБ ЦК ВКП(б) от 25.07.1931 направить Балицкого на работу в Москву, Реденса на Украину, Медведя в Белоруссию, а Евдокимова в Ленинград. Но уже 5 августа было принято решение «назначить ПП ОГПУ в Средней Азии т. Евдокимова, дав ему специальное поручение разоружения банд в Таджикистане, прежде всего в Туркмении (так в тексте. — Л.Н.)» [67, с. 281].

В 1931—1932 гг. Евдокимов в Средней Азии. «Это назначение я рассматривал как незаслуженное наказание» [50, с. 211], — вспоминал Евдокимов.

Опала была, видимо, серьезным психологическим испытанием для Евдокимова. Некоторые из его сторонников отвернулись от своего патрона. Евдокимов рассказывал на следствии, что «в 1931 году при моей переброске в Среднюю Азию, Вейншток лично, по указанию Ягоды, выселял мою семью из квартиры, и у нас с ним после этого личного контакта не было» [50, с. 276]. Другие сохранили верность — во время командировки его сопровождали Попащенко и Кальнинг.

Операции в Средней Азии принесли Евдокимову еще два ордена боевого Красного Знамени — Таджикской и Туркменской ССР. В 1932 г. Евдокимова возвращают на Северный Кавказ. Первое путешествие в Москву закончилось неудачей — он поднялся довольно высоко, но не смог повалить Ягodu. Видимо, он вынес из этих трех лет большой опыт: неприязнь к Сталину, недоверие к политике партии и веру в силу органов, которые «могут все».

Так или иначе, в 1933 году Евдокимов снова встретился с Фриновским. Последнего назначили на высокий пост — начальника ГУПВО (Главного управления пограничных и внутренних войск). «Вскоре после назначения меня начальником ГУПВО ОГПУ и приезда в Москву, я встретился с ЕВДОКИМОВЫМ у него на квартире. Он приехал из Ростова. Вроде бы сомнения в политике Сталина у Евдокимова сохранились: «Подожди, колхозы-то начали существовать, но это только начало, а что будет дальше — неизвестно...» Дальше ЕВДОКИМОВ спросил: «Ты ГУПВО принял или нет?» После моего утвердительного ответа он сказал: «Тебе надо было бы заинтересоваться как следует вопросами войск. **Войска будут играть большую роль в случае каких-либо осложнений внутри страны, и ты должен прибрать войска к своим рукам**». Здесь, мне кажется, уместно вспомнить мысли Евдокимова 1927 года о том, что войска будут нужны в условиях возможного политического кризиса, что и произошло весной 1937 года.

Со своей стороны Ефим Григорьевич продолжал сплачивать вокруг себя кадры чекистов. В 1934 году «он гово-

рил о том, что он имеет ряд людей внутри аппарата ГПУ, и назвал РУДЯ, ДАГИНА, РАЕВА, КУРСКОГО, ДЕМЕНТЬЕВА, ГОРБАЧА и других». Кроме того, он активно наращивал свой политический вес. В 1934 году Евдокимов переведен на партийную работу, стал первым секретарем Северо-Кавказского края и избран в ЦК. Поэтому он активно искал контакты в ЦК: «В одну из встреч в 1935 году ЕВДОКИМОВ... рассказал о его связях с ХАТАЕВИЧЕМ... с ЭЙХЕ, о части ленинградской группы — ЧУДОВЕ, ЖУКОВЕ, причем тут же меня предупредил — иметь в виду с ними не особенно встречаться, потому что ленинградцы пьянствуют и вообще в ЦК слывут как люди подмоченные, разложившиеся на почве пьянства».

Руководителем ОГПУ края стал его заместитель Дагин. Удобный тандем. Причем Евдокимов стал сразу делать попытки протолкнуть своего помощника в Москву: «В этот же его приезд ЕВДОКИМОВ говорил: нельзя ли как-нибудь, через ЯГОДУ, протянуть ДАГИНА на оперативный отдел».

Подведем итог: к осени 1936 года Евдокимов имел определенное политическое лицо. «Силовик» и верил прежде всего в мощь военизированных структур. Кроме того, он отчетливо представляет себе то море ненависти, которое живет в крестьянстве. Он ненавидит Ягоду и считает его «липачом». Наверное, не очень доверяет Сталину — «незаслуженная опала». За Евдокимовым стоит сильная группа чекистов, самым влиятельным из которых был Фриновский.

«СЕВЕРОКАВКАЗЦЫ» В 1936—1938 гг.

В августе 1936 г. Сталин разочаровался в Ягоде и назначил новым наркомом Ежова. Одним из его ближайших помощников стал старый друг Евдокимова — Фриновский: «Вскоре после вступления в должность заместителя наркома ЕЖОВ начал меня приближать к себе, выделять из остальных замов, вести со мной более откровенные разговоры в оценке других замов, высказывать некоторое недовольство АГРАНОВЫМ. Перед распределением обязанностей между замами, помимо того, что я продолжал быть началь-

ником ГУПВО, ЕЖОВ предложил мне интересоваться и оперативными вопросами»...

28 ноября 1936 года «северокавказец» **Курский** назначен начальником СПО (переведен с поста нач. НКВД Западной Сибири). Кроме того, в тот же день был реорганизован оперативный отдел, из его состава выделили отдел охраны и оставили его за Паукером, а начальником оперотдела был назначен еще один «северокавказский чекист» **Николаев-Журид**. И это было только начало.

В феврале 1937 года Ежов прямо предложил Фриновскому опереться на «северокавказцев»: «Вот, например, **ЕВДОКИМОВ** говорил тебе о людях, и я знаю кое-кого. Нужно будет их в первую очередь потянуть в центральный аппарат. Вообще нужно присматриваться к способным людям и с деловой точки зрения из числа уже работающих в центральном аппарате, как-нибудь их приблизить к себе и потом вербовать, потому что без этих людей нам работу строить нельзя, нужно же ЦК каким-то образом работу показывать».

Перемещения в центре вызвали перемещения и на периферии. Когда **Курского** перевели в Москву из Зап. Сибири, вместо него из Днепропетровска поставили «северокавказца» **С.Н. Миронова**.

9 января «северокавказец» **Попашенко** был переведен с поста заместителя начальника УНКВД в Ростове (Люшкова) начальником УНКВД Куйбышевской области.

4 апреля застрелился **Погребинский**¹. Накануне самоубийства **Погребинский** оставил письмо, адресованное Сталину. Письмо, прежде чем попасть в Кремль, прошло через руки нескольких видных сотрудников НКВД. **Погребинский** писал в нем: «Одной рукой я превращал уголовников в честнейших людей, а другой был вынужден, подчиняясь партийной дисциплине, навешивать ярлык уголовников на благороднейших революционных деятелей нашей страны...» **Фактически он солидаризируется с**

¹ «В тот же день в Горьком застрелился начальник Горьковского УНКВД Матвей Погребинский. Рассказывали, что он проводил оперативное совещание, во время которого было получено и оглашено сообщение об аресте Ягоды. Узнав об этом, Погребинский вышел в туалет и там застрелился», — вспоминал Шрейдер.

обвинениями троцкистов в адрес Сталина. Вместо него в Горький перевели Дагина. В Орджоникидзе вместо него начальником управления стал начальник третьего отдела края Буллах.

«Когда Ежов получил указание свыше об аресте Ягоды и надо было направить кого-нибудь для выполнения этого приказа, первым вызвался Фриновский, с готовностью выкрикнувший: «Я пойду!» Фриновский не только возглавил группу работников, ходивших арестовывать Ягоду и производить обыск в его квартире, но рассказывали, что он первым бросился избивать своего бывшего покровителя», — вспоминал Шрейдер. В воспоминаниях Мироновой есть аналогичный эпизод, но с Евдокимовым: «И рассказывает вот такую историю. Ягода не соглашался дать нужные показания. Об этом доложили Сталину. Сталин спросил: — А кто его допрашивает? Ему сказали. Сталин усмехнулся, пососал трубку, прищурил глаза: — А вы, — говорит, — поручите это Евдокимову.

Евдокимов тогда уже никакого отношения к допросам не имел, он уже в НКВД не работал. Сталин его сделал членом ЦК, первым секретарем Ростовского обкома партии. Его разыскали, вызвали. Он выпил стакан водки, сел за стол, засучил рукава, растопырил локти — дядька здоровый, кулачища во! Ввели Ягоду, — руки за спину, штаны сваливаются (пуговицы, разумеется, спороты). Когда Ягода вошел и увидел Евдокимова за столом, он отпрянул, понял все. А Евдокимов: — Ну, международный шпион, не признаешься? — И в ухо ему... Сталин очень потешался, когда ему это рассказали, смехом так и залился...» [40, с. 102—103]

«Примерно в 1937 году, после ареста ЯГОДЫ, он (Ежов. — Л. Н.) начал со мною вести разговоры в отношении возможного моего назначения первым заместителем Наркома».

Эти показания Фриновский давал на следствии в апреле 1939 года, но он не говорит, что Евдокимов приезжал в Москву в феврале 1937 г. на пленум партии и выступал с рассказом о разоблачении врагов в Азово-Черноморском крае — почему-то не упоминает о своих встречах с Евдокимовым, которые, конечно, должны были быть. А ведь и

февральско-мартовский и июньский 1937 года ключевые пленумы. На них был нанесен открытый удар по старому курсу на «примирение», что привело к росту влияния НКВД. И что — Евдокимов с Фриновским не разговаривали об этом? Или разговаривали, но Фриновский об этом молчит, потому что эти разговоры противоречат его версии на следствии: «Стал я преступником из-за слепого доверия авторитетам своих руководителей ЯГОДЫ, ЕВДОКИМОВА и ЕЖОВА». Вот так — «сам я политически безграмотный и просто выполнял их приказы». Так ли это?

«После ареста ПАУКЕРА ЕЖОВ поставил вопрос о подборе начальника первого отдела и сам же предложил КУРСКОГО, который был назначен на должность начальника 1-го отдела».

Во второй половине апреля Евдокимов снова был в Москве и встречался с Фриновским. Тот рассказал ему о стремлении Ежова опереться на «северокавказцев»: «ЕВДОКИМОВ тогда сразу перешел к первому отделу, говоря, что КУРСКОГО неудачно назначили на первый отдел, хотя этот человек и наш, говорил он, но он неврастеник и трусоват; я тебе говорил, что ДАГИНА надо было назначить. Я рассказал ему о настроениях КУРСКОГО уже в процессе работы, что он всячески хочет освободиться от должности начальника 1-го отдела. ЕВДОКИМОВ предложил воспользоваться этими настроениями и во что бы то ни стало назначить на место КУРСКОГО ДАГИНА». Похоже, Евдокимов хорошо представлял своих бывших соратников. В начале июля Курский застрелился. Причины этого не ясны. Шрейдер вспоминает: «Рассказывали, что Курский оставил письмо в адрес ЦК, в котором писал, что не может согласиться с применением на следствиях избиений и пыток и поэтому кончает с собой». По другим источникам, Сталин в начале июля предложил Курскому в перспективе занять пост наркома внутренних дел СССР, после чего тот застрелился.

В эту же встречу с Фриновским Евдокимов говорил: «При вас тоже будет продолжаться ягодинская линия; будем сами себя истреблять. Доколь это будет продолжаться?» Это, мне кажется, очень типичное высказывание для Евдокимова: «будем сами себя истреблять». Только надо

правильно понять, кто для него «мы» и «свои». Убежден, что Евдокимов таковыми считает не коммунистов, не советский аппарат, а именно чекистов, и в первую очередь «северокавказцев». И Фриновский его отлично понимает, поэтому отвечает: «Я рассказал о состоявшемся разговоре с ЕЖОВЫМ и указал, что мы принимаем сейчас меры, елико возможно, сохранять кадры». Какие «кадры сохранять»? Конечно, чекистские.

Фриновский, естественно, доложил Ежову о встрече с Евдокимовым и, естественно, получил выговор: «ЕЖОВ сказал — это хорошо, что ты мне рассказываешь, но зря ты ЕВДОКИМОВУ рассказываешь о том, что мы с тобой говорили, давай лучше условимся так — ты будешь говорить ЕВДОКИМОВУ только то, что я тебе скажу».

Далее в рассказах Фриновского странным образом пропущен еще один приезд Евдокимова в Москву на июньский пленум 1937 года. А ведь именно тогда развернулась чистка партийного аппарата и начались массовые операции.

Рассказывает Фриновский только о встрече с Ежовым и Евдокимовым уже «после октябрьского пленума ЦК ... на даче у ЕЖОВА. Причем разговор начал ЕВДОКИМОВ, который, обращаясь к ЕЖОВУ, спросил: «Что-то у тебя не так получается, обещал выправить ягодинское положение, а дело все больше углубляется и теперь подходит вплотную к нам. Видно, неладно руководишь делом». ЕЖОВ сперва молчал, а потом заявил, что «действительно обстановка тяжелая, вот сейчас принимаем меры к тому, чтобы сократить размах операций, но, видимо, с головкой правых придется расправиться». ЕВДОКИМОВ ругался, плевался и говорил: «Нельзя ли мне пойти в НКВД, я окажу помощи больше, чем другие». ЕЖОВ говорит: «Было бы хорошо, но ЦК едва ли пойдет на то, чтобы тебя передать в НКВД».

Именно в это время у Евдокимова начались трудности в Ростове. Руководителем УНКВД с лета 1937 года был «северокавказец» Дейч. Но он с 30-х годов в Москве и оторвался от влияния патрона. Осенью 1937 г. в Ростов был направлен вторым секретарем Борис Аркадьевич Двинский. До этого Двинский служил заместителем начальника секретного отдела ЦК Поскребышева. Возможно, ему была

поставлена задача «присматривать» за Евдокимовым и готовить ему смену. Оказавшись между двух сил, Дейч начал собирать компромат на Евдокимова. Так, он доложил Сталину о том, что «враги пытались сорвать празднование 20-летия Октябрьской революции» в Ростове. Рабочим была своевременно не выплачена заработная плата, кроме того, начались перебои с поставками товаров. Сталин оставил резолюцию: «В Ростовской области неблагополучно».

Евдокимов понимал, что это удар по его авторитету. В январе «после одного из заседаний пленума¹, вечером, на даче у ЕЖОВА были ЕВДОКИМОВ, я и ЕЖОВ, — вспоминал на следствии Фриновский. — Когда мы приехали туда, там был ЭЙХЕ, но ЭЙХЕ с нами никаких разговоров не вел. Что было до нашего приезда у ЕЖОВА с ЭЙХЕ — ЕЖОВ мне не говорил. После ужина ЭЙХЕ уехал, а мы остались и почти до утра разговаривали. ЕВДОКИМОВ, главным образом, напирал на то, что подбираются и под нас, в частности, он начал говорить о себе и выражал недовольство, почему ЕЖОВ направил к нему в край ДЕЙЧА, который подбирает на него материалы».

Очень показательный разговор. Во-первых, надо помнить, что именно на этом пленуме разбиралось дело Постышева, которого критиковали за «перегибы» в ходе чистки — разгром куйбышевской партийной организации. Вскоре Постышева арестовали. Очень показательный и состав совещающихся на даче Ежова членов ЦК: Ежов, Евдокимов, Эйхе — «чистильщики». Во-вторых, показательна фраза Евдокимова «подбираются и под нас». Кто же это «подбирается», если здесь на даче сидят Ежов и Фриновский? Кто обладает такой властью и полномочиями? Сталин?

В принципе тревога Евдокимова объяснима: на пленуме принято решение заканчивать чистку. И у «северокавказцев» должен возникнуть вопрос — какова будет судьба тех, кто реализовал замысел Сталина и при этом добился стремительного карьерного взлета. Ежов, может быть, запре-

¹ Фриновский не уточняет, о каком пленуме идет речь, но так как события происходят после его возвращения из Монголии, где он был в ноябре 1937-го, то ясно, что о январском 1938 года.

щал себе сомневаться в том, что Сталин может решить от него избавиться, но у Евдокимова не было такой искренней преданности к вождю, да и у Фриновского тоже.

С другой стороны, следует заметить, что ощущение тревоги, которое проходит через показания Фриновского, кажется, совершенно не характерно для реального самочувствия заместителя наркома в это время. А. Миронова-Король в воспоминаниях довольно подробно описывает смену настроений и своего мужа, и его руководителей.

В августе 1937 года в Новосибирск приехал Фриновский. «Но как он изменился! — вспоминает Миронова. — Если в Эйхе появилось что-то заискивающее, лебезящее, то Фриновский — наоборот, лоснится, самоуверен, самодоволен, еще бы: второй человек после Ежова, а выше Ежова тогда во всей стране никого, кроме Сталина, не было. Сережу увидел, самодовольно улыбнулся, покровительственно похлопал по плечу, мол, его, Фриновского, ставленник, этот не подведет! На Эйхе едва взглянул» [40, с. 95].

Миронова назначили полпредом в Монголию: «Удача опять возносила Мирошу (С. Миронов-Король. — Л.Н.) — и какая! Вырваться из тисков страха, и не как-нибудь, а взмыть вверх. Ответственная политическая задача — полпредом в Монголию в острый момент международной политики! Это ли не удача? Это ли не доверие, доверие в то время, когда хватали кругом одного за другим?

Еще как только повеяло повышением, Мироша заметно приободрился, а тут сразу вернулись к нему былая его самоуверенность, его гордая осанка, его азартная решимость, его честолюбие. Глаза сразу стали другие — залучились огоньками успеха, словно вернулись молодость, «настоящие дела», борьба с контрреволюцией, ростовские времена» [40, с. 96].

Осенью 1937 года Фриновский был в Монголии с Мироновым. Они организовывали «чекистское сопровождение» ввода в МНР советских войск и чистки монгольской номенклатуры. «Вечером у нас Фриновский с Мирошей старые дела вспоминают — Северный Кавказ, то, се. ...глаза блестят, опьянены оба властью, которая им здесь дана, делами, которые вершат» [40, с. 99].

Весной 1938 года Миронова перевели в Москву началь-

ником отдела НКВД. На вокзале он встретил жену: «Удивлена? Не удивляйся. Я теперь замнаркома иностранных дел по Дальнему Востоку! Да ты внимательно посмотри!.. Смотрю — на груди орден Ленина. А глаза блестят, я хорошо знала этот блеск успеха. Так страшные качели еще раз вознесли Мирошу» [40, С. 107]. Вообще-то орден Ленина Миронов получил раньше, но нам сейчас важны эмоции, которые переживали «северокавказцы» в начале 1938 г.

Лето 1938 года: «Шли аресты. Конечно, мы об этом знали. В нашем Доме правительства ночи не проходило, чтобы кого-то не увезли. Но страх, который так остро подступил к нам в Новосибирске, тут словно дал нам передышку. Не то чтобы исчез совсем, но — ослаб, отошел... Ежов и Фриновский были в силе, и их ставленников аресты пока не касались. Уж очень нам хорошо жилось! Мироше нравились его новые обязанности».

С точки зрения А. Мирновой-Король, моменты колебания и страха были характерны только для первой половины 1937 года, когда чистка в аппарате НКВД начиналась и никто не знал сценария событий, и потом уже второй раз описание страха ареста приходится уже на конец 1938 г.

На рубеже 1936—1937 годов Миронов сомневается в целесообразности чистки, подозревает, что «Кемеровское дело» — «липа». Он остро конфликтует со ставленником Ежова — Успенским: «Сережа говорил, что это не человек, а слизь. Он имел в виду не мягкотелость, которой у Успенского и капли не было, а беспринципность, неустойчивость, карьеризм и всякое другое в том же духе» [40, с. 86] и даже добивается его перевода в другой регион. В результате он начинает бояться, что окажется жертвой репрессий. Жена вспоминает очень характерный эпизод из жизни в Новосибирске, когда Миронов руководил УНКВД Западно-Сибирского края: «...Сережа тоже боялся. Как все у него напряжено внутри в страшном ожидании, я поняла не сразу. Но однажды... У него на работе был большой бильярд. Иногда, когда я приходила к Мироше и выдавался свободный час, мы с ним играли партию-две. И вот как-то играем. Был удар Сережи. И вдруг он остановился с кием в руках, побледнел... Я проследила его взгляд. В огромное окно

бильярдной видно: во двор шагом входят трое военных в фуражках с красными околышами.

— Мироша, что с тобой? — И тут же поняла. — Да это же смена караула.

И действительно, разводящий привел двух солдат сменить стражу в будке у ворот. Он просто зачем-то завел их во двор» [40, с. 92].

Страх руководителя НКВД понятен — именно на лето 1937 года приходится кульминация арестов региональных руководителей органов. Причем вызваны эти аресты в первую очередь сомнениями в целесообразности чистки. Именно страх подтолкнул Миронова на раскручивание маховика репрессий.

Вспомним рассказ жены С.Н. Миронова о событиях лета 1937 года, когда пришла информация об аресте наркома ТатАССР Рудя: «Приказ был об его аресте за то, что у него не выловлены враги народа — троцкисты и т.д., что у него было мало арестов. Ага, мало арестов, значит, не борешься? Значит, прикрываешь, укрываешь?» — так интерпретировал этот приказ Миронов и дал своим подчиненным установку: «Как бы у нас не получилось, как с Рудем... Нормы не выполняем. Все вон какие цифры дают!» «Нормы» и «цифры» — это стилистика кулацкой операции. А Рудя арестовали за то, что он мало арестовывал коммунистов (троцкистов), не был активен при проведении чистки. К слову сказать, в июле еще и не было «массовых операций».

«Оказывается, у него было секретное совещание, туда вызвали всех начальников края. Пришел тайный приказ об аресте Рудя». Скорее всего, это совещание 25 июля с инструктажем о начале кулацкой операции. Сохранилась стенограмма выступления Миронова на этом совещании. Послушаем, как он инструктирует подчиненных: «Лимит для первой операции 11 000 человек... Ну посадите 12 000, можно и 13 000 и даже 15 000, я даже вас не оговариваю этим количеством. Можно даже посадить по первой категории 20 000 человек. С тем, чтобы в дальнейшем отобрать то, что подходит к первой категории, и то, что из первой должно будет перейти во вторую. На первую категорию лимит дан 10 800. Повторяю, что можно посадить и 20 тыс.,

но с тем, чтобы из них отобрать то, что представляет наибольший интерес» [109, С. 83].

Сразу отметим: на самом деле лимит в 10 800 по 1-й категории был основан на запросе Миронова от 8 июля и утвержден решением Политбюро 9 июля 1937 года. Но в приказе от 30 июля лимит уменьшен до 5000 по 1-й категории и 12 000 по 2-й. Конечно, Миронов может не знать об изменении лимита, хотя, конечно, должен бы. Новые цифры ведь утверждались, как мы помним, на совещании 16 июля. Но, допустим, не знает еще и дает своим сотрудникам неправильные ориентиры. Интересно другое — он с самого начала ориентирует их на увеличение размаха арестов: «...я даже вас не оговариваю этим количеством. Можно даже посадить по первой категории 20 000 человек!» В реальности по первой категории уже к 5 октября (то есть через месяц после начала операции) было осуждено 6513 (а не 5000). Правда, на эти 1513 человек «приговора задержаны исполнением до получения дополнительного лимита» [109, с. 103]. Кроме того, по обнаруженному делу РОВС арестовали 9689 человек, из них успели приговорить по 1-й категории 6437 и по 2-й категории — 1610. Осуждение по делу РОВС производилось в ЗСК тоже тройкой (а не судом), но в лимиты их не включили. Всего за время проведения кулацкой операции западносибирские чекисты расстреляли 19 876 человек [109, с. 127]. Как раз вышли на установленные Мироновым ориентиры. И поставил перед ними такую задачу «сталинский пес» комиссар ГБ 3-го ранга Сергей Наумович Миронов именно потому, что боялся повторить «судьбу Рудя». Но, вспомним, боится Миронов после своих конфликтов с Успенским и сомнений в разумности чистки, Рудя арестовали за недостаточную активность в проведении чистки (не выловлены троцкисты), а Миронов — раскручивает «большой террор» — массовые операции.

История с Мироновым — иллюстрация того, как действуют чекисты.

В показаниях арестованных чекистов ясно прослеживается, что уже осенью 1937 года они отмечают изменение характера операции. «По массовым операциям в самом начале была спущена директива ЕЖОВА в полном соответст-

вии с решением правительства, и первые месяцы они протекали нормально... — говорил в 1939 году Фриновский. — Вскоре было установлено, что в ряде краев и областей, и особенно в Орджоникидзевском крае, были случаи убийства арестованных на допросах, и в последующем дела на них оформлялись через тройку как на приговоренных к расстрелу. К этому же периоду стали поступать данные о безобразиях и из других областей, в частности с Урала, Белоруссии, Оренбурга, Ленинграда и Украины».

Примерно те же показания давал и Ежов: «Первые результаты массовых операций... не только не создали недовольства карательной политикой советской власти среди масс, а наоборот вызвали большой политический подъем... Когда были исчерпаны в областях установленные для них так называемые «лимиты» по репрессии бывших кулаков, белогвардейцев, к.-р. духовенства и уголовников, мы — заговорщики и я, в частности, вновь поставили перед правительством вопрос о том, чтобы продлить массовые операции и увеличить количество репрессируемых...»

Иными словами — операция стала развиваться «ненормально» после того, как начались масштабные требования с мест об увеличении лимитов: в октябре — ноябре 1937 года (диаграмма № 32).

Как можно понять, страх, что операции идут не совсем так, как надо, впервые появился у Фриновского и Ежова уже во время октябрьского 1937 года пленума. «Вот сейчас принимаем меры к тому, чтобы сократить размах операций», — говорил Ежов Евдокимову. Как мы знаем, никакого сокращения операций не произошло, и даже наоборот.

Зачем и кому нужен был размах массовых операций? Фриновский и Ежов дают на этот вопрос несовпадающие ответы. Бывший нарком говорит о том, что таким образом «заговорщики провокационно пытались вызвать недовольство советских граждан политикой правительства». Но в показаниях Фриновского постоянно проходит и другая мысль. Рассказывая о том, как он, Евдокимов и Ежов вместе планировали политику, он вспоминает, что они «говорили о возможном сокращении операций, но, так как это было признано невозможным, договорились отвести удар от своих кадров и попытаться направить его по честным

кадрам»... То есть репрессии должны были продемонстрировать лояльность чекистов Сталину, усыпить его подозрительность и отвлечь от намерений ликвидировать самих «чистильщиков»: «Принятое ЕЖОВЫМ, мною и ЕВДОКИМОВЫМ решение о невозможности приостановить и отвести удар от своих — антисоветских повстанческих кадров и необходимости перенести удар на честные, преданные родине и партии, кадры практически нашло свое выражение в преступном проведении карательной политики».

Так, Ежов рассказывает, как они с Евдокимовым, напуганные возможной подозрительностью Сталина по отношению к ним после бегства Люшкова, организовали новый виток репрессий на Дальнем Востоке (см. выше). По сути, они повторяют тот же прием, что и С.Н. Миронов летом 1937 года в ЗСК. И это не частный случай, на самом деле, как мы помним, летом 1938 года в половине регионов страны делали попытку начать третий виток массовых операций.

Об этом же говорилось и в постановлении от 17 ноября 1938 г.: «враги народа... пробравшиеся в органы НКВД... сознательно извращали советские законы, проводили массовые необоснованные аресты, в то же время спасая от ареста своих сообщников, в особенности засевавших в органах НКВД» [67, с. 608].

Интересно, что в январе 1939 года был арестован С.Н. Миронов-Король и почти сразу он дал показания, что еще в июле 1937 года Фриновский в частной беседе сказал ему о намерении Ежова прийти к власти, опираясь на своих соратников в НКВД [82, с. 517]. Конечно, это можно было бы списать на фантазии бериевских следователей. Но вот интересная деталь. Жена Миронова — Агнесса Миронова в своих мемуарах говорит практически то же самое: «Нам казалось, что Ежов поднялся даже выше Сталина» [33, с. 122]. Мысли эти, судя по тексту мемуаров, относятся где-то к середине 1938 г. А вот кто это «мы», у которых такие мысли? Судя по тексту мемуаров Мироновой, общалась она тогда только с членами своей семьи, с братом С. Миронова — разведчиком Давидом Королем и его семьей и с семьей Фриновских...

«Во время этого же пленума, — рассказывает Фриновский, — у меня была еще одна встреча с ЕВДОКИМОВЫМ.

Он все время нажимал на то, что надо Николая ЕЖОВА все время держать в руках, что «вы не можете справиться с этим делом, берете свои собственные кадры и расстреливаете». И здесь, конечно, речь шла прежде всего о чекистах. Верный своему представлению о «своих» и «чужих», Евдокимов не мог согласиться с ротацией в НКВД.

Именно в это время Шолохов пишет знаменитое письмо Сталину, в котором обвиняет Евдокимова в «предательстве»: «В обкоме и в областном УНКВД была и еще осталась недобитой мощная, сплоченная и дьявольски законспирированная группа врагов всех рангов, ставившая себе целью разгром большевистских кадров по краю». О как! И в обкоме, и в УНКВД? Всех рангов!

И что бы не было сомнений о том, кого имеет в виду, заканчивает письмо так: «И пусть... хорошенько присмотрятся к Евдокимову! Он хитер — эта старая, хромая лиса! Зубы съел на чекистской работе, и чтобы он не видел вражеской работы со всех сторон облепивших его Пивоварова, Кравцова, Шацкого, Ларина, Семякина, Шестовой, Лукина, Касилова и др.? Не верится, т. Сталин! Но если Евдокимов не враг, а просто глубокая шляпа, то неужто такой руководитель нужен нашей области, где крайне сложна политическая обстановка, где так много напаскудили враги». Старый и типичный ход: «враг» или «дурак». «Глупость или предательство». Но понятно, что Шолохов не верил, что Евдокимов «дурак» и не видит «врагов», и уж точно в это не верил Сталин.

Так или иначе, вскоре Ежов был назначен наркомом водного транспорта, а Евдокимов его заместителем.

Именно в этот момент Фриновский оказался фактически полновластным хозяином НКВД. Ежов потом писал Сталину, что месяц (с 7 апреля) он фактически не заходил в здание наркомата, но и потом до середины июня бывал крайне редко.

Ежов требовал от Фриновского продолжить чистку кадров в наркомате, но начальник ГУГБ под разными предлогами от этого уклонялся. Вообще, судя по воспоминаниям окружающих, был убежден в своей власти. Случайно ли?

«Вскоре ЕВДОКИМОВ был переведен на работу в Мо-

скву. Встречи у нас стали происходить чаще, как у ЕЖОВА непосредственно с ЕВДОКИМОВЫМ, так и нас троих.

По возвращении с Дальнего Востока (25 августа 1938 г. — Л.Н.) по просьбе ЕЖОВА я, не заезжая домой, поехал в Наркомат. Я ЕЖОВА вообще никогда в таком удрученном состоянии не видел. Он говорил: «Дело дрянь», — и сразу же перешел к вопросу о том, что БЕРИЯ назначен в НКВД вопреки его желанию». По другим показаниям, Фриновский был очень удивлен и считал, что заместителем наркома будет Литвин.

ЧТО ПЫТАЛСЯ НАЙТИ БЕРИЯ?

Ежов, вероятно, до последнего момента верил в то, что его преданность Сталину — некоторая гарантия безопасности, и, возможно, ничего не замышлял. Конечно, если сам Ежов не планировал нанести «превентивный удар», то теоретически мог планировать Фриновский. У него уже был опыт — весной 1937 г. он, опираясь на части НКВД, взял Москву под контроль и арестовал военных. Тогда он действовал по приказу Сталина, но он мог повторить эту операцию и без воли вождя.

«27–28 августа 1938 г. позвонил мне ЕВДОКИМОВ, — рассказывает начальник ГУГБ, — и попросил зайти к нему на квартиру. Весь наш разговор ЕВДОКИМОВ свел к тому, что, если есть какие-либо недоделки, по которым может начаться разворачиваться наше причастие к преступным делам, до приезда БЕРИЯ закончить». В частности, было принято решение расстрелять арестованного уже Заковского, чтобы он не мог быть допрошен Берией. Здесь надо иметь в виду, что точные причины ареста Заковского не ясны. Понятно, что весной 1938 г. в руководстве НКВД был «клановый» конфликт, но почему Сталин разочаровался в Заковском, ведь он ценил его высоко? Известно, что в Москве Заковский что-то болтал о Сталине (спяну?) и это могло стать причиной его падения [82]. Здесь самое время вспомнить, что, по мнению Орлова, о компромате на Сталина знали именно Фриновский и Заковский. Тогда становится понятно и то, что могло быть содержанием «болтов-

ни» и почему Заковского надо было ликвидировать до появления на Лубянке Берии.

Как только Берия приступил к обязанностям заместителя наркома и в начале сентября приехал в Москву, был арестован Алехин. Ему инкриминировалось то, что он «немецкий шпион». В действительности, скорее всего, боялись совсем другого.

Во время следствия Жуковский дал показания о деятельности так называемой специальной химической лаборатории НКВД на Мещанской улице. «До перехода в состав 12-го оперативно-технического отдела НКВД руководителями этой лаборатории были сотрудники НКВД Серебровский и Сырин. Когда я возглавил этот отдел, начальником лаборатории был назначен мною инженер-химик Осинкин.

По заданию заместителя наркома внутренних дел комкора Фриновского задачей лаборатории должно было быть: изучение средств диверсионной работы, снотворных средств, ядов и методов тайнописи для целей оперативной работы. По распоряжению Фриновского был также установлен порядок пользования указанными средствами для оперативной работы. Оперативный отдел, который желал для своих целей получить, например, снотворное средство, мог его получить только с санкции наркома или заместителя наркома — начальника ГУГБ».

Интересно, что Жуковский честно признался в том, что реальная практическая работа лаборатории началась именно по его инициативе: «выяснилось, что в ее составе было всего два научных работника, оба беспартийных, и никакой серьезной разработки средств для оперативной работы не велось. В связи с этим при помощи аппарата ЦК ВКП(б) были получены три научных работника — инженер Осинкин и доктор Майрановский, члены партии, и еще один комсомолец, фамилию его не помню. Кроме того, для работы в лаборатории были использованы заключенные профессор Либерман по зажигательным средствам и инженер Горский по отравляющим веществам» [50, с. 170].

Реальный доступ к отравляющим веществам, кроме сотрудников лаборатории, имел капитан госбезопасности

Алехин, у которого хранились также и ключи от шкафов лаборатории. Напомним — «северокавказец».

«Один раз, когда — не помню, — вспоминал Жуковский, — Фриновский сказал мне, что в лаборатории у Алехина есть средство, принятие которого вызывает смерть у человека, как от сердечного приступа. Такое средство необходимо, когда нужно уничтожать врагов за границей». Понятно, что «за границей», — не в СССР же их использовать против руководителей партии и правительства...

Были проведены эксперименты над осужденными, и, как выяснилось, яд действует. Так, по мнению следствия, был отравлен Слуцкий — хотя Фриновский сказал Шпигельгазу именно про «сердечный приступ».

Как можно догадаться, Берия боялся, что его отравят. Всего полгода назад прошел процесс правотроцкистского блока, и на всю страну было рассказано, как Ягода пытался отравить Ежова.

Но очень вероятно, что на самом деле боялся и Сталин. Спустя несколько месяцев Фриновский даст показания, что планировалось отравить Сталина: тем более что «открытое использование прислуги для теракта было не обязательно, прислугу можно было использовать втемную, потому что лаборатория и заготовка продуктов были в руках Баркана и Дагина, они могли заранее отравить продукты, а прислуга, не зная об отравлении продуктов, могла подать их членам Политбюро» [50, с. 178].

Понятно, что если бы «северокавказец» Алехин, у которого, собственно, и хранились ключи от шкафов с ядами, по инициативе «северокавказца» Фриновского передал бы яд начальнику охраны Сталина «северокавказцу» Дагину, то у последнего были бы все возможности организовать смерть вождя «как от сердечного приступа». Минуя посредничество Фриновского, и Алехин, и Дагин действовать, возможно, побоялись бы. Но в июле — августе 1938 года Фриновский организовать это покушение не мог — он очень своевременно для Сталина был на Дальнем Востоке (см. ниже). Когда же 25 августа он вернулся в Москву, то узнал, что его переводят из НКВД и заменяют Берией. А Берия, приехав в начале сентября в Москву, первым де-

лом уже 13 сентября арестовал именно Алехина, сначала как «немецкого шпиона». Но как же Берия мог найти доказательства, изобличающие Алехина, всего за неделю, ведь арестовать начальника отдела центрального аппарата НКВД можно только с санкции Сталина? Очевидно, что дело не в «шпионаже», да и инициатива этого ареста, наверное, не только Берии принадлежит.

Следует учитывать, что положение нового заместителя наркома было не простым. С ним из Грузии приехали сначала всего несколько человек. Даже начальником его секретариата первый месяц оставался бывший пограничник, доверенное лицо Фриновского, комбриг УЛЬМЕР ВОЛЬДЕМАР АВГУСТОВИЧ, и доверять ему Берия не мог. Заместителем Берии стал Меркулов. Надо было срочно укреплять свои позиции.

Здесь следует отметить ряд обстоятельств. Это сейчас мы знаем, что Берия возглавил органы на долгие годы, стал одним из символов НКВД. Но современники событий не знали будущего. И понятно, почему Берия не очень хотел ехать в Москву. Остались воспоминания об этом у Хрущева и его семьи. Опасения его понятны — перевод в столицу на такую должность мог закончиться по-разному. Осенью 1937 г. Эйхе перевели с должности 1-го секретаря Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) на должность народного комиссара земледелия СССР и в апреле 1938 года арестовали. Весной в Москву с должности 1-го секретаря Ростовского обкома перевели Евдокимова. Он стал, как мы помним, заместителем наркома водного транспорта — все понимали, что это кризис в карьере (для Евдокимова просто не первый кризис — «он хромая лиса, и зубы съел на чекистской работе»). Первым заместителем народного комиссара внутренних дел был одно время Заковский. И чем это для него закончилось? Вообще никто не мог знать, на ком остановится ротация, кто мог заранее сказать, что выживут Берия, Хрущев и Жданов? Сталин понимал опасения Берии и демонстративно оказывал ему покровительство: навестил в новой квартире (в Доме правительства), предлагал поселиться в Кремле и т.п. Но насколько Берия мог верить Сталину?

Конечно, Берия нуждался в информации о расстановке сил в наркомате, о слабых и сильных сторонах окружавших его людей. Такой человек у него был — начальником АХУ НКВД уже полгода был Сумбатов, который мог информировать его о «неофициальной стороне жизни» в Москве. На начальном этапе Берия нанес удар по «партийцам», пришедшим с Ежовым в наркомат. 15 сентября начальник УНКВД Москвы и Московской обл. **Цесарский** был направлен руководить Ухто-Ижемским ИТЛ НКВД (через три месяца арестован). Его заменяет начальник секретно-политического отдела майор ГБ Журбенко (Ежов считал его «честным» даже перед смертью, Журбенко можно считать выдвиженцем Ежова). Возможно, такая рокировка была нужна только для одного — 15 сентября начальником 4-го отдела 1-го управления был назначен Кобулов. У Берии появился первый «свой» начальник отдела.

Далее полтора месяца проходят в «позиционной войне». На этом этапе Ежов отдавал Берии только «чужих». Речь идет о тех, кто оставался в руководстве НКВД со времен Ягоды, и тех, кому Ежов не очень доверял.

13 сентября арестовали старшего майора ГБ Радзивиловского. Затем под ударом оказались и некоторые «украинцы»: 27 сентября арестовали начальника УНКВД Сталинградской области старшего майора ГБ Николая Давыдовича Шарова (в 1935—1937 гг. начальник ЦК Киевской области) и капитана ГБ наркома внутренних дел Молдавской АССР Широкого Ивана Тарасовича.

Но самым сильным шагом был арест Бориса Бермана. «Берман не был участником нашей заговорщической организации, однако, мне, Фриновскому и Вельскому было известно еще в начале 1938 года, что он является активным участником антисоветской заговорщической группы Ягоды. Привлекать Бермана к нашей заговорщической организации мы не собирались. Он уже тогда был достаточно скомпрометированным человеком и подлежал аресту. С арестом мы, однако, тянули». Теперь Бориса Бермана отдали. Конечно, это было небезопасно. Борис Дмитриевич потянул бы за собой брата Матвея Бермана и одно время заместителя Ежова, а затем и Бельского.

29 сентября был издан приказ о новой реорганизации НКВД. С точки зрения борьбы Берии за контроль важно, что было ликвидировано управление особых отделов. Начальник управления Н.Н. Федоров стал просто начальником отдела, а начальники отделов — начальниками отделений. Кроме того, Меркулов стал официально заместителем начальника ГУГБ вместо Николаева-Журида.

И все-таки нескольким «кавказцам» должно было быть трудно на Лубянке: отдел охраны по-прежнему возглавлял Дагин, контрразведывательный отдел — Николаев-Журид, тюремный Антонов-Грицюк, оперативный — Попашенко. Выдвиженцы Ежова — Федоров и Пассов возглавляли соответственно особый и иностранный отделы.

С другой стороны, оказавшись во враждебном окружении в наркомате, логичнее всего для Берии было бы сыграть на расколе между Ежовым и Фриновским. Пока еще недостаточно он силен, демонстративно опереться на одних против других: либо на «ежовцев», либо на «северокавказцев». А на кого? Логичнее было бы сначала усыпить доверие наркома, избавиться от людей Фриновского в аппарате, а потом взяться за людей Ежова. Но Берия почему-то сначала основной удар наносит по окружению наркома. Удаляют Цесарского, Жуковского, понижается статус Федорова (арест Бермана и Радзивиловского сейчас не рассматриваем). Тактически это кажется ошибкой, ведь должно только привести к объединению усилий «ежовцев» и «северокавказцев», к усилению сопротивления. Кроме того, первоначально речь шла «только» о шпионаже. Алехин, Берман, Жуковский и др. первоначально обвинялись в том, что они немецкие шпионы. Иными словами, идея заговора появилась в деятельности Берии не сразу.

Наконец, надо учитывать и то, что, как бы ни был предан Ежов Сталину, планы вождя он понял сразу: «Переживал и назначение в замы т. Берия... Думал, что его назначение — подготовка моего освобождения» [86, с. 357]. Понимая угрозу для себя, он сразу начал договариваться с Фриновским о совместных действиях: «В первый же день его [Фриновского] приезда из ДВК сразу заговорили о Берии (он еще тогда не знал о назначении). Видя мое минор-

ное отношение к назначению, он довольно откровенно разговаривал о моей будущей плохой жизни от Берия. Затем эти разговоры в разное время с некоторыми перерывами продолжались вплоть до последнего времени (последняя встреча с Фриновским во время ноябрьских праздников)... Я всю эту мразь выслушивал с сочувствием. Советовался, что делать».

Надо заметить, что Фриновский давал ему разумные советы: «Советовал держать крепко вожжи. Не давать садиться на голову. Не хандрить, а взяться крепко за аппарат, чтобы не двоил между Берия и мной. Не допускать людей т. Берия в аппарат». И если бы Ежов меньше пил, то некоторые шансы выжить и победить у него были.

Самый простой и лежащий на поверхности шаг — предъявить компромат на Берию. Ежов обсуждал с Фриновским это: «советовался, показать ли вам известные уже о т. Берия архивные документы». Конечно, это сработало бы, только если Сталин сомневается в своем земляке. А Сталин, похоже, не очень сомневался. Но самое главное — Берию можно было попытаться физически ликвидировать. Конечно, это не могло не вызвать неудовольствия Сталина, но ведь и альтернатива — смерть. Ежов и Фриновский отлично знают правила игры в 1937—1938 гг. Была ли возможность убрать Берию? Оказывается, была.

«Первое, что сделал Берия, став заместителем Ежова, это переключил на себя связи с наиболее ценной агентурой, ранее находившейся в контакте с руководителями ведущих отделов и управлений НКВД, которые подверглись репрессиям». Видимо, он сам ходил на конспиративные встречи.

«Будучи близоруким, Берия носил пенсне, что делало его похожим на скромного совслужащего. Вероятно, — вспоминает Судоплатов, — он специально выбрал для себя этот образ: в Москве его никто не знает, и люди, естественно, при встрече не фиксируют свое внимание на столь ординарной внешности, что даст ему возможность, посещая явочные квартиры для бесед с агентами, оставаться неузнанным. Нужно помнить, что в те годы некоторые из явочных квартир в Москве, содержавшихся НКВД, находились

в коммуналках». Была ли своя агентура, которую Берия мог использовать, у Алехина, сказать трудно, но Радзивиловский служил в Москве до лета 1937 г. и потом, в 1938 г., руководил наблюдением за ГВФ и шоссейным строительством — у него должна была быть агентура, у Бермана должна была быть агентура — этих людей можно было бы использовать.

То обстоятельство, что новый заместитель наркома сам ходил по явочным квартирам, давало определенный шанс уничтожить его без шума. На него мог напасть «агент-двойник», могли напасть «бандиты». Вспомним, что во главе оперативного отдела, который занимался арестами и наружным наблюдением, стоял «северокавказец» Попашенко. В семье Лаврентия Павловича знали, что за ним следят, и считали, что это личная охрана его противника Жданова. Но может, и не только Жданова.

Иными словами, если бы Ежов меньше пьянствовал и действительно контролировал аппарат, то шансы к сопротивлению у него были.

Однако все развивалось иначе, и Берии удалось найти людей, которые смогли оказать ему важные услуги.

Здесь, мне кажется, уместно упомянуть два имени: капитана ГБ Павла Васильевича Федотова и старшего лейтенанта ГБ Льва Емельяновича Володзимерского. Оба «северокавказцы», и карьеры их похожи. Федотов — сотрудник Грозненской ЧК с 1921 г., весной 1937-го начальник 5-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Орджоникидзевского края. В мае 1937-го начальник 4-го отдела майор ГБ Лаврушин был переведен заместителем начальника УНКВД Горьковской области, а потом и начальником УНКВД. Федотов несколько месяцев прослужил начальником отдела, а затем с осени 1937 г. — начальник 7-го отделения секретно-политического отдела НКВД СССР. С августа 1938 года — помощник начальника отдела. Володзимерский — в органах на Северном Кавказе с 1928 года, весной 1937 г. начальник отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Орджоникидзевского края, в мае 1937 г. переведен в Москву и служил заместителем начальника отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, в июне 1937 г. награжден орденом Красной

Звезды. Сослуживцы... Как мы уже помним, всех «северокавказцев» расстреляли в 1939—1940 гг. Точнее — почти всех. Эти выжили, и не просто выжили, а сделали на первый взгляд удачную карьеру. Федотов — в 1940 г. — начальник контрразведывательного отдела, затем управления. К 1959 году генерал-лейтенант, два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, знак «Заслуженный работник НКВД». Володзимерский также дослужился до генерал-лейтенанта, награжден орденом Ленина и тремя орденами Красного Знамени. Карьера обоих прервалась в 50-х. Федотов в 1959 г. уволен из КГБ и лишен звания. Володзимерский расстрелян по делу Берии в декабре 1953 года.

Какие услуги оказали они новому заместителю наркома, что он обеспечил им такой быстрый рост? Историки обычно рассказывают о доносе Журавлева Сталину, который обсуждался на Политбюро и подтолкнул отставку Ежова. Но заявление Журавлева написано во второй половине ноября, когда сила уже явно была на стороне Берии. А помощь тому потребовалась раньше — в сентябре — октябре 1938 г.

С приходом Кобулова начальником 4-го отдела Федотов становится начальником следственной части второго отдела, а с 1 ноября — заместителем начальника этого отдела. В апреле 1939 г. уже майор ГБ Федотов награжден орденом Красного Знамени. В дальнейшем, после ухода Кобулова начальником в ГЭУ НКВД, Федотов стал начальником 2-го отдела. Володзимерский служил заместителем начальника отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР до 22 декабря 1938 г., затем стал помощником начальника следственной части НКВД СССР, в феврале 1939-го стал капитаном ГБ, 30.04.1939 г. награжден знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (XV)». С 4 сентября 1939 г. Володзимерский — заместитель начальника следственной части ГЭУ НКВД СССР, через полгода получил звание майора и должность начальника следственной части ГЭУ НКВД. Итак, в сентябре — декабре 1938 г. они в следственной части.

Следственная часть! «Была создана специальная следственная часть, которая буквально выбивала показания у

арестованных о «преступной деятельности», не имевшие ничего общего с реальной действительностью».

3 октября **Жуковского** сняли с поста замнаркома и отправили начальником Ридцерского полиметаллического комбината. Про «сигналы» на Цесарского, Шапиро, Литвина и Жуковского говорил сам Ежов: «В этот период ЦК ВКП(б) неоднократно обращал мое внимание на то, что меня окружают подозрительные люди, пришедшие со мной на работу в НКВД. В ЦК был поставлен вопрос о снятии Цесарского, мне было предложено убраться с работы в НКВД Шапиро, Жуковского, Литвина. Разумеется, я не мог не считаться с требованиями ЦК и предполагал Жуковского без лишнего шума сплавить куда-нибудь на другую работу, подальше в провинцию» [50, с. 63].

Следующий удар Берия попробовал нанести по Николаеву и Пассову.

Весь октябрь прошел в этой «позиционной войне». «В 1938 году атмосфера была буквально пронизана страхом, в ней чувствовалось что-то зловещее. Шпигельглаз, заместитель начальника закордонной разведки НКВД, с каждым днем становился все угрюмее. Он оставил привычку проводить воскресные дни со мной и другими друзьями по службе... На Лубянке люди казались сдержанными и уклонялись от любых разговоров».

16 октября следователям Берии удалось добиться от Дмитриева необходимых показаний. Во-первых, он заговорил не только о шпионаже, но и о заговоре: «...Ко второй половине 1937 года сформировалась руководящая группа заговорщиков НКВД в составе БЕРМАНА Б.Д., ЛЮШКОВА Г.С., ЛЕПЛЕВСКОГО И.М. и ДМИТРИЕВА Д.М.» [67, с. 591].

Итак, по версии Дмитриева, Борис Берман одна из ключевых фигур заговора в НКВД. При этом — последний действующий игрок к осени 1938 г. Леплевский и Дмитриев уже арестованы, Люшков — бежал. То есть реально Дмитриев дает показания только на Бермана, как решающую фигуру заговора в НКВД.

Во-вторых, он стал давать развернутые показания на «северокавказцев» и «ежовцев»: Николаева, Пассова, Ген-

дина и др.: «ДМИТРИЕВ... показал о причастности к заговорщической деятельности: МИНАЕВА А.М. — ныне заместителя Наркома тяжелой промышленности, до этого занимавшего должность начальника контрразведывательного отдела...; ДЕНТОКИНА — помощника начальника контрразведывательного отдела ГУГБ; АГАСА В.С. — заместителя начальника особого отдела ГУГБ; ПАССОВА — начальника иностранного отдела; ГЕНДИНА С.Г. — начальника разведывательного управления РККА... ДМИТРИЕВ также показал о подозрительных по шпионажу связях заместителя начальника контрразведывательного отдела ГУГБ Волынского... ДМИТРИЕВ показывает о близких отношениях начальника контрразведывательного отдела ГУГБ НИКОЛАЕВА Н.Г. с врагами народа ШЕБОЛДАЕВЫМ, СОСНОВСКИМ, ЛЕПЛЕВСКИМ, ЗАКОВСКИМ» [67, С. 577—578].

Уточним — Гендин и Пассов — кадровые решения собственноручно Ежова; Минаев и Николаев — «северокавказцы».

Спецсообщение об этих показаниях Дмитриева ложится на стол Сталина только через неделю, но санкция последовала сразу: на сообщении Берии санкция: «Дентокина, Агаса, Волынского, Николаева арестовать» [67, с. 602].

Началась новая волна арестов: 22 октября начальник ИНО Пассов и начальник тюремного отдела Н.И. Антонов-Грицюк, 23 октября — Жуковский, 24 октября — начальник отдела оборонной промышленности Л.Я. Рейхман. 25 октября — начальник КРО — Н.Г. Николаев и В.С. Агас.

Николаева сменил Меркулов, а Пассова — Деканозов. Появился новый «кавказец».

После этого Фриновский и его соратники, если бы они хотели уничтожить Сталина, должны были идти на открытый террористический акт. Однажды я уже приводил рассказ об этом Судоплатова: «Полную правду об этих событиях, которая так никогда и не была обнародована, рассказали мне Мамулов и Людвигов, возглавлявшие секретариат Берии, вместе со мной они сидели во Владимирской тюрьме. Вот как была запущена фальшивка, открывшая дорогу кампании против Ежова и работавших с ним людей. Подстрекаемые Берией, два начальника областных управле-

ний НКВД из Ярославля и Казахстана обратились с письмом к Сталину в октябре 1938 года, клеветнически утверждая, будто в беседах с ними Ежов намекал на предстоящие аресты членов советского руководства в канун октябрьских торжеств. Акция по компрометации Ежова была успешно проведена». Так и вспоминается: «Сначала планировались празднества, потом аресты, потом решили совместить...»

Судоплатов считает это фальшивкой, но вынужден признать, что у ее истоков стоит донос на Ежова региональных руководителей. Вряд ли Ершов (руководитель УНКВД Ярославской области) решил оказать Берии эту услугу. По крайней мере, награды за нее он не получил: его арестовали 4 декабря 1938 года. Версия с переворотом в ноябрьские праздники фигурировала и на следствии. «Безвыходность положения привела меня к отчаянию, толкавшему меня на любую авантюру, лишь бы предотвратить полный провал нашего заговора и мое разоблачение, — говорил Ежов. — ФРИНОВСКИЙ, ЕВДОКИМОВ, ДАГИН и я договорились, что 7 ноября 1938 года по окончании парада, во время демонстрации, когда разойдутся войска, путем соответствующего построения колонн создать на Красной площади «пробку». Воспользовавшись паникой и замешательством в колоннах демонстрантов, мы намеревались разбросать бомбы и убить кого-либо из членов правительства.

ВОПРОС: Как были между вами распределены роли?

ОТВЕТ: Организацией и руководством путча занимались я — ЕЖОВ, ФРИНОВСКИЙ и ЕВДОКИМОВ, что же касается террористических актов, их практическое осуществление было возложено на ДАГИНА. Тут же я должен оговориться, что с каждым из них я договаривался в отдельности.

ВОПРОС: Кто должен был стрелять?

ОТВЕТ: ДАГИН мне говорил, что для этих целей он подготовил ПОПАШЕНКО, ЗАРИФОВА и УШАЕВА, секретаря ЕВДОКИМОВА, бывшего чекиста «северокавказца», о котором ДАГИН отзывался как о боевом парне, вполне способном на исполнение террористического акта.

По договоренности с **ДАГИНЫМ**, накануне 7 ноября он должен был проинформировать меня о конкретном плане и непосредственных исполнителях террористических актов. Однако 5-го ноября **ДАГИН** и другие заговорщики из отдела охраны, в том числе **ПОПАШЕНКО** и **ЗАРИФОВ**, были арестованы. Все наши планы рухнули. Тут же считаю необходимым отметить, что, когда 5 ноября **Л. БЕРИЯ** поставил вопрос в ЦК ВКП(б) об аресте заговорщиков из отдела охраны НКВД, в том числе — **ДАГИНА**, **ПОПАШЕНКО** и **ЗАРИФОВА**, я всячески старался отстоять этих людей и оттянуть их арест, мотивируя тем, что, якобы, **ДАГИН** и остальные заговорщики из отдела охраны нужны для обеспечения порядка в дни Октябрьских торжеств. Невзирая на это, ЦК ВКП(б) предложил арестовать заговорщиков. Так рухнули все наши планы».

Вероятнее всего, это — «липа». Обратим внимание — **Ежов** даже отказывается от утверждения, что все собирались вместе: он, **Дагин**, **Евдокимов** и **Фриновский** («я должен оговориться, что с каждым из них я договаривался в отдельности»). Да и **Евдокимов** в последнем слове признавал, что оговорил **Дагина**. Текст этот отражает скорее не планы **Евдокимова** и **Фриновского**, а «открытия» **Берии** и страхи **Сталина**. Но может быть, и разговоры чекистов между собой о том, как можно было бы сделать и что они не сделали. Если быть точнее, — разговоры **Фриновского** и **Ежова**.

После ареста **Дагина** никаких шансов выжить и у **Ежова** и у **Фриновского** не оставалось.

12 ноября арестован нарком Азербайджана **Каминский**. В тот же день **Литвин** покончил жизнь самоубийством. После дневного телефонного разговора с **Ежовым** **Литвин** вечером должен был выехать в Москву. За час до отхода поезда он застрелился у себя на квартире. На следующий день арестован **Шапиро**. **15 ноября** нарком Украины **Успенский** бежал из Киева и скрылся. Подробнее об этом пишет **Хрущев**: «Дело **Успенского** началось так. Однажды мне звонит по телефону **Сталин** и говорит, что имеются данные, согласно которым надо арестовать **Успенского**... «Но это вы сами должны сделать»... Вскоре **Сталин** звонит

опять: «Мы вот посоветовались и решили, чтобы вы Успенского не арестовывали. Мы вызовем его в Москву и арестуем здесь. Не вмешивайтесь в эти дела» [36, С. 173].

Хрущев уехал в Днепропетровск, и тут ему позвонил Берия и рассказал о том, что, пока его не было, Успенский сбежал и «оставил записку с намеками, что кончает жизнь самоубийством, бросается в Днепр». Успенского не могли найти полгода. Но важен не столько сам случай, сколько то, как воспринимали причины его побега: «Когда после бегства Успенского я приехал в Москву, Сталин так объяснял мне, почему сбежал нарком: «Я с вами говорил по телефону, а он подслушал. Хотя мы говорили по ВЧ и нам даже объясняют, что подслушать ВЧ нельзя, видимо, чекисты все же могут подслушивать, и он подслушал. Поэтому он и сбежал». Это одна версия. Вторая такова. Ее тоже выдвигали Сталин и Берия. Ежов по телефону вызвал Успенского в Москву и, видимо, намекнул ему, что тот будет арестован» [36, с. 174]. Успенский скрывался почти полгода.

Именно на этот период приходится еще один рассказ Мироновой, описывающий страх, овладевший «североказачами».

«Страх, и не такой, как в Новосибирске, а удесятеренный против того, теперь отравил нашу жизнь. Как-то, возвращаясь домой (уже в Доме правительства. — Л. Н.), Миронов вошел в лифт вместе со Шверником, и вдруг туда же вскочил незнакомый человек в белых бурках. И Миронов, и Шверник застыли... Что они пережили за ту минуту, пока лифт поднимался! Кому из них предъявить ордер на арест едет этот явный работник НКВД? На седьмой этаж к Миронову или на восьмой к Швернику?»

Он сошел на шестом этаже, и только тогда они ощутили, что еще живы. Но лишь понимающе встретились глазами, не улыбнувшись друг другу. В такой ситуации тогда не улыбались» [40, с. 122].

«Миронов не обольщался. Он говорил мне: «Если меня арестуют, я застрелюсь».

Однажды ночью он вдруг вскочил с постели, выбежал в прихожую и быстро задвинул палкой дверь грузового лифта, который подавался прямо в квартиру, затем навесил на

входную дверь цепочку, но этим не ограничился. Как не-вменяемый, схватил комок, притащил его и придвинул к дверям лифта.

— Сережа, — зашептала я, — зачем ты?

— Я не хочу, не хочу, чтобы они пришли оттуда и заставили нас врасплох! — воскликнул он.

Я тотчас поняла: он хотел, чтобы был стук или чтобы грохот комода или треск переломанной палки разбудили его, чтобы не ворвались... к спящему.

— Мне надо знать, надо... когда они придут!

И я опять поняла: чтобы успеть застрелиться.

— Ты что, Сережа?!

И вдруг он истерически разрыдался, закричал в отчаянии:

— Они и жен берут! И жен берут!

Я никогда еще не видела, чтобы Сережа плакал. Я ушам, глазам своим не поверила...» [40, с. 123].

В январе 1939 года арестованные чекисты начали давать показания на Ежова и Фриновского. Первым дал показания Берман, за ним — Миронов. Тогда-то он и рассказал, что «северокавказцы» верили, что Ежов заменит Сталина.

Вскоре после ареста — в конце апреля 1939 года Ежов и Фриновский дали показания о том, что они участники заговора против Сталина. Но о чем говорят их показания? О том, что от них требовало следствие, или правду? Евдокимов, наоборот, держался до мая 1939 года и дал признательные показания только после очной ставки с Ежовым и Фриновским: «Показания с признанием своей вины я начал давать после очных ставок с Ежовым и Фриновским и после особого на меня воздействия. Я назвал на предварительном следствии около 124 участников заговора, но это ложь и в этой лжи я признаю себя виновным. К правым я никогда не принадлежал и не принадлежу, о чем я твердил на предварительном следствии около 5 месяцев.

После того, как на меня начали давать показания Ежов и Фриновский, я не вытерпел и начал лгать. Получается странно, ЕЖОВ перед моим арестом позвонил мне из СНК и сказал, что меня арестовывает. Теперь же он дает на

меня показания, что был со мною связан по а/с деятельности. Значит, он был двурушником по отношению ко мне. Это обстоятельство меня удивило, и я, будучи морально подавлен, начал лгать на себя...» [50, с. 215].

На первый взгляд, не очень понятно, что вызвало «моральную подавленность» Евдокимова. «Был двурушником по отношению ко мне»... Можно предполагать, что, когда Ежов звонил Евдокимову в наркомвод и предупреждал об аресте, то, видимо, просил молчать, держаться и показаний на него, Ежова, не давать. Наверное, обещал вытащить. Евдокимов и держался пять месяцев. Его сильно били, по некоторым сведениям, выбили глаз, переломали большие ноги. Но он держался. А когда Ежова взяли, то тот сразу дал на Евдокимова показания. Обидно.

«Я не был сволочью, но стал таковым на предварительном следствии, так как не вытерпел и начал лгать, а лгать начал потому, что меня сильно били по пяткам».

«Не был сволочью, но стал таковым на предварительном следствии»... Что скрывается за этими словами? Кажется, что Евдокимов по-прежнему верен «своим», верен клановой корпоративной солидарности чекистов-«северокавказцев»: «Никогда ДАГИНА для террористической деятельности я не вербовал, на предварительном следствии я об этом подробно написал, но это все ложь. Показания других участников заговора совпадают с моими лишь потому, что у нас у всех был один хозяин — следователь... Я прошу одного, тщательно разобраться с материалами моего дела, меня очень тяготит, что я оклеветал много лиц».

Есть в последнем слове Евдокимова и еще один интересный момент: «...являлся ли ФРИНОВСКИЙ заговорщиком, я не знаю». Вот так! Дагин и другие — точно нет, а про Фриновского — «не знаю».

Интересно, что примерно так же считает и Ежов: «Показания Фриновского, данные им на предварительном следствии, от начала до конца являются вражескими. И в том, что он является ягодинским отродьем, я не сомневаюсь» и «Фриновский всплыл как ягодинец, в связи с чем я и выразил ему политическое недоверие».

Что-то такое они знали про Фриновского, что заставляло их сомневаться.

Очень выразительный рассказ об аресте Фриновского приводит С. Берия: «Сумбатов, один из чекистов, бывший в дружеских отношениях с Фриновским, рассказал мне (С. Берии. — Л. Н.) о его аресте. Последний, узнав, что за ним уже выехали, устроил у себя дома баррикаду. Конвой мог бы взять его штурмом или убить, но чекистам он был нужен живым. Отец поручил Сумбатову произвести арест Фриновского: «Если ты сам хочешь отвертеться от ареста, то для тебя это единственный способ». И Сумбатов согласился. Он плакал, рассказывая мне о том, как предал своего друга. Фриновский впустил его к себе, думая, что тот поможет ему выйти из этого безвыходного положения... Фриновский был расстрелян» [25, с. 60].

Странный рассказ. На что рассчитывал Фриновский, забаррикадировавшись у себя дома? И почему обязательно он был нужен живым? У Хрущева тоже остались воспоминания об этих днях в апреле 1939 г.: «Я случайно в то время находился в Москве. Сталин пригласил меня на ужин в Кремль, на свою квартиру. Я пошел. По-моему, там был Молотов и еще кто-то. Как только мы вошли и сели за стол, Сталин сказал, что решено арестовать Ежова, этого опасного человека (?!), и это должны сделать как раз сейчас. Он явно нервничал, что случалось со Сталиным редко, но тут он проявлял несдержанность, как бы выдавал себя. Прошло какое-то время, позвонил телефон, Сталин подошел к телефону, поговорил и сказал, что звонил Берия: все в порядке, Ежова арестовали, сейчас начнут допрос. Тогда же я узнал, что арестовали не только Ежова, но и его заместителей. Одним из них был Фриновский. Фриновского я знал мало. Говорят, что это был человек, известный по Гражданской войне, из военных, здоровенный такой силач со шрамом на лице, физически могучий. Рассказывали так: «Когда навалились на Фриновского, то Кобулов, огромный толстый человек, схватил его сзади и повалил, после чего его связали». Об этом рассказывали как о каком-то подвиге Кобулова. И все это тогда принималось нами как должное». Странно, что Сталин нервничал, он что, ждал от ареста чекистов каких-то неприятностей? Может быть, его

тревожил не арест Ежова, а именно Фриновского, о мыслях которого говорила Миронова: чекисты поднимутся «выше Сталина».

Подведем итог. В июле — августе 1938 года «северокавказцы» (Евдокимов, Фриновский, их сторонники) имели реальную возможность уничтожить Сталина и прийти к власти. Они не сделали этого прежде всего потому, что не поняли, что «момент настал». Не просчитали планов Сталина. В сентябре — октябре, когда планы Сталина прояснились и можно было рассчитывать на пассивную поддержку Ежова, успеху заговора помешал паралич воли наркома. Трудно было поверить, что спивающийся Ежов в состоянии противодействовать Берии, а Фриновского в наркомате уже не было. Сталин переиграл заговорщиков.

Глава 4

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (Особые поручения)

Кроме того, «мои глаза открылись по отношению к Фриновскому, — говорит Ежов в последнем слове, — после того, как провалилось одно кремлевское задание Фриновскому, о чем сразу же доложил Сталину». Что это за «кремлевское дело», которое Фриновский «провалил»? Интересно, что Ежов не уточняет деталей. При этом он в курсе дела, но поручение дано Сталиным именно Фриновскому. На поверхности лежат две даты — 17 февраля и 17 июня 1938 г.

ОТСТУПЛЕНИЕ 2: ЧТО НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ РАССКАЗАТЬ СЛУЦКИЙ

Начнем рассказ с неожиданного на первый взгляд прочтения одной вроде бы хорошо известной истории. В принципе комментирование мемуаров не является задачей этого исследования, но логика развития событий заставляет отступить от первоначального замысла.

Выше уже говорилось, что по расстрельным спискам, представляемым центральным аппаратом НКВД («Москва-Центр») можно точно датировать заметный скачок в ходе «большой чистки». Заметный скачок в количестве арестованных номенклатурных работников приходится на апрель — май 1937 года, причем этот скачок приходится в первую очередь на аресты офицеров НКВД и РККА. Какие события подтолкнули всплеск репрессий?

17 февраля 1938 года заместитель наркома М.П. Фриновский позвонил заместителю начальника ИНО НКВД Слуцкого Сергею Шпигельглазу и сказал: «Зайдите ко

мне!» В просторном кабинете Фриновского Шпигельглаз прежде всего увидел странную фигуру Слуцкого, бессильно сползшую с кресла. На столе перед ним стояли стакан чая и тарелка с печеньем. Слуцкий был мертв. Шпигельглаз сразу же подумал, что Слуцкого убили, но лучше было не задавать вопросов. Нервноничая, он предложил позвать врача, однако Фриновский заметил, что врач только что был и «медицина тут не поможет». «Сердечный приступ», — небрежно добавил он с видом знатока» [32] — так об этом событии рассказывает майор ГБ Александр Орлов в своих воспоминаниях 1953 года.

По рассказу очевидно, что для Орлова источником информации о том, что произошло на самом деле, мог быть только Шпигельглаз. То есть сигнал Орлову о том, что Слуцкого убили, сообщил именно он. Не умер, а убили. Зачем это было ему нужно и когда он это сделал? Дело в том, что в мемуарах Орлова не рассказывается о встречах Орлова и Шпигельглаза после февраля 1938 года. Это не значит, что их не было, видимо, были. Просто почему-то Орлов об этом ничего не рассказывает.

Примерно об этом же говорилось и на следствии в 1939 году. Начальник спецотдела Алехин подтвердил, что Слуцкий был отравлен по приказу Заковского и Фриновского. Вроде бы Заковский усыпил Слуцкого хлороформом, а потом ему сделали инъекцию, но, конечно, Орлов не мог об этом знать. Про участие Заковского Шпигельглаз же ничего не говорит, но он мог зайти позже, когда Заковского уже не было.

В зарубежные резидентуры Шпигельглаз разослал письмо, информирующее о смерти Слуцкого. По просьбе Фриновского Слуцкий был охарактеризован в этом письме как «верный сталинец, сгоревший на работе» и «крупный деятель, которого потерял НКВД». Эта фразеология должна была усыпить подозрения тех немногих ветеранов Иностранного управления, которые все еще находились за границей [32].

Зададимся вопросом: от кого так скрывал правду Ежов? От иностранной резидентуры, как утверждает Орлов?

По версии Орлова, «в то время как разгром всех остальных управлений НКВД завершился очень быстро, аресты

сотрудников Иностранного управления производились с большой осмотрительностью и были, так сказать, строго дозированными. До тех пор, пока начальник этого управления Слуцкий находился на своем посту, многим казалось, что Сталин решил не ослаблять это управление поголовными арестами, а, напротив, побережь наиболее квалифицированные кадры, знающие границу и владеющие иностранными языками» [32]. Орлов считает, что Слуцкого продержали на посту начальника ИНО так долго — до февраля 1938 г., только потому, что Ежов нуждался в его имени, чтобы не потерять зарубежную резидентуру. Но к февралю 1938 г. он стал уже не нужен.

С легкой руки Орлова эта версия попала во все исследования по истории внешней разведки. Конечно, какую-то роль этот мотив играл. Вместе с тем позволительно в нем усомниться, и не только потому, что аресты в ИНО продолжались весь 1937 год, в том числе и аресты иностранной резидентуры.

Усомниться надо, потому что она противоречит тому, что рассказывает сам Орлов. А он ясно дает понять, что был хорошо информирован о ситуации в СССР. Причем рассказывал ему прежде всего... Шпигельглаз.

Орлов рассказывает, что больше всего о репрессиях он узнал именно от Шпигельглаза, «который был буквально нашпигован подобными историями. Ему и самому позволили съездить за границу только потому, что в Москве у него оставались заложники — жена и дочь... Подобные рассказы мне приходилось слышать и раньше, но Шпигельглаз благодаря своему положению в НКВД знал больше других» [32].

То есть если руководство НКВД и делало попытки избежать утечки информации о чистке, то довольно неуклюже. Как, например, понять такой эпизод: «Однажды, когда мы ехали с ним в машине из Валенсии в Барселону, он [Шпигельглаз] вновь заговорил о массовых арестах и рассказал, между прочим, о самоубийстве ряда видных сотрудников НКВД, которых мы оба хорошо знали. Он перечислял фамилии крупнейших деятелей, исчезнувших за последние месяцы, и неожиданно произнес: «*Они прикончили также и Орджоникидзе!*»

Услышав это, я вздрогнул. Хотя Шпигельглаз только подтвердил слух, дошедший к нам через дипкурьера, у меня невольно вырвалось: «Не может быть!»

— Это точно, — возразил Шпигельглаз. — Я знаю подробности этого дела. У Орджоникидзе тоже текла в жилах кавказская кровь — вот он и поспорил с хозяином. Нашла коса на камень...» [32].

Трудно не задать себе вопрос, с какой целью заместитель начальника отдела рассказывал все это своему резиденту в Испании. Понятно, конечно, что может быть, им просто двигали эмоции и страх. Может быть, даже вероятнее всего, он боялся. Непонятно другое — откровенность в разговоре с Орловым увеличивала его безопасность или нет? А если бы Орлов после визита начальника написал бы донесение в Центр, что, собственно, он и должен был бы сделать? Ведь откровенность Шпигельглаза очень похожа на провокацию, особенно в том, что касается информации и о смерти Орджоникидзе, и о смерти Слуцкого. И что, Шпигельглаз этого не понимал? Или Орлов придумал все эти откровения... Странная история...

Было бы наивно думать, что причины смерти Слуцкого скрывали только потому, что Ежов нуждался в его имени, чтобы не потерять зарубежную резидентуру. Похоже, там довольно хорошо представляли, что происходит в СССР.

Обратим внимание на еще одну деталь: «Ежов распорядился, чтобы гроб с телом Слуцкого был выставлен в главном клубе НКВД «для прощания с умершим» и чтобы вокруг гроба нес дежурство почетный караул» [32]. Это тоже для резидентов в Праге, Париже, Мадриде и Нью-Йорке? Впечатление, что все это скорее «для внутреннего пользования», что надо ввести в заблуждение кого-то внутри страны. Может быть, кого-то в Кремле?

А. Павлюков в крайне интересном исследовании «Ежов» также считает, что Слуцкого убили. Автор связывает его смерть с тем, что два «партийца», пришедшие в органы вместе с Ежовым — Баранов и Курмашев, «раскололи» арестованного комиссара ГБ 1-го ранга Агранова и тот дал показания о «враждебной деятельности Слуцкого в органах» [43, с. 368]. Фриновский и Ежов испугались, что эта информация дойдет до Сталина раньше, чем они успеют

ему доложить. Поэтому руководством НКВД было принято решение «сдать» Слуцкого, и с согласия вождя он был ликвидирован. Правда, в работе Павлюкова содержится и иная информация, не совсем согласующаяся с его версией. На следствии бывший нарком внутренних дел Украины Успенский показал, что когда Фриновский позвонил в Киев Ежову и рассказал о смерти Слуцкого, то из их разговора Успенский понял, а затем это ему «рассказал и Ежов, что Слуцкий неудачно сделал какую-то работу за кордоном, имел по этому поводу крупный разговор с Фриновским и неприятность для себя, что он от этого затянулся папиросой и умер якобы от разрыва сердца. Я еще тогда сказал Ежову, что сомневаюсь, что Слуцкий помер естественной смертью, и думаю, что папироса у него была не простая, а с какой-либо начинкой...Ежов замаялся и ответил: «Все возможно» [82, с. 371].

Павлюков не объясняет, почему, с его точки зрения, Ежов уклонился от контроля за ликвидацией Слуцкого и поручил исполнение Фриновскому (подчеркну — не исполнение, конечно, а именно контроль). Автор пишет, что наркому это нужно было, «чтобы избежать возможных подозрений в причастности». Но подозрений с чьей стороны? Ведь, по мнению Павлюкова, Сталин и так знал о том, что Слуцкого уберут, что же это Ежов так «шифровался» от зарубежных резидентов? Может быть, Сталин все-таки не все знал, или, может быть, он знал о «предательстве» Слуцкого, но не то, что было на самом деле, а то, о чем ему доложили? Тогда страх Ежова понятнее. Обратим внимание и на то, что сказал Ежов: «...Слуцкий неудачно сделал какую-то работу за кордоном, имел по этому поводу крупный разговор с Фриновским».

Чтобы разобраться в смысле произошедшего, надо сначала вспомнить, что за фигура комиссар ГБ 2-го ранга **СЛУЦКИЙ АБРАМ АРОНОВИЧ**. Он родился в 1898 г., в украинском селе, отец кондуктор. Затем семья переехала в Среднюю Азию, учился в гимназии г. Андижана. В 1917 г. вступил в партию большевиков. С 1920 г. сотрудник Ташкентской ЧК. Вскоре заместитель председателя Верховного трибунала Туркестана. В 1926 г. его перевели в экономический отдел ОГПУ. Одно время Слуцкий — секретарь

парткома ОГПУ. В ЭКУ он — один из «создателей» «Шахтинского дела». С 1930 г. он работает в ИНО, где стал заместителем начальника отдела Артузова. В 1931—1933 годах находился на работе в торгпредстве в Германии. Являлся главным резидентом ИНО ОГПУ по странам Европы, возглавлял параллельный с московским центр разведки. Когда Артузова перевели в Разведупр, Слуцкий стал начальником ИНО.

Павел Судоплатов «уважал Слуцкого как опытного руководителя разведки» и внимательного человека [33, с. 108]. Иначе считал Орлов: «Его характерными чертами были лень, страсть к показухе и пресмыкательство перед вышестоящим начальством. Слабохарактерный, трусливый, двуличный Слуцкий в то же время был неплохим психологом и обладал тем, что называется «подход к людям». Одаренный богатой фантазией, он умел притворяться и артистически разыгрывать роль, которую в данный момент считал выгодной для себя. Его выразительные глаза, лучащиеся добротой и теплом, внушали впечатление такой искренности, что на эту приманку нередко клевали даже те, кто хорошо знал Слуцкого» [40]. Вместе с тем он также высоко оценивал профессиональные качества Слуцкого.

Кривицкий рассказывает историю, удивительно хорошо подтверждающую рассказ Орлова:

«Перед первым московским процессом Ягода поручил Слуцкому провести допрос троцкиста Мрачковского и «сломить» человека, к которому Слуцкий питал глубокое уважение. Мы оба плакали, когда Слуцкий рассказывал мне о своем опыте в качестве инквизитора (выделено мной. — Л.Н.). Я передам рассказ Слуцкого, насколько он запомнился мне.

— Когда я начал допрос, я был чисто выбрит. Когда я закончил его, у меня выросла борода, — рассказывал Слуцкий. — Допрос продолжался девяносто часов. Каждые два часа раздавался звонок из кабинета Сталина. Его секретарь спрашивал: «Ну как, удалось вам уломать его?»

— Вы хотите сказать, что не покидали кабинет все это время? — спросил я.

— Нет, после первых десяти часов я вышел ненадолго, но мое место занял мой секретарь. В течение девяносточа-

сового допроса Мрачковского не оставляли одного ни на минуту. Его сопровождал охранник, даже когда он ходил в уборную.

Когда он в первый раз вошел в мой кабинет, он хромал, давало себя знать ранение ноги, полученное им в Гражданскую войну. Я предложил ему стул. Он сел. Я начал допрос словами: «Видите ли, товарищ Мрачковский, я получил приказ допросить вас». Мрачковский ответил: «Мне нечего сказать. Вообще мне не хочется вступать с вами в какие-либо разговоры. Вы и вам подобные хуже любого царского жандарма. Скажите мне, какое право вы имеете допрашивать меня? Где вы были во время революции? Я что-то не припомню, чтобы когда-либо слышал о вас в дни революционной борьбы» [31, с. 176].

Мрачковский заметил два ордена Красного Знамени на груди у Слуцкого и продолжал:

— Таких я на фронте никогда не встречал. Что же до орденов, то вы, должно быть, украли их.

Слуцкий молчал, он дал своему заключенному возможность излить желчь.

...Мрачковский поднялся и одним быстрым движением распахнул рубаху, обнажив шрамы от ран, полученных в сражениях за Советскую власть.

— Вот мои ордена! — воскликнул он...

Наконец Слуцкий заговорил:

— Нет, товарищ Мрачковский, я не крал своих орденов Красного Знамени. Я получил их в Красной Армии, на Ташкентском фронте, где сражался под вашим командованием. Я никогда не считал вас подлецом, да и сейчас не считаю. Однако вы находились в оппозиции и боролись против партии? Несомненно. А теперь партия дала мне приказ допросить вас. А что касается ран, посмотрите!

И Слуцкий оголил часть тела, показывая свои боевые шрамы.

— Они тоже с Гражданской войны, — добавил он. Мрачковский внимательно слушал, а затем сказал:

— Я не верю вам. Докажите мне.

Слуцкий велел принести свою официальную автобиографию из архива ОГПУ. Дал ее прочесть Мрачковскому. Затем он сказал:

— Я состоял в ревтрибунале после Гражданской войны. Позже партия направила меня в ОГПУ. Я лишь выполняю приказы. Если партия прикажет мне умереть, я пойду на смерть.

Слуцкий сделал это полтора года спустя, когда было объявлено, что он покончил жизнь самоубийством (обратим внимание, Кривицкий думает, что Слуцкий покончил с собой. Была, оказывается, и такая версия. — Л.Н.).

— Нет, вы переродились в полицейскую ищейку, в агента охраны, — сказал Мрачковский, затем помедлил и продолжал: — И все же, очевидно, из вас еще не вытравили всю душу.

Впервые Слуцкий почувствовал, что между ним и Мрачковским зародилась искра взаимопонимания. Он начал говорить о внутренней и международной обстановке, о советском правительстве, об угрозе извне и изнутри, о необходимости спасти партию любой ценой как о единственном пути продолжения революции (выделено мной. — Л.Н.).

— Я сказал ему, — рассказывал Слуцкий, — что лично я убежден, что он, Мрачковский, не контрреволюционер. Я достал из стола признания заключенных товарищей и показал ему доказательства того, как низко они пали, находясь в оппозиции советской системе.

На протяжении полных трех дней и ночей мы разговаривали и спорили. Все это время Мрачковский ни на минуту не заснул. Мне удалось урвать около трех-четырех часов сна за все время, пока мы с ним боролись.

...Дни и ночи проходили в спорах о том, что никто, кроме Сталина, не мог руководить большевистской партией. А Мрачковский твердо верил в однопартийную систему правления. Все же ему пришлось признать, что достаточно сильной партийной группировки, способной изменить партийный аппарат изнутри или сбросить руководство Сталина, не было. Несомненно, в стране наблюдалось глубокое недовольство, однако преодолеть его вне рядов партии означало бы покончить с системой, которой Мрачковский оставался верен.

И следователь, и заключенный согласились, что все большевики должны подчинить свою волю и свои дела воле и идеям партии. Они согласились, что необходимо ос-

таться в партии, даже если Сталин потребует ложных признаний с целью упрочения Советской власти (выделено мной. — Л.Н.).

— Я довел его до того, что он начал рыдать, — говорил мне Слуцкий. — Я рыдал с ним, когда мы пришли к выводу о том, что все потеряно, что единственное, что можно было сделать, — это предпринять отчаянное усилие предупредить тщетную борьбу недовольных «признаниями» лидеров оппозиции» [31, с. 179].

Итак, попробуем реконструировать позицию Слуцкого. Предположим, что Мрачковский прав и из начальника ИНО «еще не вытравили всю душу». Тогда мы увидим **верность революционному прошлому и веру в коммунистическую партию. При этом отсутствие особенных симпатий к Сталину и понимание того, что в реальности второй половины 30-х другого лидера у них нет.** Добавим к этому человеческие качества Слуцкого — хитрость и изворотливость.

И вот именно этот человек в декабре 1936 года сообщил Кривицкому о готовящемся соглашении Москвы и Берлина: «На этот раз дела обстоят серьезно. Вероятно, осталось только три или четыре месяца до заключения соглашения с Гитлером. Не сворачивай свою работу окончательно, но притормози активность... Заморозь работу своих людей в Германии. Придержи своих агентов, переправь их в другие страны, заставь их переучиваться, но помни, происходит изменение политики! — И чтобы окончательно рассеять мои сомнения, сказал с ударением: — Это теперь курс Политбюро...» [31, с. 187].

Весной 1937 года Кривицкий был в Москве, и в этот момент Слуцкий снова познакомил его с наиболее секретным... донесением из Германии. «Суть новостей заключалась в том, что проект соглашения между Сталиным и Гитлером заключен и доставлен в Москву Канделаки, секретным эмиссаром Сталина в Берлине.

Давид Канделаки, выходец с Кавказа и земляк Сталина, официально состоял советским торговым представителем в Германии. В действительности он был личным посланником Сталина в нацистской Германии. Канделаки в сопровождении Рудольфа! (псевдоним секретного представите-

ля ОГПУ в Берлине) как раз вернулся из Германии, и они оба быстро были доставлены в Кремль для беседы со Сталиным. Теперь Рудольф, который подчинялся Слуцкому по заграничной разведывательной службе, достиг такого положения с помощью Канделаки, что был направлен непосредственно с докладом к Сталину через голову его руководителя... Канделаки добился успеха там, где другие советские разведчики оказались бессильными. Он вел переговоры с нацистскими лидерами и даже удостоился личной аудиенции у самого Гитлера» [31, с. 198].

В этих рассказах только половина истории — правда, а другая — нет. Правда то, что Канделаки действительно был представителем Сталина в Берлине. Правда то, что он вел там переговоры с немцами. Правда то, что в апреле 1937 г. он вернулся в Москву. **Но все остальное — ошибка или дезинформация. Никакой встречи с Гитлером не было. Никакого соглашения с Германией не было.** Факт этот достаточно подробно изучен советскими и российскими исследователями. В работе «Сталин и НКВД» я сравнивал сообщения Слуцкого и реальный ход переговоров, показывал внутривнутриполитический контекст тех событий [74, с.121–122]. Дополню сейчас рассказом Судоплатова о встречах Канделаки и Шахта: «Личные высказывания Шахта о заинтересованности влиятельных финансово-промышленных кругов Германии в экономическом сотрудничестве с Советским Союзом, подтвержденные по линии разведки (!!! выделено мной. — Л.Н.), способствовали тому, что у Сталина и Молотова родилась иллюзия о возможности длительного мирного сосуществования с Германией на почве экономических связей. Такие люди в Германии были, но, как выяснилось вскоре, их экономическое и политическое влияние на Гитлера оказалось не столь... значительным» [34, с. 80].

Обратим внимание — Судоплатов подтверждает политический характер переговоров Канделаки и Шахта, подтверждает, что Кремль вел переговоры «серьезно», подтверждает, что разведка (по контексту рассказа — ИНО НКВД) подтвердила серьезность намерений Шахта (то есть Слуцкий о переговорах знал). Но — все закончилось неудачей, потому что Шахт не смог переубедить Гитлера. Канделаки расстреляли в 1937 году.

Тогда что такое рассказ об успехе миссии Канделаки: домыслы, фантазии или дезинформация? И кому принадлежит эта «версия»?

Кривицкий каждый раз ссылается на Слуцкого. Понятно, что, если все придумал сам «невозвращенец» Кривицкий, это делает его рассказ более убедительным — Слуцкий более информированный источник, чем он сам. Поэтому некоторые предполагают, что он просто приписывает Слуцкому эту легенду. Однако в мемуарах есть еще один интересный эпизод:

«В марте 1937 года я вернулся в Москву под предлогом обсуждения с Ежовым одного исключительно секретного дела... Я уже собирался вернуться в свою штаб-квартиру за границей, предварительно обсудив с наркомом Ежовым дело, которое заставило меня приехать в Москву. Одна из таких бесед происходила ночью. Ежов хотел видеть меня одного, и мы просидели с ним до четырех часов утра» [31, с. 201].

Надо же! Оказывается, было какое-то важное поручение Кривицкому, долгая личная беседа с Ежовым, без Слуцкого. И Кривицкий почти ничего не рассказывает об этой беседе! Про свою болтовню со Слуцким — целые страницы, а здесь — сквозь зубы цедит. Можно только понять, что обсуждалась информация об антигитлеровской консервативно-монархической оппозиции. Ежов, ссылаясь на Сталина, отказался верить в то, что эти планы имеют реальную политическую основу.

«Выйдя из его кабинета, я был удивлен, увидев Слуцкого, начальника иностранного отдела ОГПУ, и его помощника Шпигельглаза, которые ждали меня. Они были явно озадачены моей ночной беседой с Ежовым» [31, с. 202].

Не будем пока гадать о содержании его разговора и о причинах такой «застенчивости» Кривицкого. Ясно, что им движет не страх выдать государственную тайну — за «измену Родине» ему все равно полагалась смерть.

Важно сейчас другое: если бы рассказ о соглашении Сталина с Гитлером придумал сам Кривицкий и приписал его Слуцкому, то, конечно, эффектнее было бы приписать этот вымысел Ежову. Но нарком, по его словам, ничего такого вроде не говорит. Остается предположить, что в дан-

ном случае Кривицкий говорит правду и информацию о соглашении Сталина и Гитлера он действительно получил от Слуцкого. **Тогда зачем начальник ИНО распространял среди сотрудников эту дезинформацию? На какие шаги он хотел их подтолкнуть?**

Мне кажется, мы сможем понять это, если восстановим контекст событий. Еще в начале 1936 года в ИНО НКВД должны были получить сообщение о тайной встрече М. Тухачевского с представителем РОВС генералом Скоблиным на улице Сегюр в Париже, на которой маршал говорил о возможном перевороте в СССР и о возможном сближении Берлина и Москвы. Напомним, большинство исследователей убеждены, что Скоблин с 1930 года — сотрудник советской разведки и, конечно, должен был сообщить руководству о словах Тухачевского. Поскольку Скоблин сотрудничал и с немцами, в марте 1936 года «Гейдрих получил от проживавшего в Париже белогвардейского генерала, некоего Скоблина, сообщение о том, что советский генерал Тухачевский во взаимодействии с германским генеральным штабом планирует свержение Сталина». К слову сказать, Тухачевский встречался с представителями РОВС в Берлине. Во время этой своей поездки в Европу Тухачевский открыто говорил о скором повороте во внешней (и внутренней?) политике СССР и соглашении с Германией [74, с. 125].

В действительности все прогерманские заявления Тухачевского были, скорее всего, **игрой, спланированной Кремлем**. Минаков справедливо обращает внимание на тот факт, что после возвращения в Москву из турне по Европе **Тухачевский получил повышение**. 7 апреля на заседании Политбюро ЦК было принято решение о создании в РККА Управления боевой подготовки. М. Тухачевский **назначался 1-м замнаркома обороны** и начальником Управления боевой подготовки РККА (официально с 9 апреля). Статус Управления боевой подготовки, судя по тому, что его начальником являлся 1-й замнаркома, оказывался выше статуса Генерального штаба.

Иными словами, несмотря на свои провокационные заявления, Тухачевский пользовался доверием Сталина и получил повышение. Сталин играл на альтернативах. По-

литика СССР в 1935 и 1936 гг. включала в себя официальную антифашистскую (в первую очередь антигерманскую) составляющую. В нее входили поддержка демократического и антифашистского движения, союз с Францией и Чехословакией, помощь республиканской Испании. Официальными трансляторами этой политики выступали наркомы Литвинов и Ворошилов, лидеры Коминтерна — Г. Димитров и Мануильский. Однако была и неофициальная, альтернативная составляющая — зондаж возможного соглашения с Германией. Это миссии Радека, Канделаки, Тухачевского. Ее реализовывали заместители наркомов — Крестинский и Тухачевский. Это нормально и естественно. Политика всегда предполагает работу с альтернативными сценариями [74, С. 127].

Однако как относились к этой его игре союзники в Праге и Париже? Как воспринимали эту игру интернационалисты-коммунисты, евреи в НКВД, НКВД и Коминтерне?

Информация вызвала серьезную озабоченность у союзников СССР по антигитлеровскому союзу: у ЧСР и Франции. Об этом открыто говорил Бенеш советскому послу Александрову: «Тухачевский — дворянин, офицер, и у него были друзья в офицерских кругах не только Германии, но и Франции (со времен совместного плена в Германии и попыток Тухачевского к бегству из плена). Тухачевский не был и не мог быть российским Наполеоном, но... перечисленные качества Тухачевского плюс его германские традиции, подкрепленные за советский период контактом с рейхсвером, могли сделать его очень доступным германскому влиянию и в гитлеровский период... Если представить себе, что Тухачевский видел единственное спасение для своей родины в войне рука об руку с Германией против остальной Европы, в войне, которая осталась единственным средством вызвать мировую революцию, то можно даже себе представить, что Тухачевский казался сам себе не изменником, а спасителем родины» [62, с. 474].

«Если представить себе...» А если вместо имени Тухачевского «представить» имя Сталина? Да, у вождя нет давних связей в Германии, но он также может видеть спасение для СССР в войне, которая вызовет мировую революцию. Хочу быть правильно понятым — я говорю сейчас не о том,

что думал Сталин на самом деле, а о том, как воспринималась политика советского руководства в Праге.

Информацию о контактах советских военных с немцами Бенеш получил в начале февраля 1937 г. Но в Москву ничего не сообщил. «В своем дневнике посол [Александровский] записывает, что Бенеш извинился перед ним за то, что не поделился с советским руководством информацией о возможных тайных контактах верхушки вермахта со штабом Красной Армии». Совершенно очевидно — Бенеш считал (и справедливо), что Тухачевский в Берлине действует по инициативе Сталина, и поэтому решил не раскрываться перед ненадежным союзником. «Насколько припоминаю, — пишет Александров, — в конце апреля у меня был разговор с Бенешем, в котором он неожиданно для меня говорил, почему бы СССР и не договориться с Германией, и как бы вызывал этим меня на откровенность, на то, чтобы я сказал, что мы действительно собираемся кое о чем договориться» [71, с. 289]. И только после ареста Тухачевского Бенеш позволил себе откровенность.

Слуцкий, кстати по свидетельству Орлова и Кривицкого, в декабре 1936 — январе 1937 г. постоянно курсировал, был в треугольнике Москва — Прага — Париж, и не безрезультатно. Еще в 1935 году Советский Союз и Чехословакия подписали «секретное соглашение о сотрудничестве разведывательных служб. Для решения этого вопроса в Москве побывал начальник чешской разведки полковник Моравец. Сотрудничество советской и чешской разведки, обмен информацией первоначально координировались Разведупром Красной Армии, а с 1937 года — НКВД».

Накануне этих решений «в первую неделю декабря 1936 года специальный курьер, прибывший самолетом в Гаагу, передал мне, — вспоминает Кривицкий, — срочное донесение от Слуцкого... Как обычно, переданное нашим курьером донесение было заснято на небольшом ролике пленки с помощью специальной фотокамеры. Этот метод использовался для всей нашей почтовой корреспонденции. Когда пленку проявили и передали мне, на ней можно было прочесть следующее:

«Выбрать из наших сотрудников двух человек, способных исполнить роль германских офицеров. Они должны

иметь достаточно выразительную внешность, чтобы походить на военных атташе, должны иметь привычку разговаривать как истинно военные люди, а также должны внушать исключительное доверие и быть смелыми. Подберите их незамедлительно. Это чрезвычайно важно. Надеюсь увидеть Вас в Париже через несколько дней».

Советский разведчик был недоволен этим распоряжением — не хотел отдавать своих агентов на сторону, не хотел ставить под удар созданную сеть. При личной встрече со Слуцким он высказал начальнику свое несогласие с этим приказом:

— Что ты задумал? Что вы, не понимаете, что делаете?

— Конечно, понимаем, — ответил Слуцкий. — Но это не обычное дело. Оно настолько важно, что мне пришлось оставить всю остальную работу и прибыть сюда, чтобы ускорить его.

Мои агенты не предназначались для специальной работы в Испании, как я первоначально думал. Очевидно, перед ними ставилась какая-то безумно сложная задача во Франции. Тем не менее, я продолжал протестовать против передачи их ОГПУ, пока, наконец, Слуцкий не сказал:

— Так надо. Это приказ самого Ежова. Мы должны подготовить двух агентов, которые могут сыграть роль чистокровных германских офицеров. Они нам нужны немедленно. Это дело настолько важное, что все остальное не имеет никакого значения.

Я сказал ему, что уже вызвал двух лучших агентов из Германии и что они вот-вот придут в Париж. Беседа продолжалась на другие темы до глубокой ночи. Через несколько дней я возвратился в свою штаб-квартиру в Голландии. Нужно было перестроить работу моей организации в Германии».

Некоторую информацию о характере задания, которое выполняли его люди, Кривицкий получил только в мае 1937 года: «Но в коридорах Лубянки я столкнулся с Фурмановым, начальником отдела контрразведки, действующего за границей среди белоэмигрантов.

— Скажи, тех двоих первоклассных людей, это ты послал к нам? — спросил он.

Я не понял, о чем речь, и спросил:

— Каких людей?

— Ты знаешь, немецких офицеров, — ответил он и начал шуткой укорять меня за упорство, с которым я не желал отпускать моих агентов в его распоряжение.

Это дело полностью выскользнуло у меня из памяти.

Я спросил у Фурманова, как ему удалось узнать обо всем этом.

— Так это было наше дело, — с гордостью ответил Фурманов.

Я знал, что Фурманов в ОГПУ отвечал за антисоветские организации за рубежом, такие, как Международная федерация ветеранов царской армии, во главе которой стоял живший в Париже генерал Миллер. (Имеется в виду РОВС. — Л.Н.) Из его слов я понял, что двое моих агентов были направлены на связь с русскими белоэмигрантскими группами во Франции. Я вспомнил, что Слуцкий назвал это делом величайшей важности. Фурманов теперь дал мне понять, что существовал реальный заговор, послуживший мотивом чистки Красной Армии. Но до меня это тогда не дошло» [31, с. 203].

Итак, эти агенты должны были играть роль офицеров вермахта, которые вступили в контакт с РОВС. Руководил контрразведкой РОВС генерал Скоблин, который был сотрудником НКВД.

Дальше рассказ Кривицкого хорошо согласуется с широко распространенными мемуарами Вальтера Шелленберга о том, как Гейдрих получил сообщение от генерала Скоблина о том, что Тухачевский при поддержке генералов вермахта планирует свержение Сталина. Гейдрих по приказу Гитлера сначала создал соответствующий компромат — доказательства, а затем при посредничестве Бенеша передал его Сталину. Показательно, Шелленберг не отрицает при этом того, что немцы знали (допускали?), что Скоблин сотрудник НКВД.

Версия Шелленберга всегда вызывала сомнения массой деталей, и для нас не важно, было ли это на самом деле. Мы анализируем не то, что делали или не делали немцы, а что делало руководство НКВД. То есть нам важно не то, что делали немцы на самом деле, а какой информацией об их поведении оперировали в Москве.

Примерно в то же время подробности событий о деле

Тухачевского сообщает Орлов и Шпигельглаз: «Сразу же после казни Тухачевского и его соратников Ежов вызвал к себе на заседание маршала Буденного, маршала Блюхера и нескольких других высших военных, сообщил им о заговоре Тухачевского и дал подписать заранее подготовленный «приговор трибунала».

Каждый из этих невольных «судей» вынужден был поставить свою подпись, зная, что в противном случае его просто арестуют и заклеят как сообщника Тухачевского.

На первый взгляд как будто это рассказ о сталинском произволе, но тут же Шпигельглаз восклицает: «Это был настоящий заговор!.. — Об этом можно судить по панике, охватившей руководство: все пропуска в Кремль были вдруг объявлены недействительными, наши части подняты по тревоге! Как говорил Фриновский, «все правительство висело на волоске», невозможно было действовать как в обычное время — сначала трибунал, а потом уж расстрел. Их пришлось вначале расстрелять, потом оформить трибуналом!»

А это уже иная версия событий. Получается, что Шпигельглаз убеждает Орлова в реальности заговора Тухачевского (верит он сам или не верит — это другой вопрос). Кстати, и сам Орлов, слушая рассказ Шпигельглаза, не должен сомневаться в его правдивости — он-то как раз вроде бы считает, что заговор Тухачевского был [74, с. 140—142].

Интересно, что точно такой же рассказ есть и в мемуарах Кривицкого. Во время ареста Тухачевского он был в Москве и рассказывает: «Я пошел прямо к Михаилу Фриновскому, заместителю наркома ОГПУ, который вместе с Ежовым проводил великую чистку по приказу Сталина.

— Скажите, что происходит? Что происходит в стране? — добивался я от Фриновского. — Я не могу выполнять свою работу, не зная, что все это значит. Что я скажу своим товарищам за границей?

— Это заговор, — ответил Фриновский. — Мы как раз раскрыли гигантский заговор в армии, такого заговора история еще никогда не знала. Но мы все возьмем под свой контроль, мы их всех возьмем» [31, с. 202].

Далее уже в начале июля в Париже у Кривицкого тоже

был разговор со Шпигельглазом о деле Тухачевского. После спора об эффективности официальной пропаганды советские разведчики перешли к существу дела, и Шпигельглаз провозгласил возбужденным тоном:

«— Они у нас все в руках, мы всех их вырвали с корнем...

...Мы все выяснили еще до разбора дела Тухачевского и Гамарника. У нас... есть информация из Германии. Из внутренних источников. Они не питаются салонными беседами, а исходят из самого гестапо. — И он вытащил бумагу из кармана, чтобы показать мне. Это было сообщение одного из наших агентов, которое убедительно подтверждало его аргументы.

— И вы считаете такую чепуху доказательством? — парировал я.

— Это всего лишь пустячок, — продолжал Шпигельглаз, — на самом деле мы получали материал из Германии на Тухачевского, Гамарника и всех участников клики уже давным-давно.

— Давным-давно? — намеренно повторил я, думая о «внезапном» раскрытии заговора в Красной Армии Сталиным.

— Да, за последние семь лет, — продолжал он. — У нас имеется обширная информация на многих других, даже на Крестинского».

Итак, сделаем первый вывод. Несмотря на то, что Кривицкий не любит Орлова, по сути, они сообщают одно и то же — Шпигельглаз летом — осенью в 1937 году вслух никаких сомнений в деле Тухачевского не высказывал и даже, наоборот, с горячностью доказывал обратное.

Думается, что в это можно верить. Во-первых, потому что не ясно, с чего это он должен особенно раскрываться перед Кривицким и Орловым, даже если сомнения есть. А во-вторых... Обратим внимание на его слова «за последние семь лет» — то есть в начале 30-х...

В начале осени 1930 г. в Париже сотрудники НКВД СССР завербовали Николая Скоблина, и в отделе работы с иностранцами ОГПУ появились расписки генерала и его жены о согласии сотрудничать за ежемесячную оплату в двести долларов. Николай Скоблин руководитель внутренней линии РОВС — контрразведки эмигрантской организации.

Вернемся к разговору Кривицкого и Шпигельглаза:

«— Вы действительно всерьез полагаетесь на информацию из Германии? — заметил я.

— Мы получаем информацию через кружок Гучкова, — ответил Шпигельглаз, — туда внедрен наш человек.

Когда Шпигельглаз сказал мне, что сведения против Тухачевского получены от агентов ОГПУ в гестапо и попали в руки Ежова и Сталина через кружок Гучкова, я едва удержался, чтобы не ахнуть... Кружок Гучкова представлял собой активную группу белых, имеющую тесные связи, с одной стороны, в Германии, а с другой стороны, самые тесные контакты... в Париже с РОВС, возглавляемой генералом Миллером.

По данным Шпигельглаза, связь ОГПУ с кружком Гучкова была по-прежнему такой же тесной... У ОГПУ был человек в самом центре кружка. Было очевидно, что клика Миллер — Гучков, состоящая из белых, имела в своих руках оригиналы главного «доказательства» измены Тухачевского».

По сути, Шпигельглаз говорит о том, что информация в Москву пошла с момента вербовки Скоблина. Сам же Кривицкий считал, что эти доказательства сфабрикованы его собственными агентами. По его словам, за полгода до разговора с Шпигельглазом.

Как известно, существуют три версии, объясняющие арест группы Тухачевского. Часть исследователей предполагают, что был реальный заговор, другие считают, что дело маршала сфабриковано. В работе «Сталин и НКВД» я уже пытался доказать, что версия о заговоре военных, скорее всего, создана группой офицеров НКВД [74, с. 156—157].

Дело в том, что если заговор Тухачевского сфабрикован, то это либо приказ Сталина, либо провокация НКВД.

Считаю, что Сталин в июне 1937 года искренне верил в то, что Тухачевский предатель. Во-первых, я думаю так, потому что до самого конца 1936 года он поддерживал маршала, сделал первым заместителем Ворошилова. Много говорится о ненависти и зависти Сталина к Тухачевскому, но до начала 1937 года она не очень мешала карьере этого человека. Скорее Сталин спас Тухачевского от чекистов в

1930-м. А то, что он не очень любил этого человека, то кого Сталин любил и кому верил?

Во-вторых, процесс над группой Тухачевского, Якира, Уборевича отличается от других московских процессов, от процесса над Зиновьевым и Каменевым в 1936-м, Пятаковым и Радеком в 1937 г. и бухаринского процесса 1938 года. Все остальные московские процессы были пропагандистскими акциями, рассчитанными как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию. Заключение месяцами находилось под следствием, их показания часто долго репетировались. Военных арестовали и почти сразу расстреляли. Причем судили закрытым судом. Иными словами — это была не пропагандистская, а политическая акция.

В-третьих, после ареста в апреле 1936 года группы Ягоды Тухачевский неизбежно попадал под подозрение. Ведь следить за лояльностью руководства РККА должны были чекисты. Но если и Ягода, и Гай, и Молчанов, и другие оказались «правыми заговорщиками», то разве они могли разоблачить заговор военных? Так или примерно так должен был думать Сталин, ведь в его системе координат и Тухачевский, и Ягода — «правые». Именно поэтому в январе 1937 г. Тухачевского отправляют в длительный отпуск.

Если Сталин весной 1937 года поверил в реальность заговора военных, то откуда он получил доказательства? Считаю, что прав Судоплатов, который сомневается и в «немецком следе» этой провокации, и в активной роли Бенеша. Скорее всего, источником провокации были чекисты, а вот кто именно? Высокие назначения получили те чекисты, которые непосредственно вели дело. Начальник особого отдела Леплевский стал наркомом внутренних дел УССР. Для него это назначение было особенно важное и приятное еще и потому, что позволяло отомстить бывшему наркому республики комиссару 1-го ранга Балицкому, который несколько лет назад «выдавил» его из Украины. Но это награда за быстрый ход следствия над уже арестованными «врагами». А почему Сталин разрешил арестовать военных? Кто дал ему информацию о том, что Тухачевский «ведет двойную игру». Разоблачение «заговора военных» стало толчком к политическому взлету и Ежова, и

Фриновского. Очевидно, что Сталин доверяет им, но решатся ли они в апреле 1937 года на обман Хозяина? Потом — пойдут, и не раз, а сейчас, «в начале большого пути» (который привел их к расстрелу в феврале 1940 года)? А вот разведчики из ИНО еще не потеряли готовность к самостоятельным политическим шагам.

И здесь надо учитывать важную деталь — Слуцкий, скорее всего, реально сомневается в том, что Тухачевский не причастен к заговору военных.

Во-первых, он, скорее всего, знает о сообщении Скоблина в начале 1936 года, но не должен знать о том, что Тухачевский действовал по поручению Сталина (это информация не его уровня).

Во-вторых, еще в 1930 году чекисты получили компромат на Тухачевского. В рамках арестов по делу «Весна» был арестован давний друг Тухачевского Н. Какурин. Спустя неделю после ареста он дал показания на самого Тухачевского: «В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая... В Ленинграде собирались у Тухачевского, лидером всех этих собраний являлся Тухачевский... В момент XVI съезда и после было уточнено решение «сидеть и выжидать», организуясь в кадрах в течение времени наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК. Но тогда же Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции, как цели развязывания правого уклона и перехода на новую высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон. В ходе «домашних бесед» М. Тухачевский объяснял, в какой примерно ситуации может открыться путь к установлению военной диктатуры... Михаил Николаевич говорил, что можно рассчитывать на дальнейшее обострение внутрипартийной борьбы». Он пояснял наиболее вероятные варианты развития политического процесса, из которых может «вырастать» необходимость установления военной диктатуры. «Я не исключаю возможности, — говорил М. Тухачевский, — в качестве одной из перспектив, что в пылу и ожесточении этой борьбы страсти и политические и личные разгораются настолько, что будут забыты и перейдены все рамки и границы... Возможна

и такая перспектива, что рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина» [34, с. 396].

Эта информация через две недели, 10 сентября, была доложена Сталину Менжинским, который советовал немедленно арестовать Тухачевского. Однако вождь не дал разрешения на это. Только спустя полтора месяца (!), в конце октября, он решил провести очную ставку Какурина и Тухачевского. И хотя на ней Какурин (и еще Троицкий) подтвердил свои показания, Тухачевского признали невиновным. Можно предположить, что в спасении Тухачевского свою роль сыграло заступничество других командиров: «...обратились к тт. Дубовому, Якиру и Гамарнику: правильно ли, что надо арестовать Тухачевского как врага. Все трое сказали: нет, это, должно быть, какое-то недоразумение» [71, с. 403]. Думается все же, что позиция Сталина была решающей. Ведь если бы он дал согласие на арест Тухачевского еще в сентябре, то стали бы другие за него заступаться так же решительно? Сталин в 1930 г. Тухачевскому поверил, а чекисты поверили? Или просто приняли к сведению, что Хозяин, по мало объяснимой для них причине, не дал согласия на арест правого заговорщика?

В-третьих, информация о сомнительности поведения Тухачевского Слуцкий получает не первый раз. Подчеркнем — не ОГПУ, а именно он. Заместителем Слуцкого был Борис Берман. В январе 1931 года по линии ИНО ОГПУ сотрудником полпредства СССР в Германии были получены сведения о переговорах рейхсканцлера фон Папена с западными державами о создании антисоветского лагеря. За работу в Берлине Берман был награжден именованным оружием.

В то же время Абрам Слуцкий был главным резидентом ИНО по странам Западной Европы и действовал под прикрытием сотрудника торгпредства в Берлине в 1931—1932 гг. Именно в этот момент агенты берлинской резидентуры ИНО ОГПУ А. Позаннер и Хайровский начинают сообщать в Центр о существовании «национал-большевистской группировки... сторонников устранения евреев от руководства государством, и провозглашения военной диктатуры» [62, с. 302]. Во главе этого заговора вроде бы стоял

Тухачевский. Естественно, для евреев-коммунистов это была крайне тревожная ситуация.

Именно при Слуцком и его заместителе Бермане (когда они в Берлине) шла в Москву информация от агента о деятельности «военной партии» в СССР. После их возвращения в Москву она прекратилась. Сыграло роль то, что руководитель ИНО Артузов не поверил в это. А в 1935 году, когда Слуцкий сменил Артузова на посту начальника ИНО (а заместителем стал Берман), в Центр снова пошли сообщения от агентов о заговоре в армии. Была возобновлена работа по этой версии. Впервые на это обстоятельство обратил внимание А. Колпакиди...

Заместитель Слуцкого Борис Берман, по характеристике Орлова, «вовсе не был бездушным инквизитором (в ком) годы службы в НКВД не притупили... чувства справедливости и сострадания. Но, прикованный, как раб, к сталинской колеснице... послушно исполнял приказы, идущие сверху» [74, с. 360]. Еще один честный разведчик, коммунист, еврей-интернационалист.

Иными словами, Тухачевский и не воспринимался офицерами НКВД как «свой», и его дискредитация, с их точки зрения, не противоречила интересам коммунистического движения.

В конкретной политической ситуации 1936—1937 гг. дезинформация о «заговоре Тухачевского» должна была иметь целью срыв вероятного соглашения Москвы и Берлина.

С точки зрения честных коммунистов, угроза и для них, и для их дела приобретала серьезный характер... «Хотя верхушка НКВД связала свою судьбу со Сталиным и его политикой, — вспоминал Орлов, — имена Зиновьева, Каменева, Смирнова и в особенности Троцкого по-прежнему обладали для них магической силой (выделено мной. — Л.Н.). Поэтому расстрелы троцкистов летом 1936 года нарушали важнейшие, с их точки зрения, принципы — «коммунистов расстреливать нельзя».

Показательно, что и в Берлине внимательно присматривались к сталинской борьбе с троцкистами. В январе 1937 года под влиянием процесса параллельного троцкист-

ского центра Геббельс записал в своем дневнике: «В Москве опять показательный процесс. На сей раз почти исключительно против евреев. Радек и другие. Фюрер еще сомневается, имеется ли в процессе скрытая антисемитская тенденция. Возможно, Сталин все же желает избавиться от евреев... Итак со вниманием будем следить за дальнейшим» [29, с. 181].

С этих позиций соглашение Сталина и Гитлера, конечно, нанесет сильный удар по делу социализма в СССР и во всем мире (как это и было потом воспринято в 1939 году).

Наверное, свою роль играл и национальный фактор — нежелание евреев, коммунистов и интернационалистов допустить соглашение с фашистской Германией.

Подведем итог тому, что мы установили. Слуцкого убили при загадочных обстоятельствах, но бытовало мнение, что его смерть связана с операциями за кордоном. Мы знаем, что весной 1937 года он распространял дезинформацию о том, что соглашение между Москвой и Берлином вступило в завершающую фазу. Несколькими месяцами раньше он был причастен к подготовке дезинформации о переговорах Тухачевского с генералами вермахта.

Мы знаем, что в действительности инициативы Тухачевского и Канделаки по установлению контактов между руководством СССР и Германии осуществлялись по указанию Сталина. Тогда для характеристики отношения группы Слуцкого к происходящему могут быть применены слова человека с похожей судьбой: еврея-коммуниста, советского разведчика, в дальнейшем заключенного ГУЛАГа — Леопольда Треппера:

«Сердце мое разрывалось на части при виде революции, становящейся все меньше похожей на тот идеал, о котором мы все мечтали, ради которого миллионы других коммунистов отдавали все, что могли... Революция и была нашей жизнью, а партия — нашей семьей, в которой любое наше действие было пронизано духом братства.

Мы страстно желали стать подлинно новыми людьми. Мы готовы были себя заковать в цепи ради освобождения пролетариата. Разве мы задумывались над своим собственным счастьем? Мы мечтали, чтобы история наконец пере-

стала двигаться от одной формы угнетения к другой, и кто же лучше нас знал, что путь в рай не усыпан розами?..

Наши товарищи исчезали, лучшие из нас умирали в подвалах НКВД, сталинский режим извратил социализм до полной неузнаваемости. Сталин, этот великий могильщик, ликвидировал в десять, в сто раз больше коммунистов, нежели Гитлер. Между гитлеровским молотом и сталинской наковальней вилась узехонькая тропка для нас, все еще верящих в революцию. И все-таки вопреки всей нашей растерянности и тревоге, вопреки тому, что Советский Союз перестает быть той страной социализма, о которой мы грезили, его обязательно следовало защищать».

Но как его защищать, если во главе страны стоит человек, который убивает коммунистов и ведет переговоры с Гитлером? С точки зрения идейных коммунистов-антифашистов, есть реальная опасность бонапартистского переворота и сговора с фашистами. Если Сталин попробует на это решиться, то он неизбежно столкнется с сопротивлением идейных коммунистов в Коминтерне, группы Литвинова в НКВД, евреев-антифашистов в НКВД.

По крайней мере, спустя полтора года, прежде чем был заключен пакт Молотова—Риббентропа, его подписанию предшествовал ряд кадровых решений.

Во-первых, на посту наркома внутренних дел Ежова сменил Л.П. Берия и устроил кадровую чистку в наркомате. В результате летом 1938 года в руководстве НКВД евреев и коммунистов с дореволюционным партстажем (и особенно евреев) почти не осталось.

Во-вторых, еврея Литвинова на посту наркома иностранных дел сменил Вячеслав Михайлович Молотов. «Когда сняли Литвинова и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: «Убери евреев из наркомата». Слава Богу, что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов».

У офицеров ИНО НКВД, встревоженных ходом событий, конечно, недостаточно властного ресурса, чтобы повлиять на ход событий и убрать Сталина. Единственным оружием была информация и дезинформация. Но для сотрудников внешней разведки она всегда была главным и

естественным оружием. Им надо было найти такой политический ход, при котором удастся сорвать возможное соглашение Сталина и Гитлера. Причем сорвать так, чтобы не дискредитировать родину социализма в глазах потенциальных союзников. **Самый эффективный путь к этому — представить западным антифашистам миссии Тухачевского и Канделаки в 1936 году самодеятельностью («изменой»), а самого Тухачевского заговорщиком. Таким образом, достигается сразу несколько задач:**

- удастся предотвратить эволюцию СССР в направлении национал-социализма;
- сорвать переговоры Сталина и Гитлера;
- сохранить лицо Страны Советов перед антигермански настроенными политиками в Париже и Лондоне.

Сделать это можно только одним путем: убедить Сталина, что Тухачевский предатель. Для этого надо показать, что он не полностью открыл в Москве свои связи и контакты и с РОВС, и с немцами. Путь к этому — предоставить данные, полученные от белых и от немцев (а скорее всего, от одних к другим), о том, что Тухачевский рассказал не все о своих контактах в Париже и Берлине в 1936 г. и что после возвращения в Москву Тухачевский продолжает поддерживать (теперь уже несанкционированные) контакты с немцами. Эту информацию, видимо, и должны были создать агенты Кривицкого в своих контактах с руководителями РОВС. А оттуда сигнал пошел в Москву и уже как развединформация стал основой «разоблачения заговора военных».

Конечно, формальных доказательств этой интерпретации событий нет. Просто пока это представляется единственной непротиворечивой версией, объясняющей все известные нам факты.

А именно:

- руководство СССР и Коминтерна в 1934—1938 гг. официально проводило политику единого антифашистского фронта и создания системы коллективной безопасности;
- одновременно с этим Москва вела зондаж Берлина через Канделаки и Тухачевского;

— в 1936 году Тухачевский пользовался доверием Сталина;

— мы знаем о том, что возможность соглашения Сталина и Гитлера вызывала страх антифашистов и интернационалистов;

— мы не знаем ничего о попытках переговоров Москвы с Берлином с весны 1937 до весны 1939 г., то есть во время «большой чистки»;

— антифашизм — официальная идеология репрессий, в ходе репрессий ликвидированы именно те группы в советском руководстве, которые могли быть посредниками в переговорах с Берлином;

— у нас нет доказательств реального участия Тухачевского в заговоре против Сталина;

— мы знаем о том, что Слуцкий участвовал в каких-то информационных играх.

Наличие непротиворечивой версии не является, конечно, доказательством. Нужны документы. Но какие документы могут остаться в таком деле?

То, что и так известно: Москва получила какие-то материалы о «измене Тухачевского» от Скоблина. Все остальное, если и было, вряд ли могло сохраниться.

Ирония судьбы заключается в том, что инициаторы этой дезинформации и так все прямо сказали — они боятся фашистской эволюции СССР, боятся соглашения Москвы и Берлина. Заявили об этом на весь мир, открыто подготовив московские процессы, рассказав на весь мир о том, что сорвали прогерманский поворот в советской внешней политике. Они только не сказали, что видят основную угрозу для себя и для своего дела в позиции Сталина. Но разве они могли это сказать?

Думается, что Ежов и Фриновский, со своей стороны, быстро увидели открывшиеся возможности, которые давало и разгром Тухачевского, Якира, Гамарника и Уборевича. По сути, с этого момента НКВД превращался в основную силовую структуру в СССР. Да и новые возможности карьерного роста нет смысла недооценивать.

ОТСТУПЛЕНИЕ 3: «ОСОБЫЕ ПОРУЧЕНИЯ» НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

В обвинительном заключении по делу Ежова, как мы помним, говорилось, что «через внедренных заговорщиками в аппарат Наркомвнудела и дипломатические посты за границей Ежов и его сообщники стремились обострить отношения СССР с окружающими странами в надежде вызвать военный конфликт... подготовить нападение Японии на советский Дальний Восток».

О чем это Берия пишет?

В Японии и Китае

«Международная мировая Вторая империалистическая война по справедливому указанию т. Сталина, уже начатая на двух континентах — на крайнем Западе и на крайнем Востоке, как вам известно, не только не прекратилась, а продолжается, и неизвестно, когда, в какой части, каким порядком, в какой форме вовлечет в свою орбиту новые страны, зажжет те или иные народы своим пламенем» [21, с. 130]. Конечно, это неудачная стенограмма. Вторая мировая война началась не «по указанию т. Сталина». Интереснее другое: в 1938 году исходили из другой периодизации истории и в ноябре 1938 г. считали, что Вторая мировая уже идет!

Положение на Тихом океане требовало сложного маневрирования. Япония готовилась к войне с СССР.

В 1933 г. в Токио вышла очень характерная книга Хираты Синсаку «Как мы будем воевать», описывающая в том числе и будущую войну с СССР:

«...Первыми пунктами столкновения обеих армий явятся: во-первых, направление Пограничная — Владивосток, во-вторых, Благовещенское направление и, в-третьих, направление Маньчжурия — Даурия...

В первую очередь необходимо бомбардировать и уничтожить Спасскую Ленинскую авиабригаду, ибо выступление сильной бригады в 150 самолетов нанесет нашей армии сильный урон, и не только фронтовым частям, но и местам дислокации частей в Корее и Гиринской провинции...

Наша авиация, даже ценой потери всех своих самолетов, должна уничтожить Ленинскую авиабригаду...

Падет ли Владивосток через неделю, или он продержится месяц, или же, как Порт-Артур, около года? Этот вопрос до наступления событий не может быть решен, однако, думается, осада не затянется слишком долго. Потерявшая авиацию Красная Армия не сможет долго обороняться.

Противник будет еще причинять нам урон отравляющими веществами и тяжелой артиллерией, но падение Владивостока уже явится предрешенным. Концом обороны этих укреплений будет либо выкинутый белый флаг, как это имело место в Порт-Артуре, либо ожесточенный рукопашный бой пехоты в противогазах, либо (и это будет честью для Красной Армии) Владивосток будет занят после полного уничтожения его гарнизона...

...На северном берегу Амура длинной змеей растянулись позиции Красной Армии. Десятки орудий и сотни пулеметов образуют линию перекрестного заградительного огня, создавая сильную оборону.

При переправе здесь разгорится ожесточенный бой, который может быть назван современным Удзикавским сражением.

Наша армия, ценой большого урона, окрасив воды Амура в цвет крови, все же возьмет Благовещенские позиции...» [106, с. 429]

Квантунская армия превращается в мощную группировку войск. Срок службы в ней всему призывному контингенту продлевается на один год. Подготовленные резервисты постоянно пополняют ее ряды. Суть оперативного плана Квантунской армии на 1937 финансовый год состояла в следующем:

«1. Итоги оперативной политики и цели. С началом военных действий Квантунская армия выдвигает основные свои силы к восточной [106, с. 430] границе, где захватывает и закрепляет за собой ключевые пункты. Сосредоточившись на границе, Квантунская армия (в течение примерно 30 дней) прикрывает прибытие пополнений из метрополии и Кореи и их сосредоточение в Маньчжурии. Получив пополнение, Квантунская армия наступает в южные районы

Приморского края с тем, чтобы ослабить и разгромить главные силы советской Дальневосточной армии. В это время войска Северного и Западного фронтов ведут сдерживающие действия...

Разгромив главные силы противника в южных районах Приморского края и удерживая оккупированные районы частью сил, японские войска перегруппировывают свои главные силы на северный и западный фронты, наносят удары и громят силы противника, которые могли вторгнуться в Маньчжурию на этих направлениях, затем наступают до рубежа Рухлово — западные скаты Б. Хингана...»

Своеобразным ответом на это было выступление маршала Блюхера на XVII съезде: «Наблюдая военные мероприятия японского империализма, мы не могли и не можем остаться к ним безучастными... Мы крепко, на замок запираем наши границы... Воевать мы не хотим, но если нас заставят, вынудят, то Особая Краснознаменная Дальневосточная Красная Армия — от красноармейца до командарма, как беззаветно преданные солдаты революции — под непосредственным руководством Центрального Комитета партии ответят таким ударом, от которого затрепещат, а кое-где и рухнут устои капитализма» [106, с. 440]. Где это они рухнут? В Маньчжурии? В Китае? А может быть, на Островах Восходящего Солнца? Впрочем, для этого нужен флот...

В нашу задачу не входит анализ сложной политической игры, которую вело советское руководство в тихоокеанском регионе. Ясно, что, с одной стороны, многие руководители видели главную свою задачу в поддержке мирового революционного движения. И Коминтерн, и НКВД, и военная разведка вели работу в Китае и Корее. С другой стороны, важно было не спровоцировать конфликт, в котором СССР оказался бы с Японией один на один.

Военная подготовка сопровождалась дипломатическими усилиями. Народный комиссар иностранных дел Литвинов поддержал предложение о так называемом «Тихоокеанском региональном пакте» — некоем аналоге европейской системы коллективной безопасности: «только такой пакт может окончательно прекратить агрессию Японии и обеспе-

читать мир на Дальнем Востоке. Япония не могла бы, и не смела бы, противопоставлять себя тихоокеанским государствам и рано или поздно сама присоединилась бы к ней».

Однако этот проект не реализовался прежде всего из-за отказа США.

Китай предлагал СССР двухстороннее соглашение, но Сталин уклонялся от этого. 7 июля 1937 года началась японо-китайская война.

28 июля японская армия вошла в Пекин. 12 ноября в Шанхай, 13 декабря японцы вошли в столицу гоминьдановского Китая — Нанкин. Для СССР начавшаяся война открывала новые возможности. Во-первых, чем серьезнее японцы втягивались в войну с Китаем, тем меньше была вероятность нападения на Приморье из Маньчжурии.

Во-вторых, Китай был заинтересован в военной помощи СССР, и у Кремля появился серьезный инструмент давления на Чан Кайши.

В-третьих, в случае поражения японцев в Китае у СССР возникала возможность нанести удар по самураям с тыла.

Именно поэтому 21 августа 1937 года был заключен договор с Чан Кайши. С осени начались поставки советского вооружения в Китай. В итоге с октября 1937 года по сентябрь 1939 г. китайская сторона для борьбы с японским агрессором получила из Советского Союза 985 самолетов, 82 танка, более 1300 орудий, свыше 14 тыс. пулеметов. Они оплачивались на основе кредитных соглашений 1 марта 1938 года и 1 июля 1938 года.

Одновременно с этим в Монголию в августе 1937 г. вошел корпус Конева — готовился военный конфликт с Японией.

Одновременно произошла смена полпреда СССР в МНР. Новым дипломатом стал комиссар ГБ 3-го ранга С.Н. Миронов. При его активном участии в стране развернулись массовые репрессии.

Союз с Гоминьданом должен был вызвать сопротивление среди работников Коминтерна. Когда в декабре 1936 года генерал Чжан Сюэлян арестовал Чан Кайши, реакция части ИККИ была однозначной, вспоминал соратник Ко-

минтерна Го Шаотан (Г.А. Крымов): «Надо кончать с Чан Кайши». Не нашлось никого, кто бы высказался против необходимости рассчитаться с этим злейшим врагом китайского народа... В коридоре я встретил Мануильского. Он потирал руки и, обняв меня, сказал: «Попался голубчик» [102, с. 115].

Сталин потом обвинял посла в Китае Богомолова в том, что тот неправильно информировал Кремль о ситуации в Китае: «Богомолов очень тормозил заключение пакта о ненападении. Он нас убеждал, что Чан Кайши заключать договора не хочет, он стремится лишь разговорами о договоре шантажировать Японию... Богомолов нас также убеждал, что вся оборона Китая ничего не стоит, что Шанхай не продержится более двух недель, что вообще Китай может сопротивляться не более трех месяцев, что Чан Кайши колеблется. Но вот проходит месяц, Шанхай обороняется, мы вызвали Богомолова и спрашиваем: ты кто такой?» [64, с. 135—136]. Сталин назвал Богомолова «троцкистом» — имея в виду, что именно «левые» в 20-х гг. выступали против Гоминьдана.

Спустя год японцы получают информацию, что Блюхер выступал за войну с Японией: «СССР должен нанести удар по Японии в интересах национально-освободительного движения в Китае» [102, с. 144].

Кто из советских руководителей на самом деле отдавал предпочтение «революционной перспективе», а кто был настроен прагматично — предмет отдельного анализа специалистов. Сталин мог только приписывать Богомолову свои собственные сомнения...

В СССР

Как известно, в апреле 1936 года в командовании РККА возникла дискуссия между Тухачевским, с одной стороны, и Якиром и Уборевичем — с другой. Первый считал, что есть реальная угроза войны на два фронта уже в 1937 году, причем главная опасность, с его точки зрения, исходила от Германии. Оппоненты считали, что стратегически наиболее важным является дальневосточный театр военных действий.

Именно в этой ситуации в военно-политическом руководстве страны начинается интрига, направленная на снятие Блюхера с должности командующего ОКДВА. «И вот начинается кампания, очень серьезная кампания, — говорил Сталин 2 июня 1937 года, защищая В. Блюхера. — Хотят Блюхера снять... Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам... Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять... Путь бомбардирует. Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник...»

В качестве кандидатуры на должность командарма обсуждаются Уборевич и Тухачевский. Однако спустя год, летом 1937 г., Сталин уже публично берет под защиту маршала Блюхера: «Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой».

Означает ли это, что Сталин верил Блюхеру? Вряд ли. Просто уничтожив группировки и Тухачевского, и Якира — Гамарника, и Уборевича, он не хотел пока лишаться этого маршала, который ненавидел и Гамарника, и Тухачевского.

Одновременно с этим в Монголию в августе 1937-го вошел корпус Конева — готовился военный конфликт с Японией.

Началось стремительное наращивание военной мощи ОКДВА. Именно на Дальнем Востоке дислоцировались 12 кадровых дивизий, численностью 10 000 человек.

Всего в танковых бригадах ОКДВА было 1058 танков. Кроме того, надо учитывать, что в дивизиях были по 3 роты танков Т-28 и 10 танков Т-38. ВВС насчитывали 24 авиабригады общим числом самолетов 2623.

Согласно записке Генштаба РККА от 24.03.38 в случае войны (в том числе и с Японией) на Дальнем Востоке должно быть развернуто 40 стрелковых дивизий, 5 кавалерийских дивизий, 7 танковых и 3 бронеприкрытия.

К концу 1938 года на Дальнем Востоке должно было бы быть 38 авиабригад — 2864 самолета.

28—31 мая 1938 г. на заседании Главного военного совета Блюхер сделал доклад, в котором утверждал, что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны. Сталин категорически запретил привлекать красноармейцев на разного рода хозяйственные работы и потребовал от Блюхера возвращения в части к 1 июля 1938 г. всех бойцов, находящихся в таких командировках. **Солдаты были нужны в строю — к этому моменту Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия была преобразована в Дальневосточный фронт.** Мне кажется, многозначительное переименование.

Бегство Люшкова

Но за Блюхером должны были присматривать чекисты. Как мы помним, Люшков — украинский чекист. Вслед за Балицким переведен в Центр, но когда Балицкий вернулся на Украину, Люшков остался в центральном аппарате. Заместитель Молчанова, активно участвовал в расследовании убийства Кирова. Потом Люшков говорил, что процессы 1935—1936 гг. были сфабрикованными, но продолжал служить. В конце августа 1936 г. его переводят в Азово-Черноморский край: лидер «северокавказцев» Евдокимов был направлен, чтобы ликвидировать «шеболдаевщину», Люшков должен был ему помочь. Арест Молчанова, возможно, напугал Люшкова: если начальник — «враг», то кто — заместитель? Однако он активно включается в чистку, вместе Евдокимов и Люшков собирают материалы, разоблачающие «шеболдаевщину», доклад об этом Евдокимов делает на февральско-мартовском пленуме ЦК. 3 июля 1937 года комиссар 3-го ранга Генрих Самойлович Люшков был награжден орденом Ленина и был назначен начальником УНКВД Дальневосточного края.

В июле 1937 года, при получении нового назначения в Хабаровск, по словам Люшкова, в личной беседе Сталин поставил перед ним три специальные задачи: арестовать руководителя Дальневосточного УНКВД В. Балицкого;

ликвидировать бывшего командующего дальневосточными ВВС А. Лапина, арестованного в мае 1937 г. в Хабаровске; вести наблюдение за командующим ОКДВА маршалом В.К. Блюхером.

Люшков за Блюхером присматривал, но не трогал. Помнил сталинскую характеристику, что Блюхер, «конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается».

Репрессии в крае к тому времени уже шли полным ходом. Как уже говорилось выше, он сначала помог Варейкису провести чистку партийно-государственного аппарата, а потом стал писать доносы и на самого Варейкиса. Лимит по кулацкой операции был установлен сначала в 2000 по 1-й категории и 4000 по 2-й категории, затем, 31 января 1938 года, еще 8000 по 1-й категории и 2000 по 2-й категории. Осенью 1937 года около двухсот тысяч советских корейцев из приграничных районов Дальнего Востока были перемещены в Среднюю Азию. 1 февраля 1938 года Политбюро приняло решение о расстреле 12 000 заключенных ГУЛАГа.

13 июня 1938 г. Люшков бежал к японцам. Бывший комиссар ГБ обещал японцам подготовить покушение на вождя. Кроме того, он выдал им данные о количестве вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке, их дислокации, строительстве оборонительных сооружений, о важнейших крепостях и укреплениях.

В книгах Е. Хиямы «Планы покушения на Сталина» есть воспоминания бывшего офицера пятого отдела японского Генерального штаба Коидзуми Коитиро. Этот профессиональный военный разведчик, имевший прямое отношение к «делу Люшкова», рассказывал: «В полученной от Люшкова информации нас поразило то, что войска, которые Советский Союз мог сконцентрировать против Японии, обладали, как оказалось, подавляющим превосходством. В тот период, то есть на конец июня 1938 года, наши силы в Корее и Маньчжурии, которые мы могли использовать против Советского Союза, насчитывали всего лишь 9 дивизий... Опираясь на полученные от Люшкова данные, пятый отдел Генштаба пришел к выводу о том, что Совет-

ский Союз может использовать против Японии в нормальных условиях до 28 стрелковых дивизий, а при необходимости сосредоточить от 31 до 58 дивизий... Тревожным выглядело и соотношение в танках и самолетах. Против 2000 советских самолетов Япония могла выставить лишь 340 и против 1900 советских танков — только 170... До этого мы полагали, что советские и японские вооруженные силы на Дальнем Востоке соотносились между собой как три к одному. Однако фактическое соотношение оказалось равным примерно пяти или даже более к одному. Это делало фактически невозможным осуществление ранее составленного плана военных операций против СССР...» [102, с. 439].

Бывший начальник разведывательного отдела японской Корейской армии генерал Масатака Онуки вспоминал, что в информации Люшкова «было и такое, что явилось для нас серьезным ударом. С одной стороны, советская Дальневосточная армия неуклонно наращивала свою военную мощь, с другой — японская армия из-за японо-китайского инцидента совсем не была готова к военным действиям с Советским Союзом. Если бы нас в какой-то момент атаковала Дальневосточная армия, мы могли бы рухнуть без серьезного сопротивления...» Как все-таки своевременно в Москве решили вернуть в строй красноармейцев-дальневосточников.

Бои у озера Хасан

В мае 1938 года командующий Квантунской армией генерал Уэда и военный министр Маньчжоу-Го Юй Чжишань совершили инспекционную поездку на границу. Военному министру Тодзио сообщили о готовности японских войск к военному столкновению с ОКДВА. Это было до того, как японцы получили информацию Люшкова, после этого события ситуация в Японии, как мы помним, стала меняться — в Японии сделали вывод, что война не входит в планы империи.

Одновременно с этим японцы активизируют свое наступление в Китае: в мае они захватили Суйчжоу и таким образом соединили Северный и Центральный фронты, за-

тем начали наступление на Ухань. Положение Китая было критическим.

Именно в это время после бегства Люшкова в ДВК приезжает комиссия во главе с Фриновским и Мехлисом. И именно во время пребывания этой комиссии и начинает развиваться конфликт около озера Хасан.

В начале июля 1938 года из Посъетского пограничного отряда в Хабаровск, в штаб пограничного округа, дважды делаются настойчивые запросы с просьбой дать разрешение на занятие высоты Заозерной, чтобы установить на ней постоянный усиленный пограничный пост, который располагался бы в полевом укреплении (окопе). Здесь хочется напомнить, что пограничники — это войска НКВД и командовал ими долгое время Фриновский. 8 июля это разрешение было получено.

Японцы считали, что высота Заозерная — часть Маньчжурии, ссылаясь на то, что там традиционно происходили религиозные праздники местного населения. Советские дипломаты ссылались на карту 1886 года. К соглашению прийти не удалось.

Здесь важно вспомнить, что начальником восточного отдела НКВД, который, собственно, и курировал советскую политику на Дальнем Востоке, был С. Миронов (Король). «Северокавказец» и ближайший помощник Фриновского, летом 1937 г. именно он начал проведение массовых операций в Западно-Сибирском крае. Затем вместе с Фриновским отправился в Монголию (был переведен полпредом) и организовал там чистку монгольских партийных и военных кадров.

Безусловно, Миронов был не самостоятелен в своей позиции. Очень выразительные воспоминания о событиях лета 1938 года оставила жена С. Миронова: «Чойбалсан тогда как раз приехал в Москву. С Чойбалсаном, кажется, хотели заключить какой-то договор, который обсуждали с ним в Наркомате иностранных дел. На этом заседании присутствовал Миронов — как заместитель наркома по дальневосточным делам.

Сережа вернулся оттуда очень взволнованный, курил, думал. Что-то там на этом заседании произошло... стал мне

рассказывать. Сперва мне показалось, что все хорошо. Сталин несколько раз обращался лично [к Миронову], спрашивал его мнение, как бывавшего в Монголии, знатока страны, даже явно выделил его. Это не могло оставить Сережу равнодушным при его-то честолюбии. Но было на этом заседании и что-то странное, удручающее. Сталин обращался ко всем — и к Чойбалсану, и к Сереже, и к Молотову, и ко всем другим, кто там присутствовал, кроме... Литвинова. Литвинов, нарком, тут же сидит, все слышит, а ему Сталин — ни слова, как будто его и не существует. В его сторону ни разу не взглянул, обходит взглядом, как пустое место, даже в тех вопросах, где его, Литвинова, в первую очередь и надо бы спросить. Демонстративно его шельмует. Литвинов сидит бледный, но с виду спокоен. Бесподобная у него была выдержка. Сережа сказал мне тогда, что, вероятно, недолго еще Литвинов продержится, раз так откровенно Сталин выказывает ему свое пренебрежение. А если Литвинова снимут, то могут быть в наркомате большие перемены... В общем, он был под хмельком успеха, но вместе с тем очень встревожен».

Так или иначе, именно при Миронове началось новое обострение советско-японских отношений.

15 июля у сопки Заозерная советским пограничником был убит японский жандарм. Расследование, проведенное советской стороной, определило, что труп японского жандарма-нарушителя лежал на территории Советского Союза, в трех метрах от линии государственной границы. Японская сторона утверждала, что убийство произошло на территории Маньчжоу-Го и, стало быть, явилось вооруженной провокацией советских пограничников (чекистов).

Утром 19 июля по прямому проводу заместителя начальника Посыетского пограничного отряда майор Алексеев попросил у ОКДВА в помощь роту военных. Блюхер сначала разрешил «взять взвод роты поддержки, подвести скрытно, на провокации не поддаваться». Но на следующий день он отменил свой приказ, заявив, что «первыми должны драться пограничники, которым в случае необходимости будет оказана армией помощь и поддержка...». Можно догадываться о реакции на это решение и самих по-

граничников, и Фриновского. В этот же день японский посол в Москве Мамору Сигэмицу заявил, что Япония «может прибегнуть к силе и заставить советские войска эвакуировать незаконно занятую ими территорию Маньчжоу-Го».

Спустя два дня, 22 июля, советское правительство направило ноту японскому правительству и отказывалось отвести войска с высоты Заозерная. В тот же день в Хабаровск ушла директива Ворошилова привести фронт в боевую готовность.

24 июля появляется соответствующая директива Блюхера о приведении частей фронта в боевую готовность. Только в ней предписывается вернуть в строй откомандированных красноармейцев, которые вообще-то уже три недели должны быть в казармах.

В этот момент конфликт между Фриновским и Блюхером достигает кульминации. Маршал «совершенно неожиданно 24 июля подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. В тайне от члена военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. наркома обороны т. Мехлиса и зам. наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила «нарушение» нашими пограничниками Маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, «установила» нашу «виновность» в возникновении конфликта у озера Хасан. Ввиду этого, т. Блюхер шлет телеграмму наркому обороны об этом мнимом нарушении нами Маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других «виновников в провоцировании конфликта» с японцами. Эта телеграмма была отправлена т. Блюхером также в тайне от перечисленных выше товарищей».

О чем думал в этот момент один из наиболее прославленных полководцев Гражданской войны и один из пяти первых маршалов Советского Союза Василий Константинович Блюхер? Вполне возможно, он считал, что во всем

виноваты чекисты, «а если открыть глаза Сталину, то он все поймет».

«Даже после получения указания от Правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского правительства и приказов наркома т. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооруженного отпора японцам. Дело дошло до того, что 1 августа с.г., при разговоре по прямому проводу гг. Сталина, Молотова и Ворошилова с т. Блюхером, тов. Сталин вынужден был задать ему вопрос: «Скажите, т. Блюхер, честно, — есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, — я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно». Тоже верно.

Хочется обратить внимание и на еще одну фразу Сталина: «Никто вас не обязывает переходить границу, мы только советуем вам пустить в ход большие силы нашей бомбардировочной авиации и бомбить непрерывно японцев... Мы считаем, что такая сосредоточенная бомбежка, кроме того, что она истребит японцев, будет вместе с тем прикрытием для подвода наших войск и, конечно, артиллерии к нашим границам» [102, с. 149]. Кажется, что Сталин убеждает Блюхера, что войны не будет. У Блюхера, выходит, другое впечатление сложилось? После разговоров с Фриновским и Мехлисом?

29 июля японцы атаковали роту пограничников в окопах на соседней с Заозерной сопке Безымянной, которую защищали 11 пограничников с двумя пулеметами (на Заозерной была размещена рота). После продолжительного боя японцы захватили спорную территорию.

4 августа японский посол в Москве М. Сигэмицу заявил народному комиссару иностранных дел М.М. Литвинову о готовности правительства Японии приступить к переговорам по урегулированию пограничного конфликта. Советское правительство выразило готовность к таким переговорам, но при обязательном условии — японские войска должны быть выведены с захваченной пограничной терри-

тории. Нарком иностранных дел М.М. Литвинов заявил японскому послу:

«Под восстановлением положения я имел в виду положение, существовавшее до 29 июля, т.е. до той даты, когда японские войска перешли границу и начали занимать высоты Безымянная и Заозерная».

Токио с условиями советской стороны не согласилось. Посол М. Сигэмицу предлагал вернуться к границе до 11 июля — то есть до появления окопов на вершине Заозерной.

Однако ТАСС уже передало официальное сообщение о том, что японские войска захватили советскую территорию «на глубину в 4 километра». Но в действительности такой «глубины захвата» просто не было. По всей Советской стране шли многочисленные митинги протеста, участники которых требовали обуздать зарвавшегося агрессора [106, с. 442]. Начались кровопролитные бои, в которых Красная Армия одержала победу. Правда, дорогой ценой.

Может быть, Блюхер, сопротивляясь Фриновскому, трезво оценивал степень готовности его частей к конфликту — незамещенными являются сотни должностей командиров и начальников частей и соединений. Если в этом вина не столько маршала, сколько НКВД, то за то, что «начальник управления фронтом и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снабжение имеются», — отвечать должен, конечно, командующий. «Во многих случаях целые арт[иллерийские] батареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались непристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов, все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности». Все это, конечно, вина командующего. Маршал понимал, что докладывал он Сталину совсем другое и прикрыться ему нечем.

Важно подчеркнуть, что японцы, предупрежденные Люшковым о неблагоприятном для себя соотношении сил

на Дальнем Востоке, видимо, решили избежать превращения локального конфликта в глобальный. Так или иначе, но ни японская авиация, ни танки не участвовали в боях.

Что на самом деле произошло тогда на Дальнем Востоке, мы пока не знаем — это задача самостоятельного исследования. Трудно представить себе, что пограничники заняли сопки без санкции заместителя наркома Фриновского, который к тому же находился в крае. Наверное, когда-нибудь будут найдены документы о том, какие именно указания получил Фриновский от Сталина и что именно он предпринял. Какие именно инструкции получили пограничники от заместителя наркома внутренних дел?

Попробуем посмотреть на все глазами Сталина. Если он действительно планировал войну на Тихом океане, то Блюхер, Ежов и Фриновский все сорвали. Чекисты тем, что упустили Люшкова, а Блюхер срывом боевой подготовки ОКДВА. Если война не входила в планы вождя, то как в его глазах должна выглядеть деятельность Фриновского в Дальневосточном крае? Как сознательное провоцирование конфликта? Сталин ведь не мог знать, что японцы решили не превращать конфликт в большую войну. Но скорее всего, вождь просто хотел выиграть время для себя и любой ценой (в том числе и рискуя конфликтом с Японией) усладить Фриновского подальше от Москвы.

Не это ли стоит за формулой обвинительного заключения по делу Ежова: «...через внедренных заговорщиками в аппарат Наркомвнудела и дипломатические посты за границей Ежов и его сообщники стремились обострить отношения СССР с окружающими странами в надежде вызвать военный конфликт... подготовить нападение Японии на советский Дальний Восток».

В Монголии

Как уже говорилось, комиссар ГБ 3-го ранга Миронов, выполняя обязанности полпреда СССР в Монголии, содействовал проведению массовых репрессий. Во-первых, был нанесен удар по буддистскому духовенству. Всего с октября 1937 по апрель 1939 года было осуждено 25 500 че-

людей, из которых 80 % расстреляно. Следует учитывать при этом, что население МНР составляло 750 тыс. человек, то есть осуждено по 1-й категории около 3 % населения, что заметно выше, чем в СССР. При Миронове (с августа 1937 года по март 1938 года) было репрессировано почти 11 тысяч (из которых почти 8 тыс. принадлежат к ламскому духовенству). Кроме того, подлежало аресту еще более 7 тыс. человек (из которых 6 тыс. — ламы) [82, с. 389—390]. Иными словами, именно под руководством и при активном участии «северокавказца» Миронова осуществлялись эти расправы. Сам Миронов, как уже говорилось, проходит в расстрельном списке, направленном Сталину 16 января 1940 г.

В этих же списках, которые Л.П. Берия в 1940—1941 гг. представил на подпись Сталину, содержится и несколько десятков имен видных политических и государственных деятелей, а также чиновников и офицеров силовых структур Монгольской Народной Республики. Так, Берия предлагает осудить по 1-й категории премьер-министра МНР **АМОРА-АГДАГБУГИНА** (арестован 7 марта 1939 года) и первого секретаря ЦК Монгольской народно-революционной партии **Лубсана-Шарапа** (арестован 9 июля 1939 г.).

Кроме того, в этих списках министры правительства МНР:

— министр здравоохранения МНР **ГАЛИНДЫП-САЙРЫ** арестован 9 июля 1939 года;

— министр юстиции **ГАМПЫЛ-ДАНШИ-ЦОДОЛ** арестован 9 июля 1939 года;

— министр торговли МНР **ДАМДИН-СУРУН-ШАГДОР-ЖАБ** арестован 15 июля 1939 года;

— председатель малого хурала МНР **ДАНСОРОН-ДОКСОМ** арестован 9 июля 1939 года;

— министр финансов Монгольской Народной Республики **ДОБЧИН САНЖИ** арестован 11 февраля 1939 года;

— начальник Управления связи МНР **НЭРИМ-МАРУ НАСЫН-ТОХТОХО** арестован 7 июня 1939 года;

— министр земледелия и скотоводства **ПУРБО-ДОРЖИ** арестован 9 июля 1939 года;

— заместитель главкома и начальник 4-го управления

Монгольской народно-революционной армии **ЦЫ-РЕН-ЖАБОН ЛУБСАН-ДОНОЙ** арестован 1 июля 1939 года;

— министр торговли и промышленности МНР **РЭНЧИ-НЭ МИНДЭ** арестован 1 августа 1939 года;

— секретарь ЦК МНРП **УЛЬЗУЙТО БАДАРХО** арестован 31 июля 1939 года;

— министр внутренних дел МНР **ХАСА (ХАС)-ОСИР** арестован 20 июля 1939 года;

— секретарь премьер-министра и МВД МНР **ГЕН-ДЫН-ЖАМСАРАН** арестован 15 июля 1939 года и др.

В списках содержатся имена монгольских военных:

— начальник ПУРа МНРА **ГУНЖИТ-НАЙДАН** арестован 26 января 1939 года;

— начальник Политуправления Монгольской народно-революционной армии, дивизионный комиссар **НАМЖИЛ-БОДАРХИН** арестован 3 июля 1939 года;

— начальник общей части Политуправления МНРА **БАДАРХИН НАМЖИЛ** арестован 3 июля 1939 года;

— заместитель командующего МНРА **ДАМБА-ГОТОВИН** арестован 28 января 1939 года.

Но больше всего в списках имен ответственных работников МВД Монголии:

— начальник СПО МВД МНР **НЕРЕНДО-ЧИМИТ-ДОРЖИ** арестован 3 июля 1939 года;

— начальник УПВО МНР **ПИЛЬЖИД МАГИН БАЛЬЖИНИМА** арестован 9 июля 1939 года;

— начальник следственной части Министерства внутренних дел МНР **САНЖИ БАЗАР-ХАНДА** арестован 4 июля 1939 года;

— комендант МВД МНР **СЕРЕТР ЛУЗИН** арестован 15 июля 1939 года;

— заместить министра внутренних дел МНР **ХАСА ОЧИР** арестован 20 июля 1939 года;

— начальник 1-го отдела МВД МНР **ЦЕНДЕ-СУРУН** арестован 12 июля 1939 года;

— начальник особого отдела МВД МНР **ЧАЙМПОЛ-БАТО-СУХЭ** арестован 7 июня 1939 года;

начальник КРО МВД МНР **ЧЖАМЦО БАЯС-ХАЛАН** арестован 15 июля 1939 года;

— начальник отделения СПО МВД **БЕЛИХТЭ-АМОГАЛАН** арестован 3 июля 1939 года;

— начальник отделения ОО **ВАНЧЕНХУ-БАНДЫ** арестован 20 июня 1939 года;

— начальник отделения 3-го отдела МВД МНР **ГОТОБ-СУРУИ** арестован 10 июля 1939 года;

— начальник шифровального отдела МВД МНР **ГОТОБ-ЦАГАН** арестован 12 июля 1939 года;

— начальник отделения КРО МВД МНР **ГУРО АРАКЧА НАРЕН ОРОГ** арестован 16 июля 1939 года;

— помощник начальника ИТУ МВД, **ДАМБА-ЦЕНДЕ** арестован 29 июля 1939 года;

— начальник отдела мест заключения МВД МНР **ДАМБО-ЧИМИДИН** арестован 15 июля 1939 года;

— заместитель начальника СПО МВД МНР **ДОНДОК-ЖАЛСАРАЙ** арестован 17 июля 1939 года;

— начальник отделения СПО МВД МНР **ДЕЛИК ГАЛСАН ПУНЦУК** арестован 18 июля 1939 года;

— начальник строительного отдела МВД МНР **ДЫЖИД-ОСОР** арестован 12 июля 1939 года;

— начальник Архангайского аймачного отделения МВД МНР **ИДАМ-СУРУНЕЙ-БИМБО-ЖАП** арестован 23 июля 1939 года;

— помощник начальника следственной части МВД МНР **ЦЕНДУЕВ-СОСОРЖАП** арестован 18 июля 1939 года;

— начальник Убурхайгэйского аймачного отдела МВД **ЦЫБИК-ДОЛГОР-ЖАБ** (ранее работал начальником СПО МВД МНР) арестован 20 июля 1939 года и др.

Осужденным (кстати, по 58-й статье УК РСФСР!) инкриминировалось в вину:

— «создание панмонгольской контрреволюционной организации и подготовка вооруженного восстания, направленного на свержение существующего народно-революционного строя в МНР, установление буржуазно-феодалного государства под протекторатом Японии». Эти обвинения предъявлены политическому и военному руководству МНР — Амор, Лубсан-Шаран, Дансорон-Доксом, На-

сын-Тохто, Бадархин-Намжил, Галиндып-Сайры, Гампыл-Данши-Цодол, Генын-Жамсаран, Гунжит-Найдан, Дамба-Готобин, Дамдин-Сурун-Шагдор-Жаб, Добчин Санжи, Дыжид Осор, Легцегин Гонжаб, Пильжид Мальгин Бальжинима, Пурбо-Доржи, Серетр-Лузин, Хаса Очир, Ценде-Сурун, Лубсан-Доной, Чимик Бордухо и др.;

«Работа, направленная на истребление ни в чем не повинного монгольского населения путем проведения массовых необоснованных арестов, фальсификации в отношении их, следственных дел, применения к арестованным мер физического воздействия в целях получения от последних заведомо ложных показаний, создание тем самым недовольства против Народно-Революционного правительства и МНР». В этом обвинялись прежде всего сотрудники МВД МНР — Насын-Тохто, Белихтэ-Амогалан, Ванчеху-Банды, Генын-Жамсаран, Готоб-Сурун, Готоб-Цаган, Гуро Аракча Нарен Орог, Дамба-Ценде, Дамбо-Чимидин, Дондок-Жалсарай, Неренедо-Чимит-Доржи, Делик Галсан Пунцук, Идам Суруней Бимбо Жаб, Санджи-Базар-Ханда, Цендуев Сосоржап, Цыбик Долгор Жаб, Чаймпал Бато Сухэ, Чжамцо Баяс Халан и др.

При этом надо учитывать, что необоснованные репрессии являются частью «панмонгольского прояпонского заговора».

Как видим, есть несколько периодов арестов — январь 1939 и июль 1939 г. Между ними в марте арест премьер-министра МНР — Амора.

Что стоит за этими событиями? На первый взгляд все, что происходит в МНР, — копия событий в СССР: арест «чистильщиков» и интерпретация их активности как заговорщической.

Однако бросаются в глаза и отличия. Первое и главное. Министр внутренних дел Чойбалсан постепенно прибрал к рукам всю власть в МНР. Он стал военным министром, а потом премьер-министром (ликвидировав Амора в марте 1939 г.), а затем и партийным руководителем МНР в июле 1939 г. Иными словами, ему удалось сделать то, что не удалось Ежову и Фриновскому.

Во-вторых, многие арестованные сотрудники МВД во-

влечены в заговор только в 1939 г. То есть политическое ядро заговора возникло, «конечно», в первой половине 30-х. Но значительная часть сотрудников МВД оказалась заговорщиками только в начале 1939 г.

В-третьих, политический конфликт развивался на фоне реальной, пусть и необъявленной войны.

Как известно, зимой 1938/39 г. министр внутренних дел и военный министр МНР Чойбалсан был в Москве, и именно на этот момент пришлась кульминация арестов в НКВД. Можно было бы ожидать, что эта же судьба постигнет и министра внутренних дел Монголии. Ведь именно он был активным исполнителем массовых репрессий в МНР и доверенным лицом Фриновского и Миронова. Однако все произошло иначе. В феврале 1939 года Чойбалсан утверждал, что «на приеме у тов. Сталина он получил следующее указание: удалить из правительства МНР Амора и пост премьер-министра принять на себя, сохранив за собой посты военного министра, министра внутренних и иностранных дел, подобрав себе по этим министерствам новых заместителей из числа политически надежных и ничем не скомпрометированных людей, убрав, в частности, из военного министерства Дамбу и из Министерства внутренних дел Насын Тохтохо».

Чойбалсан утверждал, «что перед его отъездом из Москвы тов. Ворошилов передал ему дополнительное указание тов. Сталина: провести отстранение Амора от руководства правительства МНР через секретаря ЦК МНРП Лубсан Шарапа, предварительно показав всему аратству, что Амор проводил свою работу против интересов трудящихся-аратов, вывести Амора из состава правительства, широко разъяснить аратам причины его отстранения и затем через некоторое время арестовать Амора».

Следует при этом учитывать, что в руководстве МНР в январе 1939 года, видимо, вспыхнул реальный конфликт. Советские чекисты считали, что Чойбалсана собирались убить на обратном пути в Монголию (примерно так же по пути из МНР в СССР умер (убили?) и маршал Демид летом 1937 г.), а в Улан-Баторе готовился переворот.

21 января МВД МНР были получены агентурные дан-

ные о том, что заместитель военного министра Дамба в ночь на 20 января созывал у себя в штабе командиров соединений и частей Улан-Баторского гарнизона и отдал им приказ привести все части в боевую готовность.

Советских инструкторов никто из монгольских командиров, в том числе и Дамба, об этом приказе не информировал. Не был извещен об этом приказе и особый отдел Министерства внутренних дел.

Негласная проверка, проведенная оперативниками МВД МНР, показала, что в бронебригаде машины приведены в боевую готовность. По инициативе советских советников было принято решение арестовать военного прокурора МНР, который дал показания, что Дамба стоит во главе военного заговора против Чойбалсана.

22 января Чойбалсан прибыл в Улан-Батор, вечером того же дня на Дамбу было совершено покушение (или инсценировано?). Ранение было легкое, но Дамбу госпитализировали «и обеспечили постоянное наблюдение». Таким образом противники Чойбалсана были на время парализованы, но настроение монгольских командиров не прояснилось.

На совещании начальствующего состава Улан-Баторского гарнизона, созванном Чойбалсаном в штабе армии 26 января 1939 г., выяснилось, что начальник штаба армии Намсарай скрыл отданный Дамбой приказ о приведении частей гарнизона в боевую готовность. Так же поступили командиры и комиссары соединений и частей.

31 января Чойбалсан заявил советским представителям, что он принял решение о немедленном аресте почти всего руководства монгольской армии: зам. военного министра Дамбы, начальника запасов штаба МНРА Намсарая, заместителя начальника ПУР Амора Сайхана, начальника ВВС МНРА Шагдыр Суруна и начальника штаба ВВС МНРА Мунко, командира и комиссара 1-й дивизии Тохтохо и Чойжила, командира и комиссара бронебригады Лхасуруна и Пурво, Дами — комиссара бронедивизиона, Цаган Велика — командира полка связи, Демида — комиссара полка связи; Дендыпа — начальника объединенного военного училища, Баир Сайхана — секретаря Чойбалсана.

По полученным НКВД СССР сведениям, арестованный бывший командарм МНРА Дамба сознался в том, что он «с 1935 г. является членом гевдуно-демидовской контрреволюционной организации, в которую был завербован Намсараем». Дамба возглавлял военную контрреволюционную организацию с 1938 г. и дал показания на премьер-министра МНР Амора (что, собственно, и нужно было) как руководителя организации. Кроме того, он «подтвердил показания Намсарая и Найдана» о подготовке вооруженного выступления в Улан-Баторском гарнизоне на 7 ноября прошлого года и о переносе срока восстания на 21 января 1939 г. Оказывается, какой-то политический кризис в Монголии ожидался 7 ноября 1938 г., как и в СССР. Сейчас трудно сказать, почему Сталин сделал ставку на Чойбалсана.

В марте 1939 года был арестован премьер-министр МНР Амор. А еще через несколько месяцев вспыхнула необъявленная война на Дальнем Востоке. 28 мая японские войска, обладая численным превосходством, перешли в наступление в районе реки Халхин-Гол.

Первоначально ситуация складывалась тревожно для советской стороны. В отличие от боев у озера Хасан, Япония пошла на активное использование авиации. За два дня воздушных боев в мае потери советской авиации, в составе которой не оказалось летчиков с боевым опытом, исчислялись в 15 истребителей и 11 пилотов. Японская авиация потеряла всего одну машину. 28 мая 1939 года командующий 57-м корпусом докладывал в Москву: «Авиация противника господствует в воздухе...» Пришлось принимать срочные меры, перебрасывать в МНР отряд пилотов под руководством Смушкевича и сотни самолетов. Весь июнь шли ожесточенные авиационные бои.

2 июля под командованием генерал-лейтенанта Митина Камацубары в районе ведения боев находилось 13 тысяч штыков японо-маньчжурских войск, около 4500 человек кавалерии, 130 танков и 6 бронемашин. Советские войска под командованием Жукова насчитывали 3500 штыков и около одной тысячи сабель союзных советско-монгольских войск, 186 танков и 266 бронемашин. Как видно, чис-

ленный перевес был у Японии, но на стороне СССР было превосходство в бронетанковых войсках.

В начале июля японская армия снова перешла в наступление и в ряде пунктов добилась тактического успеха. Им удалось даже переправиться на западный берег Халхин-Гола и захватить господствующую высоту — гору Баян-Цаган, контроль над которой имел решающее значение.

В этой ситуации произошла смена руководства МНР. Еще 7 июня был арестован начальник управления связи Насын-Тохтохо. Политический вес этого человека был очень велик — с 1928 года до мая 1939 года заместитель министра внутренних дел МНР. То есть он был заместителем Чойбалсана. Вроде на приеме Сталин еще в январе 1939 года дал указание арестовать Дамбу и Насын-Тохтохо. Затем 1 июля был арестован заместитель главкома МНРА Лубсан-Доной. Далее 3 июля начинаются аресты сотрудников МВД Монголии и руководителей ПУРа МНРА (см. выше).

В ходе боевых действий на реке Халхин-Гол удача стала склоняться на сторону советско-монгольских войск. В боях за гору Баян-Цаган перелом произошел после того как Г.К. Жуков пошел на массированное применение танков. В результате высота была оставлена противником, который потерял более 10 тыс. убитыми и ранеными. Однако и советские войска в июле в боях за Баян-Цаган потеряли более 300 танков и бронемашин.

8 июля японская сторона перешла к тактике ночных атак и оттеснила советские войска к самому берегу Халхин-Гола. Был даже отдан приказ о полном отводе советских войск на западный берег реки. 9 июля в Улан-Баторе был арестован руководитель МНРП Лубсан-Шарап, одновременно шли аресты министров монгольского правительства (см. выше). На линии фронта в это время советские войска к 13 июля 1939 г. оттеснили японцев на исходные позиции.

Бои продолжались и в конце июля. К 20 августа группировка Жукова имела в своем составе около 57 тысяч человек, 542 орудия и миномета, 498 танков, 385 бронемашин и 515 боевых самолетов. 6-я отдельная армия под командованием генерала Огису Риппо насчитывала более 75 тысяч

человек, 500 артиллерийских орудий, 182 танка, 500 самолетов [106, с. 502].

Спустя месяц 20 августа советские войска перешли в наступление (японцы планировали свое наступление на 24 августа). Используя фактор внезапности, превосходство в танках и превосходство в воздухе, советские войска окружили и к 31 августа уничтожили японские войска на территории Монголии. В этом сражении приняли участие 6-я и 8-я кавалерийские дивизии МНРА общей численностью около 2260 конных бойцов, руководил войсками маршал Чойбалсан. От расширения конфликта Япония отказалась, учитывая подписанный именно в эти дни пакт Молотова—Риббентропа.

Сейчас трудно сказать, почему Сталин, убирая «чистильщиков» из НКВД, оставил Чойбалсана. Может быть, тот знал и рассказал Сталину что-то о деятельности Фриновского и Миронова на Дальнем Востоке или в Москве. По крайней мере, показания Фриновского использовались при осуждении Лубсан-Шарапа, Дамбы и др.

«СЛОВО И ДЕЛО» (Вместо заключения)

Несколько лет назад я сделал для себя странное открытие: в каком-то смысле я — «ревизионист». Нет, я не сторонник Эдуарда Бернштейна, который более ста лет назад провел «ревизию» (критику) марксизма и был осужден за это Лениным. Имеется в виду другой смысл этого термина. Я такой же ревизионист, как западный исследователь А. Гетти, который еще во 80—90-е попытался подвергнуть критике традиционное и расхожее представление о воле Сталина как основной причине трагических событий 1937—1938 гг. и пытался поставить вопрос о реальных противоречиях в советском руководстве. В современной России ревизионистом является Ю. Жуков. Во вступлении я пытался объяснить, что его точка зрения кажется мне спорной, но «ревизионисты» могут и не совпадать во мнениях.

Оказался я «ревизионистом» совершенно неожиданно для себя. Просто поставил перед собой вопрос: чему следует отдавать предпочтение — анализу слов или поступков. То есть следует использовать поступки людей в 1937—1938 гг. как доказательства их слов или, наоборот, искать в словах объяснение смысла поступков. Спор это не схоластический, как может показаться на первый взгляд. Речь идет об интерпретации статистического материала — «цифр». Обычно исследователи используют статистический материал о репрессиях как иллюстрацию бесчеловечной политики режима. Спор идет о количестве жертв, но принципиальный подход не меняется. Однако количество жертв — это следствие реальных поступков сотрудников НКВД. Если «цифры» большие (больше средних), то одних «дел», если меньше средних, то других «дел». Если выяснится, что эти цифры в разных регионах отличаются на

порядок, то это следствие разной позиции чекистов. Тогда «слова» нужны нам для того, чтобы объяснить причины этих расхождений — интерпретировать «дела».

В результате исследования выяснилось, что в разных регионах страны единой стратегии репрессий нет. В одних регионах руководители ограничились выполнением приказов Центра, в других проявляли инициативу, увеличив количество репрессированных иногда в 10—13 раз.

В ходе кулацкой операции местное руководство в ряде мест направило репрессии в соответствии со своим представлением о целях террора и размахе операций: добилось продления сроков операции, добилось многократного увеличения лимитов, самостоятельно интерпретировало представление о целевых группах.

Не подтвердилось широко распространенное мнение, что размах террора всецело определялся давлением сверху. Скорее можно говорить о том, что многие местные руководители НКВД были активны и самостоятельны в организации террора в своих регионах. Более того, начиная с осени 1937 года невозможно установить, что пассивность в проведении террора вызывала реальные санкции Сталина или Ежова или, наоборот, активность в проведении террора как-то особенно поощрялась. Такая установка действительно была дана летом 1937 года, но в дальнейшем руководство наркомата не смогло (не стало?) отслеживать ее реализацию. Начиная с января 1938 года в кадровой политике все более и более доминирует клановый принцип.

Кроме того, выяснилось, что региональное руководство разделилось и по вопросу о том, что является приоритетной задачей: чистка в номенклатуре или репрессии против широких слоев населения.

Если различать «чистку» и «террор», то выяснится, что у этих процессов совершенно разная динамика. Чистка началась на рубеже 1936—1937 годов и практически везде закончилась весной — в начале лета 1938 года. Террор начался летом 1937-го и продолжался до осени 1938 года. Другими словами, решение о прекращении репрессий, которое ясно было озвучено весной 1938 года, — не было выполнено. Это означает, что если за чисткой контроль со стороны Политбюро осуществлялся, то за «большим террором» ре-

ального контроля не было. Летом 1938 года массовый террор продолжали прежде всего представители «ежовцев» и «северокавказцев».

Выяснив это, я должен был сделать попытку как-то объяснить «дела» «словами». Первое предположение заключалось в том, что непрекращающийся размах террора именно в тех регионах, где у власти находились «ежовцы» и «северокавказцы», можно объяснить в первую очередь убежденностью в том, что их поддержит руководство наркомата — Ежов и Фриновский.

Затем я с удивлением выяснил, что Берия и Гоглидзе в Грузии расставили акценты в репрессиях совершенно иначе: самые большие цифры в ходе чистки и относительная пассивность при проведении массовых операций.

Трудно удержаться от искушения именно этим объяснить то, что для смены Ежова и Фриновского была выбрана как раз группа Берии. Другие факторы — «грузин», «доверие Сталина» — выступают скорее как лежащие на поверхности детали. Видимо, следует говорить о другом: Берия точнее понимал замысел Сталина, которого чистка номенклатуры интересовала намного больше, чем массовые операции (особенно кулацкая).

Здесь я вынужден был задаться вопросом: а почему, собственно, началась «кулацкая операция». К сожалению, мнение историков, к которым я отношусь с огромным уважением (О. Хлевнюк, Н. Петров и др.), не могло меня убедить. Нет никаких оснований считать, как это пишет Н. Петров, что «без сомнений, «большой террор» был тщательно продуман Сталиным и его штабом» [46, с. 225]. Весной 1937 года на пленуме ЦК Ежов говорит, что время массовых операций прошло — он явно ничего не знает о том, что они начнутся уже летом. Собственно, Петров и сам признает, что решение было принято только в конце июня 1937 года. Какое уж тут «тщательное продумывание». Когда в июле 1937 г. появилось постановление Политбюро, то выяснилось, что в половине регионов нет реального учета «контрреволюционного элемента», подлежащего репрессиям. Но меня интересовал не столько вопрос о том, почему Сталин изменил свое мнение и пошел на «большой террор». Важно было выяснить другое: почему часть руководства НКВД

продолжала его весной — летом 1938 года, несмотря на то что вождь явно терял к этому интерес.

Можно предполагать, опираясь на историю развития клана «северокавказцев», что их позиция была самостоятельной и осознанной. Они не верили в силы партийного руководства, исповедовали прежде всего чекистскую (а скорее всего, клановую) солидарность, считали главным инструментом власти — насилие. Кроме того, они считали, что развитие террора приведет их к власти. Массовые операции стали инструментом политического возвышения руководства НКВД. Если бы «северокавказцы» и «ежовцы» сохранили свое лидирующее положение в наркомате в 1939 г., необходимости в продолжении и кулацкой, и национальных операций уже не было. Начался плавный переход чекистов к руководству основными наркоматами, к руководству регионами. Чекисты стали бы, возможно, наиболее влиятельной группой в НКВД.

Насколько эта активность чекистов была санкционирована Сталиным, входила в его планы?

Политическое руководство страны пыталось контролировать руководство НКВД. Во-первых, через систему утверждения расстрельных списков членами Политбюро. Во-вторых, через личный контроль Сталина за ходом расследования по наиболее важным делам. В-третьих, динамика репрессий в значительной степени зависела от позиции высшего политического руководства страны.

Однако «пыталось контролировать» и «контролировалось» не одно и то же.

В 1936—1938 гг. Сталин санкционировал несколько поворотов во внутренней политике СССР.

- Август — сентябрь 1936 г. — удар по «правым». Завершение этого курса — февральско-мартовский пленум 1937 г.,
- март — июнь 1937 г. — удар по ЦК;
- июль 1937 г. — июль 1938 г. — массовые операции;
- август 1938 г. — апрель 1939 г. — завершение.

Подчеркнем: каждый раз мы имеем дело с разными курсами. Общее в них только одно: инструментом политики является террор, но целевые группы репрессий разные.

В первом случае удар переносится с троцкистов и «зиновьевцев» по «правым». Общее у них то, что обе группы

могут быть отнесены к категории «старых большевиков» и «противников Сталина» (в прошлом). Теоретически Сталин мог допускать, что они объединятся вместе против него. Но следует учитывать, что в 20-е гг. «правые» и троцкисты — противники. Блок между «опозицией» и «правыми» так и не сложился в 1929 г.

Второй поворот произошел, когда удар НКВД был нанесен по ЦК, избранному на XVII съезде. В апреле — июне 1937 г. было арестовано большинство членов ЦК. Эти люди никак не могут считаться «ленинской гвардией», и они не были противниками Сталина в 20-е. Почему удар был нанесен по этой группе?

Третий поворот произошел в июле 1937 г. — это переход к массовым операциям. До этого основной удар наносился по интеллигенции и номенклатуре. Размах арестов был относительно ограничен. С августа (в некоторых регионах со второй половины июля) ситуация качественно меняется и количество репрессированных увеличивается на порядок. Почему вдруг в этих людях увидели врагов? Зачем потребовались массовые операции?

Наконец, осенью 1938 года Сталин взял курс на уничтожение руководства НКВД. Почему он вдруг перестал доверять этим людям, в надежности которых раньше не сомневался? С их помощью он уничтожил руководство РККА, фактически двенадцать-пятнадцать месяцев НКВД являлась самой влиятельной силовой структурой в стране. Почему было принято решение изменить положение дел? Понятно, перед началом Второй мировой войны (а Сталин вообще считал, что она уже идет) РККА представлялась ему не менее важной организацией, чем НКВД. Наоборот — более важной. Понятно, что он мучительно должен был переживать зависимость от НКВД. Но почему «чистильщиков» уничтожили? В чем была их опасность?

Повторюсь, общее на каждом этапе — открытое применение репрессий, но различается объект преследования. Власть прибегает к террору, когда сталкивается с опасностью. Актуальной или потенциальной, реальной или кажущейся. Иными словами, мы можем сделать вывод, что в сознании Сталина и его ближайшего окружения «угрозы» в 1936—1939 гг. менялись следующим образом. Сначала

угрозой были троцкисты, затем «правые», затем значительная часть ЦК и номенклатуры, затем этнические меньшинства и бывшие кулаки, затем чекисты. Причем угрозы накладывались друг на друга и по времени и содержательно. В чем причины этой эволюции?

Позиция, изложенная в этой книге, основана на убеждении, что первоначально целостного плана репрессий у Сталина не было. «Сумбур вместо музыки». Этот образ, возникший в 1936 году, можно отнести не только к культуре, но и к политике. Первоначально сам Сталин однозначно ощущал угрозу только от троцкистов и именно их считал своими врагами. «Правые» оказались под ударом в значительной степени под влиянием Кагановича и Ежова. Другие целевые группы оказались жертвой репрессий в результате «импровизации», в действительности — под влиянием на Сталина информации, поступившей от руководства НКВД. Репрессии против троцкистов вызвали пассивное осуждение части номенклатурных работников, которые увидели в этом нарушение неписаных законов: «коммунистов расстреливать нельзя».

Следующий виток репрессий — разоблачение «заговора Тухачевского» — произошел под сильным влиянием той информации, которую вождь получил от НКВД. Тухачевского обвиняли в том, что он скрыл свои контакты с немцами и с белыми (точнее, рассказал не обо всех контактах). Сталин существенно переоценивает степень самостоятельности группы Тухачевского, ему «показалось», что он столкнулся с «заговором». Источником этой дезинформации было руководство ИНО, которое поддержали Ежов и Фриновский.

Затем, в июле 1937 года, Политбюро приняло решение о нанесении удара по бывшим кулакам на основании информации, в которой реальная угроза была преувеличена. Вождь существенно преувеличивает и угрозы со стороны «пятой колонны», со стороны «антисоветских элементов». Говоря оперативным языком, он действует на основе неверной информации (дезинформации). Говоря обыденным языком — им двигает страх. Этот страх возник на основе информации, которую он получил от руководителей спецслужб. Источником дезинформации, которая напугала

Сталина, было руководство НКВД. Фактически это означает, что оно выступило как относительно самостоятельная политическая сила и стало субъектом политического процесса. В условиях тоталитарного режима ситуация, когда тот или иной политик или организационная структура выходят из-под контроля, воспринимается и интерпретируется как «заговор». Поэтому с весны (с лета?) 1938 года Сталин должен видеть в чекистах «заговорщиков».

Но предположим, что я ошибаюсь и никакой самостоятельности руководства НКВД не было. Предположим, что только воля Сталина стоит за всеми колебаниями политического курса в 1936—1938 гг. и ход репрессий является результатом спланированной политики. При этой интерпретации можно попытаться объяснить событиями 1937 года, но трудно понять, что происходило в первой половине 1938 г. Если Сталин действительно спланировал и размах чистки, и переход к «массовым операциям», то непонятно, зачем нужно неоднократно менять собственные решения. Как мы видели, сначала принимается решение закончить и кулацкую, и национальные операции в декабре 1937 г., затем устанавливается новая дата — апрель 1938-го, а затем и она продлевается до осени 1938 года. Причем каждый раз решение принимается на уровне Политбюро и именно решение высшего политического органа приходится корректировать. Неужели и это входит в первоначальный план? Зачем? При этом следует помнить, что продолжалась кулацкая операция не во всех регионах. Иными словами, в глазах Сталина это должно было означать, что руководство НКВД в этих регионах либо не способно реализовать политику в установленные сроки, либо не хочет этого. «Либо он тупица, либо подозрительный человек», — сказал Сталин на пленуме 1937 года по поводу другого чекиста, но убежден, что слова его запомнили. «Глупость или предательство» — старая альтернатива российской истории...

Именно в этот момент, с весны 1938 г., недовольство Сталина руководством наркомата становится все более заметным. У него возникает ощущение, что инструмент вышел из-под контроля. А кто они — «глупцы» или «заговорщики»? Как узнать? Повторяю, это проверка альтернативной интерпретации, но и она приводит нас к тому же результату: в

первой половине 1938 года аппарат НКВД вышел из-под контроля. Иными словами, есть именно «загадка 1938 года» (а не только «1937»).

Сталин, видимо, начинает опасаться, что чекисты выйдут из-под контроля, и готовит превентивный удар. Самый сильный его противник — Фриновский — отправляется на Дальний Восток, «отражать нападение Японии». В Москву вызывается Берия, который должен ликвидировать «заговор в НКВД».

Сказанное выше не является попыткой «обелить» Сталина, переложить ответственность за гибель сотен тысяч людей на «исполнителей».

Просто надо точнее определить, какой меркой мы пытаемся судить ту эпоху. Если мы руководствуемся нашими современными представлениями о гуманности и правосудии, то нет принципиальной разницы в том, уничтожено ли по приказу Сталина сто тысяч, пятьсот тысяч или семьсот тысяч. Это все равно страшное преступление, за которое придется отвечать. Наоборот, попытка видеть во всем только волю Сталина выгодна тем, кто хотел бы заявить, что можно просто выполнять преступный приказ. Но это публицистика. Историк же должен соотносить поступки не с нашими нынешними представлениями, а с представлениями, господствующими в том обществе, которое они изучают. Рискну высказать свое мнение по этому вопросу. Сталин не руководствовался христианской нравственностью и не судил себя с ее позиций. Всего несколько раз он прямо или косвенно признавал свои ошибки — во время коллективизации («головокружение от успехов»), в 1936 г. («на 4 года опоздали с разоблачением троцкистского заговора»), в 1945 г. («пропустили удар Гитлера в начале войны»). Главными грехами он считал глупость и трусость (слабость воли) и их не прощал себе. Но тогда как оценить ошибочные решения, принятые на основе страха? Иными словами, Сталин виновен именно по его критериям.

Но не Сталин является темой этого исследования, а руководители НКВД. Что думали они? Был ли заговор на самом деле?

Точный ответ на этот вопрос должен учитывать фактор

времени? Если был, то когда именно? Можно довольно точно утверждать, что весной 1938 г. деятельность руководства НКВД вышла из-под контроля Сталина. В политических реалиях СССР 30-х гг. это означает «заговор». Были ли они ими субъективно, планировали ли какие-то шаги по смене политического режима или устранению вождя? Более того, они понимали, что если Сталин решит, что ошибался, то не простит этого никогда тем, кто его «обманул». Не простит потому, что это значит, он не проявил ума и силы воли.

Убежден, что ни Фриновский, ни Евдокимов, ни Бельский, ни Берман не стали бы ждать, как их уничтожат, вопрос заключается в другом — понимали ли они реальные намерения Хозяина? Летом 1938 г. он был полностью в их руках. «Северокавказцы» не просто контролировали ГУГБ и часть регионов страны (Дальний Восток, Иркутскую область, Красноярский край, Азербайджан, Горьковскую область и др.). «Северокавказцы» контролировали отдел охраны и спецотдел и могли ликвидировать вождя (да и других членов Политбюро) практически без труда. Они не сделали этого просто потому, что еще не поняли, что это надо сделать — «сейчас или никогда». Вероятно, именно для того, чтобы не дать им нанести удар, Сталин и отправил на Дальний Восток ключевого игрока — Михаила Петровича Фриновского. Воспользовавшись двухмесячной паузой, он вызвал из Грузии Берию. Осенью 1938 г. (после ареста Алехина) уничтожить Сталина так же легко, как раньше, было уже нельзя. На этом этапе реальные планы вождя были уже понятны чекистам, но возможности для контрудара были ограничены: Ежов пил, а Фриновского уже не было в наркомате. Спасти их на этом этапе мог только открытый террористический акт. Конечно, ноябрьские праздники — самый удачный момент для этого. Трудно сказать, планировали ли они его реально, но хотя бы обсудить такую возможность были должны. После ареста Дагина реальных шансов на победу у чекистов уже не было.

Повлияло ли успешное разоблачение «заговора 1938 г.» на историю нашей страны в XX в.? Если бы в руководстве страны доминировало окружение Ежова и Фриновского, доминировали те люди, которые проводили антигерман-

скую политику в 1937—1938 гг., то заключение пакта Молотова—Риббентропа летом 1939 г. было бы затруднено (слишком много противников было бы и в Москве, и в Берлине) и, возможно, наша страна вступила бы в войну в более благоприятных условиях... С другой стороны, «переворот в НКВД», который организовал Берия, спас жизнь тысячам (десяткам тысяч?) людей в тех регионах, где в августе — сентябре 1938 года продолжались массовые операции, руководители НКВД в которых были объявлены предателями. Как взвесить это на чаше весов истории?..

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы и мемуары

ЗАПИСКА Е.Г. ЕВДОКИМОВА И.В. СТАЛИНУ
ОБ ИЗВРАЩЕНИЯХ В КОЛХОЗНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

7 марта 1930 г.

Тов. Сталину

Материалы, поступающие с мест, приводят многочисленные факты извращений, перегибов со стороны части низового соваппарата и местных бригад при проведении практических мероприятий посевкампаний, коллективизации, раскулачиванию.

Почти везде отмечаются факты подведения середняков и даже бедняков, в отдельных случаях быв. красных партизан, под категорию раскулачиваемых; фиксируются местами факты исключительно грубого обращения с населением со стороны работников низового аппарата; регистрируются много фактов мародерства и дележки имущества раскулачиваемых, а также аресты середняков за невзнос семзерна; угрозы арестом и выселения за невступление в колхоз и проч.

Сведения о злоупотреблениях, несмотря на принимаемые меры облпарт-организациями, продолжают поступать и до настоящего времени из большинства районов и местами количественно увеличиваются. Наиболее грубые формы перегибов отмечаются в Зиновьевском, Херсонском, Полтавском и Уманском округах Украины.

В некоторых округах специально организованные районные тройки давали уполномоченным, командированным на места (в села), неверную установку по раскулачиванию. Раскулачивание производилось вне связи с вопросом коллективизации без достаточного участия советской общественности и вовлечения деревенского бедняцко-середняцкого актива.

Приводятся наиболее характерные факты имевших место искривлений по этим районам в процессе раскулачивания.

ХЕРСОНСКИЙ ОКРУГ. В поселке Березниговатском раскулачивание производилось без составления описи. Часть изъятого имущества расхищена. Бригада, руководимая секретарем местной ячейки КП(б)У Бутенко, раздела дочь одного кулака и начала душить отца. У двух середняков имущество так же забиралось без описи, одного из них раздели, его же 12-ти летнюю дочь оставили в одной рубашке. У 17-ти летней дочери кулака бригадники под руководством пред. КНС, члена КП(б)У сняли панталоны. Одного кулака босым выгнали на улицу без шапки в нижнем белье. Одну середнячку вместе с ребенком раздели и выбросили на улицу. Просьбу матери отдать ребенку радио член бригады и член партии отклонили.

ПРИМЕЧАНИЕ: Секретарь Березниговатского райкома КП(б)У и предРИКа были своевременно информированы о происходившем в районе, но лишь после неоднократных предупреждений райком ограничился объявлением выговора некоторым работникам. Некоторые участники безобразий, допущенных при раскулачивании, скрылись из Березниговатского р-на в другие округа.

ЗИНОВЬЕВСКИЙ ОКРУГ. Пред. Мало-Помошнянского штаба при сельсовете Кононенко Григорий вызвал середняка и середнячку для сдачи посевматериала. После отказа последних он отвел их в отдельную комнату, где пытался вынудить середняка всунуть свой половой орган в рот середнячки.

Член штаба бригады по сбору посевматериала д. Тимоновка Омельчук Илья в связи с отказом середнячки 40 лет вывезти пшеницу направил ее в другой штаб с препроводительной следующего содержания: «Поведите ее в темный угол и там изнасиуйте». Мало-Помошнянский штаб вызвал 28-летнего середняка, предложив ему немедленно дать подписку о выполнении плана посевкампании. Когда середняк отказался дать подписку, его заставили плясать под звуки струнного оркестра до обморочного состояния, после чего посадили в холодную комнату, продержав там 1,5 часа. Этой же бригадой изнасилованы две кулачки, избит 65-летний старик, которого заставляли петь, плясать, обливали водой, давали в зубы зажженную папиросу и т.п.

В Перчуновском штабе вся работа обставлена так, что-

бы иметь возможность избивать крестьян без огласки. Когда население узнало об избииении одного бедняка, беднота прямо заявляла, что расправится с такими представителями власти.

В с. Ново-Алексеевке бригада приказала 65-ти летнему старику, отказавшемуся от сдачи посевматериала, раздеться и снять сапоги, затем заставили маршировать по комнате минут 30 и стали бросать из стороны в сторону, пока старик не упал от изнеможения. Вслед за этим на старика положили ящик и всей бригадой сели на него, затем заставляли плясать и предложили выпить 40 рюмок вина. К 3-й рюмке подлили скипидару, затем накинули ему ремень на шею и один из бригадников начал подвешивать его. Старик лишился сознания, а на следующий день бригада приказала молчать ему, а то хуже будет.

В с. Ново-Александровке секретарь ячейки ЛКСМУ Ерохин заставил середняка тащить конец петли, натянутой ему на шею. Середняк задыхался, а секретарь издевался: «На воду, пей».

ПРИМЕЧАНИЕ: Виновники хулиганско-провокационных действий привлечены к ответственности.

УМАНСКИЙ ОКРУГ. В ряде сел раскулачиванию подвергнуты середняки. Отдельные работники сельсоветов «не имели указаний, можно ли проводить раскулачивание середняка». Наиболее неблагополучно в Бугском и Оратовском районах.

В с. Янковке Бугского р-на раскулачиванию подверглись 45 хозяев, в том числе 35 середняцких. Раскулачивание проводили зав. агитпропом РК РКП(б) Лысенко и уполномоченный и член РИКа Левандовский. При раскулачивании активисты избивали одну женщину прикладом винтовки. Часть вещей присваивалась. Часть середняков, будучи выселенными, оказались на улице. В с. Сологубовке Оратовского р-на было вынесено постановление о выселении 25 хозяйств, в том числе и середняцких. Середняк Назарчук, попавший в список выселяемых, повесился. Работа в селе по раскулачиванию проводилась с санкции уполномоченного РИКа. Подведение середняка под раскулачивание имело место в Тальновском, Звенигородском и других районах.

ПОЛТАВСКИЙ ОКРУГ. В Шешакском районе раскулачено 500 хозяйств, в то время как в районе всего числится 340 экспертных хозяйств и сам он не является районом сплошной коллективизации.

В Зеньковском районе у раскулаченных отбиралось все имущество. В одном случае раскулаченный был раздет до гола.

В Зачепиловском р-не сплошной коллективизации раскулачено 370 хозяйств. При раскулачивании разбирались все имущество. В Чернышанском, Ново-Сеньковском и друг. сельсоветах часть носильных вещей, изъятых у кулачества, раздавалась беднякам. В Белоцерковском районе описано имущество бедняка, двух середняков, раскулаченных за нежелание вступить в СОЗ. В Сахновском р-не при раскулачивании в с. Коломийцево с кулаков снималась вся теплая одежда. В одном случае насильно раздели несколько женщин. Уполномоченный РИКа Шаповал в с. Надеждино «раскулачил» середняка, который на следующий день отбыл на трехдневные терсборы.

Аресты и выселения середняков отмечены в ряде сел Рублевского района.

ПО ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ приводим несколько характерных фактов искривлений. Причем количество их по области значительно.

В с. Курлак Щучьинского р-на Борисоглебского округа на квартиру селькора газеты «Новая деревня», активиста-середняка, явились пред. сельсовета, уполномоченный РИКа и 3 члена сельсовета и заявили, что имущество подлежит описи и изъятию как «кулацкое». В отсутствие селькора выгнали жену и раздетых малолетних детей на улицу, описали и сложили вещи, заперли их в сундук, взяв с собой ключи.

В с. Стежки Сосновского р-на Козловского округа в конце января по селу происходило изъятие имущества за наложенный штраф. Отбирался весь поголовно скот и все недвижимое имущество. Утром, когда начали кормить скот, оказалось много замерзших ягнят. Скот остался без присмотра. При изъятии имущества отбирались одеяла, мануфактура, которые впоследствии куда-то исчезли.

В с. Калмык Борисоглебского округа отчуждение кулацкого имущества производил милиционер при помощи 2-х хулиганов-лишенцев, отбывающих при сельсовете при-

нудительные работы. У кулаков и середняков отбирались вещи дома и на улице, взимались взятки за оставление имущества и т.п.

ПРИМЕЧАНИЕ: Вместе с тем надо отметить для ЦЧО весьма значительно наличие массовых выступлений. По неполным сведениям за 25 дней февраля их было 22. По учтенным 15 массовым выступлениям участников насчитывается до 13 тыс. человек. Из 22 выступлений в 7 случаях выступавшие применяли физическое насилие против парт-соактива. По количеству участвующих в выступлениях область на сегодня занимает первое место.

Вместе с тем надо отметить факты искривления линии партии в сторону защиты кулачества. Отдельные работники низового совпартаппарата, связанные с кулачеством, протестуют против репрессий, укрывают кулака и кулацкое имущество.

При общем положительном отношении бедняцко-средняцких масс к мероприятиям Соввласти на селе и активном участии в их проведении на почве искривлений в отдельных районах отмечается нарастание недовольства середняцко-бедняцких слоев, которое местами выливается в антиколхозные антипосевные и пр. массовые выступления, провоцируемые кулацко-контр-революционными элементами. Успеху этих провокационных вылазок кулака и «контрика» способствует в значительной мере недостаточность массовой разъяснительной работы, что устанавливается из ряда ликвидированных массовых выступлений по ряду областей.

НАЧ. СОУ ОГПУ Евдокимов

ЗАПИСКА Г.Г. ЯГОДЫ И Е.Г. ЕВДОКИМОВА
И.В. СТАЛИНУ О ПОЛИТНАСТРОЕНИЯХ
В СИБИРИ В СВЯЗИ С КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЕЙ
И РАСКУЛАЧИВАНИЕМ

20 марта 1930 г. СОВ. СЕКРЕТНО

По материалам, поступающим за последнее время из ПП ОГПУ по Сибири, считаем необходимым обратить внимание на следующие основные моменты:

Отрицательные моменты в ходе коллективизации и раскулачивания.

Массовые перегибы и извращения в ходе коллективизации и раскулачивания по многим округам Сибири приняты угрожающие размеры. Непрекращающиеся извращения вызывают серьезные колебания в настроении середняцко-бедняцких масс, что создает благоприятную почву для развертывания кулацкой к.р. агитации и для распространения кулацкого влияния на часть середняков и даже бедноты. В результате по Сибири не прекращаются (имея тенденции к росту) массовые выступления, возглавляемые кулацкой к.р. и перерастающие в банд. движение.

Необходимо отметить, что в ряде районов (Ачинского, Канского, Славгородского окр. и др.) массовые перегибы и грубейшие извращения не были только результатом непонимания и искажения директив вышестоящих организаций — низовыми аппаратами, но являлись в значительной мере следствием неправильных директив, преподаваемых районными организациями (РИК и Райкомы) и уполномоченными окружных организаций.

Наряду с этим большое количество директив, рассылаемых Райкомами, страдали нечеткостью и неконкретностью; почти во всех директивах отсутствовала увязка раскулачивания с коллективизацией.

Приводим ряд фактов, иллюстрирующих грубые ошибки руководства.

Характерна следующая выдержка из доклада уполномоченного Славгородского Округкома ВКП(б) Якимовой (инспектора Округторготдела):

«Работа по конфискации у кулаков мяса развернута и идет на всех парах. Сейчас мы ее развернули так, что аж душа радуется, мы с кулаками расправляемся по всем правилам современной политики, забираем у кулаков не только скот, мясо, инвентарь, но и семена, продовольствие и остальное имущество. Оставляем их в чем мать родила».

Крутинский Райком ВКП(б) Канского окр. дал такую директиву:

«Конфискации подлежит все имущество, с оставлением необходимой одежды и посуды, исключая ценную посуду».

Аналогичная директива дана в том же округе Канским

РИКом и в Красноярском округе — Красноярским РИКом. Последний сделал лишь такие ограничения: «Запрещается отбирать последнюю рубаху и последний кусок хлеба».

Как массовое явление по большинству районов продолжает отмечаться:

1) Грубое принуждение бедняков и середняков к вступлению в колхозы, сопровождающееся угрозами, арестами, обложением в индивидуальном порядке с.х. налогом, лишением избирправ и «раскулачиванием» бедняков и середняков, отказывающихся от коллективизации и особенно выступающих против колхозов (Барнаульский, Красноярский, Бийский, Омский, Рубцовский и др. округа):

В Чарышском р-не Рубцовского окр. за отказ от вступления в колхозы «окулачены» и распроданы 132 середняцких хозяйства. (В настоящее время распроданное имущество возвращено, виновные привлечены к ответственности.)

Упол. Беречинского РИКа Омского окр. (член ВКП(б) самолично обложил индивидуальным налогом 41 середняка за отказ от вступления в колхоз, и только тогда, когда они изъявили согласие войти в коллектив, обложение было снято.

В с. Луговском, Тальминского р-на Барнаульского окр. председатель сельсовета арестовал 3-х середняков за то, что последние отказались вступить в коммуну и обобществить свой инвентарь и семена.

В с. Лушниково Барнаульского окр. секретарь ячейки ВКП(б) Веревкин и члены коммуны Глебов, Павлов, Онуфриев и др. «вовлекали» крестьян в колхоз, заявляя: «Кто в течение 3-х дней не запишется в коммуну и не сдаст семена, тот будет поставлен к стенке и расстрелян или будет перечислен в кулаки и выслан в Нарым».

В с. Ярском Томского окр. секретарь яч. ВКП(б) арестовал двух бедняков за то, что они выступали на общем собрании против коммуны и высказывались за организацию с.х. артели.

В с. Н. Еловке Барнаульского окр. председатель вновь организованного колхоза Зюзин и председатель сельсовета мобилизовывали крестьян, не вошедших в колхоз, и заставляли их работать на колхоз. Там же Зюзин совместно с Упол. РИКа Авдониным за отказ вступить в колхоз аресто-

вал несколько середняков; за несдачу семфонда был арестован 15-летний мальчик и маломощная середнячка 70 лет, которая находилась под стражей без пищи 4 суток. (Виновные арестованы.)

2) Расширение контингента подлежащих раскулачиванию хозяйств за счет хозяйств лишенцев всех категорий, в том числе и за счет бедняков и середняков; за счет всяких «бывших» (мелких торговцев, владельцев кустарных заводов, нанимавших сезонного батрака, и т.п.), в настоящее время также бедняков и середняков, раскулачивание за невыполнение гос. повинностей и хозяйственных заданий и т.п.

В с. Романовском Н. Сибирского окр. у маломощного середняка Арамбитского с/совет изъял все имущество вплоть до всех продуктов питания, чайной посуды и постели на основании того, что в течение 3-х лет (4 года тому назад) Арамбитский имел кустарную сыроварню. Арамбитскому было предложено покинуть дом в 24 часа, жене его отказали взять подушку для ребенка. (Виновные преданы суду.)

В с. Гелдак Омского окр. раскулачен середняк «за то, что три раза женился».

В Сухобузинском р-не была намечена экспроприация имущества у маломощной середнячки Мариной за то, что сын ее, красноармеец бронепоезда ОДОН, «не уплатил алименты» (экспроприация приостановлена).

3) Издевательство над раскулачиваемыми (в это число в ряде случаев попадают и советские элементы деревни), конфискация всего имущества раскулачиваемых до мелочей, лишение семей раскулачиваемых необходимого минимума продовольствия и одежды, не говоря уже о минимуме хозяйственного инвентаря и семян. Издевательство, мародерство и физическое насилие при раскулачивании.

В с. Глубоком Каменского окр. секретарь ячейки при описи имущества у кулаков выбросил в снег годовалого ребенка.

В с. Поратнем Шипуновского р-на Рубцовского окр. во время описи имущества у кулака избачом до нижнего белья был раздет и подвергнут издевательству домохозяйин. В нижнем белье кулак выскочил на улицу, где собралось 40 человек крестьян.

В с. Дубровино Минусинского окр. раскулачивание проводится под лозунгом: «Штаны взять, кулаку оставить пуговицу». Бригадой из 6-ти чел. производилось раскулачивание. Зайдя к кулаку, раздели его догола и подвергли его издевательствам. В числе имущества, конфискованного у кулака, в с/с была доставлена квашня с тестом.

Почти по всем округам Сибири зарегистрировано большое количество фактов, когда при раскулачивании кулацкое имущество расхищается и присваивается.

Некоторые сов. работники, в частности коммунисты, покупают конфискованное имущество для спекулятивных целей.

В ряде случаев группы бедноты, в присутствии окружающих работников, выносили постановление о распределении кулацкой одежды между бедняками.

В с. Чеддак Омского окр. (под руководством беспартийного милиционера Гринева (сын кулака) была проделана следующая операция: в с/с были вызваны 43 кулака. В другой комнате была построена очередь из бедняков и батраков, и каждого по очереди бедняка и кулака вызывали в комнату и заставляли взаимно обмениваться шубами и сапогами. В отношении упорствующих кулаков милиционер применял угрозы и физическое насилие. Тот же милиционер организовал на улице подобное переодевание по отношению к кулацкой молодежи.

Во многих случаях раскулачивание проводится вне связи с работой по коллективизации, как самоцель.

Наиболее пораженными округами в отношении искривлений и перегибов являются по данным на 10/111 Барнаульский, Красноярский, Барабинский, Омский, Бийский, Ачинский окр. Путем выборки данных о наиболее грубых извращениях и перегибах в ходе коллективизации, посевкампаний и раскулачивания по Сибири учтено 309 населенных пунктов, пораженных в сильной степени. Кроме того, имеется целый ряд районов (не вошедших в эту цифру), где перегибами и искривлениями охвачены все населенные пункты (Новоселовский район Красноярского окр., Н. Марьинский р-н Томского окр., Алексеевский р-н Славгородского окр. и ряд других). Помимо этого, имеют-

ся сотни случаев искривлений, не учитываемых специально в местных материалах.

Слабость разъяснительной работы вокруг проводимых мероприятий должна быть отмечена как общее явление для большинства районов и населенных пунктов Сибкрая.

Необходимо отметить рост переселенчества, захвативший частично даже бедноту.

Усиливается выход из колхозов крестьян, вступивших в них под нажимом. За 10—15/111 по Сибири, по неполным данным, из колхозов выписалось свыше 2000 хозяйств. Вместе с данными за первые 2 пятидневки марта цифра выходов из колхозов равняется 9394.

Антисоветские проявления

Несмотря на широко развернутую органами ОГПУ оперативную работу по изъятию к.р. элементов деревни (по данным на 13/111 арестовано по Краю 8117 ч. к.р. актива, ликвидировано 14 к.р. организаций с 470 участниками и 350 группировок с 2779 участниками), непрекращающиеся перегибы и извращения в работе низовых сов. парт. организаций, отсутствие более или менее удовлетворительной массовой политической работы, в связи с мероприятиями по коллективизации и раскулачиванию, создают благоприятную почву для развертывания кулацкой активности и для распространения кулацкого влияния на часть середняков и даже бедноты.

Серьезного внимания заслуживает наметившийся с середины февраля рост числа массовых выступлений, в основном возникающих на почве извращений и слабой политической подготовки при проведении коллективизации и раскулачивания. За последнее время учащаются выступления в связи с выселением кулачества.

За январь месяц по всему краю было зарегистрировано 7 массовых выступлений; за февраль, по неполным данным, имело место 17 выступлений; за первую пятидневку марта, по неполным данным, 7 выступлений. За вторую пятидневку марта — 11, за 3-ю — 22 выступления, из них 9 на почве выселения кулачества.

Заслуживает серьезного внимания отмечающееся за последнее время (март месяц) перерастание ряда массовых

выступлений в выступления повстанческого характера и оформление части выступающих в действующие банды.

Ряд банд, организуемых и руководимых кулацким к.р. активом, включает в себя середняков и даже бедняков, спровоцированных кулачеством к выступлению, в связи с извращениями и перегибами при коллективизации и раскулачивании (наряду с этим главарями банд, движения применяется и насильственная мобилизация середняков).

(Выступления в Муромцевском р-не Барабинского окр.; Мухор-Шимбирском р-не и в районе Тункинской погранкомендатуры Бурято-Монголии; в Кошагачском р-не Ойратии, Учпристанском р-не Бийского окр.).

На 1/111 с.г. по краю насчитывалось 21 действующих банд с общим количеством участников 473 человека. На 15/111 с.г. — 28 банд (из них 3 ликвид.) с общим количеством участников 2992 (из них ликвидировано 1442 человека).

Таким образом, увеличение за 15 дней марта на 7 банд с 2519 участниками. Отмечается усиление политических моментов в действиях бандитско-кулацких образований, переходящих от отдельных налетов, терактов и грабежей к открытым бандвыступлениям, с захватом населенных пунктов, уничтожением в них Соввласти, организацией крестьянских сходов с призывом примыкать к широкому повстанческому движению под кулацкими лозунгами.

Выселение кулачества

Выселение кулачества 2-й категории в крае протекает крайне слабо. По данным на 15/111 выселено 10 302 хозяйств из намеченных краем 30 000 хозяйств, что составляет 34,3 %. Кроме того, с округов имеются дополнительные сведения о подготовленных к отправке 8986 хозяйств, что вместе с отправленными составит 64,3 %. Таким образом, план выселения будет невыполнен в значительных размерах до момента весенней распутицы. Вместе с этим отмечается крайняя слабость в подготовке выселения кулачества по 3-й категории. От многих РИКов до самого последнего времени не поступило сведений о степени обеспеченности продовольствием, семенами, инвентарем хозяйств, подлежащих выселению. В ряде округов не про-

работан окончательно вопрос об использовании переселяемых по той или иной работе.

При затяжке выселения и наличии в крае до 8000 раскулаченных, бежавших с мест жительства, неизбежно дальнейшее усиление бандитизма к весне, что не может не отразиться на посевной кампании.

Все вышесказанное говорит о необходимости принятия ряда мер со стороны Краевых организаций к быстрейшему и решительному изжитию имеющих место серьезных недочетов в работе местных организаций.

ЗАМ. ПРЕД. ОГПУ Г. Ягода, НАЧ. СОУ ОГПУ Евдокимов.

РЕЧЬ ЕВДОКИМОВА 3 МАРТА 1937 ГОДА

Товарищи, когда я слушал доклад т. Ежова, должен перед членами пленума ЦК прямо сказать, горел от стыда и от обиды, что в таком положении оказались наши органы НКВД, в которых я проработал 14 лет, вплоть до 1933 г. — в годы самой острой борьбы. (*Голос с места. Говори громче!*) Я редко волнуюсь, но сейчас волнуюсь. Здесь выступил Ягода. Как воспринимается его речь? Как гнилая, непартийная речь. Он говорит: «Я, видите ли, виноват, опоздал раскрыть эти дела — и вот жертвы». О каких жертвах говоришь? Эти люди, о которых говорили здесь по первому вопросу, — они жертвы, о них сожалеешь? Душа с них вон... Об одном надо жалеть, что поздно раскрыли их контрреволюционные дела и что потеряли С.М. Кирова. Вот о чем нам нужно жалеть. Не так нужно было выступать, т. Ягода. Нужно было сказать нам о том, как ты руководил органами НКВД, как и почему получились провалы в работе органов НКВД, а не изображать из себя ягненка. Знаем мы, что ты не ягненок. При чем тут разговоры об органах НКВД как о какой-то замкнутой организации и что они-де варились в собственном соку и прочее? Зачем клеветать на эти органы? Они были тесно связаны с партией. Этой нашей связи с партией нас учил Дзержинский. Именно на связи наших органов ВЧК—ОГПУ с партией, с трудящимися массами основаны все наши успехи в борьбе с контрреволюцией. Вы помните, как Дзержинский нам го-

ворил: «Нет случайных раскрытий; красноармеец, рабочий, кухарка, дворник — все это наша опора». А в 1934 г., по словам Ягоды, чекисты якобы оторвались от масс, приходят к нему и спрашивают, где контрреволюция? Ему задают здесь на пленуме вопрос, кто же спрашивал из чекистов? Скажи фамилии. Он не ответил. Зачем клеветать на чекистов? Замкнутость! — Кто ее прививал? Я Ягоду, слава богу, хорошо знаю. Именно он, Ягода, культивировал ведомственную замкнутость в аппарате. Именно он, Ягода, производил специфический подбор людей. (*Я г о д а. Кого я подбирал?*) Да вот взять хотя бы того же Молчанова — откуда он взялся? (*Я г о д а. Еще кто?*) Сосновский. (*Я г о д а. Это не мой.*) А чей же? Сосновский в аппарате работал с 1920 года. Ты же всегда выставлял себя основоположником органов. В 1930 г. при моем участии Сосновского с границы убрали по известным тебе причинам недоверия к нему, зачем ты его взял в заместители начальника особого отдела центра? Вверил ему охрану Красной армии? А теперь нам тут голову крутишь. Вот вам, товарищи, пример небольшевистского подбора т. Ягодой своих людей.

Политическое воспитание работников НКВД было в загоне, а сколько копий ломали мы в свое время по этому вопросу, добиваясь организации широкого политического обучения чекистских кадров! Сила чекиста всегда заключалась в том, что наши аппараты постоянно пополнялись крепкими большевистскими кадрами. Все негодное и слабое отсеивалось. Нельзя изображать дело так, что вот-де сидел Молчанов — отсюда и безобразия, которые мы имеем. Дело не только в этом. Канцелярско-бюрократический стиль работы, защиту чести мундира, чванливость — мое-де превыше всего, подхалимство, благодущие, настроения — все в порядке и т. д. насаждал т. Ягода, подбор таких жучков, как Сосновский, он производил. Надо только посмотреть на морду этого Сосновского — чужая морда! (*Смех. Ежов. Четыре жены были — все иностранки и все шпионки. Об этом все знали.*) Вызывало недоумение, что Сосновский работает в органах, у вас ходит к тому же на больших ролях.

О работе с агентурой. Все мы знаем, какое огромное значение имеет правильная постановка агентурной рабо-

ты. В самый острый период борьбы с контрреволюцией в годы Гражданской войны все крупные дела раскрывались через агентуру, и иначе быть не могло. Я знаю это по опыту своей работы в Москве, на Украине, на Северном Кавказе, в Средней Азии. Так работали и в других местах. Правильно говорит т. Берия, и в Закавказье. Мы это все знаем. Я даже сегодня могу на память перечислить всех ликвидированных петлюровских атаманов на Украине. Так, в результате агентурной комбинации были взяты: Тютюнник, холоднорские атаманы — Завгородный, Гупало, Железняк и другие. Об этом украинские товарищи хорошо знают. А на Северном Кавказе! Т. Микоян и т. Ворошилов помнят, как мы разделали плеяду улагаевских бандитов, войсковых старшин: Ковалева, Козлихина, Орлова и других — и разделали в короткие сроки. Причем эти же товарищи могут подтвердить, что я им загодя рассказывал о делах в зачаточном состоянии и дальнейшем развертывании дел вплоть до ликвидации. Все это нам удавалось благодаря работе с агентурой и через агентуру. А теперь здесь нам рассказываете, что агентуры не было, клевете на чекистов. Она была, но вы ее раздраконили. Какую теорию вы вместе с Прокофьевым разводили насчет агентуры? Вы помните, т. Ягода, об этом. Не вы ли говорили, что нужно отказаться от прежних методов работы потому якобы, что агентура себя не оправдывает. И дела можно следственным путем открывать. А ваша теория так называемого верхнего чутья...

Спор у нас с ним был. Я доказывал, что разведчика можно сделать, надо учить народ, а он утверждал, что разведчиком надо родиться, как поэтом. (Смех.) Чепуху пороли, не понимая сути дела, не понимали основ построения и работы наших органов безопасности.

О двойниках. А почему забыли дело Оперпута? Почему выводов из него не делали? А мало ли было других подобных дел и по эсерам и по попам! Почему не учили на этих делах народ и не воспитывали кадры работе с агентурой? А теперь, выходит, с разговорчиками вообще мощи открывает. (Смех. Голос с места. Кто мощи открывает?) Ягода. Не годится так выступать.

Теперь он говорит, что они в 1934 г. оторвались от масс. И привел Шахтинское дело как пример раскрытого дела на

основе связи органов ОГПУ с массами. Я хочу рассказать сжато, как было раскрыто Шахтинское дело и кому мы обязаны открытием этого Шахтинского дела. Обязаны мы т. Сталину. (*Микоян. Расскажи подробнее.*) История поучительная со всех сторон — и с точки зрения того, как агентурная мысль у нас тогда билась, и с точки зрения нашей связи с массами, и с точки зрения текущих вопросов: как нащупывать и раскрывать врагов.

Вы помните 1926—1927 годы. В нашей стране на ряде крупных предприятий прошла полоса пожаров и аварий. Естественно, что мы, чекисты, задумались, как, каким способом повести борьбу, как нащупать врага. И мы на Северном Кавказе над этим думали. В Москве в 1926 или в 1927 г., точнее не помню, в ОГПУ было совещание полномочных представителей ОГПУ, на котором был поставлен доклад на тему «Борьба с диверсиями». Вопрос очень важный, однако руководители ОГПУ почему-то на себя не взяли этот доклад, а выпустили докладчиком помощника начальника особого отдела Стырно. В докладе был выдвинут такой тезис — говорю по памяти, — что для борьбы с диверсией — пожарами, авариями — надо применить метод так называемого легендирования чисто диверсионной группы. Что это означало? Создается группа из наших людей, выдающих себя за диверсантов. Эта группа посылается за рубеж с тем, чтобы там установить связи с действующими против нас диверсионными центрами эмиграции и таким путем раскрыть организаторов диверсии и их агентов в нашей стране, на наших предприятиях. Вообще метод так называемой легенды в деле раскрытия контрреволюционных организаций нами применялся. По этому методу были взяты: первым — Тютюнник, вторым — Савинков. Однако я и ряд товарищей с мест выступили против этого метода «чисто диверсионного легендирования» по следующим соображениям (по крайней мере, я их выдвигал).

Во-первых, в легендах, которые у нас применялись для поимки Тютюнника и Савинкова, мы вкраплялись в соответствующие на наших территориях диверсионные организации и таким образом проникали в зарубежные центры. А тут предлагалось создавать чисто диверсионные группы из наших людей, не имея связи на нашей территории с дей-

ствующими диверсионными организациями. Какой напрашивается поэтому вопрос? Ладно, группу сколотили из самых крепких большевиков, пошлем ее за границу. А там ей скажут: «Хорошо, вы — диверсанты. Ну, так взорвите что-нибудь в Советской стране, и мы вас тогда узаконим».

Второе соображение, которое я выдвинул в то время, что в качестве действующих на нашей территории диверсантов являются не только посланные из-за рубежа специальные агенты (как бы слабо тогда не охранялась граница, но мы много брали шпионов, и не так-то свободно было гулять через границу), очевидно, полагал я, основные кадры диверсантов имеются внутри страны и сидят у нас непосредственно на предприятиях. (*Голос с места. Кадры.*) Тогда я даже образно так выразился — товарищи чекисты могут подтвердить, они действуют, говорил я, не торпедами, не плавающими минами, а и фугасами. Так что диверсантов нужно искать среди людей, работающих на наших предприятиях. Так, т. Ягода, или нет? (*Ягода. Когда это было?*) Ах, ты уже забыл! К этому периоду мы в основном с бандитизмом покончили. (*Ягода. Какой год?*) 1926—1927 гг., дорогой товарищ, перед Шахтинским делом. К этому времени, как известно, мы произвели разоружение на Северном Кавказе, Чечне и Дагестане и добивали остатки бандитских шаек. В этот период в стране восстанавливалось хозяйство, промышленность. Враг вначале не верил, что мы с этим делом справимся, но потом видит, что дела у нас идут успешно, он все свое понимание в борьбе с Советами сейчас же переклюкает на хозяйство. Борьба с бандитизмом отвлекала наше внимание от охраны промышленности.

Когда я вернулся на Северный Кавказ с совещания из Москвы, я собрал чекистов и поставил задачу как вывод из всех наших разговоров в Москве — говорил о том, что нам нужно покрепче заняться изучением всех наших промышленных предприятий, особенно тех, где аварии происходят. Поставил и вторую задачу — выяснить, кому эти предприятия принадлежали в прошлом, каким фирмам, каким акционерным обществам, кто на этих предприятиях из старых служащих работает, и пустил в ход маленькую догадку — кто из этих старых служащих через АРА получал помощь. Здесь находятся товарищи, работавшие тогда на Северном Кавказе, могут подтвердить. (*Голоса с мест.*)

Правильно.) Когда мы занялись предприятиями, натолкнулись первым делом на срыв работы на предприятиях цветной промышленности — Кавцинке, на Садонских рудниках. Т. Миронов, работавший тогда во Владикавказе, здесь и может подтвердить. (*Голос с места. Здесь.*) Наблюдая работу на Кавцинке, мы обнаружили, что до 1926 г. это предприятие работало и развивалось неплохо, кривая шла вверх. В 1927 г. — это совпало как раз с нотой Керзона — начались неполадки. Кривая повернула вниз. Одновременно по Осетии пошел хабар, что скоро Советская власть падет, придут англичане и прочие. (*Голоса с мест. Что такое «хабар»?*) Слово «хабар» у горских народов Северного Кавказа означает то же, что и в Средней Азии «узун кулак» — слухи. Факты, имевшие место на предприятиях Кавцинка, в связи с осетинским хабаром говорили нам о наличии контрреволюционной организации. Среди работников этих предприятий обнаруживаем чуждых и враждебных людей, связанных с эмигрантскими кругами за границей, в том числе и в Польше. Провели аресты, Среди арестованных оказались бывшие офицеры, жены расстрелянных и прочие.

В 1927 г. я встретился в Сочи с т. Сталиным. Он, как обычно, спрашивает, как дела. Я ему рассказал, и, в частности, рассказал об этом деле. Он внимательно выслушал, расспрашивал о подробностях дела. Я в конце беседы сказал о следующем: «Для меня ясно, что мы имеем дело с людьми, сознательно срывающими производство, но для меня не ясно, кто ими руководит. Или это идет по линии штабов, в частности, Польского штаба, или в срыве производства заинтересованы фирмы, которым в прошлом принадлежали эти предприятия, то есть по линии Бельгийского акционерного общества». Помню точно, т. Сталин мне сказал: «Когда окончишь дело, пришли его в ЦК». Вы сами понимаете, это меня вздыбило, как боевого коня. Вернулся я, собрал братву, извиняюсь за выражение, товарищей (*смех*), говорю — так и так, беритесь. Взялись мы за это дело, крутили, крутили, однако не сумели доказать в то время вредительство, арестованные не «раскололись» (*смех*) и путали нас. Одновременно, товарищи, мы накопили материалы о всякого рода неполадках на шахтах Донецко-Грушевского рудоуправления, а этих неполадок-аварий и про-

чего было огромное множество. Мы все материалы привели в известный порядок, систематизировали, причем связали происшествия с людьми, от которых зависел ход производства, которые руководили шахтами. Прояснили их прошлое и настоящее, их политическую физиономию. В результате выяснилось, что неполадки неслучайного характера и зависят от чужих людей, сидящих у руководства, занимавшихся, кстати, контрреволюционными разговорами в быту. Произвели аресты первой группы, и вот тут, товарищи, начинаются, как говорится, перипетии. Вот я смотрю, кто там был. Да, вот т. Рухимович знает это дело. Ломова нет? (*Л о м о в. Здесь, как же.*) Билик тоже знает это дело. В общем достаточно разговоров было у нас с вами. Должен здесь в порядке самокритики сказать, что обвиняли нас в головотяпстве, в том, что мы действуем методами 1918—1919 годов. Я спрашиваю, вот вы, Ягода, были тогда моим начальником, какая помощь с вашей стороны была в этом деле оказана? (*Я г о д а. В Шахтинском деле? Вы сами в него не верили.*)

Брось ты мне петрушку тут крутить. Брось трепаться, ты никакой помощи в работе не оказал. Тут люди живые и могут подтвердить. (*Г о л о с с м е с т а. Верно, т. Евдокимов.*) Я с Семеном Шварцем разговаривал на пленуме. Он меня спрашивал, зачем я посадил шахтинцев. Я сказал, что эти люди связаны с контрразведкой, и он сразу успокоился. Возились мы с арестованными месяца 2 или 3. Раза 2 или 3 я докладывал о деле на бюро крайкома (тогда секретарем крайкома был т. Чудов). Что было неясно на первых порах? Неясны были особенности контрреволюционной деятельности вредителей. Тогда еще не было и таких слов, как вредительство. Мы в то время работали ощупью, нюхом, и в этом деле в начале центральный аппарат ОГПУ — говорю прямо — никакой помощи не оказал. К моменту приезда т. Андреева в край в качестве секретаря крайкома мы получили показания арестованных о вредительстве и приоткрыли завесу над происходившими на шахтах неполадками. Когда я доложил т. Андрееву об этих показаниях, он тут же написал телеграмму в ЦК, а я послал в ЦК обзор Шахтинского дела. Когда я поехал в Москву, то с собой захватил кипу документов, информационных донесений в ОГПУ, потому что я знал, что Менжинский будет мне го-

ворить, почему мы послали материал в ЦК помимо ОГПУ, почему это сделали не они. Факт это или не факт? (*Голоса с мест. Факт.*) Так оно и случилось. С Менжинским я объяснение имел. Вы, т. Ягода, сидели в центральном аппарате сложа ручки и ничего не делали в этом отношении. Если бы мы понадеялись только на вас, если бы не послали в ЦК материал, то я не знаю, как бы выглядело Шахтинское дело и увидело ли бы оно вообще белый свет. Что вообще вредительство независимо от Шахтинского дела было бы открыто — в этом нет сомнений, к этому шли наши органы. Но было бы ли оно первым делом, открывшим вредительство, в этом я сомневаюсь. Это вполне понятно, потому что нам всем известно, как т. Ягода относился к Рыкову, и знаем отношение Рыкова к этому вопросу и политическую оценку Рыковым Шахтинского дела. А вы, т. Ягода, с Рыковым тогда, что называется, в одной постели спали, и его влияние на вас сказывалось. Вот, в чем дело, и вот, к чему речь моя клонится. (*Ягода. Да что вы думаете, что я в этом деле участвовал?*)

Товарищи, из того, что мы слышали здесь, на пленуме, о делах НКВД, из доклада т. Ежова и из выступлений товарищей совершенно ясно, что обстановка, создавшаяся за последние годы в органах НКВД, никуда не годится, и главным виновником этого является Ягода. Я думаю, что дело не кончится одним Молчановым. (*Ягода. Что вы, с ума сошли?*) Я в этом особенно убежден. Я думаю, что за это дело экс-руководитель НКВД должен отвечать по всем строгостям закона, как привыкли мы, работая в ЧК, отвечать за все то, что нам было поручено. Надо привлечь Ягodu к ответственности. И надо крепко подумать о возможности его пребывания в составе ЦК. Снять с него звание генерального комиссара Государственной безопасности, хотя бы в отставке. Он его не оправдал.

РЕЧЬ Л. МИРОНОВА 3 МАРТА 1937 г.

Товарищи, тот позорный провал, в котором очутились органы Наркомвнудела, произошел по многим причинам, на которых я останавливаться не буду, потому что они достаточно освещены и в докладе т. Ежова и в прениях. Но все

же я хочу здесь сказать о нескольких наиболее важных причинах. Первая причина заключается в том, что, несмотря на систематические указания, какие мы получали от ЦК партии, о том, что осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов оживают, о том, что это является главной опасностью на нашем пути и что все силы органов государственной безопасности должны быть сосредоточены, удар должен быть направлен сюда, несмотря на это эти указания ЦК партии никакого отражения не получали в директивах, которые давались по Наркомвнуделу. Мы не имеем ни одного оперативного приказа, где бы чекистские массы поднимались, мобилизовывались на борьбу против троцкистско-зиновьевских элементов в нашей стране. Поэтому нашу чекистскую массу убийство т. Кирова застигло врасплох. Вот почему после убийства Кирова обнаружилось, что наш чекистский аппарат не вооружен в борьбе против троцкистско-зиновьевских организаций. Это произошло по вине бывшего нашего руководителя т. Ягоды, который не вооружил ЧК теми партийными указаниями, которые он получал из ЦК партии. Даже и после убийства т. Кирова настоящей мобилизации чекистских сил на то, чтобы направить удар против троцкистов, зиновьевцев и правых, против террористических групп, создаваемых на нашей территории, против всей их преступной и подлой деятельности, этой мобилизации не было произведено.

Эта мобилизация была заменена суетой, крикливыми приказами и массовыми операциями по вышедшим наружу мелким проявлениям контрреволюционного троцкизма. Мы брали то, что плавает сверху, а так как плавало очень много, то естественно, что аппарат был загружен мелочными делами, но серьезных ударов по организованному контрреволюционному троцкизму мы не наносили. Мало того. Когда в 1936 г. при прямой помощи ЦК, когда был выделен секретарь ЦК т. Ежов для того, чтобы непосредственно руководить начинающимся раскрытием и разгромом троцкистско-зиновьевских организаций, были неоднократные попытки, и в этом направлении особенно старался Молчанов, свернуть дело в тот именно момент, когда оно начинало, что называется, набирать пары, когда дело под-

ходило к раскрытию и разгрому троцкистско-зиновьевского центра.

Т. Ежов в своем докладе и другие выступающие здесь говорили о том, что на ольбергско-шемелевском эпизоде видно, как Молчанов и Ягода хотели это дело свернуть. По крайней мере, мы получали указания о том, что дело нужно сворачивать, что потом, когда мы это дело свернем, тогда можно будет снова развернуть работу. А это был момент, когда Зиновьев и Каменев даже не были привлечены к ответственности и находились в изоляторе. Тогда еще в распоряжении следствия таких прямых показаний относительно того, что Зиновьев и Каменев являются организаторами убийства т. Кирова, не было, хотя это вытекало из тех многочисленных агентурных сигналов, которые были в распоряжении секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР.

Я в это время был как раз в Ленинграде. Я не стану оттаивать здесь на том, что рассказывал т. Заковский о моей работе в Ленинграде, не это сейчас важно. Во всяком случае, могу сказать, что силами ленинградских работников и силами тех работников, с которыми я приехал туда из Москвы, были получены показания Бусыгина, Седых, Яковлева, Маторина и других. В этих показаниях были прямые доказательства того, что Зиновьев и Каменев и троцкистско-зиновьевский центр в известном всем составе не только идейно-политически руководил той организацией, которая убила т. Кирова, но непосредственно практически осуществлял все мероприятия, вплоть до малейших деталей вел подготовку убийства т. Кирова.

Тогда в Ленинграде следствием было установлено, что Каменев приезжал на свидание с Яковлевым, ныне расстрелянным террористом, и инструктировал Яковлева. Было установлено, что Бакаев приезжал на свидание с Моториным и инструктировал его. Словом, были получены прямые доказательства непосредственного участия Зиновьева и Каменева в убийстве т. Кирова. (*Б е р и я. Куда же дели эти материалы?*) Это было в 1936 году. Этому предшествовала попытка свернуть дело. Даже на пленуме ЦК в июне 1936 г. в своем докладе т. Ягода упустил этот важнейший момент. К тому времени протоколы были в

Москве, протоколы были в ЦК, именно протоколы о том, что Зиновьев и Каменев причастны к убийству. И вот т. Ягода, выступая на пленуме ЦК и докладывая о ходе всех дел, забывает рассказать об этом главнейшем моменте, который, собственно говоря, открывает новую страницу в истории этого дела.

Все, вероятно, помнят, что после Ягоды выступил т. Сталин, который ознакомил пленум с содержанием протоколов и со всеми вытекающими отсюда последствиями. (*М о л о т о в. К сожалению, некоторые чекисты, например, Молчанов, находили доклады Ягоды очень хорошими.*) Я об этом сейчас скажу. Выводы. Не поставлена была борьба с троцкистско-зиновьевскими организациями в центре, не поставлена. И это доказано последующим ходом событий.

Когда пришел к нам Н.И. Ежов и непосредственно взялся за дело, мы видим, что тот же аппарат, те же чекистские силы с успехом раскрыли и провели дело троцкистского центра, а сейчас громят правых. Партийного руководства работой Наркомвнудела при Ягоде не было, и это одна из самых основных и главных причин того колоссального провала, который мы сейчас переживаем.

Относительно Молчанова. О Молчанове у нас в аппарате были всегда невысокого мнения. В первую очередь после т. Ягоды за убийство С.М. Кирова должен отвечать начальник секретно-политического отдела — Молчанов. Но как-то странно получается. Именно после убийства С.М. Кирова Молчанов начинает выдвигаться в первые ряды, превращается в центральную фигуру Наркомвнудела по оперативной работе.

Молотов. Неужели не видно и вам, что не в оперативности Ягоды дело, а в партийности, партийном кругозоре? Оперативник Ягода неплохой, а вы — «оперативность, оперативность». Главное не в оперативности, а в партийности.

Мионов. Я это и сказал и повторяю, что центр тяжести вопроса — в правильном партийном руководстве, которого при Ягоде не было. Но сейчас я хочу ответить на вопрос — почему Молчанов имел возможность заниматься предательством, прятать целый ряд материалов, не реализовать их и тем самым покрывать и содействовать деятельности троцкистов, зиновьевцев и правых. (*М о л о т о в. Если бы*

ваши работники были политически грамотны, то они бы увидели. Куда они смотрели? «Молчанов, Молчанов». Б е р и я. Самокритики побольше. М о л о т о в. Надо призадуматься над этим.) Товарищ Молотов, не то что думаем, а буквально голова трещит от дум. (*М о л о т о в. Это полезно.*) Все мы понимаем, что это полезно. Конечно, у кого здоровая большевистская голова, тот выдержит, а у кого нет, у того она разлетится, и поделом. (*М о л о т о в. Ученье надо на будущее.*) Политическое руководство при Ягоде было непартийное.

Я перейду теперь к вопросам другого порядка — по организационной линии. В вопросах организационных была такая неразбериха в органах Наркомвнудела, в особенности в органах Управления государственной Безопасности, такая неразбериха, что трудно себе представить. Я приведу пару примеров. Стоит ли повторять, что мы идем к войне, и то, что раз мы подходим к войне, то эта подготовка изменяет и формы классовой борьбы, это изменяет и формы борьбы иностранных разведывательных служб и германского рейхсвера, японских разведывательных органов и второго отдела польского генерального штаба, которые, готовясь к войне, очень усиленно насыщают нашу территорию многочисленным количеством резидентуры. Между прочим в наших организациях совершенно не было организовано контрразведывательного отдела. (*Г о л о с с м е с т а. Кто его ликвидировал?*) С 1929 г. контрразведывательного аппарата нет, и мы его только сейчас создаем. А что значит отсутствие контрразведывательного аппарата? Это значит, что мы фактически в нашей работе подготовкой войны пренебрегли. Практически в борьбе это значило, что все разведывательные организации, которые действуют на нашей территории, они с нашей стороны не встречают должного противодействия. Возьмем хотя бы один пример Хирасимо-Князев. Если бы у нас был настоящий контрразведывательный аппарат, если бы он вел свою работу по-большевистски, мы бы им по-настоящему руководили, то одно это дало бы огромное основание для раскрытия троцкистско-зиновьевских контрреволюционных органи-

заций, потому что каждая из таких организаций имеет связь с заграницей, имеет связь с разведками иностранных государств. И если бы мы вели противоразведывательную работу, то, несомненно, троцкистско-зиновьевские организации были бы раскрыты гораздо раньше.

Я считаю, что при правильной большевистской постановке всей работы органов государственной безопасности мы не допустили бы тех непростительных ошибок и провалов, которые были допущены в результате, по меньшей мере, политической близорукости и слепоты бывшего руководителя НКВД т. Ягоды, мы бы, несомненно, могли бы этих крупнейших ошибок избежать.

ПИСЬМО М.А. ШОЛОХОВА И.В. СТАЛИНУ
19 ФЕВРАЛЯ 1938 г.

И.В. Сталину
16 февраля 1938 г. Вешенская

Дорогой т. Сталин!

После освобождения из-под ареста секретаря Вешенского РК ВКП(б) Лугового, председателя РИКа Логачева и уполномоченного Комзаг СНК Красюкова бюро Ростовского обкома партии приняло решение о возвращении Лугового и других на прежнюю работу. В этом решении было записано следующее: «...Материалами следствия установлено, что тт. Луговой, Логачев и Красюков были злобно оговорены участниками контр-революционных правотроцкистских и эсеровско-белогвардейских организаций в своих подлых вражеских целях».

Эта формулировка неверна по существу и придумана для того, чтобы замести следы вражеской работы. Чего проще: оклеветали вешенских коммунистов враги, на то они и враги, чтобы клеветать; оклеветанные реабилитированы; заблуждение, в коем пребывали Ростовский обком и обл. УНКВД, рассеяно решением ЦК. А на самом деле было все это иначе. Обком (враги бывшие в нем и находящиеся сейчас) создали на Лугового и остальных дело, заведомо зная, что Луговой и остальные непричастны к вражеской работе, враги исключили их из партии, а враги, сидящие в

органах НКВД Ростовской области, заставили других арестованных дать на Лугового, Логачева, Красюкова ложные показания. И не только некоторых арестованных заставили клеветать, но пытались всеми мерами и способами добиться таких же ложных показаний и от самих Лугового, Логачева и Красюкова. В какой-то мере они преуспели и здесь: сломленный пытками Логачев дал ложные показания на многих честных коммунистов, в том числе и на меня, и даже самого себя оговорил. Логачев, которого, как и остальных арестованных, буквально истязали в новочеркасской тюрьме (к методам следствия и допроса, практиковавшимся в Азово-Черноморье, я вернусь в конце письма), дал именно те показания, какие от него вымогали.

В обкоме и в областном УНКВД была и еще осталась недобитой мощная, сплоченная и дьявольски законспирированная группа врагов всех рангов, ставившая себе целью разгром большевистских кадров по краю. Она — эта группа — многого достигла, особенно в северных районах края, где основательно поработал враг народа Лукин со своими помощниками. Вешенское дело — прямое этому доказательство. Но Луговой и остальные вешенцы благодаря Вашему вмешательству освобождены, а сотни других коммунистов, посаженных врагами партии и народа, до сих пор томятся в тюрьмах и ссылке.

Пора распутать этот клубок окончательно, т. Сталин! Не может быть такого положения, когда, к примеру, Луговой освобожден и восстановлен в партии, а те, кто арестован и осужден «за связь с врагом народа Луговым», все еще страдают и несут незаслуженное наказание. Не должны остаться безнаказанными те, которые сознательно сажали честных коммунистов. Но пока положение остается прежним: невиновные сидят, виновные здравствуют, и никто не думает привлекать их к ответственности.

За две встречи с Вами я не смог последовательно и связно рассказать обо всем, что творилось раньше в крае и что происходит в настоящее время. Разрешите сейчас рассказать обо всем этом.

Вы знаете, т. Сталин, что группа вешенских коммунистов стяжала себе плохую славу у Шеболдаева и его окружения. Только теперь стала ясна причина, вооружавшая

Шеболдаева на борьбу с нами: мы мешали ему вредить, он мешал нам честно работать. Шеболдаев неоднократно имел возможность убедиться в том, что я не побоюсь при любых обстоятельствах довести до сведения ЦК о его неправильных действиях. Ему это, вероятно, надоело, и он решил избавиться от вешенцев. Безо всяких причин он неоднократно ставил вопрос о снятии Лугового, обвинял его в троцкизме и не раз предлагал исключить из партии. Честных коммунистов, работавших в Вешенском р-не, под разными предлогами переводил из р-на, а взамен их присылал своих людей, которые делали все возможное, чтобы срывать работу и ставить под удар руководство р-на.

Эти люди с первых же дней приезда в р-он заводили склоки, группировались и всеми способами выживали из р-на тех, кто поддерживал Лугового, РК. Не было такой низости, на которую не шли бы эти шеболдаевские опричники. Началась эта скрытая война давно, но особенно разгорелась после разбора в ЦК действий Овчинникова. Через месяц после решения ЦК, когда Овчинникову за перегибы был записан строгий выговор, на краевой партконференции Шеболдаев выдвинул Овчинникова кандидатом в члены бюро крайкома. Луговой выступил с отводом. На собрание Северо-Донской делегации пришли Шеболдаев, Ларин, Ароцкер и остальные члены бюро крайкома и стали давить на делегацию, чтобы та голосовала за Овчинникова и его помощника по перегибам Шарапова. Луговой снова выступил с возражением; его поддержало большинство делегатов Северного Дона и кандидатуры Овчинникова и Шарапова были провалены.

Тотчас же после конференции Шеболдаев, придравшись к какому-то пустяку, ставит вопрос о снятии Лугового: ЦК не утвердил это решение крайкома. После этого подручные Шеболдаева по Вешенскому р-ну — нач. РО НКВД Меньшиков (арестован в прошлом году, немецкий шпион), и второй секретарь РК Киселев развернули такую работенку, что дышать стало нечем... В крайком, в ЦК посыпались клеветнические заявления на Лугового, меня и других коммунистов, боровшихся с вражеским руководством крайкома. Не было ни одного бюро РК, где бы мы не сталкивались с прямым и скрытым противодействи-

ем шеболдаевцев. По любому вопросу возникали разногласия, и, особенно, по вопросам исправления наделанных Овчинниковым перегибов.

Шеболдаев вдруг начал проявлять исключительную заботу о моей писательской будущности. При каждой встрече он осторожно, но настойчиво говорил, что мне необходимо перейти на другую тематику; необходимо влиться в гущу рабочего класса, писать о нем, т. к. крестьянско-казацкая тематика исчерпана, и партии нужны произведения, отражающие жизнь и устремления рабочего класса. Он усиленно советовал мне переехать в какой-либо крупный промышленный центр, даже свое содействие и помощь при переезде обещал. Очень тонко намекал на то обстоятельство, что я, в ущерб своей писательской деятельности, занимаюсь не тем, чем мне надлежало бы заниматься, словом, — уговаривал...

Шеболдаев советовал переменить местожительство, ближайшие соратники его не таясь говорили, что Шолохов — кулацкий писатель и идеолог контрреволюционного казачества, вешенские шеболдаевцы каждое мое выступление в защиту несправедливо обиженного колхозника истолковывали как защиту кулацких интересов, а нач. РО НКВД Меньшиков, используя исключенного из партии в 1929 г. троцкиста Еланкина, завел на меня дело о похищении у Еланкина... «Тихого Дона». Брели, что называется, и мытьем и катаньем!

После того, как в 1934 г. я рассказал Вам, т. Сталин, о положении в колхозах Северного Дона, о нежелании крайкома исправлять последствия допущенных в 1932—1933 гг. перегибов, после решения ЦК об оказании помощи колхозам Северо-Донского округа, — Меньшиков, Киселев и др. окончательно распоясались. Меньшиков установил систему подслушивания телефонных разговоров, происходивших между мною и Луговым, завел почти неприкрытую слежку за нами; вкупе с Киселевым и др. они стали на бюро РК открыто срывать любое хозяйственное или политическое предложение, исходившее от Лугового или меня. Работать стало невозможно. Это побудило нас довести до сведения крайкома о создавшейся обстановке в р-не.

Будучи в Ростове, мы с Луговым сообщили Шеболдае-

ву обо всех фактах деятельности Меньшикова, Киселева и их подручных. При разговоре присутствовали Малинов и Ларин. Я сказал, что работать в таких условиях страшно трудно, время тратится черт знает на что, вместо творческой и партийной работы, под конец заявил, что я не преступник и жить под гласным надзором не хочу. Шеболдаев ответил, что Меньшикова и Киселева из Вешенской переведут, но тут же добавил:

— Вторым секретарем пошлем к вам Цейтлина (арестован еще в 1936 г.). Луговому не хватает политической грамотности, а Цейтлин — парень грамотный. И начальника НКВД пошлем стоящего. — Помолчал и, улыбаясь, добавил: — А все-таки посматривать мы за вами будем... Я ставил перед ЦК вопрос о снятии Лугового за то, что он тянул с ликвидацией пригородного х-ства, но ЦК не утвердил это решение. Что ж, ЦК виднее... Но все равно, Луговой, с Вешенской придется тебе расставаться... Не уживемся мы вместе. Ты гнешь какую-то свою линию. Думаешь, что все тебе будет сходить безнаказанно? Не выйдет!

Вскоре после этого Меньшикова перевели не куда-нибудь в район, а с повышением, в Сочи. Убрали и Киселева. На место их приехали вторым секретарем Чекалин и нач. РО НКВД Тимченко.

Уехали мы из Ростова подавленные. По всему было видно, что Шеболдаев начнет жать нас снова и еще с большей силой. Луговой тогда же предложил написать Вам обо всех этих делах. Я отговорил его от этой мысли. «С Шеболдаевым нам детей не крестить. Будем драться с ним по принципиальным вопросам, а жаловаться на то, что он к нам плохо относится, — нехорошо, по-ребячески это будет выглядеть».

Вот так и жили. Грустно и тошно писать обо всех методах, при помощи которых разрушали колхозы и изо дня в день травили нас. В Ростове по всем линиям вредительски планировали х-ство р-на. Можете судить по следующему соотношению сил:

В 1934–35 гг.

В соседнем Верхне-Донском р-не:

Посевная площадь 23 000 га

Тракторов колесных 100

гусеничных 5

В Вешенском р-не:

Посевная площадь 34 000 га

Тракторов колесных 66

гусеничных 6

В 1937–38 гг.

Базковская МТС соседнего р-на:

Посевная площадь 14 000 га

Тракторов колесных 56

гусеничных 16

Колундаевская МТС Вешенского р-на:

Посевная площадь 18 000 га

Тракторов колесных 66

гусеничных 9

Даже в самом Вешенском р-не по двум МТС так расставлены механизированные силы, что при одном взгляде на соотношение этих сил видна злая рука.

Дударевская МТС:

Посевная площадь 16 000 га

Тракторов колесных 38

гусеничных 7

Колундаевская МТС:

Посевная площадь 18 000 га

Тракторов колесных 66

гусеничных 9

Остальным р-нам — запасные части, наши продают в Миллерово; из года в год заставляли бесцельно перебрасывать зимой семенное зерно, нарочито выводя из строя к

весне рабочий скот; планировали посевную площадь р-ну с таким расчетом, чтобы с севом невозможно было уложиться в срок, а потом распинали за это в решениях и т. д.

Такую же линию вел и округ. Да и как могло быть иным отношение к вешенцам окружкома, когда руководили округом такие враги, как Лукин, Муравкин, Базарник, Касилов и пр. Они дополняли разрушительную работу нападками на Лугового, на остальных, кого выживали из р-на. Купил Луговой в колхозе центнер картофеля, — в КПК создается дело под громким названием «самоснабжение». И тянется это нудное дело месяцами; спросы, допросы, наезды следователей, а стоимость картофеля 5 руб. 50 коп. и колхоз продавал этот картофель всем, кому угодно. Окружком всячески отстранял Лугового от работы. По всем вопросам сносились со вторым секретарем Чекалиным, причем установили довольно необычный способ сношений: работники окружкома, приезжая в Вешенскую, тайком пробирались к Чекалину на квартиру, говорили с ним о партийных делах и, не зайдя в РК, уезжали, а мы — члены РК — узнавали о целях приездов из уст Чекалина, иногда и вовсе не узнавали. Окружком печатно шельмовал нас, обвиняя — ни много ни мало — в скрытии от колхозников Сталинской Конституции. Повод для этого страшного обвинения? В двух тракторных бригадах за полторы недели после опубликования проекта Конституции не успели проработать проект. И дальше все в таком же роде.

В районе трое членов бюро РК (Чекалин — второй секретарь РК, Тимченко — нач. РО НКВД, Виделин — редактор районной газеты) — в открытую заявлявшие о том, что они присланы крайкомом, чтобы присматривать за нами, — группировали вокруг себя недовольные элементы партийной организации, отрывали их от РК, сеяли слухи, что Луговой со дня на день будет снят крайкомом, что он — враг и т. п. И в то же время наружно не показывали вида, что они враждебно настроены. Чекалин чуть ли не ежедневно строчил на Лугового кляузы, а в глаза говорил, что необходимо работать дружнее, быть ближе друг к другу, больше доверять, словом, вел типично двурешническую политику. Знали ли мы об этом? Безусловно знали. Знали и молчали потому, что были убеждены в том, что если потребовать

смены этих людей, — пришлют таких же. В этом, после снятия Киселева и Меньшикова, мы имели возможность убедиться. Тройка шеболдаевских порученцев, ведя беспринципную борьбу с нами, не брезговала ничем. Летом 1936 г. они стали посылать на мое имя и на имя моей жены гнусные анонимки, порочащие меня как коммуниста и человека. Как-то я сказал об этом, и Тимченко, улыбаясь, предложил свои услуги, чтобы расследовать это дело и найти автора письмишек. Я отказался от его услуг, будучи твердо убежденным, что именно он является автором этих нечистоплотных произведений. Тимченко неоднократно заявлял мне, что на меня казачьи к<онтр>-р<еволюцион-ные> организации готовят покушение. Будто бы один офицер-репатриант был арестован им около моего дома, при обыске у него было найдено оружие и он на предварительном допросе заявил, что прибыл в Вешенскую с целью убить меня. Однажды, будучи пьяным, Тимченко сказал, что кто-то меня выслеживал на охоте и что покушавшийся побоялся стрелять в меня, так как узнал, что в случае промаха будет убит мною. «Он знал, что вы здорово стреляете и побоялся рискнуть», — закончил он. На следующий день, когда я, желая уточнить тимченковскую информацию, спросил у него, кто выслеживал меня и арестован ли он? — Тимченко, глазом не моргнув, ответил: «Ничего подобного я вам не говорил. Вы меня не так поняли».

Отношения наши к тому времени настолько определились, что когда Тимченко попросил сообщать ему, куда я еду, якобы для того, чтобы принимать какие-то меры охраны, я, смеясь, ответил поговоркой: «Избавь боже от таких друзей, а с врагами сам управлюсь». Что уж тут было в кулак шептать...

Край, округ, станица, — вот откуда жали на нас. Но не думайте, что мы были уж такие бедные-несчастные. Мы знали, что если дело дойдет до серьезного, то Вы нас в трату не дадите. На Вас, т. Сталин, на ЦК была надежда. Была, есть и будет. А если б этой надежды не было, да разве можно было бы года жить под таким чертовым прессом?

С 1936 г. дело пошло быстрее. Подвернулся случай расчитаться с нами простым и безопасным способом — началось по краю выкорчевыванье врагов. Случаем этим не

преминули воспользоваться. В Кашарском р-не органами НКВД была вскрыта эсеровская организация. Изъятие проводил в числе других работников НКВД наш уполномоченный НКВД Тимченко. В слободе Н.-Греково арестовали учителя Иванкова. Родом из этой слободы был Красюков П.А. — член бюро Вешенского РК, мой товарищ, однажды уже сидевший в тюрьме по милости врага народа Овчинникова.

Тимченко и Сперанский — нач. Миллеровского окружного отдела НКВД — в прошлом сиятельный дворянин и поручик царской армии — выжали из Иванкова показания о причастности Красюкова к эсеровской организации. Одного этого показания было достаточно: Красюкова арестовали 23 ноября 1936 г.

Красюков 16-летним мальчишкой ушел добровольцем в Красную армию, с 1920 г. был секретарем комсомольской ячейки, сам рождения 1903 г., Иванкова видел всего несколько раз. Происхождением из бедняцкой семьи. Но кому все это было нужно? Кого интересовало прошлое Красюкова? Надо было арестовать одного из вешенцев, нашелся благовидный предлог, и арестовали. Расчет был простой: вырвать у Красюкова ложные показания на всех вешенцев, а тогда уж добратся и до остальных, на основе этих показаний.

Надо ли говорить о том, что арест Красюкова оставшиеся 6 членов бюро Вешенского РК расценили по-разному. Луговой, Логачев и я, зная Красюкова как исключительно честного, преданного делу партии коммуниста, считали, что арест его — либо плод недоразумения, либо результат нечестных действий Тимченко, у которого с Красюковым были плохие отношения, либо, попросту, начало открытого похода против нас.

Луговой, Логачев и я голосовали против исключения Красюкова из партии, считая необходимым выждать до получения из крайкома материалов, которые послужили причиной ареста; остальные трое — Чекалин, Тимченко и Виделин — голосовали за исключение.

На районном партийном собрании подавляющее большинство коммунистов, знавших Красюкова на протяжении ряда лет совместной работы в р-не, голосовало против

исключения, т. к. причины таинственного ареста никому не были известны и РК не мог дать объяснений по этому поводу. (Из 104 членов партии голосовало против исключения 91.)

Собрание поручило РК выяснить в крайкоме причину ареста Красюкова и после этого снова обсудить вопрос о Красюкове.

В январе прибыл в Ростов Евдокимов. Мы были крепко обрадованы его назначением. Думалось, что дела в крае пойдут по-настоящему и отношение к нам станет иное. Рассчитывали и на то, что он заинтересуется делом Красюкова и со всем разберется. Но Евдокимов с первых же дней приезда недвусмысленно дал понять нам, что мы остаемся на прежнем положении и что борьба не кончена. На пленуме крайкома в январе выступал Луговой. Он говорил об ошибках старого руководства крайкома, приводил факты и, рассказывая о том, как краевое руководство безобразно руководило хозяйством, вскользь сказал: «Мы — вешенцы — всегда были в опале у товарища Шеболдаева».

Евдокимов с необъяснимой злобой всенародно обрушился на Лугового и начал орать: «Что ты мне болтаешь о какой-то опале! Вы в Вешенской богему создали. Шолохов у вас — альфа и омега! Камень себе поставьте и молитесь на него! Пусть Шолохов книжки пишет, а политикой мы будем заниматься без него!» И пр. в этом же роде.

В феврале ко мне пришел директор Грачевской МТС соседнего Базковского р-на Корешков, ранее работавший в Вешенской на должности зав. райзо. Он рассказал следующее: его вызвал к себе нач. Миллеровского окр. отдела НКВД Сперанский, продержал на допросе 14 часов, а под конец заявил: «Ты служил в белой армии и скрыл это при вступлении в партию. Будучи в белых, ты расстреливал красноармейцев. У нас на тебя имеется вот какое дело, — и показал огромную папку. — Посадить тебя мы можем в любой момент. Но пока мы этого не думаем делать. Все зависит от тебя. Ты нам нужен. Ты в дружеских отношениях со Слабченко, с Луговым, с Шолоховым. Пока ты нам должен дать материал на Слабченко, как на троцкиста. Ты нам должен помочь размотать его. Поезжай к нему в совхоз, пей с ним водку и добывай материал, как на троцкиста. Иначе

тебе будет плохо. Пойми, что ты в наших руках. И сейчас я с тобой разговариваю по-мирному, а вот когда сядешь к нам в подвал, — тогда разговаривать будем по-иному...» Тут же Сперанский предупредил Корешкова, что если он кому-либо скажет об этом разговоре, то его не только арестуют, но и немедленно расстреляют.

Корешков спросил у меня: «Что мне делать?»

Я посоветовал ему написать т. Ежову о том, что Сперанский провоцирует его и понуждает под угрозой ареста давать лживые материалы на Слабченко.

Ездил ли Корешков к Слабченко или нет, я не знаю. Но в марте Слабченко был арестован по распоряжению Сперанского. А некоторое время спустя арестовали и Корешкова.

Узнав, что Красюков арестован как враг народа, два м-ца спустя после его ареста, мы исключили его из партии.

В апреле в Вешенскую приехал Евдокимов. На закрытом бюро РК мы выложили ему наши разногласия с группой Чекалина. Евдокимов обвинил нас в прямой защите врага народа Красюкова, заявил, что Красюков — матерый враг, что мы совершили тяжкое партийное преступление, не исключая Красюкова из партии на протяжении 2 м-цев, и взял Чекалина и остальных под свою прямую защиту. За то, что Луговой назвал на партсобрании Чекалина «шеболдаевцем», Евдокимов жестоко обрушился на Лугового: «Кто дал тебе право делать имя Шеболдаева нарицательным?!» В своем заключительном слове Евдокимов намекнул, что Лугового и Логачева надо проверить и что из Вешенской их надо убрать.

После его отъезда Чекалин, Тимченко, Виделин стали открыто саботировать сев. Они почти не были в поле. Чекалин безвылазно сидел в РК и занимался собиранием на Лугового материалов, Тимченко прямо отказывался ехать на посевную, ссылаясь на занятость, Виделин уехал в Ростов в «командировку» и без разрешения РК прожил там 2 недели, по сути бездельничая. Чекалин и Тимченко открыто говорили коммунистам: «Дни Лугового и Логачева сочтены. Сев проваливается. Теперь Луговой — и без этого рябой — порябее еще больше».

Руководство севом легло полностью на Лугового и Ло-

гачева. И они буквально вдвоем вытащили сев. Неделями не бывая дома, ночуя прямо на борозде, недоедая и недосыпая, они не отходили от тракторов, вместе с техниками и трактористами чинили поломки; не бросали наиболее слабых участков до тех пор, пока положение там не выправлялось, словом, работали так, как этого требовало положение.

Но Чекалин и Тимченко оказались правы в одном: дни Лугового и Логачева были сочтены. В мае бюро крайкома сняло их с работы и поручило Шацкому «просветить» их. («Просветить» — модный в то время глагол от слова «просвечиванье».) Основной причиной снятия было промедление с исключением из партии Красюкова. Голосовали все за снятие весьма единодушно. Но тогда и состав бюро был на редкость сплоченный по вражеской работе: Ларин, Иванов (курский), Семякин, Шацкий, Шестова, Лукин и др. Все они, за исключением Евдокимова и Люшкова, сейчас сидят.

На бюро Евдокимов снова обрушился на нас, еще раз повторил под гул возмущения, возникший среди присутствовавших на заседании членов бюро и чл. крайкома, что нам никто не давал права называть Чекалина «шеболдаевцем», а Тимченко «рудевцем» (Рудь — б. нач. краевого УНКВД — враг народа), и в заключение сказал: «т. Люшков в целях внесения ясности в дело Красюкова сообщит бюро, что из себя представляет Красюков».

Люшков встал и заявил: «Красюков — крупная фигура в к<онтр>-р<еволюционных> делах на Дону. Он белобородовский эмиссар, служил связующим звеном между эсерами, троцкистами и донской контрреволюцией. Об этом свидетельствуют материалы следствия, показания самого Красюкова».

«Вот кого вы защищали!» — патетически воскликнул Евдокимов, обращаясь к Луговому, Логачеву, ко мне.

Разыграно все это было, как по нотам.

В связи с этим сейчас мне хочется сказать несколько слов о Люшкове. Все, что говорил на тогдашнем заседании бюро Люшков, ни в малейшей мере не соответствует действительности. Никогда Красюков не был членом эсеровской организации, ничего общего не имел, никогда даже в глаза не видел Белобородова, со дня ареста и до освобождения.

дения не давал никаких показаний. Люшков говорил безответственно. Либо он был введен в заблуждение работниками своего аппарата, либо сознательно клеветал на Красюкова, в надежде, что задним числом от Красюкова удастся получить показания, подтверждающие его виновность.

6 июня Евдокимов т-мой вызвал Лугового и Логачева в Ростов. «Просвечиванье» заключалось в том, что, вызвав Лугового и Логачева по очереди в кабинет, Шацкий приказал находившемуся у него работнику НКВД обыскать их, а потом сказал: «Отправляйтесь в НКВД. Дело ясное...»

11 июня на краевой партконференции Шацкий сказал мне: «Сидят твои друзья, Шолохов. Показания на них сыпят вовсю! Но по Вешенской это — только начало. Там будут интересные дела. Вешенская еще прогремит на всю страну!» Я ответил ему, что арест Лугового и Логачева ошибка, но вернее всего, — действия врагов. Шацкий, смеясь, спросил: «Это не в мой ли огород камешек? Слушай, не выйдет! Я проверен. Можешь судить уж по одному тому, что меня брал к себе на ответственную работу Н. И. Ежов, и Евдокимов с огромным трудом выпросил меня у ЦК».

Как я Вам уже говорил при встрече, я неоднократно просил Евдокимова проверить дело Лугового, Логачева, Красюкова. Он отвечал, что поручит проверить Люшкову, после отъезда Люшкова обещал поручить Когану, а потом Дейчу. Попросту он не хотел, чтобы это дело разобрали. Проверять пришлось т. Ежову. В связи с этим у меня возникает еще один вопрос: почему т. Ежов сумел буквально в пару дней разобраться и установить абсолютную невиновность Лугового и остальных двух товарищей и почему этого не смогли сделать в Ростове? Мне думается, что не сделали этого потому, что не схотели сделать.

Тем временем по краю начались аресты коммунистов, ранее работавших в Вешенской и хорошо относившихся к Луговому. В Морозовском р-не за связь с Луговым был арестован пред. Морозовского РИКа Лимарев, работавший с Луговым в Вешенском РК заворгом, арестовали Каплеева, работавшего когда-то в Вешенском районе в Заготзерно, и еще раньше арестовали пред. Базковского РИКа Шевченко, ранее работавшего в Вешенской зам. пред. РИКа.

Новый секретарь Вешенского РК Капустин, которого, по словам Шацкого, лично Евдокимов выбрал для Вешенской из 15 просмотренных им секретарей РК, развернул при посредстве Чекалина и Тимченко работу по «искоренению коммунистов, связанных с Луговым и Логачевым». За четыре м-ца по Вешенскому району было исключено из партии и арестовано под разными предлогами 18 членов партии и 16 комсомольцев.

В конце июля член партии, красный партизан в прошлом, Тюткин И. при встрече, волнуясь, сообщил мне, что его сын Тюткин А., работающий секретарем Вешенского РО НКВД, слышал, как Тимченко, допрашивая арестованного казака — участника окружного казачьего хора, созданного врагами народа Касиловым и Лукиным, вынуждал арестованного дать показания на меня, будто бы я уговаривал этого казака совершить покушение на кого-либо из членов правительства при поездке хора в Москву. Я имел неосторожность сообщить об этом возмутительном случае секретарю РК Капустину. Ровно через два дня после моего разговора с Капустиным Тюткин А. был арестован, как враг народа. До сих пор содержится в миллеровской тюрьме.

Через некоторое время Тимченко заявил мне, что ему придется арестовать Шолохова В. — моего родственника, комсомольца с 1924 г., работавшего директором Еланской средней школы. На мой вопрос, — что сделал Шолохов В. преступного? — Тимченко ответил: «На него у меня имеется целая куча материалов». Я попросил ознакомить меня с этими материалами. Тимченко показал мне несколько листов, перепечатанных на машинке. Это обвинительное заключение содержало в себе самый чудовищный вымысел, дикую нелепицу, чепуху. Еланская школа единственная из школ б. Азово-Черноморского края получила в 1934 г. все-союзную премию в 10 000 руб. за образцовую постановку работы, а по материалам Тимченко значилось, что школа развалена, что все там враги и пр. Против Шолохова В. выдвигались обвинения в том, что он сознательно разваливал школу, вел вражескую работу среди учеников и учителей, вредил в пришкольном х-стве и т. д. Я обратился по этому вопросу к Капустину. Тот сказал, что он имеет на Шолохова В.

материалы, подтверждающие его вражескую деятельность. В качестве доказательств привел следующее: 1) В школе насаждались религиозные настроения среди учащихся, ученики читали библию, 2) Шолохов В. вредительски вырубил на пришкольной усадьбе 10 000 корней плодовых саженцев, 3) Шолохов систематически разваливал учебную работу, 4) Будучи учителем истории, Шолохов В. преподавал ее с троцкистских позиций.

По решению РК была создана комиссия, в которую Капустин и Тимченко сознательно ввели своих единомышленников и, несмотря на то, что при проверке оказалось: 1) Ученики читали не библию, а рассматривали на дому иллюстрированный журнал «Пробуждение» изд. 1913 г., в котором были фоторепродукции на евангельские темы (картина «Камо грядеши» и др.), 2) Уничтожить 10 000 плодовых саженцев Шолохов никак не мог, т. к. пришкольный сад занимал площадь всего-навсего в ...полгектара и было там плодовых деревьев только 65 корней, которые целы до сих пор, 3) Доказать, что Шолохов разваливал учебную работу, ничем было нельзя, потому что это противоречило истине, 4) Точно так же не преподавал истории с троцкистских позиций; несмотря на все это комиссия, извратив факты и пойдя на явный подлог, сочла возможным сделать следующие выводы:

«...Шолохова с работы снять, дело о нем передать следственным органам НКВД».

Я резко протестовал против такого расследования. Капустин колебнулся и решил не брать на себя ответственности. Он т-мой попросил Шестову прислать из крайоно комиссию. На заседании бюро РК ВЛКСМ при участии Капустина Шолохова исключили из комсомола, на заседании бюро РК ВКП(б) решили Шолохова снять с должности директора школы. Шестова не замедлила прислать двух работников крайоно, которые обследовали только состояние учебной работы в школе и, в основном, опирались на решение первой комиссии, созданной РК.

Арестовать Шолохова В. не удалось, но Тимченко деятельно продолжал собирать на него материалы, используя свою осведомительную сетку и всех, кто по тем или иным причинам имел на Шолохова зуб. Одновременно начали

дело и против другого моего родственника, работавшего в начальной школе хутора Черновского зав. школой.

На все это дело проливает яркий свет бумажка, присланная Шацким на имя Капустина и чудом сохранившаяся в делах РК. «Совершенно секретно. Лично т. Капустину. № 15308. На заседании РК 5 августа разбиралось дело Еланской школы. Несмотря на то, что обличительных материалов было более чем достаточно, вы приняли по отношению Шолохова В. необъяснимо мягкое решение, в то время, как его надо было привлечь к строжайшей ответственности. Немедленно дайте объяснение, чем это вызвано? Шацкий».

И Шацкому и остальным надо было после ареста Лугового, Логачева и др. арестовать моих родственников, чтобы показать, что мое окружение — политическое и родственное — было вражеское, чтобы насильственно вырвать у арестованных ложные показания на меня, а потом уж, приклеив мне ярлык «врага народа», отправить и меня в тюрьму.

Тимченко не удалось завершить свою работу до конца. Еще весной, когда в Вешенскую приезжал Евдокимов, вопрос о его снятии был предрешен. Уж больно сильно он был скомпрометирован и нечисто работал... Тогда же Евдокимов сказал, что в Вешенскую пришлют Кравченко — нач. РО НКВД из соседнего Базковского р-на. Кравченко работал в этих р-нах лет 8 и издавна славился, как непревзойденный мастер по созданию дутых дел. В апреле Евдокимов наметил его нам, но перевели его в сентябре. И он активно принялся за довершение того, что не успел и не сумел сделать его предшественник Тимченко.

После ареста Лугового Капустин начал громить парторганизацию. По Дударевской МТС из 11 председателей колхозов было снято 9. Значительная часть их арестована, осуждена. Из 92 членов районной парторганизации было исключено 18. Причем исключено явно неправильно. Арестовали директора Колундаевской МТС Гребенникова, как врага народа. А этот «враг» — ставропольский крестьянин бедняк в прошлом, красный партизан, награжденный за боевые отличия серебряным оружием, был и, наверняка, остался без-

условно преданным партии человеком. На 64 члена партии были заведены дела. Большинство их должно было подвергнуться исключению из партии.

По заведомо ложному делу исключили из партии 6. управделами РК Худомясова. Осужден на 10 лет. Арестованы и сосланы на разные сроки 6. члены партии Дударев, Кривошлыков, Боков и др.

Красюков, с арестом которого начался открытый поход против вешенцев, был отправлен через Миллерово в Ростов, во внутреннюю тюрьму УНКВД. 23/11-36 г. его арестовали, с 25/11 начались допросы. На первом же допросе продержали 4 суток подряд. В течение 96 часов ему дали поесть два раза. Не спал он за это время ни минуты.

О чем спрашивали сменявшиеся по очереди следователи — лейтенанты Топильский, Марков и сержант Бобров? Заставляли показывать на «троцкиста» Слабченко, на Корешкова, вымогали показания о вражеской работе, которую Красюков якобы вел. С января 1937 г. начали допрашивать обо мне, о Луговом, о Логачеве. Через короткие передышки, измерявшиеся часами, снова вызывали на допрос и держали в кабинете следователя по 3—4—5 суток подряд. Следователи в один голос говорили, что Луговой и Логачев арестованы, что они уже дали показания, грозили расстрелом, морили безо сна. Не добившись желательных им показаний, 17/3—37 г. Красюкова бросили в карцер — каменный мешок 2 м длины и полутора м ширины, сырой, абсолютно темный. Спал на голом полу. Пробыл в карцере 22 суток. И снова истощенного, замученного, еле державшегося на ногах под руки притащили в следовательский кабинет, и снова допрашивали по 3—4 суток. 24/4 вызвал нач. отделения СПО капитан Осинин. Короткий разговор:

«Молчишь? Не даешь показания, сволочь? Твои друзья сидят. Шолохов сидит. Будешь молчать — сгноим и выбросим на свалку, как падаль!»

Допрашивали, не разрешая садиться. Стоял до тех пор, пока держали ноги, потом ложился на пол и поднять не могли уже никакими пинками. Не было такого издевательства, которому Красюкова не подвергли бы: неслыханные ругательства, плевы, отказ выпускать в уборную, допросы

с запрещением садиться по полсуток, допросы без сна по 3—5 суток, голод, — вот что входило в систему следствия.

После того, как следователи убедились в том, что из Красюкова выжать желательных для них показаний не удастся, его отправили в ростовскую тюрьму. Летом сидел в камере, построенной на 8 человек, но в которую ухитрились поместить 60 заключенных. Спали на полу «валетами», лежа только на боку, в полусогнутом положении, причем, если надо было повернуться на другой бок одному, то поворачиваться вынуждены были все 60. Жара была такая, что по словам находившегося в камере кочегара, превосходила во много раз жару в машинном отделении парохода. По очереди подползали к дверной щели, чтобы хоть несколько раз глотнуть затхлого, но прохладного воздуха из коридора.

Никакими пытками Красюкова не могли заставить клеветать на себя и других. И когда ему говорили, что он издохнет в тюрьме, — он отвечал: «И помирая буду говорить: Да здравствует коммунистическая партия и советская власть! А вы, фашисты, смотрите и учитесь, как надо умирать честным коммунистам!»

В сентябре его отправили в Миллерово. Из 20 суток, проведенных там, 18 он пробыл на допросах. В Миллерово по указанию Сперанского его допрашивали по 6 суток подряд, не давали сутками воды, по трое суток не давали есть. Довели до того, что он заболел кровавым поносом и если бы не подоспел вызов в Москву, то он, наверняка, умер бы в миллеровской тюрьме. Всего просидел он в тюрьме 11 с половиной месяцев.

О своем состоянии в тогдaшнее время Красюков говорит так: «Самая страшная пытка, — это лишать сна. Приходилось изо всех сил бороться с собой, чтобы не пойти на соблазн легкой смерти, не дать любое показание, какое от меня вымогали. В такие минуты, когда просиживал или простаивал в кабинете следователя по 5 бесконечных суток, расстрел или другое наказание казались избавлением. Поддерживала вера в правоту своего дела, а поэтому и выбрал самую тяжелую смерть: решил лучше умереть замученным, чем лгать на себя и на других».

Лугового с момента ареста посадили в одиночку. Доп-

рашивали следователи Кондратьев, Григорьев и Маркович. Метод изнурения заключенного был тот же, но с некоторыми отступлениями. Так же допрашивали по несколько суток подряд, сажали на высокую скамью, чтобы ноги не доставали пола, и не приказывали вставать в течение 40—60 часов, потом давали передышку в два-три часа и снова допрашивали. Луговой выстаивал по 16 часов, руки по швам, перед следовательским столом. К вариациям допроса можно отнести следующее: плевали в лицо и не велели стирать плевков, били кулаками и ногами, бросали в лицо окурки. Потом перешли на более утонченный способ мучительства: сначала лишили матраца на постели, на следующий день убрали из одиночки кровать; чтобы предохранить больные легкие от простуды, т. к. лежать надо было на голлом цементном полу (Луговой болен туберкулезом), он подстилал под спину веник, — взяли и веник из камеры. Затем против одиночки Лугового поместили сошедшего с ума в тюрьме арестованного работника КПК Гришина, и тот своими непрерывными воплями и криками не давал забыться и в те короткие часы, когда приводили с допросов. Не помогло и это, — перевели в карцер, но карцер особого рода, клоповник. В наглухо приделанной к стене кровати кишели, по словам Лугового, миллионы клопов. Ложиться на полу строжайше воспрещали. Лежать можно было только на этой кровати. Но освещение в камере было так искусно устроено (затененный свет), что вести борьбу с клопами было абсолютно невозможно. Через день тело покрывалось кровавыми струпьями и человек сам становился сплошным струпом. В клоповнике держали неделю, затем снова в одиночку. Вымогание ложных показаний, «подавление психики» арестованного достигалось и таким путем: среди ночи в камеру приходил следователь Григорьев, вел такой разговор: «Все равно не отмолчишься! Заставим говорить! Ты в наших руках. ЦК дал санкцию на твой арест? Дал. Значит ЦК знает, что ты враг. А с врагами мы не церемонимся. Не будешь говорить, не выдашь своих соучастников, — перебьем руки. Заживут руки, — перебьем ноги. Ноги заживут, — перебьем ребра. Кровью ссать и срать будешь! В крови будешь ползать у моих ног и, как

милости, просить будешь смерти. Вот тогда убьем! Составим акт, что издох, и выкинем в яму».

Логачев испытал то же самое. Издевались, уничтожали человеческое достоинство, надругивались, били. На допросе продержали 8 суток, потом посадили на 7 суток в карцер, переполненный крысами. В карцере сидел в одном белье, до этого раздели. Из карцера уже не вели, а несли на носилках. Отнялась левая нога. Допрашивали 4 суток. Прележал в одиночке 3 часа и снова понесли на допрос. Допрашивали 5 суток подряд. Не мог сидеть, падал со стула, просил разрешения у следователя Волошина прилечь на постеленную на полу дорожку, но тот не разрешил лечь там. Прележал на голом полу около часа, и снова подняли. Снова пытали 4 суток. Провоцировали. Следователь Маркович кричал: «Почему не говоришь о Шолохове? Он же, блядина, сидит у нас! И сидит крепко! Контрреволюционный писака, а ты его покрываешь?!» Бил по лицу. К концу четвертых суток Логачев подписал то, что состряпал и прочитал ему следователь.

О своем тогдашнем состоянии говорит коротко: «Дошел, вернее довели, до того, что если б предложили подписать, что я был римским папой, — и это подписал бы. Хотелось только одного: поскорее умереть».

Арестованный Лимарев передавал в миллеровской тюрьме Красюкову, что Каплеева допрашивали 10 суток подряд. Лимарев сидел в соседней камере и слышал все это. Каплеев — пожилой крепкий мужчина, когда-то командовавший коммунистическим полком, бывший с белыми, с Махно и многочисленными бандами на Дону, — не раз, по словам Лимарева, плакал во время этого допроса, а на десятые сутки попросил: «Прочти хоть, что ты там написал!» И после этого затих. Допрос прекратился. Надо полагать, что Каплеев подписал все, что создала богатая следовательская фантазия.

Сидевший вместе с Луговым в новочеркасской тюрьме порученец Рудя провел в карцере 20 с лишним суток. В этом карцере на цементном полу на вершок стояла вода. Луговой утверждает, что спина этого человека представляла сплошную язву: чирьи сидели так густо, что соприкасались стенками. Не выдержав, порученец наклеветал на Ру-

дя, в чем после и сознавался другим арестованным. Не хотелось умирать...

О допросах с пристрастием пишут мне и другие арестованные, которые сейчас находятся в ссылке. Пишут и просят довести до Вашего сведения о том, как их допрашивали, как из них сделали врагов.

На Лугового было 27 показаний. Показывали о его вражеской работе даже те, кто его никогда в глаза не видел и никогда не бывал в Вешенской. Это установлено при проверке дела т. Ежовым. Большинство показаний было дано арестованными Базковского р-на, где нач. РО НКВД работал Кравченко, впоследствии посланный Евдокимовым в наш р-он. Этот Кравченко производил аресты в своем р-не, он же вел следствие, т. к. летом его мобилизовали на следовательскую работу в Миллеровский отдел НКВД. Он вымогал ложные показания от арестованных. Почему же его не привлекают к ответственности? Почему он из Вешенского р-на переведен в крупнейший р-он Каменский, а Тимченко — в Цымлянский? Почему не привлекают к ответственности тех, кто упрятал в тюрьму Лугового, Логачева, Красюкова, и тех, кто вымогал у них показания в своих вражеских целях? Неужто все это так и останется и врагам будет дана возможность и дальше так же орудовать?

Сперанский говорил мне, что Слабченко осудили, сослали. А сидел он за связь с Луговым, об этом свидетельствуют его записки, переданные из тюрьмы на волю. Слабченко видела его жена перед отправкой. Арестованных гнали в баню и Слабченко, не обращая внимания на подталкивание прикладами, успел ей крикнуть: «Правду не схоронят! За меня не беспокойся! Узнает Москва, узнает т. Сталин — и я буду на свободе!»

Красюков рассказывал, что в дни 1 мая в ростовской тюрьме стон стоял от криков. Из одиночек кричали: «Да здравствует коммунистическая партия!» «Да здравствует товарищ Сталин!»

Даже страшный тюремный режим и инквизиторские методы следствия не сломили веры в партию, в Вас у подлинных большевиков, которые, будучи замучены сами, кричали здравицы партии и ее вождю.

Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный

бесконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен; этот метод приводил и неизбежно будет приводить к ошибкам. Тех, которым подчинены следователи, интересует только одно: дал ли подследственный показания, движется ли дело. А самих следователей, судя по делу Лугового и др., интересует не выяснение истины, а нерушимость построенной ими обвинительной концепции. Недаром следователь Шумилин, вымогая у Красюкова желательные для него, Шумилина, показания, на вопрос Красюкова «Вы хотите, чтобы я лгал?», ответил: «Давай ложь. От тебя мы и ложь запишем». В тюрьмах Ростовской обл. арестованный не видит никого, кроме своих следователей. Просьбы арестованных разрешить написать заявление прокурору или нач. УНКВД грубо отклоняются. Написанное заявление на глазах у арестованного уничтожается, и арестованный с каждым днем все больше и больше убеждается в том, что произвол следователя безграничен. Отсюда и оговоры других и признание собственной вины, даже никогда не совершаемой.

Надо покончить с постыдной системой пыток, применяющихся к арестованным. Нельзя разрешать вести беспрерывные допросы по 5—10 суток. Такой метод следствия позорит славное имя НКВД и не дает возможности установить истину.

Бесконтрольная работа следователей дает широкую возможность пробравшимся в следственный аппарат врагам творить свои страшные дела. Арестованный пред. Базковского РИКа Шевченко сидел в миллеровской тюрьме НКВД подследственным 14 м-цев. Убежден, что Шевченко не враг, но за это время из него, наверняка, выжали ложные показания, т. к. допрашивал его Кравченко и др. враги. Один из них (следователь Малинцевич) уже арестован.

Надо тщательно перепроверить дела осужденных по Ростовской области в прошлом и нынешнем году, т. к. многие из них сидят напрасно. Сидят по милости врагов.

Дела изъятых в порядке очистки тыла тоже необходимо перепроверить. Изымали не только активных белогвардейцев, эмигрантов, карателей, словом тех, кого необходимо было изъять, но под эту рубрику подводили и подлинно советских людей: молодых бригадиров, трактористов, живот-

новодов. Это — тоже метод вражеской работы, желание внушить казачьему населению враждебные чувства к Советской власти, породить сознание неуверенности и тревоги. Враги достигли цели. В народе по северным р-нам Дона говорят без тени иронии: «Моего забрали, когда второй набор проходил».

Из уст знакомых колхозников я сам не раз слышал, что живут они в состоянии своеобразной «мобилизационной готовности», всегда имеют запас сухарей, смену чистого белья на случай ареста. Ну, куда же это годится, т. Сталин? И не это ли обстоятельство способствовало тому, что великолепный урожай пр. года еле убрали, огромное количество хлеба сгнило в поле, семена не сохранили, зяби не допахали?

Дорогой т. Сталин! Прошу Вас лично — Вы всегда были внимательны к нам — прошу ЦК, — разберитесь с нашими делами окончательно!

Доведите до сведения Н. И. Ежова о содержании моего нисьма, ведь он сделал первый почин в распутывании вешенского клубка, и пришлите комиссию из больших людей нашей партии, из настоящих коммунистов, которые распутали бы этот клубок до конца. Обком ничего не делает и не сделает! Я уже говорил Евдокимову: «Почему обком не предпринимает никаких мер, чтобы освободить из тюрем тех, кто сидит за связь с Луговым, кто посажен врагами?» Он ответил: «Ты говорил об этом Ежову? Ну, и хватит. А что я могу сделать?» Сажать он мог, а говорить об освобождении неправильно посаженных не может. Тогда почему же он мог спрашивать о Шацком, Семякине, Шестовой: «А не зря ли они посажены? Не оклеветали ли их?»

Пришлите по делам арестованных коммунистов М.Ф. Шкирятова. Он знает очень многих людей здесь по 1933 г., ему будет легче ориентироваться, и кого-нибудь из заместителей т. Ежова. И пусть они, знакомясь с ростовскими делами, хорошенько присмотрятся к Евдокимову! Он хитер — эта старая, хромая лиса! Зубы съел на чекистской работе, и чтобы он не видел вражеской работы со всех сторон облепивших его Пивоварова, Кравцова, Шацкого,

Ларина, Семякина, Шестовой, Лукина, Касилова и др.? Не верится, т. Сталин! Но если Евдокимов не враг, а просто глубокая шляпа, то неужто такой руководитель нужен нашей области, где крайне сложна политическая обстановка, где так много напаскудили враги.

За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой обстановке, какая была в Вешенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело. Туговато живется и сейчас. Вокруг меня все еще плетут черную паутину враги. После отъезда Тимченко и Кравченко их подручные продолжают вести активную работу. Ознакомьтесь с заявлением, которое прилагаю, и Вы увидите, что старая история продолжается. О действиях этого «политически зрелого» мерзавца Сидорова, терроризировавшего колхозников, выдававшего себя за «тайного агента» НКВД, РК довел до сведения РО НКВД. Результаты следствия, проведенного работником НКВД Костенко, указаны в этом заявлении. Знает об этом и Евдокимов. Но до настоящего времени Сидоров не привлечен к ответственности. Всего не перескажешь, т. Сталин, хватит и этого.

Письмо повезу сам. Если понадобится Вам — Поскребышев меня найдет. Если не увижу Вас, — очень прошу через Поскребышева сообщить мне о Вашем решении. Крепко жму Вашу руку.

*М. Шолохов.
Ст. Вешенская.*

16 февраля 1938 г.

Впервые: «Источник», 1993. № 4. С. 8—19.

ФРАГМЕНТ ВОСПОМИНАНИЙ М. ШРЕЙДЕРА «ЛЕФОРТОВО»

Лефортово. Берия. Неожиданный разговор

Заполнив анкету, дежурный лезвием безопасной бритвы срезал мне с брюк, кальсон и гимнастерки все пуговицы. После этой операции я вынужден был все время поддерживать свои брюки руками сзади (спереди не позволя-

лось). Видимо, эта мера предпринималась для того, чтобы арестованный не мог бежать, хотя было ясно, что ни о каком побеге вообще не могло быть и речи. Затем был произведен самый тщательный и, как всегда, унижительный обыск. А вдруг я принес из Бутырской тюрьмы бомбу или пулемет! После всех этих процедур меня закрыли в таком же «конверте», как и в Бутырской тюрьме в вестибюле. Большим счастьем было, что у меня не отняли папирос, и я с наслаждением закурил, думая, что, может быть, это мое последнее удовольствие, полученное в жизни.

Вскоре за мною пришел человек в форме майора, оказавшийся начальником Лефортовской тюрьмы. Вежливо спросив мою фамилию, он предложил следовать за ним. Мы шли по лестнице, устланной коврами, кажется, на второй или на третий этаж. Меня удивило то обстоятельство, что начиная с первой ступеньки и на всем протяжении лестницы с обеих сторон шпалерами стояли работники в форме НКВД со званиями старшего и высшего начсостава. Здесь были капитаны, майоры (в то время звание капитана госбезопасности приравнивалось к теперешнему званию полковника, а звание майора — к генерал-майору).

На втором или третьем этаже мы свернули в коридор. Из-за дверей, тянувшихся по обеим сторонам, раздавались дикие крики людей, которых, по-видимому, избивали.

Меня ввели в большой, прекрасно оборудованный кабинет, где стоял внушительного размера письменный стол, а на маленьком столике рядом множество телефонных аппаратов. Над письменным столом висел огромный портрет Сталина.

Меня усадили на стул возле входной двери, спиной к ней, а начальник тюрьмы остался стоять рядом.

Прошло несколько минут, затем открылась входная дверь, и начальник тюрьмы скомандовал:

— Встать!

Я встал и увидел входившего в кабинет Берию, одетого в военную форму с четырьмя ромбами. Его сопровождала группа работников, человек десять — двенадцать, из которых в лицо я знал только бывшего начальника ЭКО ГПУ Грузии Деканозова. (В 1931 или 1932 году вместе с начальником административно-организационного управления

ОГПУ Островским, захватившим за мною в санаторий ОГПУ в Гаграх, я один раз был в гостях на даче — где-то под Гаграми — у Берии, бывшего тогда секретарем ЦК Грузии. Там, на даче, он и начальник управления погранохраны Грузии Широков отдыхали вместе со своими женами. Берия был тогда в большой дружбе с Широковым, однако в 1937 году Широков был одним из первых арестован и расстрелян. Еще один раз, также с Островским, в середине 30-х годов мы заезжали ненадолго в квартиру на Арбате, предоставленную Берии на время его командировки в Москву, где он был со своей женой — печальной и как бы чем-то запуганной женщиной.)

Сидя в тюрьме, мы ничего не знали о приходе Берии в НКВД, и я удивился и обрадовался, подумав, что если к власти в НКВД пришел ближайший соратник Сталина и его земляк, есть надежда, что Сталин поручил ему выправить положение, созданное Ежовым. Не помню точно, когда именно, но примерно в этот период в Бутырках сняли висевшие на стенах инструкции о тюремных правилах, подписанные Ежовым и Вайнштоком. А новых долгое время не вывешивали. Из этого мы, конечно, могли сделать заключение, что в руководстве НКВД происходят какие-то сдвиги и перемены. Но точно ничего не могли узнать, только предполагали.

Подойдя к письменному столу, Берия сел в одно из кресел, стоящих с наружной стороны напротив друг друга, а затем сказал, повернув голову в мою сторону:

— Садитесь.

Я пересел на указанное кресло.

— Как ваша фамилия? — спросил Берия. — И давно ли сидите?

(По-видимому, он меня не узнал, а может быть, сделал вид, что не помнит.) Назвав себя, я сказал, что сижу почти полгода, а за что — не знаю. При этом от волнения я заикался, и голос у меня дрожал.

— Успокойтесь, — сказал Берия, налил и подал мне стакан воды, а затем, когда я выпил воду, предложил мне папиросу.

Закурив, я стал рассказывать существо дела, стараясь быть предельно кратким. Но вдруг почувствовал, что

кто-то вплотную стоит у меня за спиной. Оглянувшись, я увидел высокого, очень грузного человека кавказского типа, в гимнастерке, с орденом Ленина на груди. Хотя я раньше никогда его не видел, но сразу узнал по описаниям некоторых товарищей по камере, которых он садистски пытал. Это был знаменитый Богдан Кобулов, работавший ранее в НКВД Грузии, а с сентября 1938 года переведенный в Москву. Мне все время казалось, что этот палач-здоровяк, на необъятной груди которого орден Ленина казался маленькой пуговицей, неожиданно стукнет меня сзади своей огромной лапицей и от меня останется мокрое место. Я невольно еще и еще раз оглянулся.

— Что вы все время оборачиваетесь? — спросил Берия. Я ответил, что боюсь, как бы меня сзади не ударили, так как привык за время следствия к побоям.

— Богдан Захарович, — с иронической усмешкой обратился Берия к Кобулову, — не смущай человека, отойди.

Присутствующие подхалимски хохотнули, а Кобулов отошел от меня и сел подальше.

Продолжая свой рассказ о том, как меня избивают и требуют ложных показаний о принадлежности к шпионской и правотроцкистской организации, я по выражению лица Берии понял, что все это его абсолютно не интересует. И не ошибся. Он вскоре перебил меня и спросил:

— Скажите, вы, кажется, руководили валютной группой в ЭКУ ОГПУ? Не вспомните ли дело валютчика Литвина?

— Через меня проходили тысячи дел, и, естественно, я не мог запомнить всех фамилий, тем более такую довольно распространенную, как Литвин, — ответил я.

— А может быть, вы все-таки постараетесь вспомнить? Эта фамилия в последнее время в органах была довольно известна.

Я сказал, что знаю, что, когда наркомвнуделом был назначен Ежов, вместе с ним в органы из ЦК перешла целая группа работников, в том числе и Литвин, которого, однако, я никогда не видел, так как с 1933 года работал по линии милиции и не имел непосредственного отношения к управлениям госбезопасности. А затем добавил, что от товарищей по камере слышал, что Литвин, как начальник СПО, и его подчиненные избивали и пытали многих арестованных коммунистов, требуя от них ложных показаний.

— Было бы очень неплохо, и для вас лично тоже, если бы вы все-таки вспомнили дело валютчика Литвина, — повторил Берия, явно подчеркнув слова «для вас лично», пропуская мимо ушей все мои разглагольствования об избивениях, ложных показаниях и т.п.

— Если бы мне показали дело Литвина, возможно, я вспомнил бы обстоятельства и подробности, — ответил я, — но по памяти эта фамилия мне ничего не говорит.

— В том-то и дело, что эти мерзавцы уничтожили дело, — с раздражением сказал Берия.

Мне стало понятным, что под «мерзавцами» Берия подразумевает работников Ежова и, по-видимому, ему требуются материалы на Литвина, а возможно, и на других.

(Впоследствии я узнал, что в те дни Ежов еще был наркомом, но Сталин назначил Берию замнаркомвнудела с особыми полномочиями от Политбюро ЦК, надо полагать, предрешив снятие Ежова, и с 4 по 6 ноября 1938 года по приказу Берии было уже арестовано много руководящих работников НКВД, ставленников Ежова. Литвин же, бывший в последнее время начальником УНКВД по Ленинградской области, предвидя возможный арест, застрелился. Но в тот момент я ничего этого не знал, а просто надеялся, что, возможно, с приходом в органы Берии фальсификаторы и палачи, насажденные в органах Ежовым, будут разоблачены, восстановится порядок и будет соблюдаться социалистическая законность.)

Во время возникшей паузы я снова попытался заговорить о своем деле, в частности, о том, как был арестован по телеграмме Ежова и как меня все время бьют и пытаются, требуя признаться в никогда не совершенных страшных преступлениях.

Но Берия нетерпеливо перебил меня, сказав, что не отвечает за действия врагов, пробравшихся к руководству НКВД, по приказу которых я арестован.

— Гражданин Берия! — сказал я. — Заявляю вам как представителю Сталина, что я ни в чем не виноват и мое дело является полностью сфальсифицированным, как и дела многих арестованных, находящихся в камерах.

— За других не ручайтесь, — сухо оборвал Берия.

— Прошу вашего указания, — продолжал я, — о тщательном расследовании моего дела. Ведь я выходец из нищей семьи, получивший от советской власти все, о чем только может мечтать человек, и если бы я действительно совершил преступление против моей партии и Родины, то меня следовало бы не расстрелять, а жестоко пытаться и резать на куски.

— Резать и пытаться вас никто не собирается и бить никто не будет, — пообещал Берия. — Дело расследуем, разберемся; окажетесь виновным — накажем, арестованы по ошибке — освободим, подлечим и восстановим на работе. — Затем после небольшой паузы он спросил: — Есть у вас еще что-либо ко мне?

— Прошу вашего распоряжения отпустить меня домой, — выпалил я.

Мое заявление вызвало смех у всех присутствующих.

— Домой еще рано, — усмехнулся Берия.

— Тогда, если можно, прошу направить меня во внутреннюю тюрьму, поближе к дому. Там хоть есть койки и одеяла, а в Бутырке арестованных в камерах набито, как сельдей в бочках.

— Неужели так много? — деланно удивился Берия.

Тогда я, торопясь, стал говорить о безобразном медицинском обслуживании в больнице Бутырской тюрьмы, о тяжело больных и избитых товарищах, не получающих медицинской помощи, в частности, о немецком коммунисте Эберлейне и о ряде других (я помнил фамилии почти всех товарищей, которые лежали со мной в больнице). Когда я произнес фамилию Эберлейна, Берия недовольно поморщился. Далее я рассказал, что мне с кровотечениями и язвой желудка так же не было оказано никакой медицинской помощи.

— Не может этого быть, вы преувеличиваете, — сказал Берия. — Но проверим и разберемся.

Затем, подозвав начальника Лефортовской тюрьмы, Берия распорядился отправить меня во внутреннюю тюрьму и добавил:

— Пусть его осмотрит врач, и если есть язва желудка, надо улучшить рацион питания. — И, взяв из вазы с фруктами, стоявшей на столе, апельсин и яблоко, он подал их мне.

— Что вы, зачем? Не надо, гражданин Берия, — стал от-

казываться я, тем более что, когда я встал, руки у меня были заняты поддержкой брюк, с которых при входе срезали пуговицы, и я не мог взять фрукты.

— Бери, бери, не стесняйся, — вдруг переходя на «ты» и инсценируя заботливость, сказал Берия. — Тебе же нужны витамины. — И с этими словами он сам засунул мне апельсин и яблоко в карманы.

Обнадеженный и обрадованный, в сопровождении начальника тюрьмы я вышел из кабинета. Но как только дверь за нами захлопнулась и мы двинулись вдоль коридора к выходу, меня как ножом по сердцу резанул страшный, нечеловеческий вопль, раздавшийся из-за дверей соседнего кабинета. Так мог кричать человек, которого не просто били, а жгли каленым железом или подвергали каким-либо другим изуверским пыткам. Подобные же крики раздавались почти из-за всех дверей, выходящих в коридор, по которому меня вели. И я подумал о том, что только что Берия пообещал, что меня бить и пытать не будут, а тут во всех кабинетах, по-видимому, в честь его приезда (ведь я же видел, какая помпезная встреча была устроена, когда все следователи стояли навтыжку вдоль ступенек лестницы) следователи изошряются в пытках над заключенными. Неужели все его заверения ничего не стоят, или он почему-то только для меня решил сделать исключение? Мое приподнятое настроение стало постепенно меркнуть.

ЗАЯВЛЕНИЕ М.П. ФРИНОВСКОГО Л.П. БЕРИИ
11 АПРЕЛЯ 1939 Г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦ. РЕСПУБЛИК — КОМИССАРУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1 РАНГА:
БЕРИЯ Л.П.

От арестованного ФРИНОВСКОГО М.П.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Следствием мне предъявлено обвинение в антисоветской заговорщической работе. Долго боролась во мне мысль о необходимости сознаться в своей преступной дея-

тельности в период, когда я был на свободе, но жалкое состояние труса взяло верх. Имея возможность обо всем честно рассказать Вам и руководителям партии, членом которой я недостойно был последние годы, обманывая партию, — я этого не сделал. Только после ареста, после предъявления обвинения и беседы лично с Вами я стал на путь раскаяния и обещаю рассказать следствию всю правду до конца, как о своей преступно-вражеской работе, так и о лицах, являющихся соучастниками и руководителями этой преступной вражеской работы.

Стал я преступником из-за слепого доверия авторитетам своих руководителей ЯГОДЫ, ЕВДОКИМОВА и ЕЖОВА, а став преступником, я вместе с ними творил гнусное контрреволюционное дело против партии.

В 1928 году, вскоре после моего назначения командиром и военкомом Дивизии Особого назначения при Коллегии ОГПУ, на состоявшейся районной партийной конференции я был избран в состав пленума, а пленумом в состав бюро партийной организации Сокольнического района.

Еще на конференции я установил контакт с бывшим работником ОГПУ (в 1937 г. покончил самоубийством в связи с арестом ЯГОДЫ) — ПОГРЕБИНСКИМ, который информировал меня о наличии групповой борьбы среди членов райкома. В последующем я примкнул в составе бюро к большинству, оказавшемуся правыми, и вел работу совместно с этой группой членов бюро до ее разоблачения в районной партийной организации.

На следующей партийной конференции в 1929 г. это большинство бюро, в том числе и я, и другие работники ОГПУ: МИРОНОВ, ЛИЗЕРСОН, ПОГРЕБИНСКИЙ, были до конца разоблачены. Я и МИРОНОВ выступали с покаянными речами на конференции, однако не порвали полностью с правой группой в районе.

После конференции в ОГПУ состоялось совещание руководящего состава в связи с указанием ЦК, осуждавшим втягивание партийной организации ОГПУ в групповую борьбу в Сокольническом райкоме.

После районной партийной конференции я заколебался и решил стать на правильный партийный путь, порвать с этой группой. Однако вскоре после этого я был вызван

УНИЧУЖИМ
ГАДИНЦЫ!
СТЕРЕТЬ С ЛИЦА ЗЕМЛИ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКУЮ
БАНДУ УБИЙЦ—ТАКОВ ПРИГОВОР ТРУДОВОГО НАРОДА!

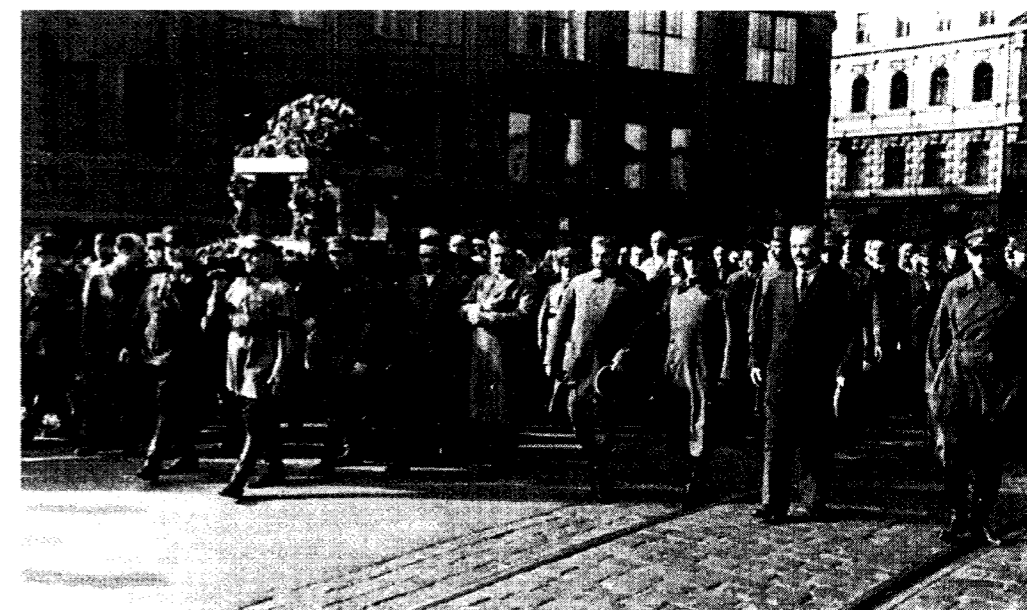
Советские плакаты,
осуждающие троцкистскую оппозицию

КАПИТАН СТРАНЫ СОВЕТОВ
ВЕДЕТ НАС К ПЬЕДЕСТАЛУ ПОБЕДЫ
И ГЛАВНОМУ!

Награждение в Кремле.
Второй ряд – Сталин И.В., Ворошилов К.Е., Молотов В.М.,
Орджоникидзе С.К., Микоян А.И., Берия Л.П., Уншлихт И.С.

Сталин, Ворошилов, Молотов, Ягода
на похоронах Менжинского

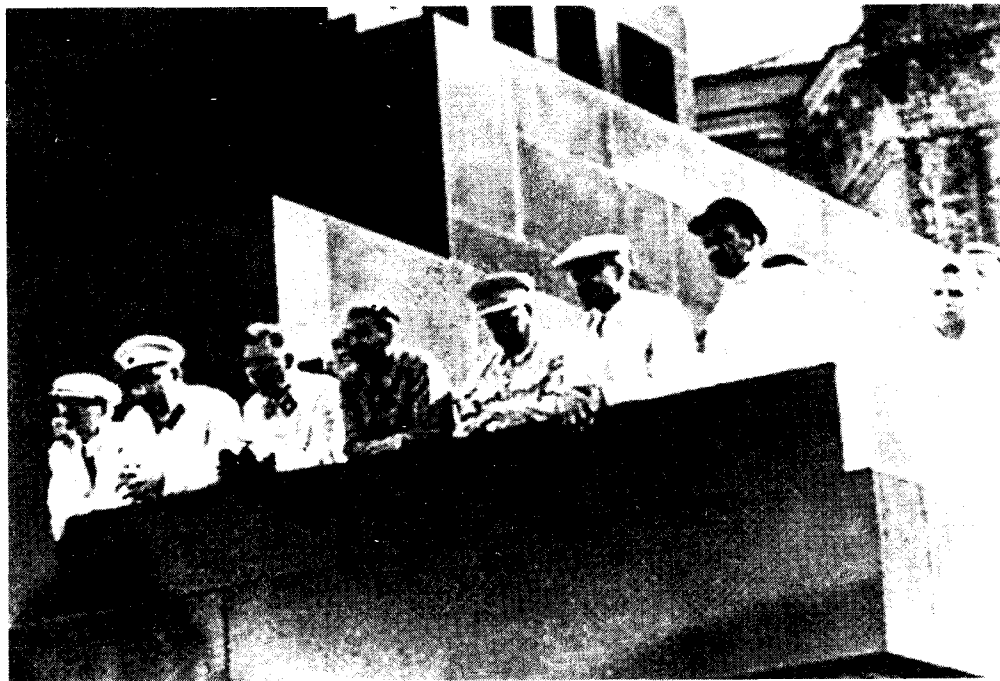
Л. Берия и Н. Хрущев в первый день работы
Московского метрополитена

Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Ворошилов
на трибуне Мавзолея

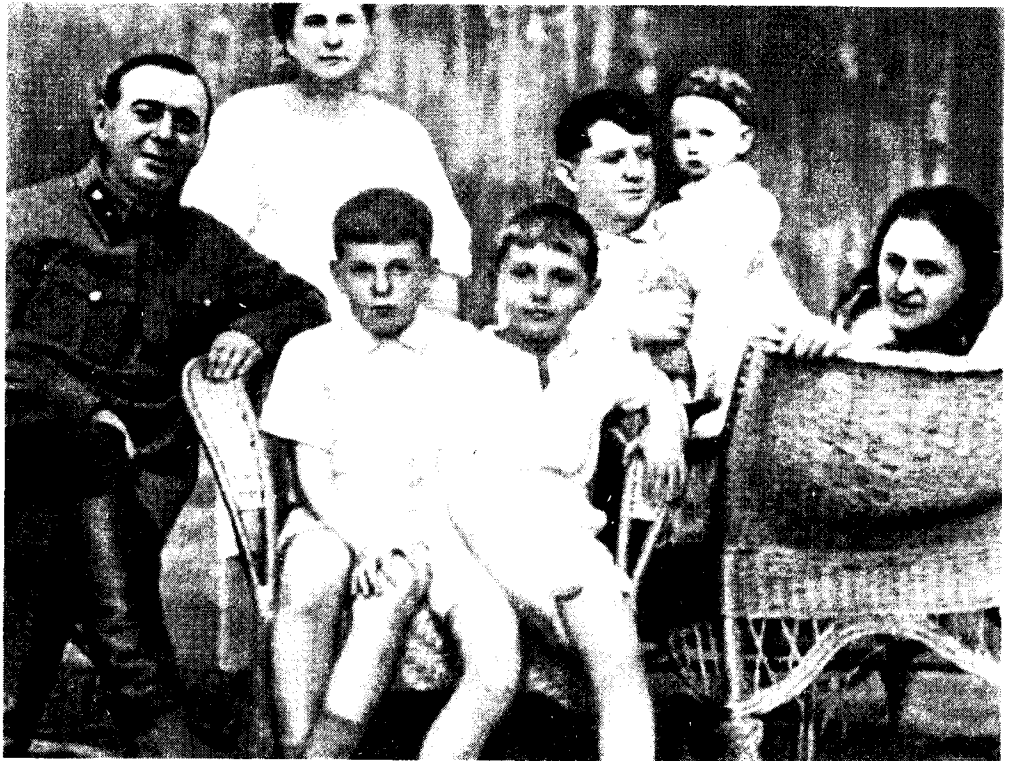
Советское руководство, ноябрь 1937 г.

Советское руководство в июле 1938 г.
Именно здесь (по версии следствия) и должно быть
совершено покушение на Сталина в ноябре 1938 г.

Фриновский и Заковский

С. Реденс в кругу семьи

Северокавказцы в июле 1936 г.

(сидят слева направо):

- 1 - начальник Оперативного отдела УГБ УНКВД Н.Т. Зарифов,
- 2 - начальник УНКВД ЧИАССР М.Г. Раев (Я.С. Каминский),
- 3 - помощник начальника УНКВД Г.Ф. Горбач,
- 4 - начальник УНКВД И.Я. Дагин,
- 5 - заместитель начальника УНКВД В.М. Курский,
- 6 - начальник УРКМ УНКВД А.И. Михельсон,
- 7 - начальник ЭКО УГБ УНКВД В.Ф. Дементьев,
- 8 - начальник СПО УГБ УНКВД И.Я. Лаврушин,
- 9 - начальник ОО УГБ УНКВД П.Ф. Булах;

(стоят слева направо):

- 1 - помощник начальника ЭКО УГБ УНКВД И.И. Мартиросов,
- 2 - начальник Инспекции резервов УНКВД М.П. Савицкий,
- 3 - оперуполномоченный СПО УГБ УНКВД Л.М. Капцан,
- 4 - помощник начальника СПО УГБ УНКВД П.В. Федотов,
- 5 - секретарь В.М.Курского А.И. Бурд,
- 6 - особоуполномоченный УНКВД Р.О. Эйсерт,
- 7 - заместитель начальника Оперода УГБ УНКВД В.А. Павлов,
- 8 - личность не опознана,
- 9 - начальник АХО УНКВД И.Н. Федоров,
- 10 - начальник УПО УНКВД Ф.И. Панин,
- 11 и 12 - не опознаны.

Санаторий НКВД, январь, Сочи, 1939 г.
«Победители заговора Ежова»

Сталин и Берия в 1939 г.

Парад на Красной площади (командование РККА) –
будущие жертвы чистки военных

С. Миронов

М.Д. Берман

Е.Г. Евдокимов

И.Я. Дагин

Н.Г. Николаев-Журид

Л.Н. Бельский

Л.П. Берия

В.М. Курский

Г.Ф. Горбач

В.Ф. Дементьев

И.Я. Лаврушин

П.Ф. Булах

П.В. Федотов

А.И. Михельсон

М.Г. Раев (Я.С. Каминский)

Н.И. Антонов-Грицюк

Знак "V лет ВЧК"

Знак "XV лет ВЧК"

Знак "Заслуженный работник НКВД"

ЯГОДОЙ для служебного доклада по делам дивизии. После доклада ЯГОДА перешел со мной на разговор о делах партийной организации. Он начал всячески ругать меня, говоря: «Как вы, командир и военком, струсили, начали на конференции каяться, как вам можно доверять после этого дивизию?» И тут же он сказал: «Имейте в виду, что за вами были еще кое-какие грехи». Я недоуменно спросил — какие? ЯГОДА ответил: «У вас были попытки дискредитировать РЫКОВА». Я говорю, «когда это было?» «Давно, документы о попытке дискредитации РЫКОВА находятся в моих руках, вы имейте это в виду». Когда я спросил ЯГОДУ — в чем же дело, он рассказал, как в 1920 г. в Харькове, во время приезда РЫКОВА с группой работников, в том особняке, где он проживал, мною был произведен обыск. Тут же ЯГОДА мне сказал: «Вы имейте в виду, РЫКОВ возьмет свое». И добавил: «Постарайтесь в политических делах полностью ориентироваться на меня и почаще советоваться, в частности с ПОГРЕБИНСКИМ. А по политической работе в дивизии вы советуйтесь с МИРОНОВЫМ; он человек политически грамотный и укажет, как вести это дело».

В том же 1929 году в Москву приехал ЕВДОКИМОВ в связи с намечаемым переводом его в качестве начальника СОУ ОГПУ. Я был у него в номере гостиницы «Селект». Вначале ЕВДОКИМОВ расспрашивал меня, как идут дела в Москве, потом сообщил, что он переводится в Москву и что ЦК предлагает ему наладить оперативную работу ОГПУ.

В этой же беседе я поделился с ЕВДОКИМОВЫМ и сообщил, что попал в правые на практике.

В это время уже имели место осложнения в деревне в связи с коллективизацией сельского хозяйства. Я спросил ЕВДОКИМОВА — как у вас на Северном Кавказе идут дела? Он говорит: «Дела сложны, колхозы в казачьих и национальных районах прививаются туго, сопротивление идет большое», и он выразился так: «Черт его знает, выйдет ли из этого дела что-нибудь?»

За время нахождения ЕВДОКИМОВА в Москве, а потом уже после его переезда в Москву у меня с ним было несколько встреч. В процессе этих встреч ЕВДОКИМОВ го-

ворил, что ЦК допускает много безобразий в деревне и «черт его знает, к чему все это приведет».

В 1930 году, после решительного наступления партии и правительства на кулачество, в результате допущенных на местах перегибов начались восстания, и особо сложные формы эти восстания приняли в национальных областях Северного Кавказа, в частности в Дагестане. Меня вызвали в Коллегию ОГПУ и направили в Дагестан. Поговорить с ЕВДОКИМОВЫМ перед отъездом мне не удалось.

Следующая встреча с ЕВДОКИМОВЫМ у меня состоялась уже во время приезда в Закавказье в 1930 году, когда он объезжал районы, в которых проводились операции по борьбе с повстанчеством.

После официальных разговоров я имел с ЕВДОКИМОВЫМ интимную беседу, во время которой он мне говорил, что вооруженным путем, как думает ЦК, колхозов не создашь. Вот, говорит он, в Дагестане население говорит, что колхозам капут, и это не только в национальных областях, что обстановка очень сложна и в центральной России. Может так получиться, говорил ЕВДОКИМОВ, что кулака-то мы разорим и физически уничтожим, а осложнений у нас в стране может быть много и хозяйства в деревне партия не создаст.

На этом разговор с ним и кончился. Пробыв несколько дней, ЕВДОКИМОВ уехал.

Последующая встреча с ЕВДОКИМОВЫМ у меня была в 1930 году перед отъездом на работу в Азербайджан. Встретились мы в кабинете у ЕВДОКИМОВА. Я спрашивал его указаний. Наряду с оперативно-служебными указаниями он заявил мне, что в успех начавшейся операции по ликвидации кулачества как класса он — ЕВДОКИМОВ, хотя на него и возложено проведение этой операции по СССР, — не верит. В целесообразность проводимой по решению Центрального Комитета операции он также не верит, считая, что это может привести к обнищанию деревни и деградации сельского хозяйства.

За это время в Азербайджане я никакой антисоветской работы не вел.

В 1933 году, вскоре после назначения меня начальником ГУПВО ОГПУ и приезда в Москву, я встретился с

ЕВДОКИМОВЫМ у него на квартире. Он приехал из Ростова.

ЕВДОКИМОВ повел со мной разговор о том, что обстановка в стране, несмотря на, казалось бы, некоторое улучшение положения в деревне с промтоварами и с продовольствием в городах, — все же чрезвычайно сложная. И вот тут же ЕВДОКИМОВ начал со мной откровенный разговор. Он спросил: «Как у тебя правые настроения, которые у тебя были, — изжились или нет?» Я говорю: «Черт его знает, изжились или нет, не знаю, а что?» «Видишь ли, рано или поздно правым удастся доказать Центральному Комитету неправоту линии Центрального Комитета и правильность линии правых». Я попытался возразить, заявив, что положение колхозов становится прочным. Он ответил: «Подожди, колхозы-то начали существовать, но это только начало, а что будет дальше — неизвестно. Кадры правых — большие, правыми ведется большая подпольная работа и по вербовке кадров, и по созданию недовольства против правительства и Центрального Комитета».

Дальше ЕВДОКИМОВ спросил: «Ты ГУПВО принял или нет?» После моего утвердительного ответа он сказал: «Тебе надо было бы заинтересоваться как следует вопросами войск. Войска будут играть большую роль в случае каких-либо осложнений внутри страны, и ты должен прибрать войска к своим рукам».

Зная, что моими заместителями по ГУПВО являются КРУЧИНКИН, ЛЕПИН и РОШАЛЬ, ЕВДОКИМОВ, коснувшись их, заявил: «КРУЧИНКИН, видимо, ягодинский человек, но это ничего. ЯГОДА сам войсками занимается, но и это не страшно». Тут же ЕВДОКИМОВ сообщил мне о том, что сам ЯГОДА также является правым, рекомендовал: «Все же в отношениях с ЯГОДОЙ далеко не заходи и полностью ему и, в особенности, его окружению не доверяйся, так как эти люди способны на преступления, на этих преступлениях провалятся и могут выдать тебя, а КРУЧИНКИНА приברי к рукам». И тут же ЕВДОКИМОВ рассказал о том, что КРУЧИНКИН, будучи в командировке в Средней Азии, в бытность там ЕВДОКИМОВА, при проведении операций, из-за своей трусости операцию провалил. Я поставил вопрос перед ЯГОДОЙ, говорил ЕВ-

ДОКИМОВ, об отдаче КРУЧИНКИНА иод суд, но что-то молчат. Осторожно нужно его к себе потянуть, но начинай также заводить и свои кадры в войсках ОГПУ.

Я спросил, что нужно конкретно делать по войскам? Во-первых, говорил ЕВДОКИМОВ, займей своих совершенно надежных людей и так прибери их к рукам, чтобы в случае осложнений они выполняли твою волю.

В том же 1933 году ЯГОДА, после моей с ним стычки по служебному вопросу, начал вновь приближать меня к себе при помощи БУЛАНОВА. БУЛАНОВ часто зазывал меня к себе на дачу под видом рыбной ловли и игры в бильярд. В одну из таких поездок к БУЛАНОВУ, в выходной день на дачу, приехал ЯГОДА, который после обеда и выпивки имел со мной разговор в отдельной комнате.

ЯГОДА начал разговор с того, что я не прав, настраиваясь против него, и что, видимо, здесь орудует рука ЕВДОКИМОВА, и тут же сказал мне: «Имейте в виду: о том, что вы остаетесь правым, — мне известно, что вы ведете работу, я также знаю, и не лучше ли вам смириться с той обстановкой, которая существует у нас в центральном аппарате, свой гонор сбавить и слушаться меня». И тут же, продолжая разговор, ЯГОДА спросил меня: «Как идут дела в ГУПВО, у вас там много замов, не лучше ли было бы освободиться кое от кого. Как вы думаете — кого лучше оставить: КРУЧИНКИНА или ЛЕПИНА?» Не дожидаясь моего ответа, ЯГОДА сказал, что КРУЧИНКИН — человек надежный. Я понял, что КРУЧИНКИН связан с ним по преступной деятельности.

В отношении ЛЕПИНА ЯГОДА сказал, что тот колебался, ориентировался на АКУЛОВА и БАЛИЦКОГО, когда они работали в ОГПУ. «Может быть, его и предложить БАЛИЦКОМУ, — сказал он, — пусть поедет к нему. РОШАЛЯ надо обломать, а на отдел боевой подготовки вам надо было бы взять КРАФТА или РЫМШАНА». После этого ЯГОДА стал приглашать поехать к нему на дачу, но из-за позднего времени я отказался. Прощаясь, ЯГОДА сказал: «Ну — мировая и полный контакт».

Во исполнение заданий, которые я получил от ЕВДОКИМОВА, и после разговора с ЯГОДОЙ я начал всячески приближать к себе КРУЧИНКИНА и вскоре повел с ним

открытый разговор. Я спросил КРУЧИНКИНА — какую работу он ведет по заданиям ЯГОДЫ в войсках. Сначала КРУЧИНКИН сделал недоуменный вид, а после начал говорить, что особых заданий он не получает, главным образом, ведет работу по части подбора людей и их воспитанию в духе бесконечной преданности персонально ЯГОДЕ.

О проделанной им работе и ряде людей, которые им были завербованы и вели работу внутри войск ОГПУ, КРУЧИНКИН мне окончательно рассказал по своему возвращении его из Синьцзяна в 1934 году.

Развернув полную картину своей антисоветской работы, КРУЧИНКИН назвал мне следующих людей: КРАФТА, РЫМШАНА, который в это время был уже из ГУПВО откомандирован в РККА, РОТЕРМЕЛЯ, ЛЕПСИСА, ЗАРИНА, БАРКОВА, КОНДРАТЬЕВА, командующего в это время дивизией особого назначения, причем оговорил, что с КОНДРАТЬЕВЫМ прямую связь имеют ЯГОДА и БУЛАНОВ и что у КОНДРАТЬЕВА* имеются свои люди в дивизии*.

ЛЕПИН в это время уже работал на Украине начальником УПВО, причем, несмотря на то что его согласился взять БАЛИЦКИЙ к себе, отношения у него с БАЛИЦКИМ сложились не совсем нормальные, а ЯГОДА ему не мог простить его ориентировки в свое время на АКУЛОВА и БАЛИЦКОГО.

В очередной свой приезд в Москву в 1934 году ЛЕПИН пожаловался мне. Я вызвал КРУЧИНКИНА, и вместе с ним мы заявили ЛЕПИНУ, что мне стало известно об участии ЛЕПИНА во вражеской работе под руководством КРУЧИНКИНА. ЛЕПИН вначале удивился, а потом, узнав о том, что я также принимаю участие в этой работе и начал уже руководить ею в погранохране, мы раскрылись друг перед другом. После этого ЛЕПИН попросил урегулировать вопрос его взаимоотношений с ЯГОДОЙ и БАЛИЦКИМ. Нам удалось это сделать прямым разговором с ЯГОДОЙ о том, что ЛЕПИН — наш человек и нельзя ставить его в такое положение, тем паче на Украине, где в наших интересах он должен связаться и с украинскими людьми и узнать, что делается на Украине. С БАЛИЦКИМ я сам говорил, чтобы он ЛЕПИНА не обижал.

От ЛЕПИНА я узнал о том, что у него складывается такое впечатление, что на Украине также ведется работа правых внутри органов и войск ОГПУ. Я и КРУЧИНКИН дали задание ЛЕПИНУ, чтобы он связался с украинцами, не выдавая им своих связей в Москве и не говоря ничего о ЯГОДЕ, обо мне и КРУЧИНКИНЕ, влезть в среду БАЛИЦКОГО и, если они будут его вербовать, пойти на это.

Примерно в первых месяцах 1935 года ЛЕПИН в свой очередной приезд в Москву рассказал мне о том, что он связался с БАЛИЦКИМ и что БАЛИЦКИЙ связал его с рядом лиц из пограничной охраны, в частности с начальником политотдела УПВО — САРОЦКИМ**, начальником пограничного отряда в Одессе — КУЛЕШОМ** и зам. начальника УПВО Украины — СЕМЕНОВЫМ**.

За это же время — 1934 год — у меня с ЕВДОКИМОВЫМ было несколько встреч при его приезде в Москву. На этих встречах он постепенно открывал мне свою практическую работу и говорил о работе центра правых и по Союзу. В частности, он говорил о том, что он имеет ряд людей внутри аппарата ГПУ, и назвал РУДЯ, ДАГИНА, РАЕВА, КУРСКОГО, ДЕМЕНТЬЕВА, ГОРБАЧА и других. Говорил о том, что заимел связи по национальным областям: в Дагестане — через МАМЕДБЕКОВА, в Чечне — ГОРШЕЕВА или ГОРШЕНИНА, и тут же сказал, что ему трудно приходится только с КАЛМЫКОВЫМ, у которого своя собственная линия, и ЕВДОКИМОВ никак не может его обломать, но характеризовал КАЛМЫКОВА как человека полностью «нашего» — правого, но, видимо, имеющего самостоятельную линию.

Я его спрашивал, а что вообще в Союзе делается? ЕВДОКИМОВ говорил, что ведется большая работа, целый ряд людей, занимающих большое положение в ряде других областей СССР, перешли к правым. И вот здесь он заявил: «Видишь, как сейчас приходится вести борьбу с Центральным Комитетом: когда-то боролись с повстанчеством, а сейчас самим приходится искать нити, связи с повстанчеством и, чтобы его организовать, приходится идти в низовку. Это очень сложная и опасная работа, но без низовки — секретарей райкомов, председателей РИКов или людей, которые связаны с деревней, — мы возглавить повстанчест-

во не сумеем, а это одна из основных задач, которая стоит перед нами».

ЕВДОКИМОВ расспрашивал, что я делаю по войскам. Я полностью рассказал ему обо всем, в частности и о встрече с ЯГОДОЙ, о разговоре с ним. ЕВДОКИМОВ дал мне вновь такую установку, что этой связи с ЯГОДОЙ не порывать, но до конца не идти и, главным образом, ничего не говорить ЯГОДЕ о моей связи с ним — ЕВДОКИМОВЫМ.

В одну из встреч ЕВДОКИМОВ предложил мне связаться с быв. зам. наркома внудел ПРОКОФЬЕВЫМ и прощупать его настроения. Когда я спросил — какая цель, он ответил — потом скажу.

Во исполнение задания ЕВДОКИМОВА я близко сошелся с ПРОКОФЬЕВЫМ. После я узнал, что ЕВДОКИМОВ искал связей с ПРОКОФЬЕВЫМ с целью связаться с ним самому лично, что он по существу и выполнил через меня. Первая встреча у них была на моей даче, а после этого во время своих приездов в Москву он стал заезжать к ПРОКОФЬЕВУ. Спустя некоторое время ЕВДОКИМОВ мне рассказал, что сближением с ПРОКОФЬЕВЫМ он преследовал цель проверить — не связан ли КАЛМЫКОВ с ОГПУ.

В 1934 же году, разворачивая работу в ГУПВО, мы вместе с КРУЧИНКИНЫМ пытались поближе связаться с быв. командиром дивизии особого назначения ОГПУ — КОНДРАТЬЕВЫМ, поскольку КОНДРАТЬЕВ непосредственно получал задания от ЯГОДЫ и БУЛАНОВА. Мы хотели знать — какие именно задания он получает по дивизии. Однако разговор КРУЧИНКИНА с КОНДРАТЬЕВЫМ результатов не дал, и только после инспекции дивизии, которую удалось провести во время отпуска ЯГОДЫ и вскрытия ряда фактов о безобразном состоянии частей дивизии нам удалось заставить КОНДРАТЬЕВА рассказать о проводимой им заговорщической работе по дивизии.

КОНДРАТЬЕВ рассказал, что большинство командиров полков дивизии, а также многие из работников полит-аппарата им завербованы. КОНДРАТЬЕВ сказал также о том, что ГОЛЬХОВ — начальник политотдела дивизии

(прибыл с КОНДРАТЬЕВЫМ с Дальнего Востока) — привлечен к заговору.

Дальше КОНДРАТЬЕВ рассказал, что ЯГОДА дал ему задание (и это отрабатывается им), чтобы командный состав, завербованный и привлеченный к работе, проработал план возможных действий дивизии в условиях Москвы. План этот в основном заключался в оцеплении и изоляции Кремля от остальной части города. Кроме того, он сказал, что в случае осложнений имеется** войсковая группа из состава дивизии**, которая должна сразу же поступить в распоряжение ЯГОДЫ. И, наконец, он сообщил, что командиры, назначаемые в состав наряда для дежурства внутри ОГПУ, на броневиках, выделяются, главным образом, из состава участников заговора***. Рассказав это, КОНДРАТЬЕВ, тут же оробев, начал говорить о том, что он хотел бы, чтобы ЯГОДА не знал о его разговорах с нами, пока он не уладит с ним этого вопроса. Одновременно КОНДРАТЬЕВ сказал, что ему от БУЛАНОВА известно, что КРУЧИНКИН и я ведем работу.

В 1935 году ЕВДОКИМОВ стал спрашивать меня: нет ли руки ЯГОДЫ в деле убийства КИРОВА и не имею ли я об этом данных? Причем он указал, что если ЯГОДА участник этого дела — поступок нехороший, не с точки зрения сожаления о потере КИРОВА, а с точки зрения усложнения положения и тех репрессий, которые начались вскоре после убийства КИРОВА.

Во время этой беседы к нему на квартиру зашел ЛИФШИЦ Яков, быв. зам. наркомпути, который, поздоровавшись со мной, сказал: «Живем в одном городе и не встречаемся». ЕВДОКИМОВ тут же сказал — надо было бы встретиться, полезно было бы для обоих. Это было под выходной день, и ЛИФШИЦ пригласил нас к себе на дачу на выходной день.

После отъезда ЛИФШИЦА от ЕВДОКИМОВА я спросил его, что по-честному ли раскаялся ЛИФШИЦ? ЕВДОКИМОВ ответил: «По-честному такие, как Яшка, не каются» — и добавил, что ЛИФШИЦ ведет соответствующую работу.

На второй день я и ЕВДОКИМОВ были на даче у ЛИФШИЦА. Заговорщических разговоров у нас не было,

но ЕВДОКИМОВ все время подчеркивал необходимость тесной связи с ЛИФШИЦЕМ, с которым мы условились о дальнейших встречах.

В одну из этих встреч, во время верховой поездки, ЛИФШИЦ сказал мне: «Слышал я от ЕВДОКИМОВА о тебе, откровенно говоря, не ожидал, что ты тоже с нами, молодец». Я начал с ЛИФШИЦЕМ говорить, а как, мол, ты? Он ответил: «Тебе же ЕВДОКИМОВ сказал о том, что я работаю». Я его еще спросил, — а большую работу ведешь? Он сказал, что работу ведет большую, имеет связь с центром через ПЯТАКОВА, имеет большое количество людей и не порывает связей с украинцами.

При следующей встрече, в связи с начавшимися арестами ряда троцкистов, ЛИФШИЦ дал мне задание, хотя я и работал в ГУПВО и прямого отношения к оперативной работе не имел, — прислушиваться, какие показания дают арестованные троцкисты, и информировать его.

В 1935 году, осенью, был пробег жен украинских пограничников в Москву. ЯГОДА разрешил мне организовать их прием у меня на даче, а утром этого же дня я ездил верхом с ЛИФШИЦЕМ и говорил ему об этом приеме. ЛИФШИЦ спросил, а кто у тебя будет? Я говорю, что приглашаю начальников отделов. Тогда он сказал — пригласи и МОЛЧАНОВА, и нельзя ли мне быть на этом приеме. Я сказал, что ничего особенного не будет, приходи как будто невзначай. ЛИФШИЦ под вечер действительно пришел ко мне на дачу. Приехал и МОЛЧАНОВ. После обеда ЛИФШИЦ и МОЛЧАНОВ сидели рядом, выпивали, а после этого ушли в сад гулять. ЛИФШИЦ уехал, когда остальные присутствующие еще не разъезжались, и только спустя дней десять я спросил ЛИФШИЦА, о чем ты говорил с МОЛЧАНОВЫМ, не сказал ли ему что-нибудь обо мне? Он ответил, что говорил с ним о троцкистах. «Видишь ли, МОЛЧАНОВ тоже не совсем чистый человек, но фанатерию со мной разводил. Прямого разговора у меня с ним не было, а я его щупал, какие показания дают троцкисты».

В одну из встреч в 1935 году ЕВДОКИМОВ у него на квартире рассказал мне о ряде людей, которые им привлечены к работе в Пятигорске. Он назвал ПИВОВАРОВА, большую группу чекистов: ***БОЯРА, ДЯТКИНА и

ШАЦКОГО***. Здесь же он мне рассказал о его связях с ХАТАЕВИЧЕМ, причем всячески его расхваливал как знатока деревни; с ЭЙХЕ, о части ленинградской группы — ЧУДОВЕ, ЖУКОВЕ, причем тут же меня предупредил — иметь в виду с ними не особенно встречаться, потому что ленинградцы пьянствуют и вообще в ЦК слывут как люди подмоченные, разложившиеся на почве пьянства.

В этот же его приезд ЕВДОКИМОВ говорил: нельзя ли как-нибудь, через ЯГОДУ, протянуть ДАГИНА на оперативный отдел. «Хотя ПАУКЕР — ягодинский человек, но он — дурак, и, если ему что-нибудь серьезное поручить, он обязательно провалит», — сказал ЕВДОКИМОВ. При этом он предупредил, что если будешь пытаться протянуть ДАГИНА на первый отдел, то надо это делать очень осторожно, учитывая обстановку.

ЕВДОКИМОВ говорил и о том, что в ряде районов Северного Кавказа удалось возглавить своими людьми повстанческие группы, и о том, что проводившаяся перед этим чистка партии помогла в смысле вербовки людей.

Во время процесса ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и других, когда было опубликовано в печати о БУХАРИНЕ, перед концом процесса, ЕВДОКИМОВ был в Москве. Он очень волновался и, в разговоре со мной, говорил: «Черт его знает, как удастся выкрутиться из всего этого дела. Никак не понимаю ЯГОДУ, что он там делает, зачем расширяет круг людей для репрессий, или у этих поджилки слабы — выдают. Но можно было бы поставить таким образом ход следствия, чтобы всячески обезопасить себя».

Тут же он расспрашивал меня в отношении ЛИФШИЦА: проходит ли ЛИФШИЦ где-либо по чекистским материалам? ЛИФШИЦА в этот момент в Москве не было, он был в отпуске. Я ЕВДОКИМОВУ рассказал, что присутствовал на одном из оперативных совещаний, где МОЛЧАНОВ докладывал показания на ЛИФШИЦА, и что эти показания идут с Украины. ЕВДОКИМОВ при этом сказал: «ЛИФШИЦ скоро вернется из отпуска, ты открыто с ним не встречайся». Я в это время уже собирался в командировку на Дальний Восток, а с ЛИФШИЦЕМ как-то в одну из поездок верхом, перед его отпуском, мы говорили относительно возможной совместной поездки на Дальний Восток.

Я ЕВДОКИМОВУ говорю, что мы собирались вместе с ЛИФШИЦЕМ ехать на Дальний Восток. Он сказал, что, если можешь, лучше в этой обстановке поезжай один. ЕВДОКИМОВ интересовался — кто из чекистов ведет следствие и агентурную разработку по троцкистам и правым. Сам он был очень подавлен.

Перед моим отъездом на Дальний Восток ЛИФШИЦ вернулся из отпуска, но я перестал с ним встречаться, учитывая наличие на него показаний и возможную мою компрометацию.

Когда я уезжал на Дальний Восток, ЯГОДА дал мне письмо ДЕРИБАСУ, содержание которого мне неизвестно, и, кроме того, просил на словах передать ДЕРИБАСУ о том, что Центральный Комитет не совсем доволен работой ДЕРИБАСА, что у него в части удара по троцкистам обстоит неважно, и тут же добавил: «Вы ему укажите, что хочет он этого или не хочет, но делать надо, он поймет». Я спросил ЯГОДУ, а если он будет спрашивать о моем отношении к вам и о ваших делах? ЯГОДА мне ответил: «ДЕРИБАС умный человек, и я думаю, что он этого делать не будет, расскажите, что мы здесь пережили после убийства КИРОВА».

С ДЕРИБАСОМ у меня этот разговор был, и ДЕРИБАС интересовался, главным образом, фамилиями людей уже репрессированных и людей, которые проходят по материалам. Я ему рассказал о ЛИФШИЦЕ и ПЯТАКОВЕ, которые — на грани разоблачения.

По дороге с Дальнего Востока в Москву, уже после назначения меня заместителем наркома, на одной из ж.-д. станций зашел ко мне в вагон агент и сказал, что на следующей станции со мной хочет поговорить зам. наркомпути ЛИФШИЦ. И действительно, я встретился с ЛИФШИЦЕМ на следующей станции. Я сознательно вышел из вагона, чтобы не разговаривать с ним в вагоне, поскольку со мной ехал ряд сотрудников. ЛИФШИЦ подошел ко мне вместе с РУТЕНБУРГОМ — начальником дороги. ЛИФШИЦ просил разрешения проехать со мной одну станцию. Он рассказал, что с должности заместителя наркома снят, что в Москве у него были очные ставки с арестованными. Он всячески ругал людей, которые его выдали, нервничал

и просил меня, как уже заместителя наркома, как-нибудь сделать так, чтобы из этого дела ему выкрутиться. Я его, в свою очередь, просил: «Уж если ты попадешь, поскольку так далеко зашло дело, так держись как следует».

На следующей станции он ушел. Встретившись с ЛИФШИЦЕМ, я немножко сам струхнул, как бы на этой почве не было каких-нибудь неприятностей, и принял план, что по приезде в Москву я об этом расскажу ЕЖОВУ, и расскажу в таком контексте, что ЛИФШИЦ клялся и божился, что он не виновен, страшно нервничает и практической работой старается доказать свою преданность Центральному Комитету. По возвращении в Москву я так и сделал.

Вскоре после вступления в должность заместителя наркома ЕЖОВ начал меня приближать к себе, выделять из остальных замов, вести со мной более откровенные разговоры в оценке других замов, высказывать некоторое недовольство АГРАНОВЫМ. Перед распределением обязанностей между замами, помимо того, что я продолжал быть начальником ГУПВО, ЕЖОВ предложил мне интересоваться и оперативными вопросами, а примерно в 1937 году, после ареста ЯГОДЫ, он начал со мною вести разговоры в отношении возможного моего назначения первым заместителем Наркома. Во время одного из таких разговоров ЕЖОВ мне сказал: «Я предрешил этот вопрос, но хочу с тобой поговорить, только давай — по-честному, за тобой есть грешки кое-какие».

Вначале я совершенно опешил, думая — пропало дело. Увидев мою растерянность, ЕЖОВ начал говорить: «Ты не бойся, расскажи по-честному». Тогда я ему рассказал об истории с сокольническим делом, о своей связи с ЯГОДОЙ, связи с ЕВДОКИМОВЫМ и через него с ЛИФШИЦЕМ. Тогда ЕЖОВ сказал: «Грехов у тебя столько, хоть сейчас тебя сажай, ну, ничего, будешь работать, будешь на сто процентов моим человеком». Я растерянно посмотрел на него и пытался отказаться от назначения на должность первого зам. наркома, но он сказал: «Садись, работай, будем вместе работать и отвечать будем вместе».

До ареста БУХАРИНА и РЫКОВА, разговаривая со мной откровенно, ЕЖОВ начал говорить о планах чекистской работы в связи со сложившейся обстановкой и пред-

стоящими арестами БУХАРИНА и РЫКОВА. ЕЖОВ говорил, что это будет большая потеря для правых, после этого вне нашего желания, по указанию ЦК могут развернуться большие мероприятия по правым кадрам, и что в связи с этим основной задачей его и моей является ведение следствия таким образом, чтобы, елико возможно, сохранить правые кадры. Тут же он развернул план этого дела. В основном этот план заключался в следующем: «Нужно расставить своих людей, главным образом, в аппарате СПО, следователей подбирать таких, которые были бы или полностью связаны с нами, или за которыми были бы какие-либо грехи и они знали бы, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в руках. Включиться самим в следствие и руководить им». «А это заключается в том, — говорил ЕЖОВ, — чтобы записывать не все то, что говорит арестованный, а чтобы следователи приносили все наброски, черновики начальнику отдела, а в отношении арестованных, занимавших в прошлом большое положение и занимающих ведущее положение в организации правых, протоколы составлять с его санкции». Если арестованный называл участников организации, то их нужно было записывать отдельным списком, и каждый раз докладывать ему. Было бы неплохо, говорил ЕЖОВ, брать в аппарат людей, которые уже были связаны с организацией. «Вот, например, ЕВДОКИМОВ говорил тебе о людях, и я знаю кое-кого. Нужно будет их в первую очередь потянуть в центральный аппарат. Вообще нужно присматриваться к способным людям и с деловой точки зрения из числа уже работающих в центральном аппарате, как-нибудь их приблизить к себе и потом вербовать, потому что без этих людей нам работу строить нельзя, нужно же ЦК каким-то образом работу показывать».

В осуществление этого предложения ЕЖОВА нами был взят твердый курс на сохранение на руководящих постах в НКВД ягодинских кадров. Необходимо отметить, что это нам удалось с трудом, так как с различных местных органов на большинство из этих лиц поступали материалы об их причастности к заговору и антисоветской работе вообще.

Для сохранения этих кадров и их формальной реабилитации арестованные, дававшие такие показания, вызыва-

лись в Москву, где путем передопросов приводили их к отказу от данных ими показаний (дело ЗИРНИСА, дело ГЛЕБОВА и других).

Наряду с этим взамен арестованных ягодинцев (которых не удавалось сохранить) по указанию ЕЖОВА на руководящую работу в центральный аппарат и местные органы НКВД усиленно стягивались и назначались северокавказские кадры чекистов.

Значительное количество этих чекистов, составлявших кадры ЕВДОКИМОВА, было взято и на работу в отдел охраны НКВД. Как я указал выше, эти кадры использовались ДАГИНЫМ для подготовки к осуществлению ими по указанию ЕЖОВА в необходимый момент террористических актов против руководителей партии и правительства.

После ареста ПАУКЕРА ЕЖОВ поставил вопрос о подборе начальника первого отдела и сам же предложил КУРСКОГО, который был назначен на должность начальника 1-ого отдела. Вскоре после назначения КУРСКОГО в Москве был ЕВДОКИМОВ. ЕВДОКИМОВ спрашивал меня — что делается.

Я ему рассказал об установлении связи с ЕЖОВЫМ. ЕВДОКИМОВ тогда сразу перешел к первому отделу, говоря, что КУРСКОГО неудачно назначили на первый отдел, хотя этот человек и наш, говорил он, но он неврастеник и трусоват; я тебе говорил, что ДАГИНА надо было назначить.

Я рассказал ему о настроениях КУРСКОГО уже в процессе работы, что он всячески хочет освободиться от должности начальника 1-ого отдела. ЕВДОКИМОВ предложил воспользоваться этими настроениями и во что бы то ни стало назначить на место КУРСКОГО ДАГИНА. КУРСКИЙ был освобожден, и назначен был ДАГИН.

В эту же встречу с ЕВДОКИМОВЫМ он говорил: «При вас тоже будет продолжаться ягодинская линия; будем сами себя истреблять. Доколь это будет продолжаться?»

Я ему рассказал о состоявшемся разговоре с ЕЖОВЫМ и указал, что мы принимаем сейчас меры, елико возможно, сохранять кадры.

ЕВДОКИМОВ посоветовал мне поскорее провести дела на арестованных и намечаемых к аресту чекистов. «Видишь ли, — говорил он, — ягодинские кадры не скроешь,

они всем известны, не сегодня-завтра будет вытолкнут каждый из них, просто коллективы с низов поднимутся против них, так что здесь надо скорее эти дела проверить».

Дальше он говорил, что особо осторожным нужно быть с ЯГОДОЙ. ЯГОДА человек такой, что начнет болтать на следствии несусветные вещи, и посоветовал, чтобы следствие по делу ЯГОДЫ вел КУРСКИЙ.

Об этом разговоре с ЕВДОКИМОВЫМ я рассказал ЕЖОВУ. ЕЖОВ сказал — это хорошо, что ты мне рассказываешь, но зря ты ЕВДОКИМОВУ рассказываешь о том, что мы с тобой говорили, давай лучше условимся так — ты будешь говорить ЕВДОКИМОВУ только то, что я тебе скажу.

После октябрьского пленума ЦК в 1937 г. я и ЕВДОКИМОВ первый раз встретились вместе на даче у ЕЖОВА. Причем разговор начал ЕВДОКИМОВ, который, обращаясь к ЕЖОВУ, спросил: «Что-то у тебя не так получается, обещал выправить ягодинское положение, а дело все больше углубляется и теперь подходит вплотную к нам. Видно, неладно руководишь делом». ЕЖОВ сперва молчал, а потом заявил, что «действительно обстановка тяжелая, вот сейчас принимаем меры к тому, чтобы сократить размах операций, но, видимо, с головкой правых придется расправиться». ЕВДОКИМОВ ругался, плевался и говорил: «Нельзя ли мне пойти в НКВД, я окажу помощи больше, чем другие». ЕЖОВ говорит: «Было бы хорошо, но ЦК едва ли пойдет на то, чтобы тебя передать в НКВД. Думаю, что дело не совсем безнадежно, но тебе надо поговорить с ДАГИНЫМ, ты имеешь на него влияние, надо, чтобы он развернул работу в Оперативном отделе, и нам быть готовым к совершению террористических актов».

Не помню — ЕЖОВ или ЕВДОКИМОВ говорили, что нужно посмотреть, как были расставлены кадры у ПАУКЕРА и ЯГОДЫ, и их убрать. Раз люди остались, без управления, они могут сделать глупости, пойти на самостоятельные действия. Здесь ЕВДОКИМОВ сказал, что было бы неплохо завести в наружной охране, непосредственно на дачах, людей из националов Северного Кавказа, этот народ будет служить честно, ведь охраняли же ингуши царя. После этого ЕЖОВ опять стал говорить, что работу ни в коем случае не надо прекращать и сворачивать,

но нужно уходить больше в подполье и ни в коем случае ему самому (ЕВДОКИМОВУ) не завязывать дополнительных связей по краю. «Есть же у тебя люди, пусть они сами потихоньку проверяют и заводят людей».

Возвращаясь из Монголии, я узнал о том, что стоит вопрос о моем переводе из НКВД в Наркомат обороны — зам. наркома.

В день открытия пленума я спросил об этом ЕЖОВА. Он говорит, что вопрос еще не решен. На мой вопрос — соответствуют ли действительности разговоры в аппарате о переводе ЗАКОВСКОГО в Москву на должность первого заместителя наркома, ЕЖОВ ответил: ЗАКОВСКОГО хотим взять в аппарат в качестве начальника отдела с правом заместительства. Этот человек, сказал он, наш полностью, но человек, за которым надо иметь присмотр, и потом его нужно из ленинградской обстановки перебросить, потому что в отношении его связей с ЧУДОВЫМ и КОДАЦКИМ большие идут разговоры. В ЦК также говорят о разложении ЗАКОВСКОГО.

После одного из заседаний пленума, вечером, на даче у ЕЖОВА были ЕВДОКИМОВ, я и ЕЖОВ. Когда мы приехали туда, там был ЭЙХЕ, но ЭЙХЕ с нами никаких разговоров не вел. Что было до нашего приезда у ЕЖОВА с ЭЙХЕ — ЕЖОВ мне не говорил. После ужина ЭЙХЕ уехал, а мы остались и почти до утра разговаривали. ЕВДОКИМОВ, главным образом, напирал на то, что подбираются и под нас, в частности, он начал говорить о себе и выражал недовольство, почему ЕЖОВ направил к нему в край ДЕЙЧА, который подбирает на него материалы.

Во время этого же пленума у меня была еще одна встреча с ЕВДОКИМОВЫМ. Он все время нажимал на то, что надо Николая ЕЖОВА все время держать в руках, что «вы не можете справиться с этим делом, берете свои собственные кадры и расстреливаете», и тут же ЕВДОКИМОВ предложил: «Я бы советовал не отправлять ленинградских арестованных (ЧУДОВ, КОДАЦКИЙ, СТРУППЕ) в Ленинград потому, что хотя ЗАКОВСКИЙ и наш человек полностью, а кто с ним работает, черт их знает, как бы не начали мотать». ЕВДОКИМОВ продолжал: «Я считаю, что вы рано начали награждать орденами. Ведь люди награждаются не только наши, но и другие, порыв борьбы

растет, а это надо было бы попридержаться, ордена же — стимул людям, которые с нами органически и организационно не связаны и потому могут расширять операции». И здесь ЕВДОКИМОВ и ЕЖОВ уже вместе говорили о возможном сокращении операций, но, так как это было признано невозможным, договорились отвести удар от своих кадров и попытаться направить его по честным кадрам, преданным ЦК. Такова была установка ЕЖОВА.

Забыл упомянуть об одном обстоятельстве, для дела имеющем существенное значение.

Осенью 1935 г. на даче у ЛИФШИЦА состоялась встреча ЕВДОКИМОВА, меня, ДАГИНА и ЛИФШИЦА, на которой ЕВДОКИМОВ в крайне раздраженном состоянии стал говорить о том, что он не совсем верит в успешность подготавливаемых троцкистами и правыми террористических актов против СТАЛИНА. ЕВДОКИМОВ при этом прямо заявил о том, что только силами отдела охраны НКВД может быть реально осуществлен теракт против СТАЛИНА.

ЕВДОКИМОВ усиленно сожалел, что ему не удалось ДАГИНА назначить начальником отдела охраны, еще в бытность своей работы начальником СОУ ОГПУ, и предлагал мне осторожно при удачном случае рекомендовать ДАГИНА вместо ПАУКЕРА.

Вскоре ЕВДОКИМОВ был переведен на работу в Москву. Встречи у нас стали происходить чаще, как у ЕЖОВА непосредственно с ЕВДОКИМОВЫМ, так и нас троих.

Тут я считаю необходимым отметить следующее:

После арестов членов центра правых ЕЖОВ и ЕВДОКИМОВ по существу сами стали центром, организующим:

- 1) сохранение по мере возможности антисоветских кадров правых от разгрома; 2) нанесение удара по честным кадрам партии, преданным Центральному Комитету ВКП(б); 3) сохранение повстанческих кадров как на Северном Кавказе, так и в других краях и областях СССР с расчетом на их использование в момент международных осложнений; 4) усиленную подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства; 5) приход к власти правых во главе с Н. ЕЖОВЫМ.

По возвращении с Дальнего Востока по просьбе ЕЖОВА я, не заезжая домой, поехал в Наркомат. Я ЕЖОВА во-

обще никогда в таком удрученном состоянии не видел. Он говорил: «Дело дрянь» — и сразу же перешел к вопросу о том, что БЕРИЯ назначен в НКВД вопреки его желанию. Паршивое дело будет, говорил он. Боюсь, что все будет вскрыто и рухнут наши планы.

27—28 августа 1938 г. позвонил мне ЕВДОКИМОВ и попросил зайти к нему на квартиру. Весь наш разговор ЕВДОКИМОВ свел к тому, что, если есть какие-либо недостатки, по которым может начаться разворачиваться наше причастие к преступным делам, до приезда БЕРИЯ закончить, и тут же мне ЕВДОКИМОВ сказал: «Ты проверь — расстреляли ли ЗАКОВСКОГО и расстреляны ли все люди ЯГОДЫ, потому что по приезде БЕРИЯ следствие по этим делам может быть восстановлено и эти дела повернутся против нас». Я проверил и установил, что ЗАКОВСКИЙ, МИРОНОВ и группа других чекистов была расстреляна 26—27 августа****.

Перехожу к практической вражеской работе, проведенной ЕЖОВЫМ, мною и другими заговорщиками в НКВД.

Следственная работа

Следственный аппарат во всех отделах НКВД разделен на «следователей-колольщиков», «колольщиков» и «рядовых» следователей.

Что из себя представляли эти группы и кто они?

«Следователи-колольщики» были подобраны в основном из заговорщиков или скомпрометированных лиц, бесконтрольно применяли избиение арестованных, в кратчайший срок добивались «показаний» и умели грамотно, красочно составлять протоколы.

К такой категории людей относились: НИКОЛАЕВ, АТАС, УШАКОВ, ЛИСТЕНГУРТ, ЕВГЕНЬЕВ, ЖУПАХИН, МИНАЕВ, ДАВЫДОВ, АЛЬТМАН, ГЕЙМАН, ЛИТВИН, ЛЕПЛЕВСКИЙ, КАРЕЛИН, КЕРЗОН, ЯМНИЦКИЙ **** и другие****.

Так как количество сознающихся арестованных при таких методах допроса изо дня в день возрастало и нужда в следователях, умеющих составлять протоколы, была большая, так называемые «следователи-колольщики» стали, каждый при себе, создавать группы просто «колольщиков».

Группа «колольщиков» состояла из технических работников. Люди эти не знали материалов на подследственно-

го, а посылались в Лефортово, вызывали арестованного и приступали к его избиению. Избиение продолжалось до момента, когда подследственный давал согласие на дачу показания.

Остальной следовательский состав занимался допросом менее серьезных арестованных, был предоставлен самому себе, никем не руководился.

Дальнейший процесс следствия заключался в следующем: следователь вел допрос и вместо протокола составлял заметки. После нескольких таких допросов следователем составлялся черновик протокола, который шел на «корректировку» начальнику соответствующего отдела, а от него еще не подписанным — на «просмотр» быв. народному комиссару ЕЖОВУ и в редких случаях — ко мне. ЕЖОВ просматривал протокол, вносил изменения, дополнения. В большинстве случаев арестованные не соглашались с редакцией протокола и заявляли, что они на следствии этого не говорили, и отказывались от подписи.

Тогда следователи напоминали арестованному о «колольщиках», и подследственный подписывал протокол. «Корректировку» и «редактирование» протоколов, в большинстве случаев, ЕЖОВ производил, не видя в глаза арестованных, а если и видел, то при мимолетных обходах камер или следственных кабинетов.

При таких методах следствия подсказывались фамилии.

По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали следователи, а не подследственные.

Знало ли об этом руководство наркомата, т.е. я и ЕЖОВ? — Знали. Как реагировали? Честно — никак, а ЕЖОВ даже это поощрял. Никто не разбирался — к кому применяется физическое воздействие. А так как большинство из лиц, пользующихся этим методом, были врагами — заговорщиками, то ясно шли оговоры, брались ложные показания и арестовывались и расстреливались оклеветанные врагами из числа арестованных и врагами — следователями невинные люди. Настоящее следствие смазывалось.

Был арестован МАРЬЯСИН — быв. пред. Госбанка, с которым ЕЖОВ до ареста был в близких отношениях. К следствию по его делу ЕЖОВ проявил исключительный

интерес. Руководил следствием по его делу лично сам, неоднократно бывая на его допросах. МАРЬЯСИН содержался все время в Лефортовской тюрьме. Избивался он зверски и постоянно. Если других арестованных избивали только до момента их признания, то МАРЬЯСИНА избивали даже после того, как кончилось следствие и никаких показаний от него не брали.

Однажды, обходя кабинеты допросов вместе с ЕЖОВЫМ (причем ЕЖОВ был выпивши), мы зашли на допрос МАРЬЯСИНА, и ЕЖОВ долго говорил МАРЬЯСИНУ, что он еще не все сказал, и, в частности, сделал МАРЬЯСИНУ намек на террор вообще и теракт против него — ЕЖОВА, и тут же заявил, что «будем бить, бить и бить».

Или еще: у арестованного ЯКОВЛЕВА на первом же или втором допросе после его ареста ЕЖОВ в пьяном виде добивался показаний о подготовке ЯКОВЛЕВЫМ террористического акта против ЕЖОВА. ЯКОВЛЕВ говорил, что это — неправда, но он был избит ЕЖОВЫМ и присутствующими, и после этого ЕЖОВ ушел, не добившись признания. Спустя несколько дней появились показания о теракте, готовившемся против ЕЖОВА — ЯКОВЛЕВЫМ.

Сознательно проводимая ЕЖОВЫМ неприкрытая линия на фальсифицирование материалов следствия о подготовке против него террористических актов дошла до того, что угодливые следователи из числа «колольщиков» постоянно добивались «признания» арестованных о мнимой подготовке террористических актов против ЕЖОВА.

Арестованный КРУГЛИКОВ (быв. предс. Госбанка) в своих показаниях также давал тергруппу, готовящую убийство ЕЖОВА. Я присутствовал на предопросе КРУГЛИКОВА ЕЖОВЫМ. КРУГЛИКОВ заявил, что он нагнал в вопросе о теракте против ЕЖОВА. ЕЖОВ после этого замечания поднялся, не стал разговаривать с КРУГЛИКОВЫМ и вышел. Следом за ним вышел следователь, который допрашивал КРУГЛИКОВА, подошел к ЕЖОВУ. Последний ему что-то сказал, и я с ЕЖОВЫМ уехали в Наркомат. Что он сказал следователю — не знаю, но знаю, что наутро было заявление КРУГЛИКОВА, в котором он свой отказ объяснил тем, что он, увидя ЕЖОВА, «расте-

рялся» и не хотел ему лично в глаза подтверждать своих показаний.

КРУГЛИКОВА заставили подтвердить эти показания, а ЕЖОВ после этого ни разу не поинтересовался — где же правда.

При проведении следствия по делу ЯГОДЫ и арестованных чекистов-заговорщиков, а также и других арестованных, особенно правых, установленный ЕЖОВЫМ порядок «корректировки» протоколов преследовал цель — сохранение кадров заговорщиков и предотвращение всякой возможности провала нашей причастности к антисоветскому заговору.

Можно привести десятки и сотни примеров, когда подследственные арестованные не выдавали лиц, связанных с ними по антисоветской работе.

Наиболее наглядными примерами являются заговорщики ЯГОДА, БУЛАНОВ, ЗАКОВСКИЙ, КРУЧИНКИН и др., которые, зная о моем участии в заговоре, показаний об этом не дали*****.

Как подготавливались арестованные к очным ставкам, и особенно к очным ставкам, которые проводились в присутствии членов правительства?

Арестованных готовили специально, вначале следователь, после начальник отдела. Подготовка заключалась в зачитке показаний, которые давал арестованный на лицо, с которым предстояла ставка, объясняли, как очная ставка будет проводиться, какие неожиданные вопросы могут быть поставлены арестованному и как он должен отвечать. По существу, происходил стговор и репетиция предстоящей очной ставки. После этого арестованного вызывал к себе ЕЖОВ или, делая вид, что он случайно заходил в комнату следователя, где сидел арестованный и говорил с ним о предстоящей ставке, спрашивал — твердо ли он себя чувствует, подтвердит ли, и, между прочим, вставлял, что на очной ставке будут присутствовать члены правительства.

Обыкновенно ЕЖОВ перед такими очными ставками нервничал, даже и после того, как разговаривал с арестованным. Были случаи, когда арестованный при разговоре с ЕЖОВЫМ делал заявление, что его показания не верны, он оклеветан.

В таких случаях ЕЖОВ уходил, а следователю или начальнику отдела давалось указание «восстановить» арестованного, так как очная ставка назначена. Как пример можно привести подготовку очной ставки УРИЦКОГО (начальник Разведупра) с БЕЛОВЫМ (командующий Белорусским военным округом). УРИЦКИЙ отказался от показаний на *****БЕЛОВА***** при допросе его ЕЖОВЫМ. Не став с ним ни о чем разговаривать, ЕЖОВ ушел, а спустя несколько минут УРИЦКИЙ через НИКОЛАЕВА извинился перед ЕЖОВЫМ и говорил, что он «смалодушничал».

Подготовка процесса РЫКОВА, БУХАРИНА, КРЕСТИНСКОГО, ЯГОДЫ и других

Активно участвуя в следствии вообще, ЕЖОВ от подготовки этого процесса самоустранился. Перед процессом состоялись очные ставки арестованных, допросы, уточнения, на которых ЕЖОВ не участвовал. Долго говорил он с ЯГОДОЙ, и разговор этот касался, главным образом, убеждения ЯГОДЫ в том, что его не расстреляют.

ЕЖОВ несколько раз беседовал с БУХАРИНЫМ и РЫКОВЫМ и тоже в порядке их успокоения заверял, что их ни в коем случае не расстреляют.

Раз ЕЖОВ беседовал с БУЛАНОВЫМ, причем беседу начал в присутствии следователя и меня, а кончил беседу один на один, попросив нас выйти. Причем БУЛАНОВ начал разговор в этот момент об отравлении ЕЖОВА. О чем был разговор, ЕЖОВ мне не сказал. Когда он попросил зайти вновь, то говорил: «Держись хорошо на процессе — буду просить, чтобы тебя не расстреливали». После процесса ЕЖОВ всегда высказывал сожаление о БУЛАНОВЕ. Во время же расстрела ЕЖОВ предложил БУЛАНОВА расстрелять первым и в помещение, где расстреливали, сам не вошел.

Безусловно, тут ЕЖОВЫМ руководила необходимость прикрытия своих связей с арестованными лидерами правых, идущими на гласный процесс.

По существу отравления ЕЖОВА. Мысль об его отравлении подал сам ЕЖОВ — изо дня в день заявляя всем мамам и начальникам отделов, что он плохо себя чувствует, что, как только побудет в кабинете, чувствует какой-то ме-

таллический привкус и запах во рту. После этого начал жаловаться на то, что у него из десен стала появляться кровь и стали расшатываться зубы. ЕЖОВ стал твердить, что его отравили в кабинете, и тем самым внушил следствию добиться соответствующих показаний, что и было сделано с использованием Лефортовской тюрьмы и применением избиения.

Массовые операции

По массовым операциям в самом начале была спущена директива ЕЖОВА в полном соответствии с решением правительства, и первые месяцы они протекали нормально.

Вскоре было установлено, что в ряде краев и областей, и особенно в Орджоникидзевском крае, были случаи убийства арестованных на допросах, и в последующем дела на них оформлялись через тройку как на приговоренных к расстрелу. К этому же периоду стали поступать данные о безобразиях и из других областей, в частности с Урала, Белоруссии, Оренбурга, Ленинграда и Украины.

Особенно сильно возросли безобразия, когда дополнительно к проводимым массовым операциям в краях и областях была спущена директива о репрессировании инациональностей, подозрительных по шпионажу, связям с консульствами иностранных государств, перебежчиков. В Ленинградской, Свердловской областях, Белорусской ССР, на Украине стали арестовывать коренных жителей СССР, обвиняя их в связи с иностранцами. Нередки были случаи, когда никаких данных о подобной связи не было. Дела по этой операции рассматривались в Москве специально созданной тройкой. Председателем тройки были вначале ЦЕСАРСКИЙ, а затем — ШАПИРО.

Принятое ЕЖОВЫМ, мною и ЕВДОКИМОВЫМ решение о невозможности приостановить и отвести удар от своих — антисоветских повстанческих кадров и необходимости перенести удар на честные, преданные родине и партии, кадры практически нашло свое выражение в преступном проведении карательной политики, которая должна была быть направлена против изменников родины и агентуры иностранных разведок. Честные работники НКВД на местах, не подозревая предательства со стороны руково-

дства НКВД СССР и многих руководителей УНКВД, причастных к антисоветскому заговору, принимали наши вражеские установки за установки партии и правительства и объективно оказались участниками истребления ни в чем не повинных честных граждан.

Поступающие к нам массовые сигналы о так называемых «перегибах», по существу разоблачающие нашу вражескую работу, по указанию ЕЖОВА оставались без всякого реагирования. В тех случаях, когда не было возможности вследствие вмешательства ЦК прикрыть, заглушить тот или иной разоблачительный сигнал, шли на прямые подлоги и фальсификацию.

Так, например, в 1938 г. по поручению ЦК ВКП(б) в Орджоникидзевский край ездил ШКИРЯТОВ для расследования поступивших материалов о преступных извращениях при массовых операциях, проводимых органами НКВД в крае.

ЕЖОВ, с целью показать ЦК ВКП(б), что он своевременно реагировал уже на сигналы, вручил ШКИРЯТОВУ «приказ», якобы изданный им по НКВД. На самом же деле такого приказа он не издавал.

В других случаях в целях прикрытия вражеской работы заговорщиков к судебной ответственности привлекались рядовые работники НКВД.

Обман партии и правительства

ЕЖОВ, придя в НКВД, на всех совещаниях, в беседах с оперативными работниками, заслуженно критикуя существующую среди чекистов ведомственность, изоляцию от партии, подчеркивал, что он будет прививать работникам партийность, что он не скрывал и не будет скрывать ничего и никогда от партии и от СТАЛИНА. Фактически же обманывал партию как в серьезных, больших вопросах, так и в мелочах. Разговоры же эти ЕЖОВ вел не для чего иного, как усыпления бдительности у честных работников НКВД.

ЕЖОВ себе сам создавал, а после и его ближайшие помощники, начиная с меня, ореол славы лучшего из лучших, бдительного из бдительных. Нередко ЕЖОВ говорил, что, если бы не он, в стране был бы переворот, в результате его работы и вскрытых дел оттянули войну и т.д. Критиковал

вражески и дискредитировал отдельных членов Политбюро. Говорил о ряде из них открыто как ненадежных, шатающихся. Нередко в присутствии ряда подчиненных работников бросал крылатые фразы о близких связях отдельных членов политбюро с разоблаченными и репрессированными заговорщиками. О некоторых отзывался как о слепых, не видящих, что делается вокруг них, проморгавших врагов в своем окружении. Все это были фразы, прикрывающие его обман партии и ЦК и его преступную деятельность. Было бы, может, и достаточно тех фактов, которые я раньше изложил, но хочу привести еще несколько примеров.

Быв. нач. разведупра РККА УРИЦКИЙ начал давать показания на командующего БВО — БЕЛОВА, который был вызван в Москву, где предполагалась очная ставка БЕЛОВА с УРИЦКИМ. Очная ставка намечалась на вечер. ЕЖОВ был вызван в Кремль на квартиру СТАЛИНА и спустя некоторое время — звонит по телефону ко мне в кабинет и говорит: «Надо срочно разыскать БЕЛОВА и попросить его приехать в НКВД». На мой вопрос, а где он может быть, ЕЖОВ повышенным тоном ответил: «Я же отдал Вам распоряжение установить наружку за БЕЛОВЫМ?» При моей попытке сказать ЕЖОВУ, что он об этом мне никаких указаний не давал, ЕЖОВ, не выслушав меня, положил трубку.

Проверкой было установлено, что никакого наблюдения за БЕЛОВЫМ установлено не было и ЕЖОВ обманул ЦК.

Второй факт, о котором мне стало известно после ухода из НКВД. ЕЖОВ скрыл от ЦК и СТАЛИНА показания, присланные из Грузинского НКВД на ЛЮШКОВА и других заговорщиков при назначении ЛЮШКОВА начальником управления НКВД ДВК.

По заданию ЕЖОВА мною была проведена «проверка» этих показаний на ЛЮШКОВА путем допроса ЯГОДЫ. Допрос сознательно был проведен с таким расчетом, что ЯГОДА этих показаний на ЛЮШКОВА не подтвердил, в то время как ЛЮШКОВ являлся одним из самых его близких людей. ЛЮШКОВ, как известно, бежал за границу.

Третий факт. О группе заговорщиков и террористов в Кремле (БРЮХАНОВ, ТАБОЛИН, КАЛМЫКОВ, ВИНГРАДОВА).

Не знаю — есть ли смысл писать это, гражданин Народный Комиссар, так как Вам это известно, но все же считаю необходимым сообщить, что протокол показаний на БРЮХАНОВА и других был тотчас же по их получении сдан ЕЖОВУ, оставлен им у себя, якобы для доклада СТАЛИНУ и МОЛОТОВУ. А необходимость в этом была, так как БРЮХАНОВ являлся мужем ВИНОГРАДОВОЙ, а последняя работала по обслуживанию СТАЛИНА и его секретариата. Однако ЕЖОВ, как это мне стало известно по возвращении из Дальнего Востока, скрывал эти материалы от партии и правительства на протяжении семи месяцев.

Настоящее заявление далеко не исчерпывает всей суммы фактов моей преступной работы.

В последующих моих показаниях я с исчерпывающей полнотой расскажу следствию все, что мне известно, и не скрою ни одного известного мне врага коммунистической партии и советской власти, и назову всех лиц, причастных к антисоветской заговорщической работе независимо от того, арестованы они на сегодня или нет.

М. Фриновский.
11 апреля 1939 г.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 373. Л. 3—44. Подлинник. Машинопись.

На полях имеются рукописные пометы Сталина:

* фраза «Рошалья надо обломать» обведена в кружок, и на полях написано: «Это что значит?»;

* — * фраза обведена в кружок, и на полях написано: «Кто такие?»;

** фамилии обведены в кружок, и на полях написано: «Где они?»;

** _ ** фраза подчеркнута, и на полях написано: «Кто там?»;

*** предложение подчеркнуто, и на полях написано: «Кто они?»;

*** — *** фамилии обведены в кружок, и на полях написано «Где они?»;

**** слова «расстреляны 26—27 августа» обведены в кружок, и на полях поставлен знак «хх»;

**** — **** слово обведено в кружок, и на полях написано: «Какие другие?»;

***** предложение обведено в кружок, и на полях написано: «Сговорились? Врешь!»;

***** _ ***** фамилия обведена в кружок, и в конце страницы написано: «Врешь!»

РАССТРЕЛЬНЫЕ СПИСКИ

№ 1. МОСКВА-ЦЕНТР

Во втором столбце дата составления списка. Если дата не указана, то она совпадает с датой предшествующего списка.

	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1	без даты (окт.1936 г.)	32		
2	27.02.1937	33		
3	15.05.1937	79	47	3
4	14.06.1937	56	8	0
5	14.06.1937	32	0	0
6	26.06.1937	102	5	0
7	10.07.1937	105	7	0
8	25.07.1937	43	6	
9		3	1	
10	31.07.1937	33	3	
11	10.08.1937	79		
12	14.08.1937	25		
13	20.08.1937	103	20	
14		49	0	0
15	31.08.1937	129	11	
16		8		
17	07.09.1937	68	2	
18	15.09.1937	118	2	
19	22.09.1937	69	14	
20		7		
21	03.10.1937	76	5	
22	21.10.1937	68		

	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
23	21.10.1937	56	2	
24		98	5	
25		19	1	
26	27.10.1937	14		
27		12	2	
28	01.11.1937	292		
29		130	3	
30	13.11.1937	16		
31		36	2	
32		69	7	
33		47	1	
34	22.11.1937	115	13	
35	01.12.1937	43		
36	07.12.1937	12		
37		272	27	
38	13.12.1937	86	1	
39	22.12.1937	4		
40		101	6	
41		36	15	
42	03.01.1938	168	14	
43		4		
44		8		
45		6		
46		117	5	
47			2	
48	03.01.1938	72		

	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
49		2		
50	03.02.1938	4		
51		110	3	
52		2		
53		28	2	
54		161	11	
55		10		
56		73		
57	05.03.1938	62	1	
58		5		
59		222	8	
60		1	5	
61		12	1	
62		16		
63		13		
64		4		
65	28.03.1938	168	3	
66	19.04.1938	12		
67		17	4	
68	19.04.1938	10		
69		331	30	
70		4	0	
71		4	2	
72		104	7	
73		16		

	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
74	03.05.1938	8		
75		88	7	
76	10.06.1938	4		
77		1		
78		122	5	
79		156	3	
80		8	1	
81		4	10	
82		89	4	
83	26.07.1938	138		
84	20.08.1938	4		
85		313		
86		208		
87		134		
88		15		
89	12.09.1938	344	66	
90		5	5	
91		6	1	
92		1	2	
93		27	9	
94	25.09.1938	74	12	
95		9	10	
96	29.09.1938	61	25	
		6360	474	3

№ 2. МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

№	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1	27.02.1937	26		
2	15.05.1937	32	13	1
3	31.05.1937	19	0	0
5	14.06.1937	132	22	0
7	26.06.1937	22	1	0
8	10.07.1937	9	5	
9	25.07.1937	27	4	
10	31.07.1937	4	0	
11	10.08.1937	14		
12	20.08.1937	20	0	
13	31.08.1937	55	7	
14	15.09.1937	1		
15	03.10.1937	22	2	
16	21.10.1937	44	12	
17		6	2	
18	01.11.1937	14		
19	22.11.1937	11	1	
20	13.12.1937	38	2	
21	22.12.1937	4		
22	03.01.1938	8	5	
23		41	1	
24	03.02.1938	75	2	
25	05.03.1938	14	2	
26		1	2	
27	28.03.1938	47		
28	19.04.1938	10		

Продолжение таблицы

№	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
29	03.05.1938	80	6	
30	12.09.1938	137	6	
31	29.09.1938	108	20	
		1021	115	1

№ 3. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КРАЙ

№	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1	10.07.1937	22	1	0
2	25.07.1937	1		
3	31.07.1937	66	0	0
4	10.08.1937	146	0	0
5	07.09.1937	6	0	
6		72	0	0
7	15.09.1937	42	3	
8	03.10.1937	8	0	0
9	03.01.1938	80	1	
10		45	12	
11	03.02.1938	127		
12		14		
13	09.02.1938	713		
14		775		
15	05.03.1938	43		
16	28.03.1938	78		
17		17	3	
18	10.06.1938	41		
		2296	20	0

№ 4. ОРДЖОНИКИДЗЕВСКИЙ КРАЙ

№	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1	28.04.1937	136	20	
2	14.06.1937	108	24	
3	31.07.1937	20	11	
4	13.11.1937	60	9	
5	22.11.1937	79	5	
6	05.03.1938	64	13	
7	10.06.1938	56	72	
8	12.09.1938	70	19	
9	25.09.1938	17	7	
		610	180	0

№ 5. КУЙБЫШЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ

№	дата	1 кат.	2 кат.
1	27.02.1937	4	
2	10.07.1937	21	21
3	31.08.1937	16	1
4	03.02.1938	118	8
5	05.03.1938	59	8
6		45	0
7	28.03.1938	62	5
8	19.04.1938	8	7
9	12.09.1938	0	1
10	29.09.1938	163	25
		496	76

**№ 6. ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ КРАЙ
(ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ)**

Дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
10.07.1937	3	2	
31.08.1937	12	0	
03.10.1937	42	12	
21.10.1937	80	15	
10.06.1938	25	9	
	180	12	
12.09.1938	88	3	
	415	51	0

№ 7. ГОРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

№	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1	27.02.1937	6		
2	05.04.1937	23	29	20
3	10.07.1937	34	5	
4	31.07.1937	18	6	
5	22.11.1937	6	2	
6	13.12.1937	33	4	
7	03.01.1938	53	3	
8		35		
9	03.02.1938	30		
10	05.03.1938	74	5	
11	10.06.1938	33	4	
12	12.09.1938	203	76	
13	25.09.1938	28	20	
		576	154	20

**№ 8. ЗАПАДНАЯ
(СМОЛЕНСКАЯ) ОБЛАСТЬ**

№	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1	10.07.1937	7	2	
2	13.10.1937	54	3	
3	22.11.1937	0	2	
4	03.02.1938	6		
5	05.03.1938	44	3	
6	19.04.1938	15		
7		29	6	
8	12.09.1938	25	13	
9		12	6	
		192	35	0

№ 9. КАЛИНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

№	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1	19.07.1937	16	4	
2	25.07.1937	10	2	
3	15.09.1937	37	4	
4	22.11.1937	14	1	
5	03.01.1938	6	0	
6	03.02.1938	6	1	
7		13	3	
8	10.06.1938	19	1	
9	12.09.1938	3	1	
		124	17	0

**№ 10. СЕВЕРНАЯ
(АРХАНГЕЛЬСКАЯ) ОБЛАСТЬ**

№	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1	10.07.1937	8	6	
2	03.01.1938	3	3	
3	05.03.1938	123	14	
4	19.04.1938	14	1	
5	03.05.1938	18	7	
		166	31	0

№ 11. ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

№	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1	10.07.1937	11		
2	31.08.1937	28	5	
3	21.09.1937	1	6	
4	22.09.1937	25	1	
5	22.11.1937	20	5	
6	07.12.1937	68	15	
7			37	7
8	22.12.1937	10	8	
9	03.01.1938	6	2	
10		25	0	
11	03.05.1938	12	6	
12	29.09.1938	25	0	
		231	85	7

№ 12. БАШКИРСКАЯ АССР

№	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1	07.09.1937	7	0	
2	03.10.1937	1	0	
3	21.10.1937	0	1	
4		1	15	
5		7	0	
6	13.11.1937	31	9	
7	03.01.1938	22	4	
8	03.02.1938	135	17	
9	19.04.1938	61	6	
10	03.05.1938	50	6	
		315	58	0

№ 13. КАРЕЛЬСКАЯ АССР

№	дата	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1	22.11.1937	3	0	
2	19.04.1938	19	1	
		22	1	0

**№ 14. ОСУЖДЕННЫЕ ЧЕРЕЗ РАССТРЕЛЬНЫЕ СПИСКИ
ПО РЕГИОНАМ СССР**

В правом столбце приводится доля репрессированных в населении региона. По ЗСК, ВСК, АЧК, СКК и Северной области средние цифры даны вместе с Алтайским краем, Читинской областью, Краснодарским краем и Вологодской областью.

Расстрел. списки				
	Население	1 кат.	2 кат.	% к населению
1	2	3	4	5
«Моск- ва-Центр»		6360	464	
Азербайджан	3 057 000	918	135	0,0344
Азов-Черн. край	5 608 000	1221	222	0,0318
Алтай		227	48	см. ЗСК
Армения	1 209 000	156	45	0,0166
Башкирия	2 957 000	315	58	0,0126
БССР	5 197 000	513	31	0,0105
Бурятия	648 000	37	3	0,0062
Вологда		344	83	см. Северная
Воронеж	6 086 000	475	127	0,0099
Вост-Сиб. край/Иркутск	1 897 000	415	51	0,0334
Горький	3 683 000	576	154	0,0198
Грузия	3 377 000	3486	49	0,1047
Д-вост.край	2 441 000	2295	20	0,0948
Дагестан	1 009 884	54		0,0053
Зап-Сиб.край	6 434 000	1281	323	0,0292
Иваново	2 519 000	449	93	0,0215
Карелия	512 554	19	1	0,0039
Кабарда	332 493	24	11	0,0105
Татарстан	2 736 000	465	113	0,0211

	Население	1 кат.	2 кат.	% к насе- лению
1	2	3	4	5
Казахстан	5 120 000	981	136	0,0218
Калинин	3 221 000	124	17	0,0044
Калмыкия	194 482	2		0,0010
Киргизия	1 370 000	57	6	0,0046
Киров	2 380 000	22	14	0,0015
Коми	309 000	16	4	0,0065
Краснодар		304	53	см.АЧК
Красноярск	1 829 000	616	117	0,0401
Крым	995 000	134	28	0,0163
Куйбышев	3 948 000	496	76	0,0145
Курск	4 167 000	204	39	0,0058
Ленинград	6 872 000	1327	254	0,0230
Мари	562 000	21	3	0,0043
Мордовия	1 192 000	85	15	0,0084
Моск.обл.	11 971 000	1021	115	0,0095
Омск	2 330 000	170	75	0,0105
Орел		193	32	
Оренбург	1 566 000	1145	58	0,0768
Рязань		25	9	
С.Осетия	309 071	5	0	0,0016

	Население	1 кат.	2 кат.	% к населению
1	2	3	4	5
Саратов	1 887 000	508	156	0,0352
Свердловск	4 126 000	1029	226	0,0304
Северная обл.	2 262 000	166	31	0,0276
Орджоникидз.кр.	1 635 000	610	180	0,0483
Смоленск	4 693 000	192	35	0,0048
Сталинград	2 225 000	682	11	0,0311
Таджикистан	1 382 000	108	3	0,0080
Тамбов		167	50	
Тула		20	13	
Туркмения	1 169 000	76	1	0,0066
Узбекистан	5 847 000	437	59	0,0085
Украина	28 388 000	4793	733	0,0195
Челябинск	2 679 000	883	105	0,0369
Чечня	659 838	117	16	0,0202
Чита		141	26	см. ВСК
Чувашия	1 023 958			0,0000
Ярославль	2 197 000	231	85	0,0144
ГУЛАГ		16		
Всего		36 738	4812	

**№ 15. УТВЕРЖДЕНИЕ ЛИМИТОВ ПОЛИТБЮРО
В РАМКАХ ПРИКАЗА № 00447**

	Пр. 00447		Лимиты 1937 г.		Постановление 31.01.38		Лимиты 1938 г.		Всего
	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	
Моск.об.	5000	30 000			4000				39 000
Ленинград	4000	10 000			3000		1500		18 500
Казань	500	1500							2000
ДВК	2000	4000			8000	2000	15 000	5000	36 000
Азов-Черн.край/Ро- стовская обл.	5000	8000					3500	1500	18 000
Кабарда	300	700							1000
Орджоникидзев- ский край	1000	4000							5000
С.Осетия	200	500	200						900
Чечня	500	1500							2000

Продолжение таблицы

	Пр.00447		Лимиты 1937 г.		Постановление 31.01.38		Лимиты 1938 г.		Всего
	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	
Зап-Сиб.край/Новосибирская обл.	5000	12 000			1000				18 000
Алтай			4000	4500	2000	1000			11 500
Свердловск	4000	6000			2000		1500		13 500
Оренбург	1500	3000	2500						7000
Куйбышев	1000	4000							5000
Сталинград	1000	3000							4000
Саратов	1000	2000							3000
Вост-Сиб.край/Иркутская обл.	1000	4000			3000	500	9000		17 500
Чита					1500	500	6000		8000

Продолжение таблицы

	Пр.00447		Лимиты 1937 г.		Постановление 31.01.38		Лимиты 1938 г.		Всего
	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	
Горький	1000	3500	1000						5500
Омск	1000	2500	10 000	1500	3000	2000	1000		21 000
Смоленск	1000	5000	2000	1000					9000
Северная/Архангельская обл.	750	2000	400	800					3950
Красноярск	750	2500	6600		1500	500	4500		16 350
Иваново	750	2000							2750
Воронеж	1000	3500							4500
Ярославль	750	1250							2000
Калинин	1000	3000	2200	1000	1500	500			9200

Продолжение таблицы

	Пр.00447		Лимиты 1937 г.		Постановление 31.01.38		Лимиты 1938 г.		Всего
	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	
Киров	500	1500	900	800					3700
Мари	300	1500							1800
Мордовия	300	1500							1800
Крым	300	1200							1500
Челябинск	1500	4500							6000
Курск	1000	3000							4000
Башкирия	500	1500	1000	1000					4000
Бурятия	350	1500	1000		500				3350
Немцы Поволжья	200	700					1000		1900
Удмуртия	200	500							700

Продолжение таблицы

	Пр.00447		Лимиты 1937 г.		Постановление 31.01.38		Лимиты 1938 г.		Всего
	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	
Чувашия	300	1500							1800
Карелия	300	700			500	200	600	1500	3800
Дагестан	500	2500	1500	3300					7800
Калмыкия	100	300							400
Коми	100	300	111						511
Лагеря	10 000						12 000		22 000
Итого по РСФСР	57 450	142 150	34 911	13 900	31 500	7200	43 600	8000	338 711
Украина	8000	20 800			6000		30 000		64 800
Грузия	2000	3000			1500		1000	500	8000
Казахстан	2500	5000	7000	75 00					22 000

Продолжение таблицы

	Пр.00447		Лимиты 1937 г.		Постановление 31.01.38		Лимиты 1938 г.		Всего
	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.	
БССР	2000	10 000			1500				13 500
Азербайджан	1500	3750			2000				7250
Армения	500	1000	1500		1000	1000			5000
Узбекистан	750	4000			2000	500			7250
Киргизия	250	500			1000	500			2250
Таджикистан	500	1300			500				2300
Туркмения	500	1500			1000				3000
Всего по СССР	75 950	193 000	43 411	21 400	48 000	9200	86 600	8500	48 4561

**№ 16. ПОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ (ПО ДАННЫМ
ПЕТРОВА Н.В., РОГИНСКОГО А.Б.)**

	Всего	К ВМН	К другим
Азербайджанская ССР	189	100	89
Армянская ССР	19	7	12
БССР	19 931	17 772	2159
Грузинская ССР	89	47	42
Казахская ССР	1968	1777	191
Киргизская ССР	76	36	40
Таджикская ССР	30	11	19
Туркменская ССР	157	91	66
Узбекская ССР	533	121	412
УССР	55 928	47 327	8601
Башкирская АССР	450	343	107
Бурят-Монгольская АССР	86	74	12
Дагестанская АССР	14	12	2
Кабардино-Балкарская АССР	52	48	4
Калмыцкая АССР	9	7	2
Карельская АССР	146	119	27
Коми АССР	62	44	18
Крымская АССР	488	315	173
Марийская АССР	129	109	20
Мордовская АССР	258	229	29
Немцы Поволжья АССР	38	21	17
Северо-Осетинская АССР	137	81	56

	Всего	К ВМН	К другим
Татарская АССР	307	160	147
Удмуртская АССР	77	22	55
Чечено-Ингушская АССР	112	102	10
Чувашская АССР	36	16	20
Якутская АССР	68	34	34
Алтайский край	1540	1230	310
ДВК	536	376	160
Краснодарский край	1916	1807	109
Красноярский край	2269	1859	410
Орджоникидзевский край	423	214	209
Архангельская обл.	328	163	165
Вологодская обл.	193	121	72
Воронежская обл.	658	345	313
Горьковская обл.	786	519	267
Ивановская обл.	200	145	55
Иркутская обл.	649	626	23
Калининская обл.	140	109	31
Кировская обл.	138	108	30
Куйбышевская обл.	279	132	147
Курская обл.	314	171	143
Ленинградская обл.	7404	6597	807
Московская обл.	2875	1880	995
Мурманская обл.	51	45	6
Новосибирская обл.	7444	7012	432

	Всего	К ВМН	К другим
Омская обл.	1106	430	676
Оренбургская обл.	483	471	12
Орловская обл.	892	428	464
Ростовская обл.	1478	847	631
Рязанская обл.	86	50	36
Саратовская обл.	472	216	256
Свердловская обл.	5988	3794	2194
Смоленская обл.	3717	2203	1514
Сталинградская обл.	763	552	211
Тамбовская обл.	395	301	94
Тульская обл.	976	416	560
Челябинская обл.	2693	2212	481
Читинская обл.	130	112	18
Ярославская обл.	477	356	121
ДТО ГУГБ НКВД	10 647	6219	4428
ИТОГО по СССР	139 835	111 091	28 744

**№ 17. НЕМЕЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ
(ПО ДАННЫМ ОХОТИНА Н.В., РОГИНСКОГО А.Б.)**

	Всего	К ВМН	К другим
Азербайджанская ССР	146	70	76
Армянская ССР	47	34	13
БССР	355	243	112
Грузинская ССР	152	37	115
Казахская ССР	1471	1410	61
Киргизская ССР	255	158	97

	Всего	К ВМН	К другим
Таджикская ССР	12	4	8
Туркменская ССР	85	63	22
Узбекская ССР	284	114	170
УССР	21 229	18 005	3224
Башкирская АССР	386	282	104
Бурят-Монгольская АССР	10	7	3
Кабардино-Балкарская АССР	85	73	12
Калмыцкая АССР	13	6	7
Карельская АССР	8	8	—
Коми АССР	8	7	1
Крымская АССР	1625	1391	234
Марийская АССР	92	68	24
Мордовская АССР	138	114	24
Немцев Поволжья АССР	1002	567	435
Северо-Осетинская АССР	82	51	31
Татарская АССР	98	60	38
Удмуртская АССР	3	2	1
Чечено-Ингушская АССР	38	32	6
Чувашская АССР	19	9	10
Якутская АССР	1	1	—
Алтайский край	3171	2412	759
ДВК	41	30	11
Краснодарский край	2895	2784	111

	Всего	К ВМН	К другим
Красноярский край	658	546	112
Орджоникидзевский край	547	241	306
Архангельская обл.	261	153	108
Вологодская обл.	147	77	70
Воронежская обл.	130	80	50
Горьковская обл.	608	234	374
Ивановская обл.	137	112	25
Иркутская обл.	149	134	15
Калининская обл.	8	8	—
Кировская обл.	60	48	12
Куйбышевская обл.	0	0	—
Курская обл.	98	71	27
Ленинградская обл.	2919	2536	383
Московская обл.	1220	863	357
Мурманская обл.	29	28	1
Новосибирская обл.	2645	2548	97
Омская обл.	539	128	411
Оренбургская обл.	193	187	6
Орловская обл.	136	54	82
Ростовская обл.	666	339	327
Рязанская обл.	37	24	13
Саратовская обл.	394	201	193
Свердловская обл.	4379	1467	2912
Смоленская обл.	242	76	166
Сталинградская обл.	1271	1019	252
Тамбовская обл.	85	65	20

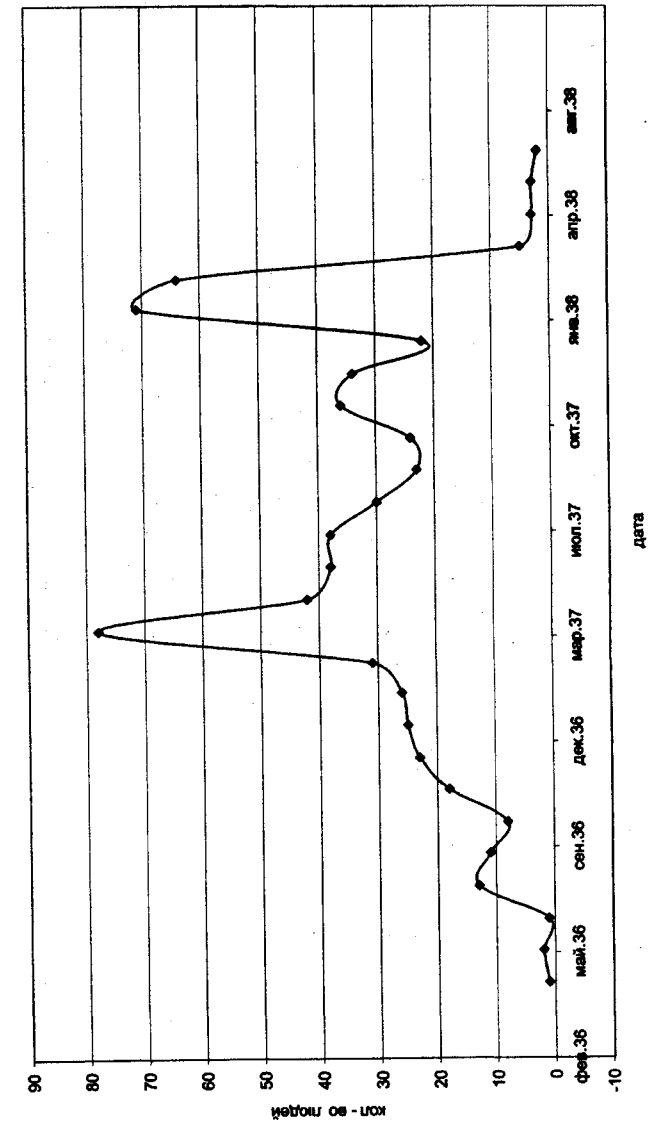
	Всего	К ВМН	К другим
Тульская обл.	171	46	125
Челябинская обл.	1626	1434	192
Читинская обл.	94	86	8
Ярославская обл.	117	83	34
ДТО ГУТЬ НКВД	1688	968	720
ИТОГО по СССР	55 005	41 898	13 107

**№ 18. ИЮЛЬ 1937 ГОДА. ЗАПРОСЫ РЕГИОНОВ
И ЛИМИТЫ НА ПРОВЕДЕНИЕ КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ
(ПО ПРИКАЗУ № 00447)**

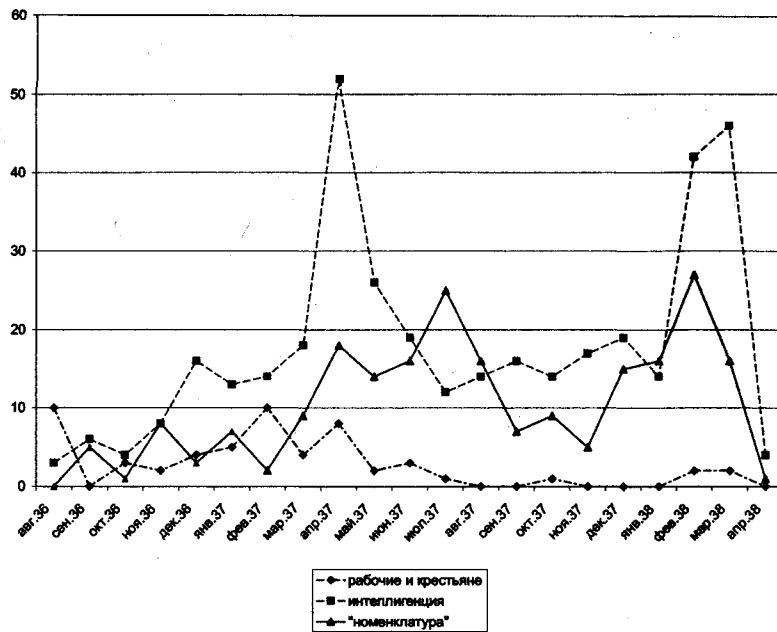
	Запрос		Пр.00447	
	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.
РСФСР				
Московская обл.	8500	32 805	5000	30 000
Ленинградская обл.			4000	10 000
Татарстан	500	1500	500	1500
Дальневосточный край	3071	3681	2000	4000
Азово-Черноморский край	6644	6962	5000	8000
Кабарда	360	467	300	700
Орджоникидзевский край	2461	3672	1000	4000
С.Осетия	169	200	200	500
Чечня	1417	1256	500	1500
Западно-Сибирский край	10 800		5000	12 000
Свердловск	5000	7000	4000	6000
Оренбург	1720	3150	1500	3000

	Запрос		Пр.00447	
	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.
Куйбышев	1881	4259	1000	4000
Сталинград	800	2200	1000	3000
Саратов	437	1586	1000	2000
Восточно-Сибирский край			1000	4000
Горький	2295	4285	1000	3500
Омск	479	1959	1000	2500
Смоленск			1000	5000
Северная обл.			750	2000
Красноярск			750	2500
Иваново	342	1718	750	2000
Воронеж	850	3687	1000	3500
Ярославль	685	1265	750	1250
Калинин			1000	3000
Киров	368	510	500	1500
Мари	704	1439	300	1500
Мордовия	1250	2263	300	1500
Крым	143	1385	300	1200
Челябинск	2552	5401	1500	4500
Курск	1798	2986	1000	3000
Башкирия			500	1500
Бурятия			350	1500
Немцы Поволжья			200	700

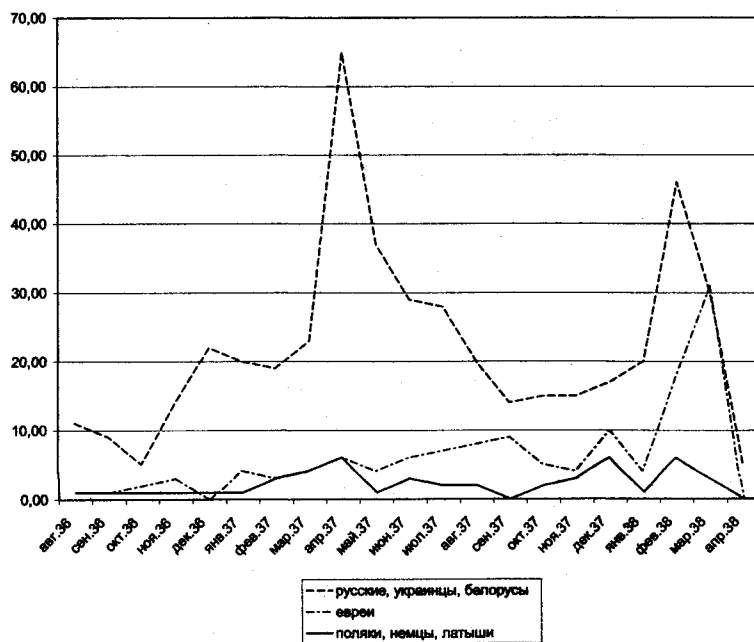
	Запрос		Пр.00447	
	1 кат.	2 кат.	1 кат.	2 кат.
Удмуртия	63	423	200	500
Чувашия	140	877	300	1500
Якутия				
Карелия	12	74	300	700
Дагестан	600	2485	500	2500
Калмыкия			100	300
Коми	211	221	100	300
Лагеря			10 000	
Всего по РСФСР	56 252	99 716	57 450	142 150
Украина			8000	20 800
Грузия	1419	1562	2000	3000
Казахстан	2346	4403	2500	5000
Сев.-Каз. обл.	658	310		
Кустанайск. обл.	145	354		
Белоруссия	3000	9800	2000	10 000
Азербайджан	1500	3900	1500	3750
Армения	500	650	500	1000
Узбекистан	1489	3952	750	4000
Киргизия			250	500
Таджикистан	500	1225	500	1300
Туркмения	500	1475	500	1500
	68 309	127 347	75 950	193 000

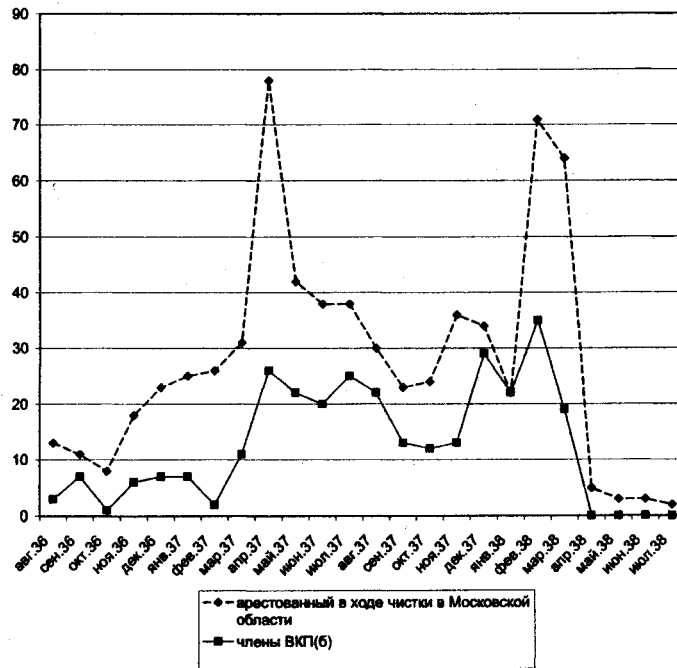
№ 1. Московская область. Динамика арестов в ходе чистки

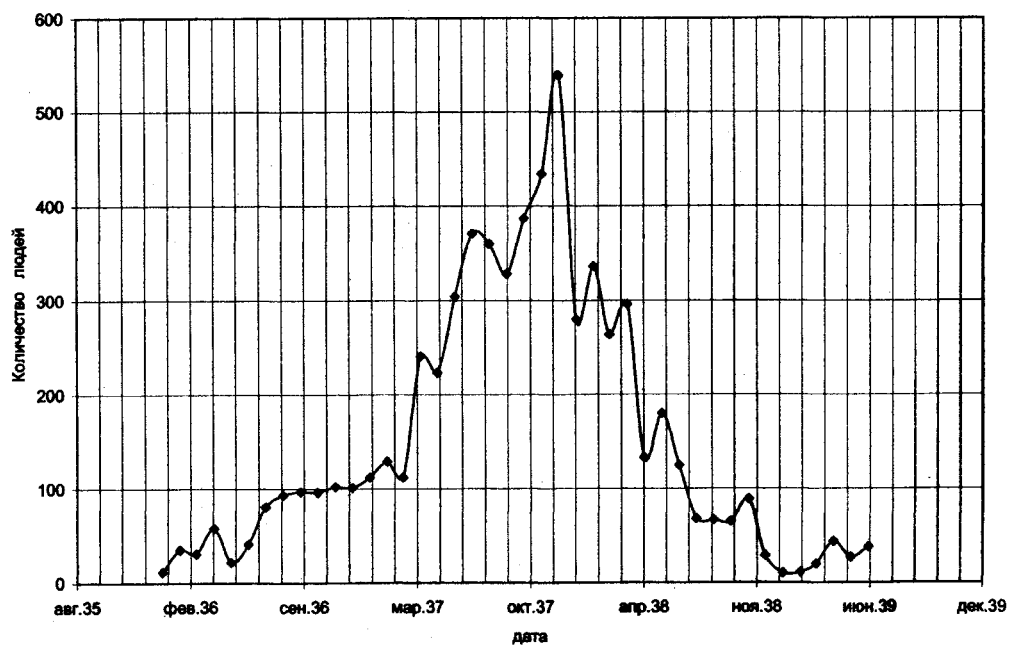
№ 2. Московская область. Социальное положение арестованных в ходе чистки

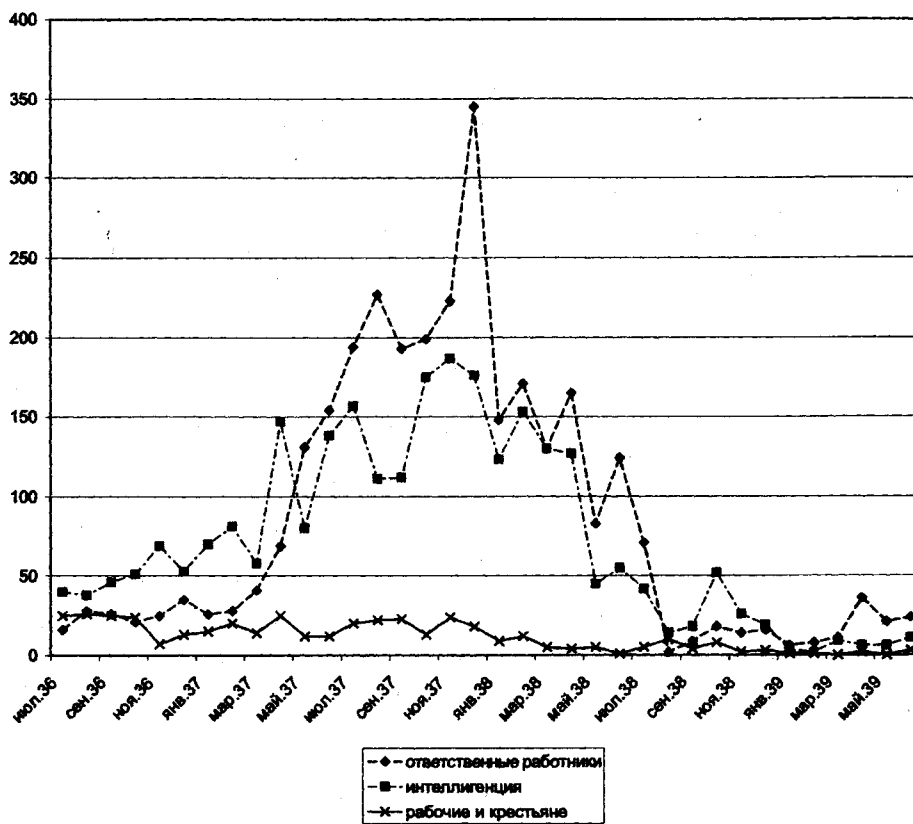
№ 3. Московская область. Национальность арестованных в ходе чистки

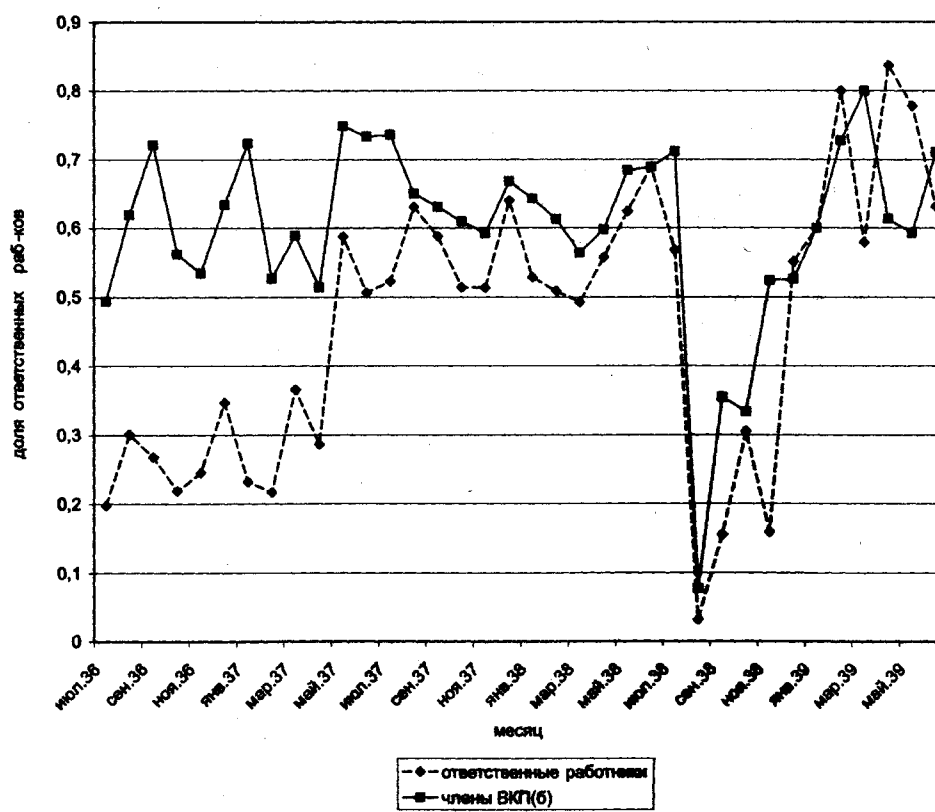
№ 4. Московская область. Партийность арестованных в ходе чистки

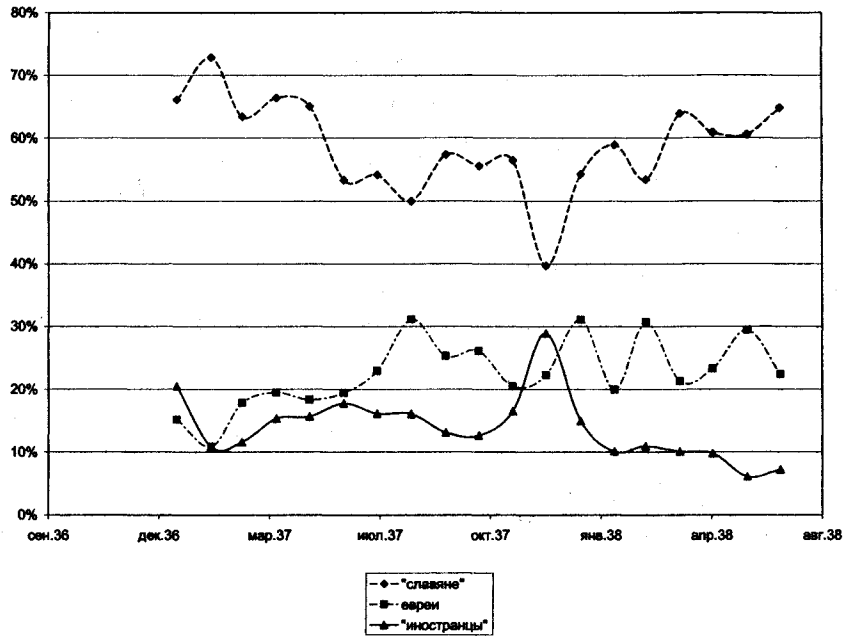
№ 5. «Москва-Центр». Динамика арестов в ходе чистки

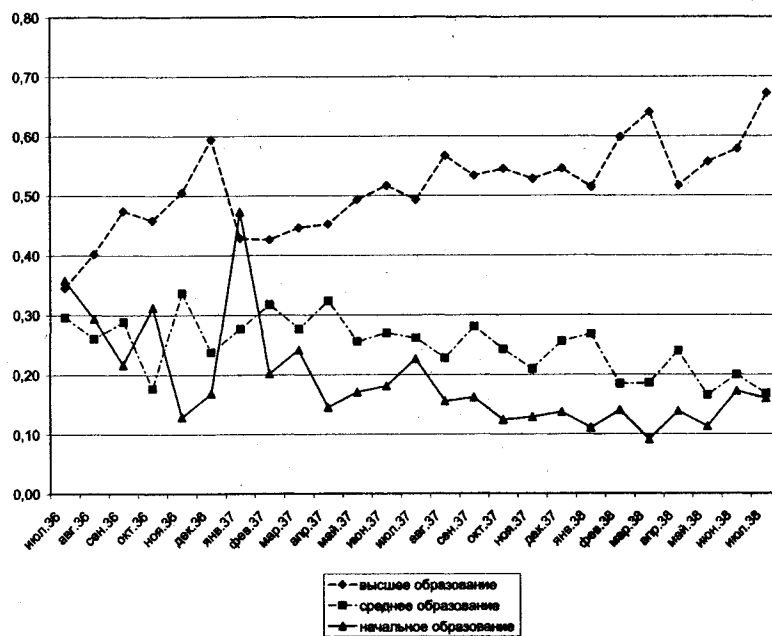
№ 6. «Москва-Центр». Социальное положение арестованных в ходе чистки-1

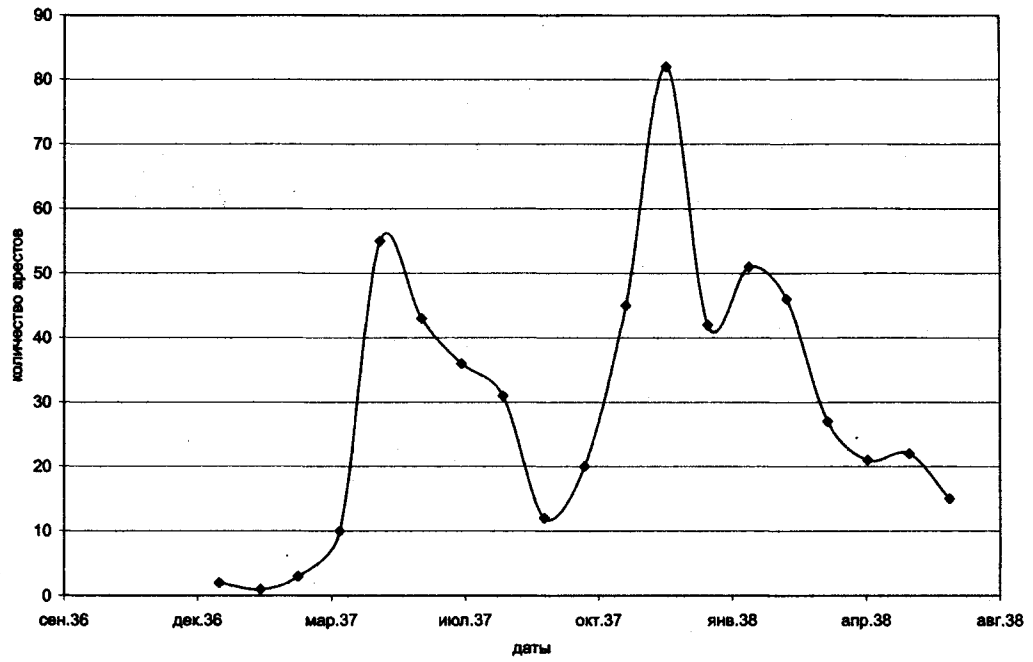
№ 7. «Москва-Центр». Социальное положение арестованных в ходе чистки-2

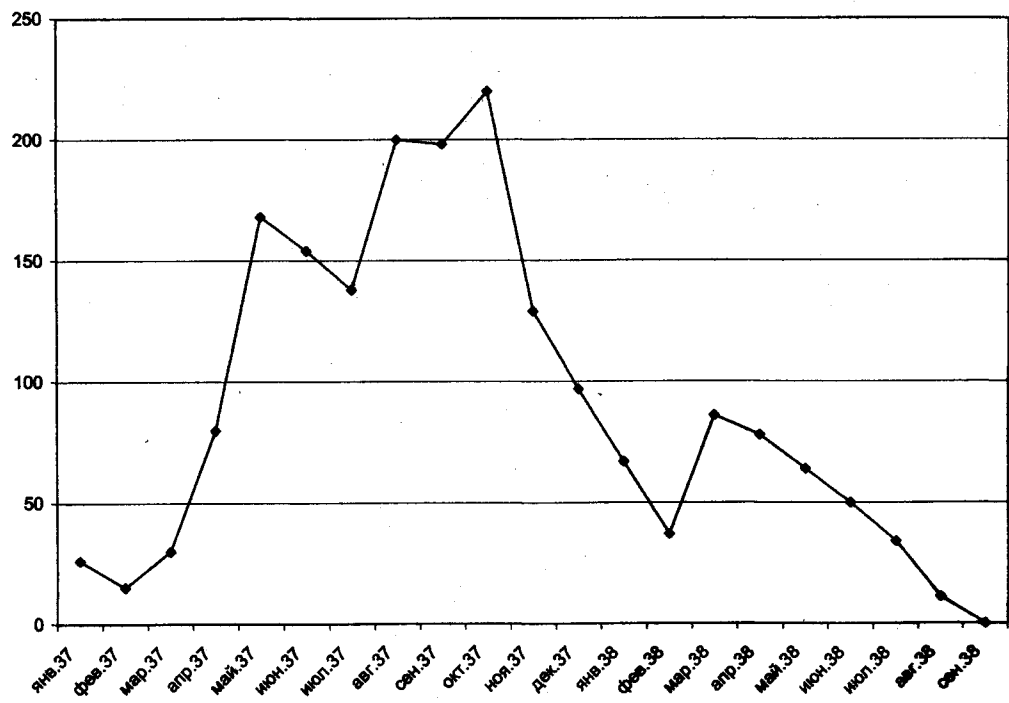
№ 8. «Москва-Центр». Национальность арестованных в ходе чистки

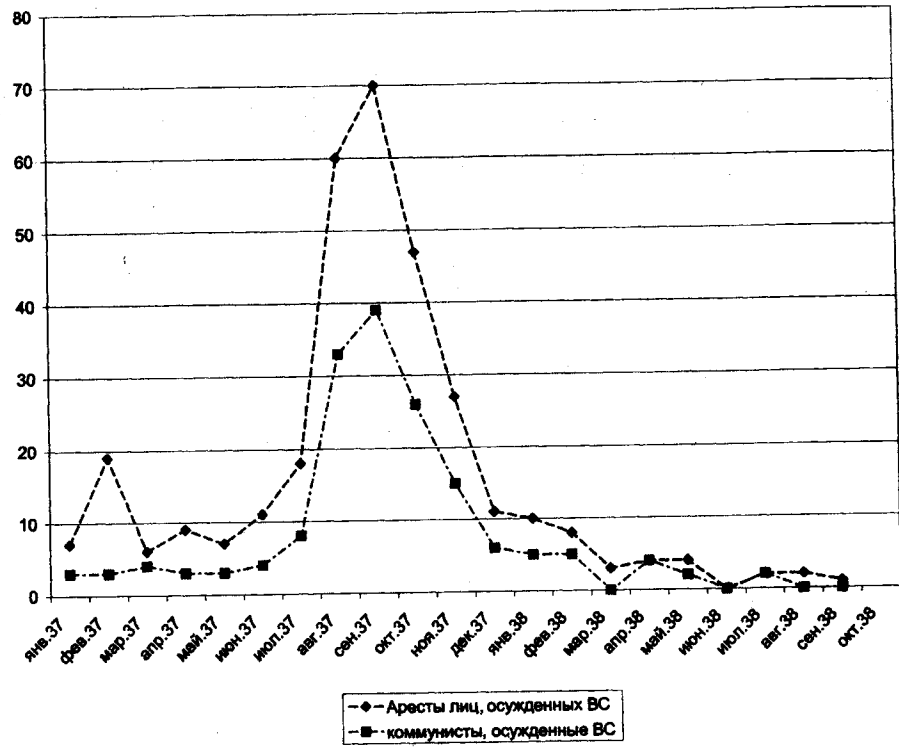
№ 9. «Москва-Центр». Уровень образования арестованных

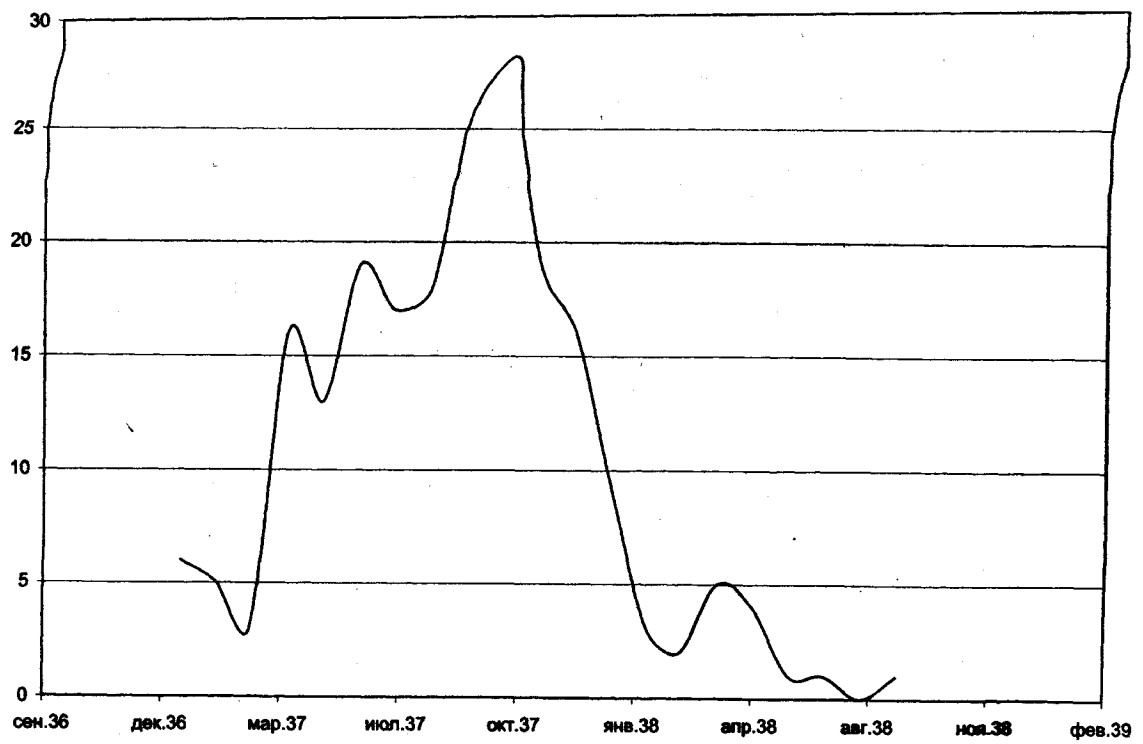
№ 10. «Москва-Центр». Аресты в РККА

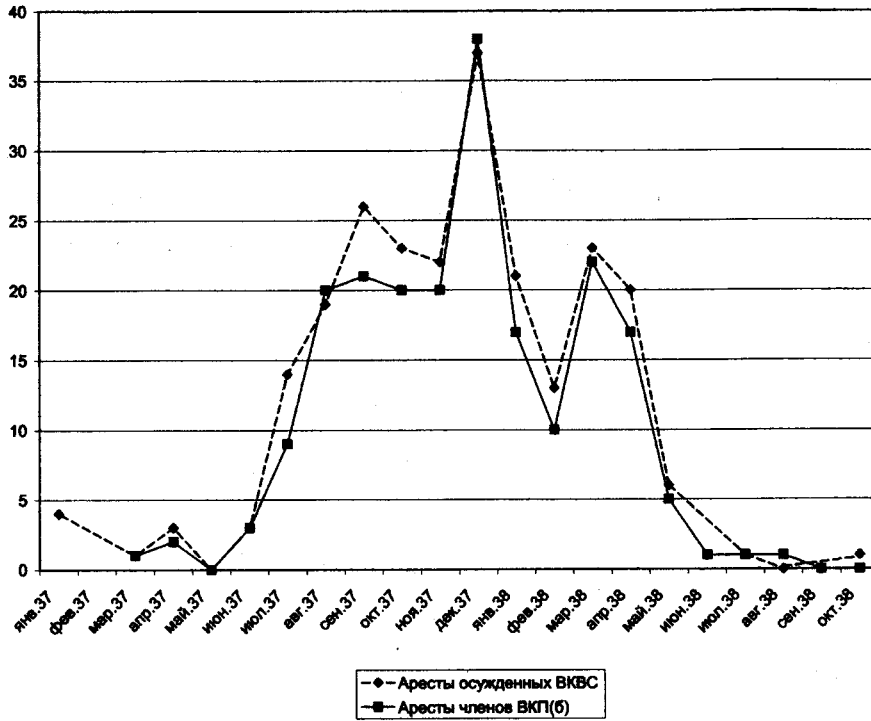
№ 11. Дальневосточный край. Динамика арестов в ходе чистки

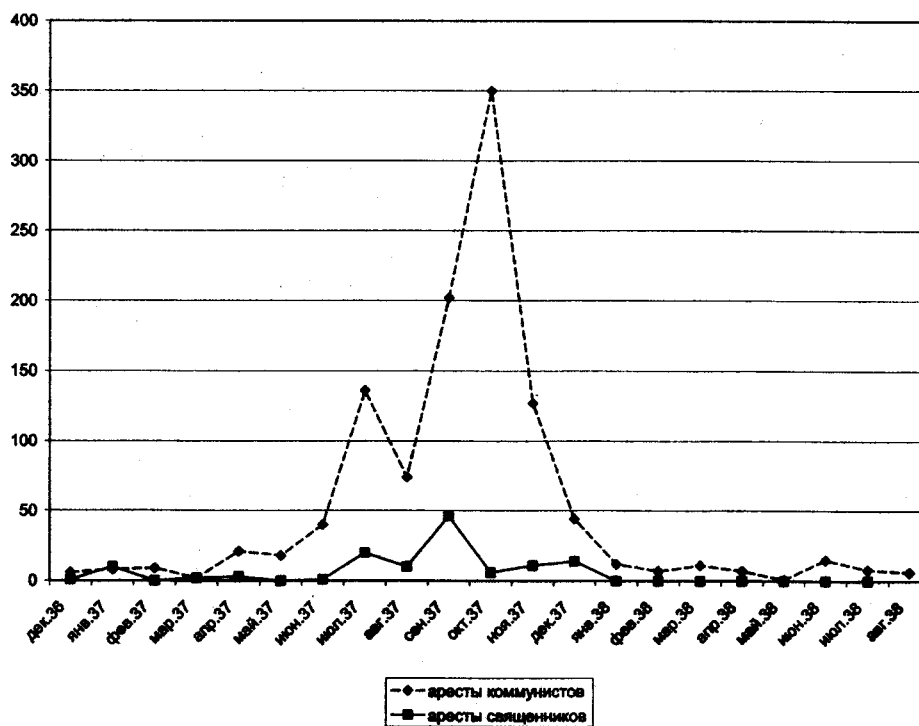
№ 12. Куйбышевская область. Динамика арестов в ходе чистки

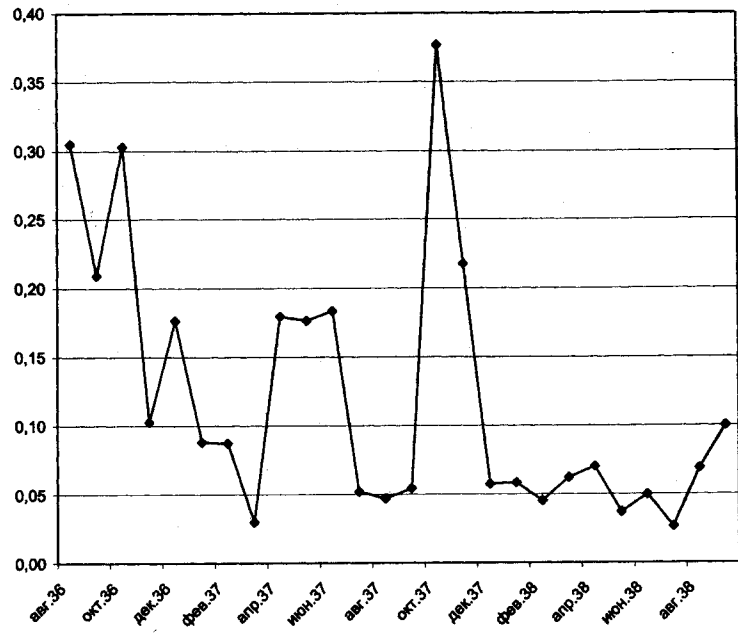
№ 13. Горьковская область. Динамика арестов в ходе чистки

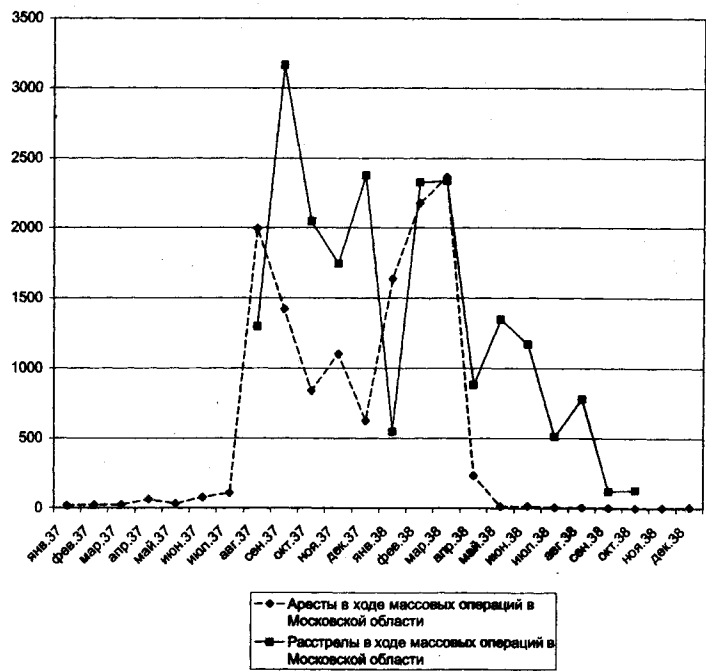
№ 14. Воронежская область. Динамика арестов в ходе чистки

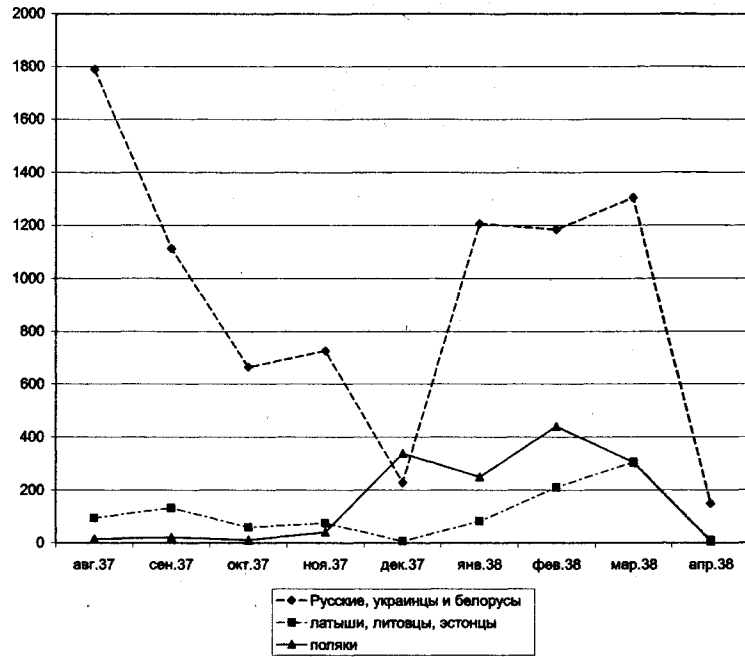
№ 15. Орджоникидзевский край. Партийность арестованных

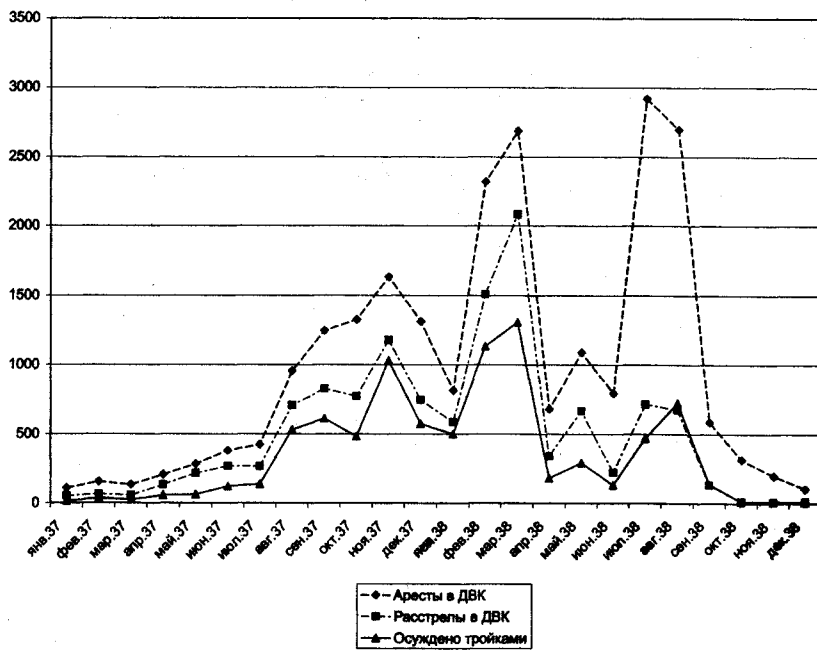
№ 16. Орджоникидзевский край. Партийность арестованных

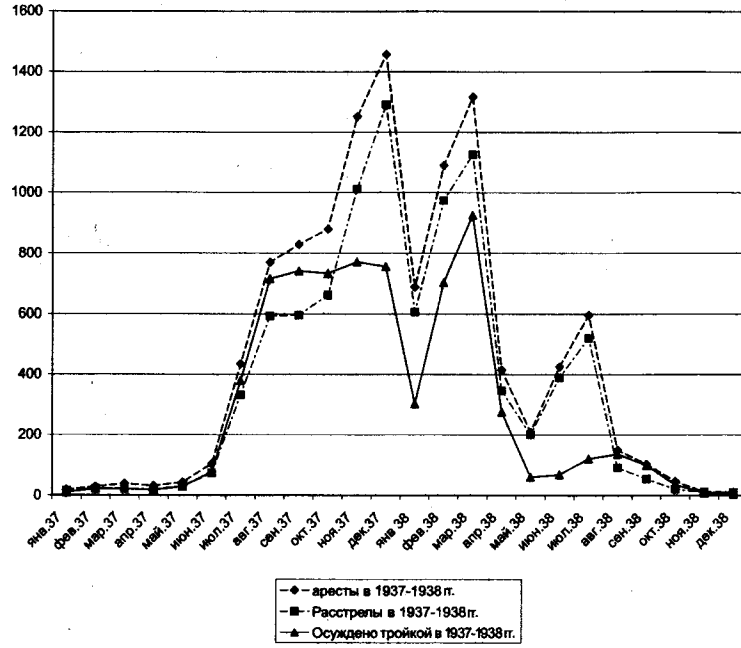
№ 17. Массовые операции в Московской области. Динамика арестов

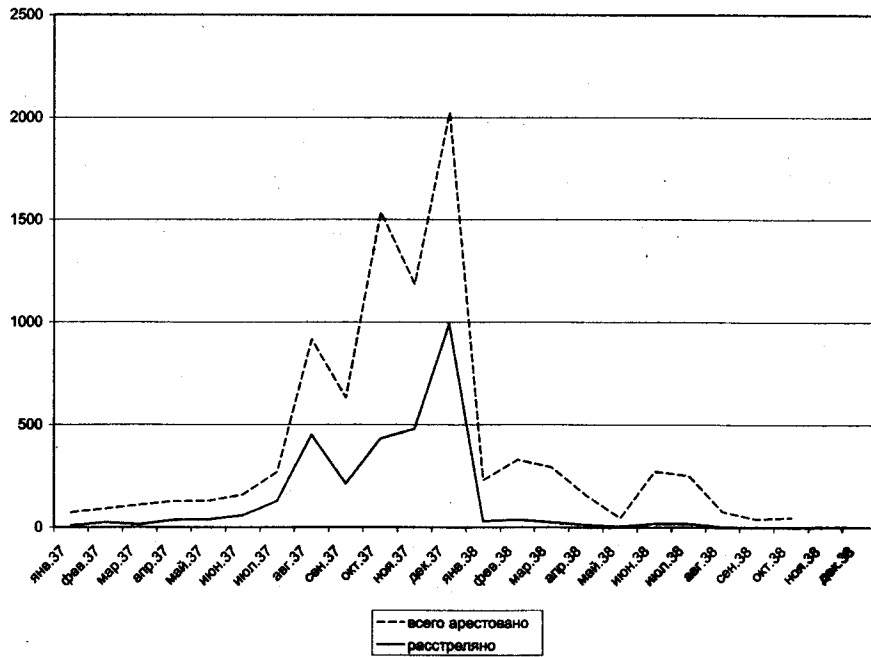
№ 18. Массовые операции в Московской области. Национальность арестованных

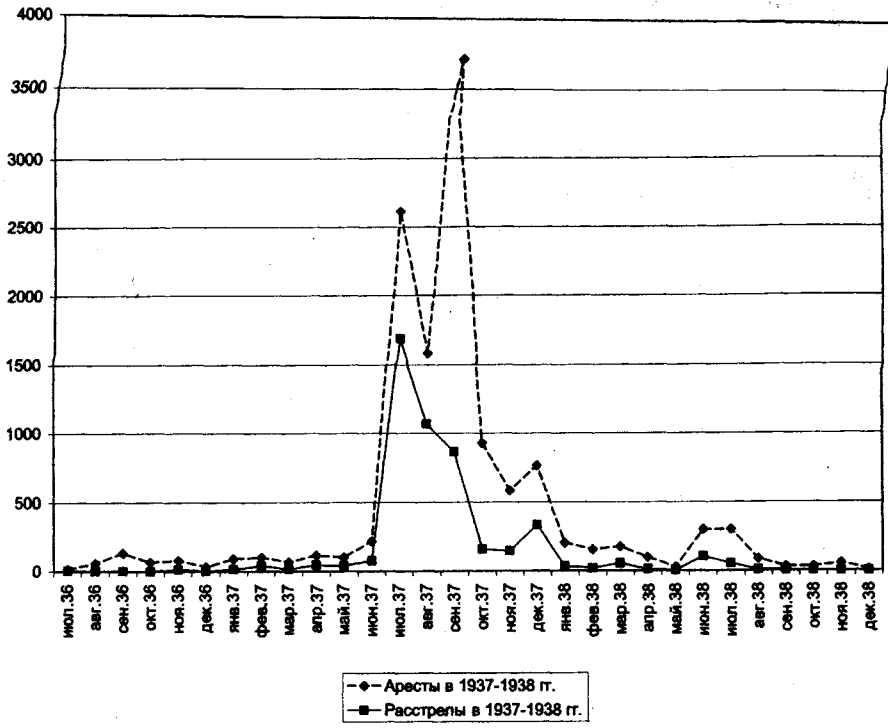
№ 19. Массовые операции в ДВК. Динамика арестов

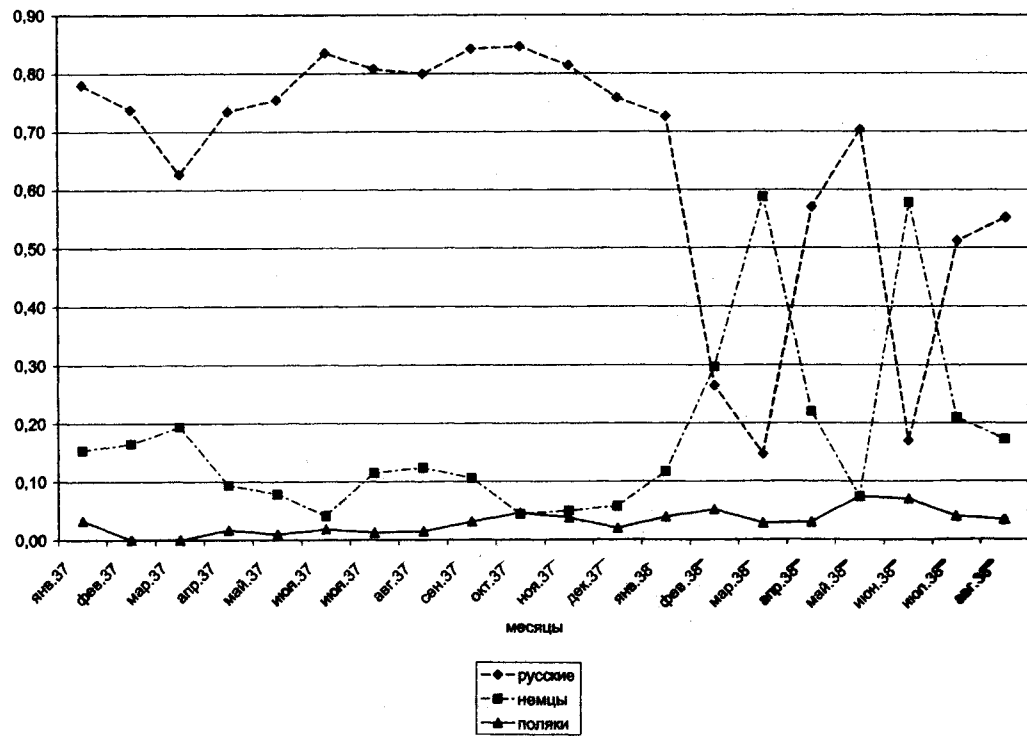
№ 20. Массовые операции в Карелии. Динамика арестов

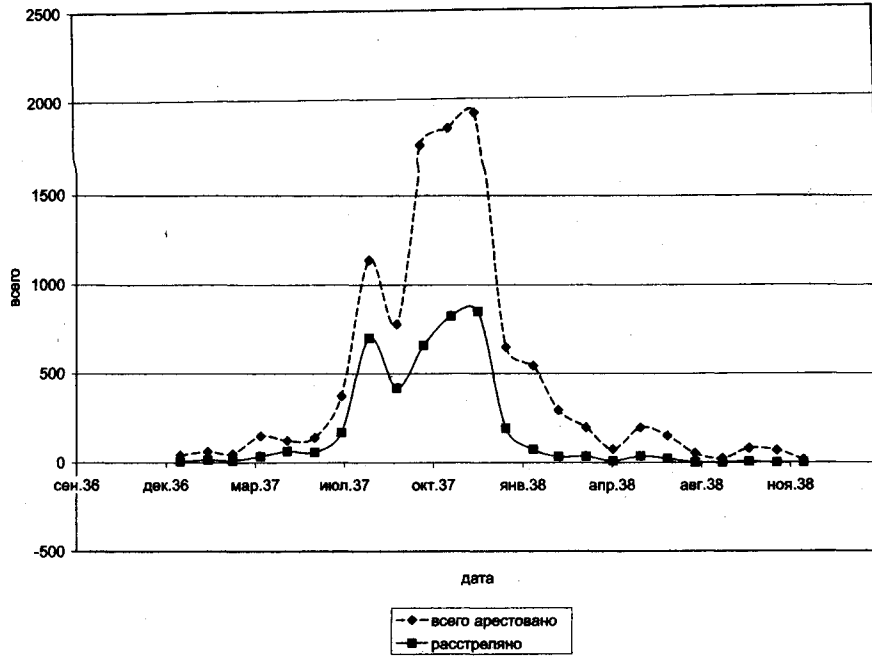
№ 21. Массовые операции в Куйбышеве. Динамика арестов

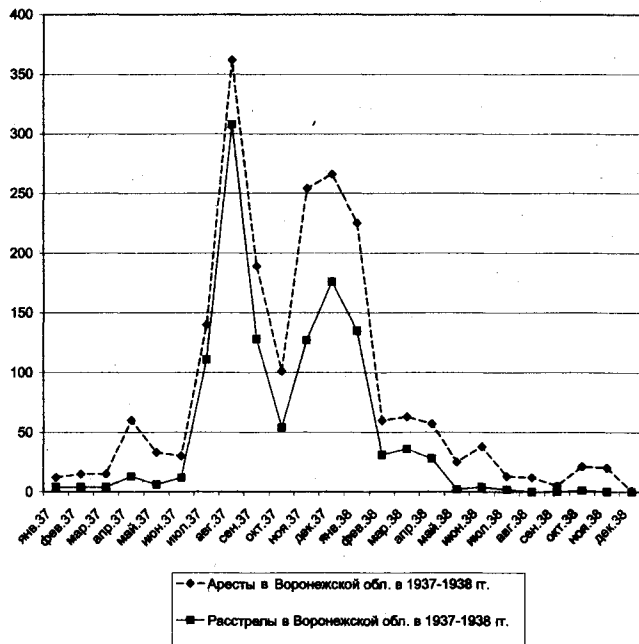
№ 22. Массовые операции. Орджоникидзевский край. Динамика арестов

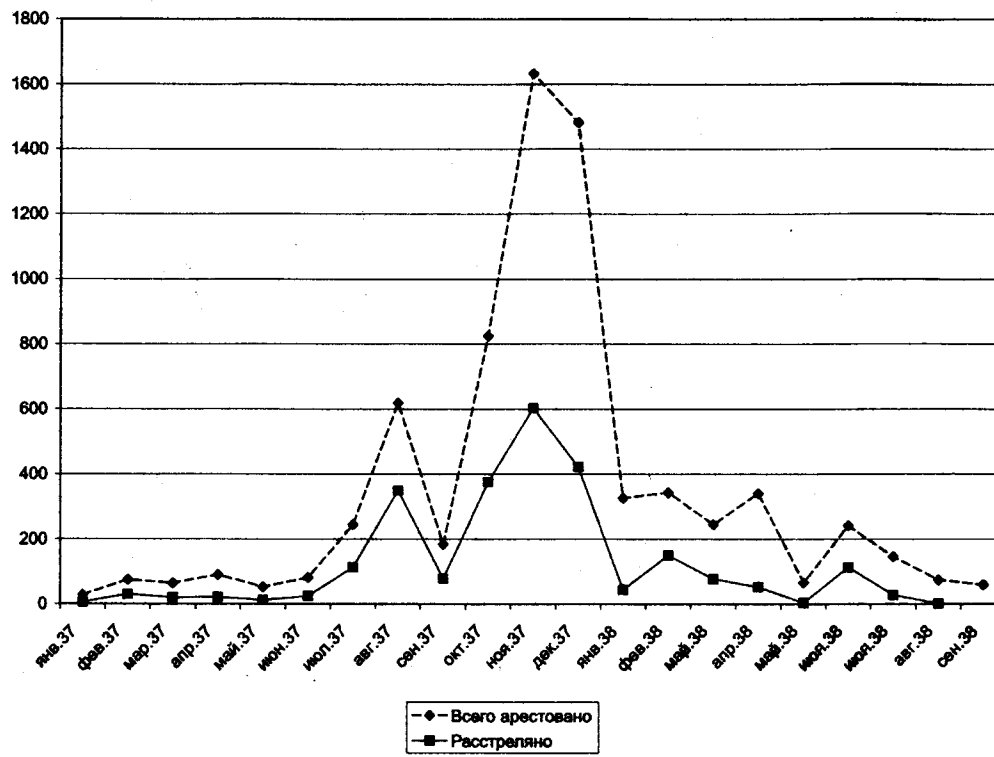
№ 23. Массовые операции. Орджоникидзевский край. Национальность арестованных

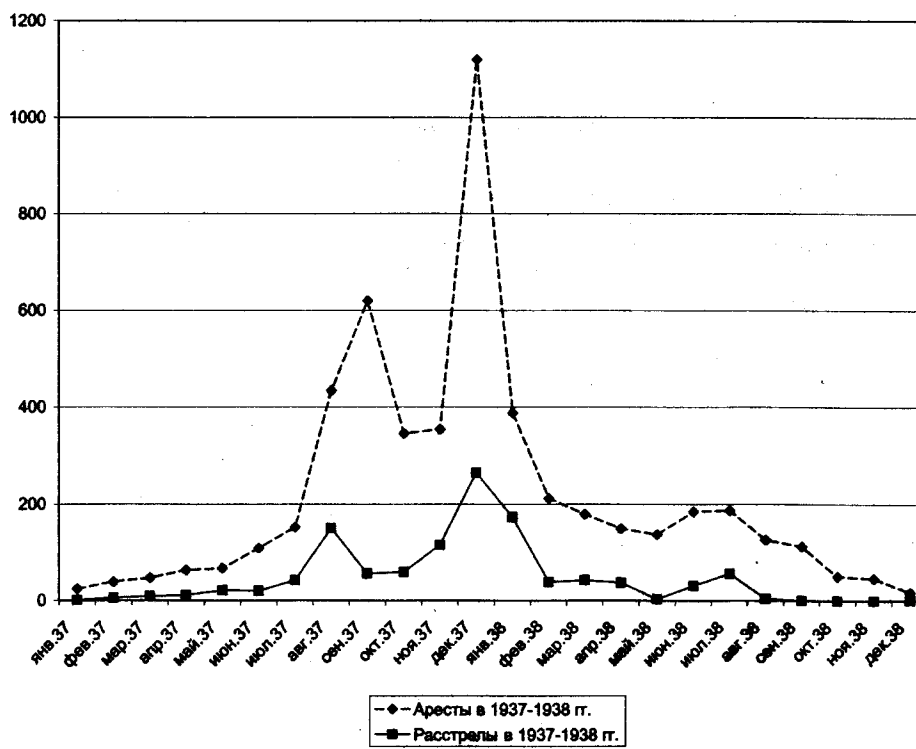
№ 24. Массовые операции в Горьковской области. Динамика арестов

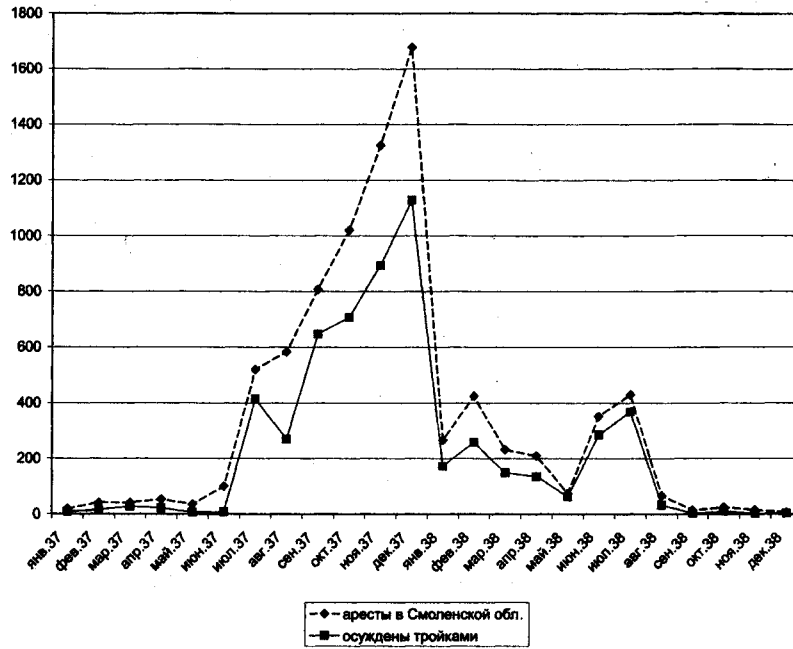
№ 25. Массовые операции в Воронежской области. Динамика арестов

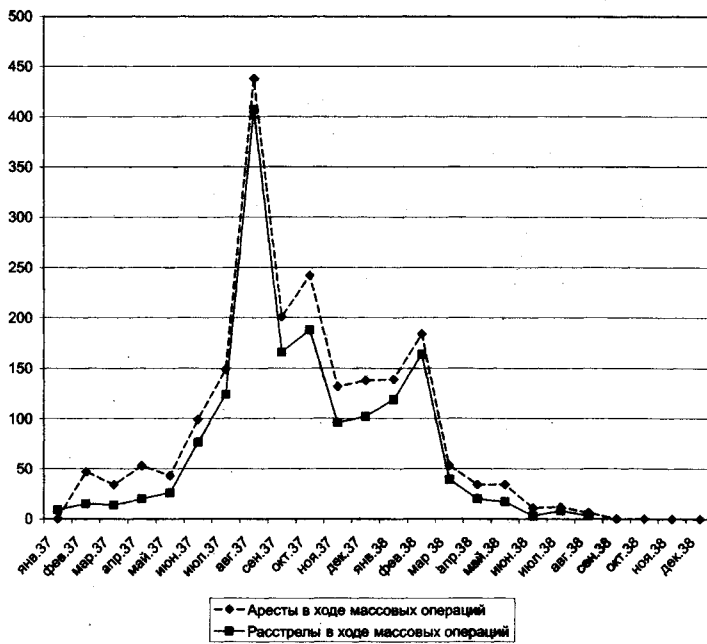
№ 26. Массовые операции в Башкирии. Динамика арестов

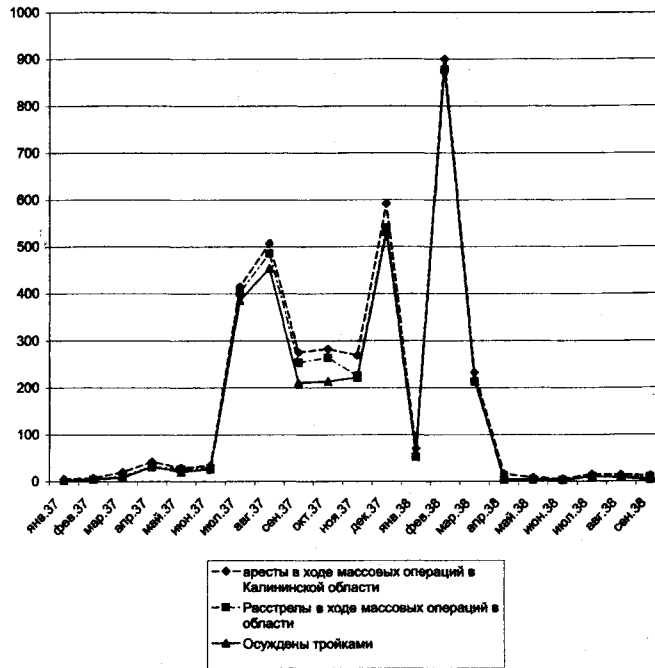
№ 27. Массовые операции в Архангельской области. Динамика арестов

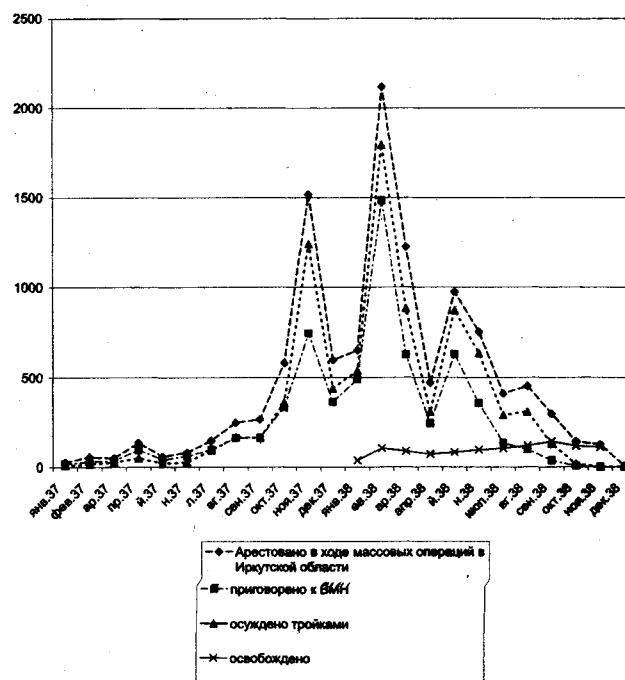
№ 28. Массовые операции в Смоленской области. Динамика арестов

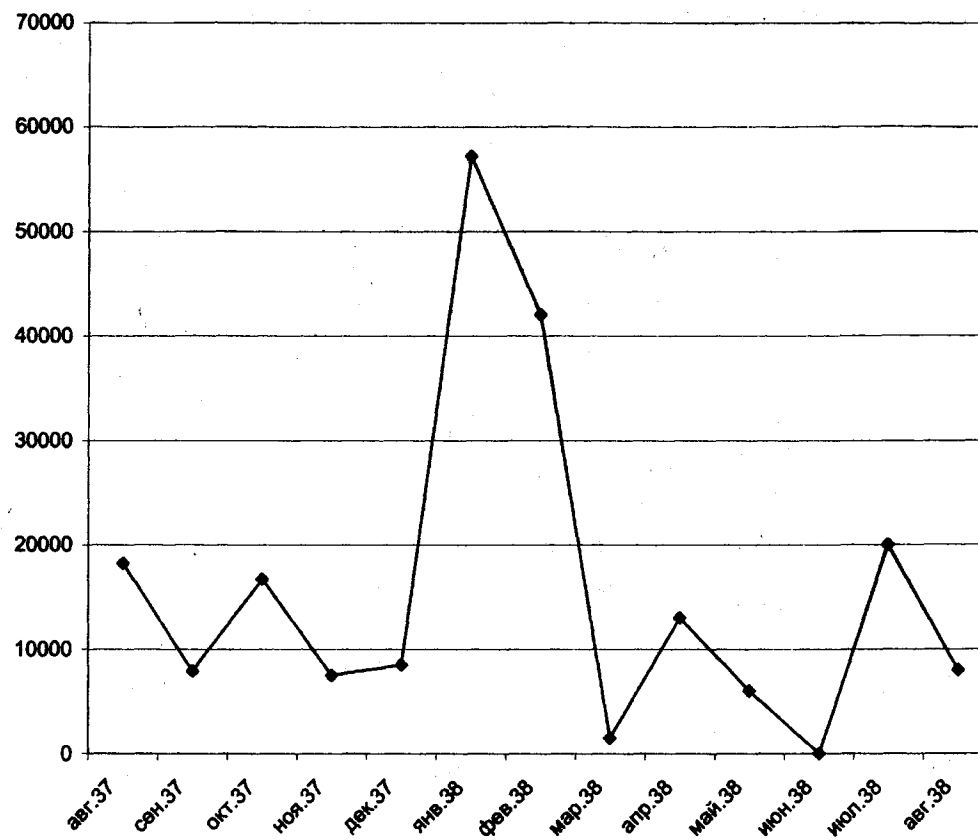
№ 29. Массовые операции в Ярославской области. Динамика арестов

№ 30. Массовые операции в Калининской области. Динамика арестов

№ 31. Массовые операции в Иркутской области

№ 32. Диаграмма утверждения Политбюро лимитов по кулацкой операции

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая книга о жертвах политических репрессий: Самарская область. Самара. Т. 1–12. 1997–1999.
 2. Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. М. Институт экспериментальной социологии. 1997–2002 г. Вып. 1–6.
 3. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937. Барнаул. 2000–2001. Т. 3. Ч. 1–2.
 4. Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Иркутск. Издание ГП «Иркутская областная типография №1». 1998–2002. Т. 1–5.
 5. Книга памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 1. Благовещенск, 2001.
 6. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Уфа. 1997–2001. Т.1–3.
 7. Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области: мартиролог 1937–1938. Тверь. «Альба». 2000.
Т. 1–2.
 8. Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края. Южно-русское коммерческо-издательское товарищество. 1996–2001. Т. 2–11.
 9. Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. Нижний Новгород. Нижегородский печатник. 1997–2001. Т. 1–2
 10. Не предать забвению: книга памяти репрессированных в 30–40 и начале 50-х годов, связанных судьбами с Ярославской областью. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство. Т. 1–5. 1993–1998.
 11. По праву памяти. Книга памяти жертв незаконных политических репрессий. Смоленский мартиролог. Т. 1. Смоленское областное книжное издательство «Смядынь», 2001.
 12. Поминальные списки Карелии. Уничтоженная Карелия. Часть 1–2. Большой террор. // Сост. Ю.А. Дмитриев. Петрозаводск. 2000–2002.
 13. Помнить поименно. Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области. М.: ООО «ФЭ-РИ-В», 2002.
-

14. **Поморский мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий.** Архангельск: Издательство Поморского государственного университета. 1999–2001. Т. 1–3.
15. **Расстрельные списки: Москва 1937–1941: «Коммунарка», Бутово.** М.: Общество «Мемориал» — издательство «Звезда». 2000.
16. **Расстрельные списки: Донское кладбище. 1934–1940.** М., 1993. Вып. 1.
17. **Расстрельные списки: Ваганьковское кладбище. 1926–1936.** М.: «Мемориал». 1995. Вып. 1–2.
18. **«Хотелось бы всех поименно назвать...».** Книга-мартиролог. Хабаровск, 1997–2002.
19. **Стенограмма февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории, 1994, № 5.**
20. **Процесс по делу правотроцкистского блока.** М., 1938.
21. **Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940. Документы и материалы.** М., 2006.
22. **Агабеков Г. Секретный террор.** М., 1996.
23. **Аллилуева С. 20 писем другу.** М., 1991.
24. **Бажанов Б. Я был секретарем Сталина.** М., 1990.
25. **Берия С. Мой отец — Берия.** М., 2002.
26. **Быстролетов Д. Пир бессмертных.** М., 2001.
27. **Гудзь Б.И. «Мы думали, во всем виноват Ягода...» («Красная звезда».** М., 2002. 05.06., 07.06, а также на сайте ФСБ РФ. <http://www.fsb.ru/history/authors/gudz1.html>).
28. **Гудзь Б.И. Несколько штрихов к биографии Ягоды.** <http://www.fsb.ru/history/authors/gudz.html>
29. **Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики.** М., 2002.
30. **Иоахим фон Риббентроп. Между Лондоном и Москвой.** М., 1996.
31. **Кривицкий В. Я был агентом Сталина.** М., 1996.
32. **Орлов А. Тайная история сталинских преступлений.** М., 1991.
33. **Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–1950 годы.** М., 1999.
34. **Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г.** М., 2001.
35. **Треттер Л. Большая игра.**
36. **Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания).** Книга I. М., 1999.
37. **Чуев Ф. 40 бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева.** М., 1991.
38. **Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин.** М., 2000.
39. **Шрейдер М. НКВД изнутри.** М., 1995.
40. **Яковенко М.М. Агнесса.** М., 1997.

41. *Алексеев В.В., Токарев А.И., Уткин А.И.* Сталинизм: сущность, этапы, новые тенденции изучения. — Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков. Смоленск, 1999.
42. *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.
43. *Бережков В.* Руководители органов госбезопасности Санкт-Петербурга. М., 2005.
44. *Буяков А.М.* Ведомственные награды ВЧК — НКВД М., (1922—1940): ч. 1. Ведомственные награды ВЧК — ОГПУ (1922—1932). Владивосток, 2002.
45. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. М., 2007.
46. *Волкогонов Д.* Сталин. М., 1989.
47. *Герасимов Г.И.* Действительное влияние репрессий 1937—1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999, № 1.
48. *Горбунов Е.А.* Схватка с черным драконом. М., 2002.
49. *Жуков Ю.И.* Иной Сталин.
50. *Жуковский В.С.* Лубянская империя НКВД. 1937—1939. М., 2001.
51. *Земсков В.Н.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР.
52. *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования, 1991 г., №№ 6; 7.
53. *Ильинский М.* Нарком Ягода. М., 2005.
54. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1939.
55. История политических репрессий и сопротивления несвободе в России. М., 2002.
56. История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. М., 2004.
57. *Капчинский О.И.* Госбезопасность изнутри: Национальный и социальный состав. М., 2005.
58. *Капчинский О.И.* Национальный состав центрального аппарата ОГПУ в 1920-е годы // Исторические чтения на Лубянке. М., 1999. // <http://www.fsb.ru/history/read/1999/kapchinsky.html>
59. *Кирилина А.* Неизвестный Киров. СПб., 2001.
60. *Кожин В.* Россия, век XX (1900—1939). М., 1999.
61. *Колдушко А.* Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936—1938 гг. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
62. *Колтакиди А., Прудникова Е.* Двойной заговор. М., 2000.
63. *Колтакиди А., Прохоров Д.* Внешняя разведка России. М., 2001.
64. *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия. Вопросы истории. 1993, № 7.

65. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. М., 2003.
66. *Лубянка.* Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922—декабрь 1936. М., 2004.
67. *Лубянка.* Сталин и Главное Управление Государственной Безопасности НКВД. 1937—1938. М., 2004.
68. *Молодков В.Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004.
69. *Меньковский В.И.* Власть и советское общество в 1930-е годы: англо-американская историография проблемы. Мн.: БГУ. 2001.
70. *Мильбах В.С.* Особая Краснознаменная Дальневосточная армия. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937—1938 гг. СПб., 2007.
71. *Минаков С.Т.* Военная элита 20—30 гг. XX века. М., 2004.
72. *Мозохин О.* ВЧК—ОГПУ На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. М., 2004.
73. *Наумов Л.А.* Борьба в руководстве НКВД. 1936—1938 гг. М., 2006.
74. *Наумов Л.А.* Сталин и НКВД. М., 2007.
75. *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. М. — СПб., 2003.
76. *Нікольський В.* Статистика політичних репресій 1937 г. в Української РСР // Сайт СБУ:
<http://www.sbu.gov.ua/sbu/doc-catalog/document?id=42126>
77. *Островский А.В.* Кто стоял за спиной Сталина. М., 2002.
78. *Охотин Н.В., Рогинский А.Б.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937—1938 гг. // Наказанный народ. М., 1999.
79. *Павлова И.В.* 1937: выборы как мистификация, террор как реальность. // Вопросы истории. 2003. № 10.
80. *Павлова И.В.* Показательные процессы в российской глубинке в 1937 г.
81. *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2001.
82. *Павлюков А.* Ежов. М., 2007.
83. *Петров Н.В.* ГУЛАГ. М., 2006.
84. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД в 1934—1941. М., 1999.
85. *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД в 1937—1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.
86. *Петров Н., Яцен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008.
87. *Плеханов А.М.* ВЧК—ОГПУ в годы новой экономической политики 1921—1928 гг. М., 2006.

88. *Подкур Р.* По сообщениям советских спецслужб. Киев, 2000.
89. *Полянский А.* Ежов. История «железного» наркома. М., 2003.
90. *Пятницкий В.* Заговор против Сталина. М., 1998.
91. *Роговин В. М.* Партия расстрелянных. М., 1997.
92. *Роговин В. М.* 1937 год. М., 1996.
93. *Степанов А.* Проведение «кулацкой» операции в Татарии // В кн. *М. Юнге, Р. Виннер: Как террор стал большим.* М., 2003.
94. *Соколов Б.* Берия. Судьба всеильного наркома. М., 2001.
95. *Соколов Б.* Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала». Смоленск, 1999.
96. *Соколов Б.* Наркомы страха. М., 2001.
97. *Судоплатов А.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. М., 1998.
98. *Сухомлинов А.* Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2003.
99. *Троцкий Л. Д.* Преданная революция.
100. *Троцкий Л. Д.* Иосиф Сталин.
101. *Тумшиц М.* ВЧК. Война кланов. М., 2004.
102. *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М. 2007.
103. *Фицпатрик Ш.* Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. — М.: РГГУ, 1996.
104. *Хлевнюк О.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М., 1996.
105. *Черушев Н. С.* Невинных не бывает... Чекисты против военных (1918—1953). М. 2004.
106. *Шишов А. В.* Россия и Япония. История военных конфликтов М., 2001.
107. *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.
108. *Шкаровский М. В.* Судьбы иосифлянских пастырей. М., 2007.
109. *Юнге М., Виннер Р.* Как террор стал «Большим». М., 2003.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О ЧЕМ СПОРЯТ ИСТОРИКИ (Вместо вступления)	5
<i>Глава 1</i>	
ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ЦИФРАМИ	57
«Москва-Центр»	71
Москва и Московская область	76
«Большая чистка»	76
«Большой террор» в Московской области	78
Дальневосточный край	80
«Большая чистка»	80
«Большой террор» на Дальнем Востоке	80
Куйбышевская область	82
«Большая чистка»	82
«Большой террор» в Куйбышевской области	83
Репрессии в Орджоникидзевском крае	84
Репрессии в Горьковской области	85
«Большой террор» в Горьковской области	86
Репрессии в Смоленской области	87
Массовые операции в Смоленской области	87
Репрессии в Карелии	88
Ярославская область	90

Иркутская область	91
Архангельская область	93
Башкирия	94
Калининская область	95
Подведем первые итоги	96

Глава 2

БЫЛ ЛИ КОНТРОЛЬ ЗА НКВД	100
Судьбы почетных чекистов	100
Июль 1937 года	113
Август — декабрь 1937 года	131
Подведем итоги 1937 года	138
Январь — апрель 1938 года	140
Май — август 1938 года	150
Замысел кулацкой операции	155
Отступление 1: Попытка уничтожить Церковь	169

Глава 3

«ТЕНЬ! ЗНАЙ СВОЕ МЕСТО!»	177
Рост влияния руководства НКВД	182
«Северокавказцы» и «кавказцы»	188
Школа Евдокимова	196
«Северокавказцы» в 1936—1938 гг.	205
Что пытался найти Берия	218

Глава 4

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (ОСОБЫЕ ПОРУЧЕНИЯ)	236
Отступление 2: Что не должен был рассказать Слуцкий	236

Отступление 3: «Особые поручения» на Тихом океане	263
«СЛОВО и ДЕЛО». (Вместо заключения)	287
Приложения	297

Леонид Наумов
«КРОВАВЫЙ КАРЛИК» ПРОТИВ ВОЖДЯ НАРОДОВ
Заговор Ежова

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *Н. Хаустова*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 15.01.2009.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 4000 экз.
Зак. № 5594.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vpzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kancs@eksmo-sale.ru, сайт: www.kancs-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ЛЕОНИД НАУМОВ

В 1937–1938 гг. советская пресса славила его как «сталинского наркома», «почетного чекиста» и «чудесного, несгибаемого большевика».

Год спустя он был казнен как заговорщик и враг народа.

В народной памяти Генеральный комиссар государственной безопасности Николай Ежов остался «кровавым карликом», палачом и извращенцем.

Но в чем была подлинная причина его расстрела и разгрома «ежовщины»? Зачем Сталину понадобилось второй раз за два года чистить «органы»? Существовал ли в недрах НКВД реальный антисталинский заговор? И почему при Ежове в различных регионах СССР репрессии проводились с разной степенью интенсивности – руководители одних областей ограничивались выполнением приказов Сталина, а в других проявляли «инициативу», увеличивая количество репрессированных в 10 и больше раз? Был ли Ежов покорным проводником воли Вождя – или попытался начать собственную игру в борьбе за власть?

Новая книга ведущего исследователя эпохи «Большого террора» проливает свет на все эти вопросы, разгадывая одну из главных тайн советской истории.

ISBN 978-5-699-29976-8

9 785699 299768 >

ЭКСМО

ЯУЗА